

Г.С. Абрамова

Психология

ТОЛЬКО для студентов

**Учебное пособие
для вузов**

**Per
Se**

**Москва,
2001**

УДК 159.9
ББК 88
А 16

Абрамова Г.С. Психология только для студентов: Учебное пособие для вузов. — М.: ПЕР СЭ, 2001. — 271 с. (Современное образование)

ISBN 5-9292-0016-5

Читателю предлагается новая книга известного психолога, профессора Г.С. Абрамовой. Главную задачу автор видит в том, чтобы показать студентам существование обобщенного знания о людях и о них самих, наметить пути и способы использования этого знания в организации собственной жизни, в решении сложных жизненных задач.

В книге использованы данные тестовых исследований, материалы психологического консультирования, дневниковые записи и наблюдения за молодыми людьми в ситуациях обучения психологии, материалы бытового и профессионального общения автора с различными категориями людей.

Для студентов и преподавателей, а также всех, интересующихся психологией.

ISBN 5-9292-0016-5

© Абрамова Г.С., 2001
© «ПЕР СЭ», оригинал-макет,
оформление, 2001

*Времена не выбирают,
В них живут и умирают...*
А. Кушнер

Предисловие

написано для тех, кто проявит интерес к этому тексту

Суть предисловия — пояснить задачи автора и дать возможность читателю решить для себя вопрос о целесообразности чтения книги в целом.

Мысль о необходимости написания такой книги возникла при работе со студентами много лет назад, когда я только начинала преподавать психологию. Ситуацию экзамена, при которой мною были осознаны и сформулированы задачи как задание мне самой на всю мою профессиональную жизнь, я помню до последней детали. Это был рядный летний день, когда все в природе и в людях наполнено той силой жизни, которая не ощущается до тех пор, пока не будет потеряна. Передо мной в аудитории, наполненной этим летним, неповторимым светом, сидела девушка — красивая, как этот день. Неестественными и чуждыми и ей самой, и всему дню были слова, которые она пыталась произносить, характеризуя мышление человека, как это предполагал экзаменационный билет. Я ничего не сказала ей — не успела этого сделать. Она посмотрела мне в глаза и взмолилась (именно взмолилась):

— Не спрашивайте меня ничего о том, что я понимаю... Я здесь ничего не понимаю. Когда я начинала читать психологию, я думала, что это и обо мне, а тут ничего нет... Я все определения знаю. Спросите, я выучила.

Девушка училась заочно, значит, практически самостоятельно. Наша встреча с ней была первой и последней. Я не была ее преподавателем, я была для нее только экзаменатором (такое бывает в практике высшей школы). Но! Именно благодаря этой встрече смыслом всей моей преподавательской работы стало сообщение людям знания о них самих. Как у меня это получалось и получается, судят они сами. У читателя будет возможность это сделать, если он прочтет текст.

Главную мою задачу я сформулирую так: показать студентам существование обобщенного знания о людях и о них самих, наметить пути и способы использования этого знания в организации ими собственной жизни. Помня слова девушки во время того, теперь уже очень далекого экзамена, я хотела бы, чтобы каждый читатель нашел в тексте то, что было бы о нем. Ценность и необходимость информации каждый расценит по-своему. Однако есть то, что заставляет прикладывать силы, тратить время и писать этот текст. Сегодня — это тот жизнен-

ный и профессиональный опыт, который разделяет людей на поколения и обостряет чувство заботы о будущем, вашем, мои читатели, и моего сына, как людей другого — нового поколения. А нас — мое поколение — уже будут называть иначе...

В мире много вечного — есть даже вечные проблемы. В мире много преходящего — это жизнь каждого из нас. О ней и будем говорить языком науки, которая называется психологией.

Я написала текст только для студентов, чтобы

— наука не была для них набором правил и определений, а стала тем живым текстом, который порождает другие тексты, т.е. вызывает отношение;

— молодые люди не считали отчужденным от их жизни то научное знание, которым владеет психология;

— знание о себе и о других людях наполнило их жизнь новыми красками и оттенками чувств, которые взрослые люди называют еще жизненным богатством, помогающим решать сложнейшие жизненные задачи.

Чего не хотелось бы для моих читателей? Скуки, пустоты, иллюзий силы и опустошающего бессилия при неудаче.

Чего хотелось бы? Жизненного интереса, той неутолимой жажды жизни, которая способна преобразить и душу, и тело человека...

Жизненный интерес, как думается, не задается человеку другими людьми, а создается самим человеком, когда он...

Вот об этом, «когда он...» и пойдет речь в тексте, который перед вами. В нем использованы дневниковые записи молодых людей, с которыми мне приходилось встречаться во время профессиональной работы. Публикуются они с согласия их авторов. В тексте использованы также данные тестовых исследований, материалы психологического консультирования, наблюдения за молодыми людьми в ситуациях обучения психологии, материалы бытового и профессионального общения с разными людьми, размышления о судьбе молодого поколения и о своей собственной в наше время, в нашей стране, в странах, которые сегодня называют постсоветским пространством. Это — Россия или Беларусь, Казахстан или Армения...

Хотела бы поблагодарить всех людей, чьи откровенные разговоры и доверие к психологическому знанию сделали возможным существование этой работы. Особую благодарность выражаю студентам Брестского государственного университета (Беларусь), тем из них, кто хотел и умел задавать вопросы, и тем из них, кто не умел этого делать, но стремился научиться. Бесконечная благодарность моей семье — моим родителям за их жизнелюбие и доброту к людям, умение ценить каждое мгновение жизни. Спасибо сыну за его участие в моей жизни и мужу за любовь и понимание.

*Апрель — июнь 2000
Беларусь — Дания*

Что такое психология

— *Есть такие вопросы, на которые нельзя ответить?*

— *Есть.*

— *Тогда я тебе сейчас такой задам...*

(Из разговора ребенка с мамой
в московском автобусе.)

Психология — это научная дисциплина, которая представляет собой рефлекслируемый автором способ изложения основных научных понятий, позволяющих объяснить психические явления в его собственной жизни и в жизни читателя. Психология будет рассматриваться нами как учебная дисциплина. Это значит, что автором определены его позиция, его точка зрения по отношению к тому материалу, которым он будет пользоваться.

Современная психология существует как наука в виде научных текстов, непосредственного профессионального общения людей, работающих в науке, в виде научных институциональных учреждений (институтов, лабораторий, центров и т.п.) и представляет собой систему знаний о психической реальности как особом предмете исследования. Можно сказать, что психология как наука позволяет выделить, зафиксировать и исследовать специфические качества своего предмета, их отличие от качеств других предметов. При этом фиксируются не только предмет исследования, но и средства и способы, которыми осуществляется воздействие на него с целью получения информации как об отдельных качествах, так и обо всем предмете в целом.

Вся информация (о качествах психической реальности, о средствах и способах воздействия на нее с целью изучения этих качеств) существует в виде научных понятий. Научные понятия — это форма обобщения той информации, которую человек получил, воздействуя на предмет науки с целью выделения его качеств. В психологии, как и в любой другой науке, существуют специальные термины, которые отражают процесс обобщения именно свойств психической реальности, а не какой-либо другой. Именно по этой научной терминологии, можно определить, что текст является научно-психологическим, а не художественным или, например, медицинским. В приведенной ниже цитате можно встретить такие термины: «Состояние Я Взрослого имеет дело с объективной реальностью. Взрослый не зависит от возраста, но на него влияют образование и жизненный опыт личности. Когда активизируется состояние Взрослого, человек может собирать

и перерабатывать информацию, предсказывать возможные последствия различных действий и принимать сознательные решения. Но даже когда решение принято Взрослым, оно не обязательно будет точным, если ему не хватает информации. Однако использование Взрослого может помочь сократить число поступков, в которых он раскаивается, и увеличить вероятность успеха» (9, с. 277).

Думаю, что вы сами в состоянии выделить в этом тексте термины, а мне остается только пояснить их необходимость в любой науке. Термин позволяет зафиксировать особый способ познания предмета — научный, т.е. осознанный человеком как поиск существенных закономерностей в интересующем его предмете. Человек, занимаясь наукой, все время держит в поле своего внимания вопрос о том, что же является главным, закономерным в существовании предмета, который он пытается понять, пытается предсказать на основе этого понимания жизнь предмета и построить свое отношение к нему. Эту работу по удержанию в поле внимания всего предмета изучения позволяет осуществить методология (попытайтесь не пропустить это слово). Методология — это правила, которые надо соблюдать, чтобы предмет познания не потерялся, чтобы он был целостным для самого исследователя и тот мог представить его другим людям. С этой целью и создается методология, т.е. правила, которые соблюдаются всеми, кто имеет отношение к одному и тому же предмету.

Что это за правила? Когда-то юный Рене Декарт сформулировал их как правила для руководства ума. По сути они остались такими же и сегодня — правила для руководства ума человека, который занимается наукой, т.е. стремится познать истину, получить информацию, позволяющую ориентироваться в свойствах целостного предмета, каким может быть и реально является психическая реальность. (Считается, что эта работа была написана примерно в 1619 г.) (8).

К числу методологических правил относятся следующие (я не буду описывать их все, так как эту информацию можно найти в любом учебнике психологии, а приведу только некоторые, используя текст Рене Декарта):

«Правило 3. В предметах нашего исследования надлежит отыскивать не то, что о них думают другие или что мы предполагаем о них сами, но то, что мы ясно и очевидно можем усмотреть или надежно дедуцировать, ибо знание не может быть достигнуто иначе...

Правило 4. Метод необходим для отыскания истины...

...Правило 6. Для того чтобы отделять наиболее простые вещи от трудных и поддерживать при этом порядка, необходимо во всяком ряде вещей, в котором мы непосредственно выводим какие-либо истины из других истин, следить, какие из них являются самыми простыми и как отстоят от них другие: дальше, ближе или одинаково...

Правило 7. Для того чтобы сделать ум пронизательным, необхо-

димо упражнять его в исследовании вещей, уже найденных другими, и методически изучать все, даже самые незначительные искусства, но в особенности те, которые объясняют и предполагают порядок...

...Правило 12. Наконец, нужно использовать все вспомогательные средства интеллекта, воображения, чувств и памяти как для отчетливой интуиции простых положений и для верного сравнения искомого с известным, чтобы таким путем открыть его, так еще и для того, чтобы находить те положения, которые должны быть сравниваемы между собой; словом, не нужно пренебрегать ни одним из средств, находящихся в распоряжении человека...»

Следование методологическим правилам (они могут быть и другими, не обязательно рациональными, обоснование и выбор их являются делом самого исследователя) позволяет определить предмет науки как предмет познания. В психологии есть множество точек зрения на этот счет, но для построения данного текста как изложения научной дисциплины мною была выбрана соответствующая позиция, которая позволяет зафиксировать в качестве предмета науки психологии изучение свойств психического как особой реальности. Для этого надо увидеть и зафиксировать ее существование, выявить специфические свойства и исследовать их закономерности, позволяющие предвидеть появление других свойств и изменение психической реальности как особого целостного предмета. Как это сделать? Ответ на этот вопрос связан с проблемой методов исследования, которые являются неотъемлемым свойством науки. В психологии, как и в любой другой науке, есть методы наблюдения и эксперимента, каждый из которых имеет свои разновидности, определяемые спецификой качеств психической реальности, на которые воздействуют с их помощью.

Существенное, можно сказать, принципиальное отличие метода наблюдения от метода эксперимента состоит в том, что эксперимент предполагает организованное и контролируемое воздействие на исследуемое качество психической реальности, тогда как наблюдение это категорически запрещает и ориентирует исследователя на пассивное присутствие в жизни изучаемого свойства психической реальности.

Итак, методы отличаются мерой воздействия на изучаемые качества психической реальности, тогда как методология обеспечивает обоснование воздействия, выбор качеств психической реальности, на которые будет оказываться воздействие (или такового не будет при осуществлении наблюдения). Воздействие осуществляется с помощью методики, которую можно понимать как инструмент для воздействия с определенной целью. Как и любой инструмент, методика психологического исследования снабжается инструкцией: где, как, когда и почему она может быть применима.

Результаты научных исследований, полученные с помощью разных методов и методик, оформляются научными терминами в виде понятий. Понятия — это формы обобщения тех закономерностей,

которые были выявлены исследователями. Например, понятие защитных механизмов личности, понятие Я, понятие понятия, понятие мышления и т.п. как научные понятия по своему содержанию являются обобщением и способом получения обобщения, которые были реализованы в науке в момент создания этих понятий. Понятия всегда существуют в системе, т.е. объединяются, так как они могут освещать одни и те же качества психической реальности, но обобщенные по разным признакам. Например, неуверенность человека может быть описана в понятии самооценки или в понятии тревожности, в понятии типа темперамента или в понятии защитных механизмов личности. Возможность использовать то или иное понятие как форму представления о качестве психической реальности определяется уровнем владения человеком содержанием того обобщения, которое есть в этом понятии. Если вы не понимаете, что такое тревожность, то лучше не использовать это понятие, о неуверенности человека можно мыслить и другими понятиями.

Понятия как форма мышления, как система обобщенного знания дают возможность существовать теориям — способам построения целостного представления о строении и закономерностях психической реальности, которые позволяют удерживать ее как целостный предмет и определять ее место среди других предметов. Теории имеют своей целью объяснение, интерпретацию закономерностей существования целостного предмета. Они всегда существуют как идеи, как идеальный объект, который можно использовать для обоснования воздействия на целостный предмет или его свойства. В психологических текстах это можно встретить всегда как прямое указание на ту или иную теорию, которая используется автором текста для обоснования своего воздействия. Так, М. Джеймс и Д. Джонгвард (9), цитата из книги которых приведена выше, прямо указывают на то, что они используют в своей работе транзакционный анализ Эрика Берна и гештальттерапию в интерпретации Ф.Перлза.

Транзакционный анализ — это одно из направлений современного психоанализа, который, в свою очередь, тоже является только одной из теорий современной психологии. Психоанализ предполагает разделение целостной психической реальности на ее составляющие и исследование каждой из них и их взаимосвязи как проявление закономерностей в целостном предмете. Принцип же выделения единиц анализа может быть разным, что и порождает разные варианты психоанализа. Транзакционный анализ был создан на основе классического. Те, кого это серьезно интересует, могут обратиться к работам Э.Берна и З.Фрейда.

Психология как научная дисциплина выстраивается как система понятий, отражающая, по мнению преподавателя этой дисциплины, целостность предмета науки. Обратите внимание на слова «по мне-

нию преподавателя». Это и есть тот рефлекслируемый, т.е. осознанный, понимаемый, контролируемый самим преподавателем и любым наблюдателем, способ построения целостного предмета — психической реальности. Реализуется этот способ в выборе системы понятий, в преэсвенности этих понятий, в их организации в пространстве и времени тех текстов, которые будут строиться преподавателем в ходе изложения дисциплины.

Смысл изложения научной дисциплины — психологии, по моему мнению, состоит в том, чтобы объяснить психические явления своей жизни и жизни тех людей, которым преподается дисциплина. Без объяснения с помощью преподаваемой дисциплины своей собственной психической жизни нет смысла заниматься этим в отношении жизни других людей. Преподавать то, чему сам не доверяешь, что сам не можешь использовать по назначению, по крайней мере нечестно, хотя думаю, что с моим мнением можно и поспорить.

Возникает и другой вопрос: какие явления психической жизни других людей, тех, которым будет преподаваться научная дисциплина, требуют объяснения. Не складывается ли при этом ситуация, когда под бременем информации о себе человек не сможет ею воспользоваться, или наоборот, лихо взявшись за дело при дефиците информации навредит и себе, и другим... Как определить целесообразность научной дисциплины? Это вопрос и к себе, и к вам, мои читатели. Он мог бы быть предельно простым: каких знаний о себе и других людях вам не хватает? Я его задавала много раз в студенческих аудиториях в разные годы своей преподавательской деятельности, и как отражение ответов на этот мой вопрос к вам появились главы этой книги.

По сути дела все изложенное дальше отражает мою аксиологическую позицию как преподавателя, т.е. мою систему ценностей, которая была реализована в выборе содержания, в обосновании его необходимости для студентов как потенциальных читателей, в моем понимании студенчества как особой категории молодых людей, ориентированной на содержание собственного мышления о собственной жизни среди людей.

Почему психология может быть чьей-то

Я — мамин, папин и еще... ма пин
(Из рассуждений трехлетнего малыша.)

Современные работы по психологии дают возможность обсуждать вопрос, вынесенный в название этой главы, любому человеку, даже беглым взглядом окинувшему прилавок книжного магазина. На обложках книг по психологии можно прочитать: «Психология лжи», «Психология менеджера», «Психология рекламы», «Психология воспитания подростков», «Психология ранней юности», «Геронтопсихология», «Психология мошенничества» и т.п. Дело не только в необходимости найти броское название, которое привлекло бы читателя, но и в том, что сама психология как сфера человеческого знания не представляет собой единой научной дисциплины. Сегодня можно говорить о существовании множества психологий (их еще называют отраслями) в русле единой науки. Если следовать той логике, которая формально выражается в возможности создания множества психологий, то вполне очевидна и закономерна возможность создания отрасли психологии, которую можно было бы назвать собственным именем, например, психология Саши или психология Алены (фамилию и имя можно поставить любые). Возможно ли, необходимо ли это, кто, как и когда это решает? Попробуем в этом разобраться, проанализировав жизнь научного знания, науки, психологии как одной из наук.

Двадцатый век всей своей историей показал, что роль человека — одного человека — может быть очень велика в жизни миллионов людей. Существование тоталитарных режимов, где все подчинено воле одного человека, где все решения относительно жизни человека принимаются без его непосредственного участия, где от воли и усилий человека минимально зависит качество его жизни, доказывают существование механизмов воздействия на него, которые делают его управляемым, т.е. предсказуемым, прогнозируемым другим человеком с большой точностью. Самое удивительное, на мой взгляд, состоит в том, что возникновение этих страшных своими последствиями тоталитарных режимов было предсказано задолго до их появления многими психологами и философами — людьми, которые получали научное знание о человеке. Они остались не услышанными своими

современниками. Сегодня мы, люди жившие в государствах с тоталитарными режимами и пережившие их, можем только поражаться точности научного прогноза В.Райха, К.Юнга, Ортега-и-Гассета, А.Маслоу, В.Бехтерева, В.Соловьева, Д.Андреева и многих других.

Можем поражаться точности прогноза, и еще и еще раз задаваться вопросом, что такое научное знание о человеке, кто, как и почему его получает и использует. Естественно, возникает вопрос и об отношении этого знания к нашей собственной жизни, о его применимости в ней, о его необходимости. Ведь можно же найти аналогию, например, с научным знанием об астрономии. Мы все знаем, что вечером на небе можно найти звезды, что лучше это делать в безоблачную ночь. Однако нас совершенно может не интересовать формула вычисления орбиты движения планеты, которой мы только что любовались. Не зная этой формулы, мы не чувствуем себя обделенными красотой звездного неба, это не мешает нам радоваться и восхищаться его вечностью. Формула — это научное знание, а красота... Красота — это наше впечатление. Можно сказать: «Я чувствую красоту», «Я вижу красоту». Видение это может быть разнообразным, что отличает его от постоянства формулы. Видение, идущее от «Я», позволяет человеку смотреть так, как увидел девушку, например, Ю.Олеша, выразив свое впечатление от встречи с ней: «Она прошумела мимо как ветка, полная цветов и листьев». В этом образе нет того, что было бы научным знанием, нет той узнаваемости и точности, воспроизводимости и завершенности, которые позволили бы любому человеку узнать эту ветку среди множества других. Тем не менее эта девушка-ветка — существует (существовала) не только в воображении писателя. Читателю остается только предполагать, какой она была на самом деле, какой она была в действительности, если хотите, то какой она была настоящей, реальной... Вот в этих вопросах мы и встретились с существованием того факта, что может быть несколько видов знания о человеке. Одни из них, как я уже сказала, можно считать настоящими, другие — это личные, индивидуальные знания, даже, можно сказать, воображаемые, придуманные. Какие из них могут влиять на жизнь человека?

Приведу только один пример, чтобы читатель сам принял решение о возможности влияния разного знания на индивидуальную жизнь человека. Скажем, знание о том, что нация, к которой вы принадлежите, — избранная, лучшая, может влиять на вашу жизнь? Может, да еще как. Если надо убить представителя другой нации, вы сделаете это без особых раздумий, ведь вы служите своей великой нации. Вся жизнь человека может изменить его знание о том, что любимый человек не разделяет его чувства. Трагедия неразделенной любви — одно из самых тяжелых испытаний на знание о другом человеке, на ваше знание о другом человеке... Истинное ли оно, правда ли это, как можно проверить, надо ли проверять, если так тяжело это знание, которое выражается предельно просто словами: «Я его люблю, а он меня не любит».

Все это — знание о людях, знание о человеке, которое может влиять (влияет) на жизнь, если хотите, на судьбу человека и народов.

Где начинается научное знание? Для человека, который живет ежедневной, будничной жизнью (его еще называют обывателем), встреча с наукой, с научным знанием происходит в форме научных текстов или в форме продуктов, созданных с помощью научного знания. Из текстов, если они будут прочитаны и поняты, человек получает новые способы мышления о предмете науки. Пользуясь продуктами, созданными на основе научного знания, например, медицинскими препаратами, машинами, строительными материалами, бытовой химией и т.п., человек получает новые возможности для действия. Когда человек получает знание о другом человеке, о людях, о себе как о человеке, он может приобрести и новое качество мышления о людях, и новые возможности взаимодействия с людьми и с собой как с человеком. Это оптимистическая позиция, в которой отражается, задается априори необходимость научного знания, как и вообще знания. На деле все обстоит несколько иначе. Достаточно, думаю, вспомнить далеко не оптимистическое отношение к знанию, выраженное в пословице «Много будешь знать, скоро состаришься». Хотя для полноты картины можно привести и противоположное мнение, выраженное уже другой пословицей: «Красна птица перьем, а человек ученьем». Дальше у читателей есть возможность самим определить свое мнение по поводу излагаемой позиции. Вместе с тем очень хотелось бы, чтобы он не остался равнодушным к самой проблеме — месту научного психологического знания в картине мира современного человека.

Попытаюсь ответить на вопрос, что такое наука с разных точек зрения, одна из которых может быть выражена словами А. Маслоу (18) в отношении того, что «...наш внешний мир зачастую изоморфен нашему внутреннему миру, что «внешние» проблемы, которые мы пытаемся решить «научным путем», зачастую являются также нашими внутренними проблемами и что наше решение этих проблем является, в принципе, самотерапией в широком смысле этого слова». Думаю, что надо напомнить и себе, и читателям, что самотерапия — это помощь самому себе, когда у человека что-то болит, что-то не так. Самотерапия начинается с переживания боли, ощущения неудобства, дискомфорта, от которого хочется избавиться своими силами, чтобы приобрести чувство спокойствия, уверенности, комфорта, и, как следствие, поверить в свои возможности избавления себя от боли. Наука — это один из путей, который позволяет человеку заниматься самотерапией, гордиться своим разумом и верить в свои возможности познания.

Я считаю, что сегодня важным является вопрос об актуальности научного знания, так как мы являемся свидетелями не только торжества науки, но и ее поражения. Достаточно в этом смысле сопоставить такие факты, которые в историческом времени практически

слиты в одно мгновение: катастрофа на Чернобыльской АЭС, удачные эксперименты по клонированию, победа компьютера над чемпионом мира по шахматам. Эти результаты известны всем, последствия можно только предсказывать. Ученые, которые всегда были странностями, теперь воспринимаются и как опасные люди. Падение престижа науки в целом отмечается всеми, кто следит за ее жизнью. Это фон сегодняшнего дня, на котором хотелось бы попытаться ответить на вопрос, что такое наука, а значит, и что такое психология как наука.

Я попытаюсь осветить этот вопрос с разных точек зрения, представив читателю возможность рассмотреть их и сформулировать свою собственную. Итак, начнем с точки зрения того человека, которого я выше назвала обывателем. Это будет *первая точка зрения, думаю, что ее можно назвать массовой*.

Обыватель представляет науку как нечто очень далекое от его жизни, трудно доступное (достаточно взглянуть на иной научный текст, в котором можно просто не узнать родного языка из-за обилия специальной терминологии), имеющее одновременно смысл важности и случайности в его собственной жизни. Обыватель использует научное знание в виде идей, транслируемых средствами массовой информации, в виде предметов быта. Реже он сам становится объектом научного исследования. Использование данных науки в виде предметов для обывателя всегда связано с известной долей риска (достаточно вспомнить о существовании радиоактивного заражения), часто очень большой. Новые лекарства и продукты питания, увеличивающиеся скорости транспорта, новые виды энергии, изменение темпа и ритма жизни человека — все это конкретные результаты науки, которые вносят в жизнь человека неопределенность, являются факторами риска и источниками стресса.

Наука своим существованием с этой точки зрения добавляет в жизнь вместе с новыми возможностями и новые опасности. Тогда что такое наука? Если стремиться к комфортной и безопасной жизни, то это — источник неопределенности, а значит, страха. Если стремиться к жизни, наполненной поиском и преодолением, то наука — это источник новых жизненных путей, тогда она интересна, хотя и небезопасна, к ней надо относиться осмотрительно. Это, кстати, и делается через законодательное регулирование направлений научных исследований и областей их применения.

С этих позиций может быть оценено и психологическое научное знание. В нем может быть усмотрена опасность как знания, чрезмерно обнажающего внутренний мир человека, или намеренно снижена его ценность как безличного, всеобщего знания, не имеющего конкретного применения и воплощения. В суждении (осуждении) типа: «это все психология» может звучать и завуалированный страх перед сложностью, и неприкрытое опасение быть разоблаченным публично. Психология как наука тогда воспринимается в качестве занятия,

которое должно приносить пользу (больше всего именно тому человеку, который высказывает о ней свое обывательски оценочное суждение).

Вторая точка зрения на науку и научное знание потенциально и реально принадлежит потребителям научного знания. Люди становятся таковыми в силу их профессиональной деятельности или при реализации идей, связанных с их хобби. С их точки зрения наука является занятием полезным, а научное знание — ценным, если это измеримо: стало лучше (быстрее), качественнее, надежнее и т.п. Пользователь научного знания подходит к нему с критериями времени. Ведь любое изменение как совершенствование (чего угодно) можно оценить только по отношению к уже существующему, т.е. сопоставить прошлое и настоящее свойство. При этом настоящее как новое и должно быть оценено как более совершенное. Другими словами, пользователь научного знания ждет от него прогресса и потенциально предполагает, что прогресс неизбежен. Доверие пользователя научного знания к нему основано на идее прогресса, на вере в прогресс, в конечном счете — на возможности оценивать современное как прогрессивное, лучшее, совершенное по отношению к прошлому, которое еще может быть и не исчезло совсем, а присутствует в виде материальных предметов культуры или просто в лице пожилых людей.

Психологическое знание, психология как наука с этой точки зрения воспринимаются как путь поиска и находок ключей к человеческому счастью. Именно этого ждут от научного знания, в этом направлении рождаются сомнения в его ценности и целесообразности. Такая позиция вызывает у людей раздражение, когда вместо рецепта счастья они находят в психологической информации предложение думать, а не делать, понимать, а не оценивать, слушать, а не воздействовать...

Третья точка зрения на науку и научное знание принадлежит тем людям, которые должны (в силу разных причин) осваивать знание, нарабатанное в той или иной науке, а само знание и наука воспринимаются ими с позиции понимания. Наука становится объектом понимания. Я бы усилила это содержание, выразив мысль так: *для себя пониманием*.

Наука предстает перед понимающим ее человеком часто в виде очень сложных текстов (о чем я уже упоминала выше). Человеку, поставившему цель понимания, усвоения, присвоения, предстоит работа с этими текстами. Наука, пусть на время, превращается в книгу, в текст, во множество текстов, которые обладают своими неповторимыми свойствами. Какими?

Остановлюсь лишь на тех из них, которые, по моему мнению, существенно влияют на понимание, можно сказать, определяют его. В работах М.К.Мамардашвили есть важные с этой точки зрения слова: «...вся загадка нашей сознательной жизни состоит в том, что мы тексты читаем текстами и только текстами можем прочесть» (17; 399).

Любое произведение есть реальность — непрерывно складывающаяся или непрерывно порождающаяся, но именно непрерывная. В этом смысле текст есть акт, который все время длится. О нем нельзя сказать, что он завершен, закончен и приобретен нами. Об этом качестве текста М.К. Мамардашвили написано много и подробно.

Думаю, что для понимания текста науки важно еще одно его свойство — свойство, которое есть у любого написанного человеком произведения. О нем я также скажу словами М.К. Мамардашвили: «...в действительности автором произведения вовсе не является тот человек, которого мы наблюдаем со стороны в качестве биографического субъекта, — автором произведения является искомое «Я», которое само становится впервые посредством этого произведения» (17; 463). В этом смысле и у автора текста, и у его читателя есть равные возможности найти в этом тексте свое «Я» как то искомое, которое и является итогом понимания для себя — понимания науки.

Вот эти важнейшие особенности текста науки — его непрерывная реальность, «Я», становящиеся в процессе работы над текстом, — и создают проблемы понимания текста науки. Проблема индивидуального понимания текста приобретает педагогические, социальные, психологические, методические и другие оттенки. Без ее анализа довольно сложно оценить роль, смысл, цель научных текстов, необходимых (почему и для кого?) для изучения в тот или иной отрезок времени, связанный с организацией обучения наукам (науке). Другими словами, что читать и как читать, чтобы понять науку, — это не только вопрос сохранения личного времени и сил. Это еще и вопрос о преемственности знания, возможности трансляции его в системе индивидуального мышления людей. Это и вопрос о ценности знания, если хотите, истинности, воплощенности его в действия людей, в нашем случае — в действие понимания.

Понять — это значит пополниться силой, талантом, чувствами, опытом другого человека, создавшего текст, человека, который создавал себя в своем собственном труде и усилении по созданию текста. М.К. Мамардашвили пишет: «...если в вас есть что-то уникальное, которое мне нужно, я могу к нему прийти и им обогатиться только в пространстве вашего собственного роста — в пространстве, в котором вы сами не знаете, кто вы» (17, с. 475).

Встреча с научным текстом человека, стремящегося его понять, рождает особую тему — тему впечатления. Эта тема объединяет акты жизни и чтения книг. Впечатление — это такое восприятие (текста в том числе), когда человек с неизбежностью сам себе задает вопрос о собственном самоопределении, о самом себе, о своем месте в жизни, о том, что происходит на самом деле, что он сам чувствует и испытывает. Иными словами, впечатление входит в акт понимания, так как любой акт понимания строится как акт понимания другого — другого в себе. Человек встречается с многообразием (бесконечностью)

форм своего «Я», которые найдут свое воплощение в переживании впечатления как в обретении своего нового качества. Это означает, что нельзя просто взять и встать на место самого себя. Понять себя нужно так, как понимают другого. Одним из признаков понимания является невербальное самоприсутствие, которое не может быть дано никаким описанием. Оно есть полное личное присутствие в момент понимания. Его еще можно рассматривать как поглощенность текстом, описывать как полное сосредоточение на тексте, слияние с автором текста и т.п.

Упрощая ситуацию понимания научного текста, можно сказать, что она возможна, если налицо полное личное присутствие читающего текст. Оно предполагает такое пространство общения (с текстом в том числе), где, говоря словами М.К.Мамардашвили, «снят образ самодержавности и человек превратился в лаву возможностей, которая может принять любую форму... То есть предшествующим шагом к пониманию всегда является магматическое или лавоподобное растворение своего собственного эмпирического «Я», которое всегда ригидно, всегда полно перегородок, барьеров и т. д.» (17, с. 495). В этом смысле понимание является жизнью, так как жизнью называется индивидуальное нечто, способное устойчиво себя воспроизводить, при этом наращиваясь так, что само оно никогда не совпадает со своей окончательной формой, всегда являясь потенцией многих новых состояний.

Дорогие читатели! Прошу остановиться на мгновение и вернуться к тому, что вы только что прочитали. Вернуться для того, чтобы попробовать еще раз восстановить тот образ жизни, который возможен в процессе понимания. Понимание — это своего рода гарантия бесконечности жизни, возможность ее самотрансформации в любую форму при сохранении своей уникальности и целостности. Так и хочется сказать, что это гарантия вечности психической жизни, если она осуществляется как жизнь, т.е. в ней есть впечатление как основа понимания, в ней есть полнота самоприсутствия человека в каждом моменте его жизни.

Осуществляющееся понимание при полном личном присутствии человека и создает это важнейшее переживание — переживание потенциальных новых состояний, мыслей и других качеств индивидуальности. Можно было бы утверждать, что с точки зрения человека, который воспринимает науку в виде текстов, она является одним из возможных источников жизни его индивидуальности за счет того, что через текст есть возможность преодоления ограничений эмпирического «Я» человека. Другими словами, чтение научных текстов — это путь встречи человека с бесконечностью того процесса, который называют поиском истины. Она, как известно, не бывает окончательной и не может принадлежать чьему-то эмпирическому, т.е. бытовому, ежедневному «Я», какие бы спекуляции на этот счет не предпринимало это эмпирическое «Я» как воплощение индивидуальной научной мысли.

Освоить научный текст — не значит выучить, запомнить. Это значит понять и в понимании получить важнейшее переживание еще неосуществившейся, несделанной, потенциальной жизни — своей собственной жизни. В этом смысле чтение научных психологических текстов при полном личностном присутствии как читающего, так и пишущего текст — это тот самый путь к себе, о котором много говорят и который люди ищут в разных проявлениях жизни. Как я пыталась показать, изучение, понимание научных текстов — это один из путей.

В конечном итоге, студент или другой человек, изучающий науку в виде текстов, находит в этих текстах самого себя потенциального, если он обладает в момент чтения личным присутствием, т.е. не отчужден от самого себя, от своего «Я», идентифицирован с самим собой, переживает свою динамичность, потенциальность как пробивающуюся жизнь. В психологии как в системе текстов человек, читающий их, понимает то, к чему он готов в силу своего личностного присутствия в процессе чтения. Иными словами, он понимает то, что может понять, что готов понять и принять как свою потенциальность, как свою возможность быть другим — понявшим, т.е. изменившимся, выявившим свои иные качества, которые были ему неизвестны до момента понимания текста.

Четвертая позиция в понимании науки связана с точкой зрения людей, которые ее преподают. Это могут быть учителя и преподаватели, которые излагают научную дисциплину. Такому человеку надо точно знать, что он преподает — науку, научную дисциплину, учебный предмет или что-то другое, а может быть, все сразу. Сложность в понимании этой позиции состоит в том, что он кажется на первый взгляд избыточным. Разве не очевидно, что преподаватель излагает научную дисциплину, а его слушатели... Оказывается, что не очевидно, если попытаться классифицировать и определять научные дисциплины, устанавливать между ними связь и проводить различие. Как пишет Ст. Тулмин, «легко признать факт разделения интеллектуальной жизни и деятельности людей на отдельные дисциплины. Но гораздо труднее объяснить, в каких терминах следует понимать это подразделение. Как, например, нужно классифицировать и определять такие дисциплины? Вербальные определения здесь вряд ли помогут... Очевидно, профессиональные ученые и юристы имеют эффективные практические средства для того, чтобы решить, что именно относится к соответствующим дисциплинам, и для того, чтобы понимать их непрерывное существование во времени» (32, с. 452).

Прошу читателей обратить внимание в этой цитате на слова об имеющих «эффективных практических средствах», которые будут важны нам для анализа проблем научной дисциплины как учебного предмета.

Зададимся вопросом: когда интеллектуальная деятельность приобретает характер научной дисциплины, по каким показателям это можно определить? Мне близка позиция Ст. Тулмина, поэтому со ссылкой

на его работу, которая уже упоминалась, ответу на вопрос следующим образом: самым существенным показателем является последовательность теорий или «генеалогия проблем». Именно она позволяет охарактеризовать развитие науки. В этой генеалогии более поздние модели и понятия обязаны своему происхождению и законному существованию только потому, что они решили проблемы, для которых были недостаточны старые модели и понятия. Развитие предмета исследования научной дисциплины управляется этой основополагающей генеалогией проблем. Она далеко не безлична и возникает, как известно, только благодаря историческим связям (и установкам) ученых-профессионалов с миром природы, который они изучают. Проблемы обнаруживают свое существование там, где представления о мире противоречат либо природе, либо другому представлению, т.е. там, где современные идеи не достигают современных же интеллектуальных идеалов. Прошу обратить внимание читателей на факт существования таковых.

Интеллектуальные идеалы — это цели объяснения в науке. Ученые выделяют и стремятся понять интеллектуальные недостатки существующих представлений о мире, осознают разрыв между собственной способностью объяснять мир и целями собственного же объяснения, которые ориентируются на модели полного понимания, естественно, недостижимые в каждый момент познания. Как говорит Ст.Тулмин, научные проблемы — это идеальные объяснения плюс современные возможности.

Таким образом, научная дисциплина начинается с создания интеллектуального идеала, в свете которого определяются цели объяснения, анализируются специфические теории и понятия. Последние выдвигаются в надежде осуществить эти идеалы. Обобщается практический опыт, который можно объяснить в свете этого идеала. Научная дисциплина всегда включает в себя как ее понятия, так и людей, которые их создали, как ее предмет, так и те общие интеллектуальные цели, которые объединяют работающих в этой области людей. Опыт, накопленный людьми в отдельной области, приводит к тому, что они принимают определенные идеалы объяснения, которые обуславливают коллективные цели. Эти же идеалы сохраняют связность самой дисциплины, ограничивая гипотезы и критерии отбора фактов и суждений. Преимущество проблем дисциплины основывается на развитии ее собственных интеллектуальных идеалов и целей; они меняются значительно медленнее, чем понятия и теории, которые являются ее проходящими результатами. Интеллектуальные идеалы, характерные для научной дисциплины, связывают в ней в относительно цельное образование методы объяснения, понятия, теоретические проблемы и их эмпирические применения. История науки предполагает аналитическое уточнение интеллектуальных моделей и нарастающее осознание их эмпирической среды.

Другими словами, люди, работающие в науке, стремятся понимать

суть своей работы, выделять в ней то, что создано ими самими как результат их интеллектуальных усилий и сопоставлять его с теми реалиями жизни, которые еще называют практикой или эмпирией, эмпирической средой.

Основу современных суждений об изменении концепции науки составляет представление о том, что никакой единственный идеал объяснения или рационального оправдания не является универсальным и независимым от времени. Уточнение и выяснение идеалов и целей науки делает возможным появление новых интеллектуальных методов, процедур и структур. Эта деятельность обязательно должна учитываться при анализе применения понятий в коллективных интеллектуальных дисциплинах.

Человеку, преподающему научную дисциплину, необходимо соответствовать в своей деятельности тому идеалу объяснения, который существует в научной дисциплине. При этом он становится носителем этого идеала как для самого себя, так и для тех, кому он преподает научную дисциплину.

Хочется поделиться опытом переживания этой ситуации, когда, выступая в роли преподавателя, чувствуешь тот груз ответственности за свои слова и действия, которые должны соответствовать (профессия требует!) идеалу науки, содержание которой и есть преподаваемая тобой научная дисциплина. Публичность владения идеалом объяснения через освоение процедур объяснения будет проявляться в том, что человек понимает, как и когда следует их применять, а таким образом он понимает и ограниченность этих процедур. Процедуры и методы научной дисциплины составляют ее коллективный и образовательный аспекты. Именно они определяют тот набор понятий, который представляет собой коллективную трансляцию науки. Каждое единичное понятие науки не содержит в себе ее всю как научную дисциплину. Даже набор понятий в лучшем случае представляет собой приоритеты науки в каком-то историческом отрезке времени. Всегда есть возможность проследить, как изменяются способы, какие научные понятия входят в более широкую модель объяснительной деятельности людей. Для человека, неотчужденно преподающего научную дисциплину, наука представляется основанием для его собственного мышления и действия. Однако это основание не является застывшей системой аксиом, которая не может быть подвержена критике и изменению. Напротив, использование научных понятий как осмысленных связано с появлением новых осознанных проблем и возможностью ввести новые процедуры, позволяющие решить эти проблемы. Только в этом случае понятия приобретают смысл и служат человеческим целям в реальных практических ситуациях. Применение понятий связано с постепенным уточнением или усложнением их значения, и ценность процедур, которые стоят за ними, соединена с возможностью критики и изменения их.

Думаю, что все вышеизложенное дает основания утверждать, что наука является актом действия реализующего, проявляющего жизнь данного человека.

Об отчужденном преподавании научной дисциплины скажу буквально несколько слов. Как любая форма не-жизни такая форма активности ничего не порождает, а только воспроизводит пустые формы понятий и их системы, которые разрушают саму возможность появления и научных проблем, и необходимость идеальных объяснений, и необходимость осознания современных возможностей как исторической преемственности идеалов объяснений. Разрушают потому, что это свойство любых пустых форм: они сами не обладают потенциалом И, воспроизводясь, оттаивают возможность качественного изменения, сводя все к повторению. Однако с точки зрения человека, отчужденно воспроизводящего научную дисциплину, наука может восприниматься как свод законов, правил, фактов, процедур, которые не подлежат обсуждению. В этом смысле науке приписывается незыблемый авторитет, оспаривать который заранее нельзя, так как в этом нет смысла. При этом «авторитет» создается теми же пустыми формами типа «в науке принято», «каждая наука должна», «если это наука, то она...», «научное доказательство предполагает» и т. п. (Это один из способов манипулирования сознанием, который, кстати, широко применяют средства массовой информации).

Генеалогия проблем, создающая непрерывность науки и цельность научной дисциплины, исчезает при отчужденном преподавании научной дисциплины, так как понятиям науки в этом случае нет необходимости подтверждать свою собственную ценность, свое место в системе науки — оно уже задано и определено заранее.

Существует и *пятая* точка зрения, пятая позиция в понимании того, что такое наука. Это точка зрения человека, который в ней работает. С этой точки зрения наука предстает как... Многоточие здесь необходимо, так как в науке работает много разных людей, которых Б. Рассел (26) называл людьми науки и учеными. Современная наука — это вид профессиональной деятельности, где в каждой научной дисциплине существуют свои специальности.

Наука институционально организована. В ней существует дисциплинарный, организационный аспект, который способствует сохранению интеллектуально организованного продукта. Как во всякой институциональной организации, в науке есть фиксированные социальные роли. Самым важным, по-моему, для понимания вопроса о том, что такое наука для людей, работающих в ней, является уяснение того, что каждый человек отражает интеллектуальные коллективные интересы и стремления людей, которые трудятся в одной с ним научной дисциплине. Необходимо обсуждать вопрос о том, есть ли вообще эти коллективные интересы и стремления или они замещены другими мотивами и переживаниями. С этой точки зрения проблемы межличностных отношений в науке приоб-

ретают особый характер, что связано с законами существования любой группы. Это прежде всего воплощается в структурировании группы — определении ее подгрупп, лидера (лидеров) и ведомых, установлении внутрigrупповых правил и норм. Возникает и постоянно существует вопрос о предмете групповой деятельности, о целях и их соподчинении; о власти; о персоналиях — вопрос о том, кто может говорить и действовать от лица, от имени той или иной научной специальности или от лица науки в целом. При этом, что естественно с точки зрения законов существования группы, институциональный авторитет или власть и реальные авторитет и уважение могут быть воплощены в разных людях науки.

Институциональная иерархия должностей и возможностей проявления власти в науке существенным образом могут влиять на индивидуальные судьбы людей науки в том случае, если они не вписываются в существующую (или меняющуюся) иерархию институциональных структур. Например, решение о закрытии и открытии темы, финансировании, кадровой поддержке разработчика идей и т.п. могут существенно повлиять как на индивидуальную научную биографию ученого, так и на судьбу целой научной специальности (может ведь случиться так, что один человек и представляет новую научную специальность).

Думаю, что с точки зрения людей науки последняя выглядит весьма противоречиво, поэтому попробую описать несколько типов противоречий, ориентируясь на наличие в науке достаточно жестких институциональных структур и творческого характера ее как интеллектуального вида деятельности.

Первый тип: неизбежное противоречие в интерпретации институционального предмета науки и индивидуального предмета научной деятельности человека, входящего в научное сообщество.

Второй тип: противоречие в институциональном словаре науки и в индивидуальном научном словаре каждого человека науки.

Третий тип: противоречия между институциональной картиной мира, транслируемой и создаваемой наукой, и индивидуальной картиной мира каждого человека науки.

Четвертый тип: противоречия между отношением идей, транслируемых и создаваемых в науке, и верованиями людей, работающих в ней.

Пятый тип: противоречия между эмпирическими фактами индивидуальной жизни человека науки и законами, существующими в науке.

Естественно, я перечислила не все виды противоречий, которые могут существовать в науке. Однако уже само их наличие позволяет утверждать, что с точки зрения человека науки она может предстать в виде чрезвычайно сложного и чрезвычайно противоречивого образования, явно не обладающего самодостаточной ценностью, нуждающегося в подтверждении своего существования, за счет как структурирования через институциональные системы, так и внутриколлективного объединения людей.

Практически у любого человека науки есть выбор: какими способами преодолеть противоречия, существующие в науке, чтобы жить в ней, не разрушая ее и не разрушаясь самому. Этот вопрос относится к сфере социальной адаптации человека, его возможности жить и работать среди людей, соответствуя их нормам и правилам. Варианты его решения немногочисленны:

1. Быть как все, а это значит, потерять «Я».
2. Быть похожим на всех, оставаясь при этом собой.
3. Переделать (переделывать) всех, чтобы они были похожи на «Я».
4. Найти компромисс — быть со всеми, оставаясь собой.

Как все логические варианты, вышеизложенные также позволяют построить простую классификацию типов восприятия науки ее людьми как вариантов переживания ответственности за ее предмет. Это те переживания, которые отражают и процесс, и результат социализации человека науки. Вот они:

1. Я как все (я не отвечаю ни за что и ни за кого).
2. Я похож на всех, но это не значит, что я не понимаю относительно правил игры в науке (я не отвечаю, я только соответствую правилам).
3. Я отвечаю за себя, я всегда прав, альтернатив моему мнению нет (наука — это «Я»).
4. Я отвечаю за то, что я делаю в этих условиях (принятие и определение меры личной ответственности).

Мне думается, что в зависимости от меры ответственности за науку, которую принимает на себя человек науки, можно говорить о том, как он ее воспринимает. Варианты здесь многообразны, они отражают и степень тех усилий, которые человек затрачивает или готов затратить на осуществление своей деятельности как научной или деятельности в науке.

Отдельно хотелось бы сказать о тех людях, которых Б. Рассел называл, в отличие от людей науки, учеными. Они отличаются от людей науки тем, что для них наука не специальность, а сущность жизни. Предмет науки задан для них не институциональными установками и определениями, а поиском истины. Их наличие в науке — это доказательство того, что институциональное продвижение человека науки и его профессиональное развитие как представителя интеллектуальных видов деятельности могут не совпадать, в жизни это часто просто параллельные явления.

Ученым человек становится тогда, когда служение истине для него отражает то содержание познания, о котором писал С.Л. Франк: «Познавать — во всех областях познания — значит связывать имманентный чувственный материал познания — переживания, в лице ощущений и образов, со сверхвременным всеединством или усмат-

ривать в этом материале следы системы всеединства. Всякое познание есть суждение или подведение «данного» под систему понятий; понятия же (мыслимые содержания) суть определенности, т.е. вне-временные единства многообразия в абсолютном всеединстве. «Познать» что-либо, значит, найти его место в этом всеединстве, усмотреть его в составе вечного всеобъемлющего единства бытия. Поэтому процесс есть процесс приобщения сознания к сверхвременному всеединству» (33, с. 560-561).

Естественно, что осуществление этого процесса связано с трансцендентальными переживаниями ученого, и для него наука, ее существование воплощаются именно в личном содержании его трансцендентальных переживаний.

Думаю, есть смысл напомнить читателю о том, что трансцендентальные переживания человека связаны с ориентацией на первопричины всех явлений, на осознание высшего смысла в любом проявлении жизни. Они предполагают возможность человека осмысливать в целом не только свою частную жизнь, но и жизнь как космическое универсальное явление и лично переживать это осмысление. Психология с этой точки зрения — это биографии людей науки, биографии ученых, создававших и создающих психологию, ищущих истину, за которую часто надо платить высокую цену — цену собственной жизни.

Науку можно понимать еще с одной точки зрения — это уже будет *шестая* в ряду возможных позиций, которые хотелось предложить читателю. Речь пойдет о позиции людей, изучающих научное творчество, т.е. это будет наука, рефлексирующая на источник своего существования (к сожалению, далеко не единственный). Как она себя видит? Об этом можно прочесть в работах по психологическим проблемам современного научного творчества (23). В них предпринята попытка описать, какие люди и как создают в науке новые идеи. Это оказывается достаточно сложно сделать, так как самые большие трудности возникают в решении вопроса о предмете научного творчества.

Думаю, с достаточным основанием можно утверждать, что сегодня проблема эта не менее неопределенна, чем в начале века, когда ее пытались обсуждать впервые. Науковедение все еще находится в стадии зарождения, поэтому, ориентируясь на цели этой главы, есть смысл сказать о том, что самопознание оказалось трудным для современной науки. И знаменитый образ сороконожки, которая, в задумчивости не могла больше двинуться с места, здесь был бы более, чем уместен... Но это только мое мнение по поводу возможностей позиции понимания науки через изучение процессов научного творчества.

Выяснить, как, когда и почему в голове ученого появилась идея, которая может в буквальном смысле перевернуть и его собственную картину мира и картину мира других людей — вопрос непростой.

Кроме психологии научного творчества существует в науке еще одна позиция, которую хотелось бы выделить особо. Это — философия современной науки. Изложение этой — *седьмой* по счету — позиции дано в следующем тексте: наука с точки зрения современной философии науки представляет собой деятельность, имеющую цель, как писал К. Поппер, «найти удовлетворительное объяснение всего того, что заявлено о себе как нуждающееся в объяснении» (31, с. 99).

Научная деятельность выглядит очень похожей на рациональную деятельность, но в тоже время не является полностью таковой. Когда мы пытаемся объяснить нечто и делаем объяснение своей целью, мы принимаем совокупность положений как существующих и не требующих объяснения, только одно среди положений будет требовать объяснения, тогда как остальные и будут этим объяснением. Нужно осуществить ряд рациональных логических действий, чтобы прийти к объяснению. Эти действия связаны прежде всего с установлением истинности объясняющих положений, они должны быть независимо проверяемыми. Объясняемое должно иметь разнообразные проверяемые следствия, которые не сводятся к повторению объясняющих положений. Объяснение должно использовать универсальные законы природы, которые могут быть проверяемы независимо от места и времени. Именно таким образом будет повышаться успешность объяснения, что приведет к теориям все большей содержательности и все большей научной точности. Это полностью выполняется в истории науки и практике теоретических наук.

К. Поппер писал, что «глубина научной теории определяется ее простотой и таким образом богатством ее содержания (иначе дело обстоит с глубиной математической теоремы, где содержание может быть принято равным нулю). Мы смотрим на глубину теории, ее когерентность и даже ее эстетическую привлекательность с точки зрения метода, т.е. практикуем эти качества как всего-навсего руководства или стимулы нашей интуиции — нашего воображения» (31, с. 105-106).

Если рассматривать науку с близкой мне позиции в современной философии науки, то она будет представлять собой стимул нашей интуиции и нашего воображения, т.е. тех характеристик психической жизни человека, которые составляют основу построения всех моделей желаемого будущего. Естественно, что возможность построения этих моделей и возможность их реализации основываются на множестве других факторов, которые не только принадлежат индивидуальной психической жизни человека, но и составляют основу модели будущего.

Множество других идей относительно целей и смысла существования науки, которые существуют в современной философии науки (31), дают основания считать, что проблема консенсуса и согласия в науке является непреходяще актуальной. Л.Лаудан (31) сравнивал,

например, дебаты в общественных и гуманитарных науках с пандемиями. В то же время широкое согласие с какими-то теориями, консенсус по отношению к ним создают ситуацию быстрого ухода определенной теории. Предмет консенсуса или согласия в науке постепенно меняется. Это очень важно знать и понимать, особенно тем, кто собирается посвятить свою жизнь научной деятельности. При этом, как известно, в науке существуют разные уровни разногласия и разрешения разногласий, которые способствуют и созданию, и разрушению консенсуса на какое-то время. По данным Л.Лаудана (31, с. 313), между уровнями разногласия и уровнями решения существуют следующие соотношения:

Уровни разногласия	Уровни решения
фактуальный	методологический
методологический	аксиологический
аксиологический	отсутствует

Механизм формирования решения на уровне аксиологических разногласий отсутствует. Мне хотелось бы обратить на это внимание читателей и напомнить о тех ситуациях, когда вместо этого слова в историю науки вписаны совсем другие слова: казнить, запретить, уничтожить... А в биографии ученых — строчки признания их труда после смерти. Поэтому есть еще один ответ на вопрос, что такое наука, который можно дать с аксиологической точки зрения.

Он будет *восьмым* в нашем ряду, и я его сформулирую так: наука — это открытое для наблюдения всех людей поле борьбы психической жизни и психической смерти. О чьих-то окончательной победе или окончательном поражении говорить (пока) не приходится. Возможно, все еще впереди. Ведь недаром в современных моделях научного обоснования есть слова о гармонии теории и цели.

Вот мы и подошли к возможности выбора вами собственной позиции в отношении психологии. Чем она для вас будет, вы сами решите этот вопрос. Для себя я определила позицию в начале этой главы. Если вас она устраивает и вы готовы следовать ей, то можно продолжить чтение этого текста уже точно зная, что его автор выступает в роли преподавателя научной дисциплины, а вы выступаете... Продолжите это предложение так, как определите свою позицию.

Все, что было сказано выше, позволяет считать, что психология, как и любая область человеческого знания, может иметь свое лицо, может в той или иной форме принадлежать любому человеку. И он в полной мере имеет право сказать, что она — его собственность. Ведь известно, что у нас можно отнять все, кроме наших знаний.

Что такое жизненные задачи и как их решают люди?

Скажу вам по секрету, что больше всего хотелось бы влюбиться....
(Возраст женщины, признавшей
в тайном желании случайному
собеседнику, значения не имеет)

Психология как наука ориентируется на исследование существенных, закономерных, присущих всем (или большинству людей) свойств психической реальности.

Психология как научная дисциплина позволяет использовать уже найденные закономерности для объяснения и понимания того, что в жизни конкретного человека может и должно быть понято с помощью найденных законов.

По-моему, первое, что нуждается в понимании, — это факт существования психической жизни как особой реальности, с которой человеку надо устанавливать особые отношения. Комизм и драматизм этой ситуации состоит в том, что психическое принадлежит человеку, можно сказать, это его собственность. Однако собственность обладает такими свойствами, что с необходимостью заставляет обращаться с собой осторожно и внимательно. Какие это свойства психической реальности, которые требуют специального внимания самого носителя этих свойств, т. е. вас?

Опишу самое главное свойство, используя страницы из дневника Ирины В. — вашей современницы и сверстницы:

«Была у Г. В. Все еще слишком много играю. Хотя «слишком много» — это не то выражение. Как избавиться от «играю»? Ведь я же чувствую любовь, и именно в сердце, к этим ребятишкам и их родителям. Так зачем же играть? Почему мы постоянно придумываем условности и учим друг друга? Когда я говорю о любви, становится неловко, когда молчу, люди думают, что что-то не так.

Поразил ребенок, встреченный на вокзале. Сколько внутреннего достоинства в малыше. Мальчик, ведущий свою жизнь. Трудную, но свою. Но ведущий...»

Еще несколько строчек, заполненных вопросами без ответов:

«Два дня пропадаю. Почему другие живут просто, а я все время борюсь за выживание? Я не могу погрузиться в жизнь, все время отрываюсь. Я не могу радоваться. Что значит прожить жизнь? Что значит — пройти светло и достойно. Пройти. Жить для себя нельзя. Не

потому, что совестно. Просто невозможно. Я все время спрашиваю: зачем? И только одно дает силы двигаться — это нужно не мне...»

Что в этих отрывках? Говоря лирическим языком — живая душа живого человека, юного человека, стоящего перед вечными проблемами человеческой жизни. Эти проблемы уже задолго до его появления на свет мучили других людей и заставляли обсуждать вопрос: быть или не быть... Однако объяснение заявленной задачи в рамках учебной дисциплины требует другого языка и другой интерпретации.

В приведенных отрывках из дневников можно увидеть важнейшее свойство психической реальности — ее искусственный характер. Она создается во времени и пространстве жизни человека, и это создание требует усилий самого человека, усилий его «Я», чтобы психическое не исчезло, не превратилось в форму без содержания, чтобы оно существовало. История жизни людей показывает, что человек может заиграться сам в себя до смерти в буквальном смысле этого слова — поиск психического как качества своей жизни может превратиться в бесконечный. На этом мы остановимся позже подробнее.

Пока же можно сказать, что во внутреннем мире человека есть особые свойства, которые можно было бы назвать устойчивыми и изменчивыми. Устойчивое или устойчивые свойства позволяют Ирине зафиксировать существование в себе себя самой — определить наличие того пространства и времени, которое можно было бы назвать: «Это Я». «Я» позволяет выделить и другие свойства психической реальности, которые можно было бы назвать изменчивыми. Именно их существование воспринимается Ириной как некая искусственность ее жизни, как игра, которая не соответствует ее же устойчивым качествам — качествам «Я».

Психолог может констатировать в этом переживании Ирины неоднородность строения психической реальности — наличие в ней естественных образующих («Я») и искусственных образований, обусловленных наличием других людей и необходимостью жить среди них по правилам. Эти искусственные образования дают о себе знать тогда, когда человек встречается с Другим в себе. Этот Другой потенциально присутствует в «Я» человека, как потенциально в личинке бабочки присутствуют и гусеница, и красавица бабочка. Должно пройти некоторое время с момента рождения человека, чтобы это Другое дало о себе знать. Вы понимаете, что человек растет, а это значит, что он изменяется. Одно из изменений и связано с тем, что «Я», данное человеку его природой, начинает проявлять все многообразие своих качеств. Нужно заметить, что, как и любой предмет, «Я» обладает множеством качеств, которые проявляются в нем при взаимодействии с другими предметами. Кроме того, «Я», будучи свойством живого, обладает собственной программой, обеспечивающей ему целостное существование в пространстве и во времени. Это то, что обеспечивает ему индивиду-

альную историю появления на свет, жизни и исчезновения (так не хочется писать — умирания) как природного образования.

У «Я» человека — устойчивого образования внутреннего мира — есть свои законы проявления свойств и качеств во времени. Это отражается в состояниях человека, его переживаниях в качестве самоощущения. Вот это самоощущение «Я», которое естественно для студенческого возраста как физического времени жизни «Я» человека, и проявляется в фиксации несоответствия свойств «Я» и других качеств психической реальности (качеств сознания). Именно это как момент естественной, природной, соответствующей свойствам «Я» жизни отражается в чувстве Ирины, ориентирующем ее в появляющихся у нее новых свойствах ее «Я». Она описывает его как борьбу, как напряжение, связанное с удержанием пробивающегося нового качества «Я».

Психологи называют это качество диалогичностью. Оно характеризуется тем, что человек может, хочет и умеет выделять границы своего «Я» и не-«Я» и устанавливает отношения между ними в виде диалога. Это может быть внутренний диалог, когда человек ведет его сам с собой как с собеседником. Это может быть и внешний диалог — реальное, вслух общение с реальным собеседником. Такой диалог позволяет уточнять свойства «Я» и не-«Я», а значит, снимает напряжение (даже боль), которое возникает при проявлении новых качеств «Я». (Боль при проявлении новых качеств «Я» может быть такой же естественной, как боль при смене зубов.) В дневнике Ирины также можно прочитать об этом:

«Чувствую — играю, а поделать с собой ничего не могу. В груди словно открытая рана, которая нестерпимо болит. Открыться? Открыть эту боль? И не могу. Только в молитве отпускает. И, главное, поделать ничего не могу. Уйти? Лучше не будет. Выплеснуть? На кого? И это не вижу. Сижу, и никаких сил. Ломает, колотит, трясет от холода. Я же вижу, чувствую, понимаю. Временами, правда, были провалы. И так хочется, прикоснуться душою, чтобы согрели, затушили эту боль, чтобы хоть немного стало полегче. Сама виновата. Не открылась? А что, мне надо было сказать: смотрите, как мне плохо? Вот же я тут, мучаюсь. Раз не чувствуют, значит, и после слов увидят лишь внешне. Не надо ничего навязывать. И боль тоже. Спрятать. Ведь справилась же. И сейчас уже легче. Состояние физической открытости. Словно сердце — вот оно, а не за кожей и костями. И так больно рядом с С. Все время хочется спрятаться. И рядом с В. нелегко. Почему? Не знаю. Просто физическое ощущение. А с С. легко, проходит. Но опять не смогла поговорить. Может, не время. И с Т. легко. Пришла — и опять в работу. До изнеможения. А иначе не выдержать. И что это?

— Не позволяй мне играть!

— Пожалуйста, хоть кому-нибудь открыться. Хоть с кем-нибудь быть собой.

— Я вызывала на искренность. Но их искренность мне кажется маской.

— С этого дня я постараюсь быть внимательной и заботливой. Сколько раз я не замечала чужой боли?»

В приведенном тексте вы можете почувствовать, как протекает диалог «Я» и не-«Я» Ирины, как меняется его направленность — то на себя, то на конкретных людей, то на людей вообще. Это — изменение направленности «Я»-усилий по проявлению своих новых качеств.

Снова можно было бы провести аналогию, но уже с появлением на свет цыпленка, когда он клюет скорлупу яйца, напрягает мускулы, чтобы освободиться от прежнего состояния. Аналогичное происходит и с «Я» молодых людей, когда оно уже готово приобрести новое качество — диалогичность, но для его окончательного оформления нужны усилия, «Я»-усилия. Необходимость таких «Я»-усилий диктуется жизненной задачей — ситуацией рождения нового качества самого «Я», а, значит, и всей психической реальности, которая выстраивается через реализацию «Я»-усилий или, как еще говорят в психологии, через осуществление активности или организацию поведения, в регламентированной правилами деятельности или в спонтанном, возникающем без видимых правил творчестве. Короче говоря, во всех тех формах жизни, в которых будет востребоваться новорожденное качество психической реальности.

В студенческом возрасте таким новорожденным качеством «Я», как уже говорилось выше, является его диалогичность, которая позволяет определить, уточнить, очертить границы «Я» как данности психической жизни именно этого конкретного человека — лично вас. Это происходит через разрешение противоречия между естественным чувством «Я» как источника своей активности, как того, что есть у человека безусловно, само по себе, по праву рождения присутствует в его жизни, и той искусственной (ненатуральной) ситуацией, где «Я» должно приобрести форму в соответствии с уже существующими в жизни людей нормами и правилами. Это противоречие обостряется в юношеском возрасте, так как юность готова к решению задачи проявления своей уникальности — своего «Я» как целостного, а, значит, имеющего границы образования. Решение этой задачи происходит в конкретных условиях жизни человека — их называют культурной средой, социальной ситуацией развития или обществом, в котором живет человек. Особенность этих условий жизни — человеческих условий жизни — в том, что они организованы, что они действительно подчиняются правилам. Имена создателей этих правил практически никогда неизвестны, а правила существуют и сами по себе — вне человеческих отношений — не имеют смысла. Так, мы пользуемся грамматическими правилами родного или иностранного языка, правилами вежливости или правилами дорожного движения, дипломатическими правилами или прави-

лами математики, правилами нотной азбуки или правилами приготовления жареной картошки... Все они имеют общее — построены на использовании знаков — искусственных форм, отражающих более или менее полно содержание реальной, живой жизни, но никогда не тождественных самой жизни. Использование этих форм для организации отношений между людьми придает отношениям опосредованный характер (запомните это слово). Это значит, что люди понимают друг друга и мир вокруг, и себя как часть этого мира, опираясь на эти формы.

Универсальной формой, опосредующей отношения между людьми, является язык. Владеть языком — значит владеть сознанием. Важнейшее свойство любого языка — его обобщенный характер и структурная организация. Это позволяет утверждать, что язык как образование искусственное (язык цвета и форм, язык жестов, язык звуков, язык запахов, язык времени и т.п.) обладает определенной целостностью и завершенностью на какой-то момент времени.

Человек, живущий в искусственном мире, организованном с помощью разных языков, решая задачу проявления качеств своего «Я» как уникальных, как тех, которые могут и должны быть обозначены через обозначение границ «Я» и не-«Я», попадает в неопределенную ситуацию выбора языка (языков) для осуществления диалога между «Я» и не-«Я». В конечном счете выбор осуществляется через конкретизацию границ «Я» в каком-то из существующих (или нескольких) языках как овеществление качеств «Я», как их опредмечивание, как их экстерииоризацию, т.е. проявление во вне того, что дано человеку как природное свойство его «Я».

Это все впереди, а пока юность решает задачу появления нового качества «Я» в той конкретной ситуации своей жизни, которая еще называется историческим временем жизни человека.

У психологов всегда были большие сложности в исследовании влияния конкретного исторического времени на психическую жизнь частного человека, так и хочется сказать нормального человека или обывателя, простого человека, какими мы в большинстве своем и являемся, о ком и для кого пишется этот текст. В современных работах по культурно-исторической психологии (науке будущего) об этом пишется с полной откровенностью. Например, в работе М. Коула «Культура — историческая психология» (14, с. 168-169) об этом написано так:

«...Опосредованная деятельность имеет разнонаправленные последствия; она одновременно изменяет субъекта по отношению к другим и связь «Я» — Другие по отношению к ситуации в целом, а также и среду, в которой «Я» взаимодействует с Другими.

...Культурное опосредование предполагает такие изменения в развитии, при которых деятельность предыдущих поколений аккумулируется в настоящем как специфически человеческая составляющая среды. Эта форма развития в свою очередь предполагает особую зна-

чимось социального мира для развития человека, поскольку только другие люди могут создать специальные условия, необходимые, чтобы это развитие произошло...

Центральным является необходимость изучения культурно опосредованного поведения в развитии для выявления динамичных взаимодействий, объединяющих различные стороны целостной жизни. Не менее важным следствием является необходимость проводить исследование на нескольких уровнях развития (генезиса) для определения способов их взаимодействия и переплетения со временем в жизни человека».

Говоря иначе, человеку для решения жизненных задач проявления природных качеств его психической реальности нужны другие люди — люди настоящего с ним времени, не менее нужны, чем люди из прошлого исторического времени или люди из будущего. Прошлое предстает перед молодым человеком в виде знаков — языков разного рода, организуемых его жизнь; настоящее связано с употреблением этих языков всеми, кто его окружает; будущее первоначально предстает в виде его собственного «Я», рождающегося с болью в муках диалога с не-«Я».

Как у каждого природного образования, у «Я» есть свойственные только ему правила — законы — существования в пространстве и времени. Если они не реализуются, «Я» начинает исчезать, как и любое явление природы. (Думаю, что напоминание о существовании экологической «Красной книги» здесь будет вполне уместно.)

Сегодня в психологии описаны жизненные задачи, которые решают люди с момента рождения и до смерти. Они составляют достояние современной психологии развития или возрастной психологии. С работами в этой области психологии вы можете подробно (при желании) познакомиться. Мне кажется, целесообразно было бы знать, что для людей, живущих в культуре (как бы внешне не отличались типы культур), существуют типичные задачи, требующие проявления «Я»-усилий для их решения. Каждая из этих задач своим существованием обязана наличию закономерностей проявления (если хотите, развития) природных качеств «Я» как естественного свойства психической реальности.

Какие жизненные задачи вы уже решили на сегодняшний день? Что стало в вашей жизни результатом решения этих задач? Ответ на эти вопросы в современной психологии можно найти, если принять точку зрения, что для объяснения явления можно использовать какую-то систему понятий. Я выбираю для этого идеи существования закономерностей в проявлении качеств «Я» человека как данности его психической реальности, как его естественного свойства. Реализуются эти идеи в построении периодизации психического развития человека, т.е. в описании последовательности проявления этих качеств.

Из всего многообразия периодизаций, где описываются различные качества «Я» человека, мне кажется наиболее продуктивной периодизация, основанная на идеях Э.Эриксона относительно того, что в са-

мой природе человека существует потребность в психосоциальной идентичности. Это значит, что человек стремится сохранять свое «Я» целостным и существующим (живым, способным к изменению) в условиях, где присутствуют и другие «Я», стремящиеся к тому же. «Я» одного человека может существовать только потому, что есть другие «Я», своим присутствием в прошлом, настоящем и будущем времени его жизни определяющие как целостность «Я», так и целостность, осущест-вимость самой жизни. Иначе говоря, человек решает свои жизнен-ные задачи проявления «Я» среди других людей, которые могут как по-мочь ему в этом, так и мешать. Человеку надо научиться жить с дру-гими людьми и при этом сохранить и проявить свое «Я» как естествен-ное свойство своей жизни. Человек делает это, решая жизненные задачи — реализуя цели, которые возникают как необходимость сня-тия напряжения, вызванного проявлением нового качества «Я», в кон-кретных условиях той культуры, того времени, в котором он живет.

Вам уже пришлось решать следующие задачи (последовательность их описания, естественно, начинается со дня рождения):

- установление социальных связей (выделение человека как осо-бого существа среди мира предметов и явлений);
- освоение чувства непрерывности существования («Я» — это ис-точник моей жизни, того, что «Я» в ней делаю);
- сенсорная разведка (узнавать новое в предметах и явлениях, различать новое и знакомое);
- причинность (все, что происходит, имеет начало, продолжение и конец; человек сам может определять их);
- созревание моторных связей (тело подчиняется вам, становит-ся своим, знакомым и управляемым) ;
- самоконтроль (возможность предвидеть изменения своего «Я»);
- языковое развитие (сознание — понимание других людей; самосоз-нание — понимание своего «Я»: рефлексивность, возможность диалога);
- фантазия и игра («Я» как предмет воздействия и самовоздействия);
- самостоятельное передвижение (пространство мира и про-странство «Я»);
- половая идентификация (качества моего физического «Я»);
- начальное моральное развитие (мера воздействия на себя и дру-гого человека);
- конкретные мыслительные операции (анализ, синтез, обобще-ние, сравнение; аналогии, сходство и различие в предметах);
- групповые игры (отношения людей строятся по правилам);
- самооценка (свойства «Я» для меня самого, рефлексивность);
- обучение навыкам (свойства «Я» проявляются, овеществляют-ся, в действиях с предметами);
- принадлежность команде («Я» как Другие «Я» — поиск сходства и различия, переживание сходства и различия).

Это — задачи, которые вы уже решили, прожив время своей жизни от рождения до сегодняшнего дня. Итог их? Его вы можете подвести сами, оценивая свое «Я» с точки зрения наличия в нем таких (необходимых для прожитого времени) качеств, как:

- доверие к себе и людям;
- ощущение своего «Я» как ценности;
- чувство силы своего «Я»;
- трудолюбие.

Мне не хотелось бы предлагать какую-то шкалу для оценки вами своего «Я». Попробуйте сделать это так, как у вас получится. Я же приведу еще отрывки из дневника, чтобы вы могли увидеть, как это делают другие молодые люди, когда необходимость самооценки для них диктуется сегодняшними задачами.

Из дневника Владимира О.: «На работе скандал, какой-то службе я оказался нужным и кому-то расстроил все планы на день. Пришлось скрыться в духе, чтобы это не коснулось меня. Люди, считавшие вчера меня пайнкой, чуть ли выносившие, смотрят на меня с выпученными глазами и пытаются внушить мне, кто я такой, и пора знать свое место, и не много ли я уже получил еще, почти не работая. В какой-то момент я растерялся, не зная, куда смотреть. Если смотреть в глаза открытым духом, я почему-то стесняюсь в таких случаях, боясь, что ли, напугать человека, тем еще больше разъярить его. Но в такие моменты, как я заметил, человек теряется, но почему-то теряюсь и я. Интересно, мне даже стыдно становится. Пришлось поставить в глаза мысль наподобие раскаяния. Сейчас, вспоминая это, понимаю, что экзамен выдержан и победа в духе, потому что эмоциональных переживаний совершенно никаких нет и мысль к этому не возвращается. Правда тогда, после разговора, в животе, в области солнечного сплетения ощущалось сильное напряжение».

В этом отрывке переплетается все — желание его автора анализировать свое состояние как проявление качеств его «Я», зависимость состояния «Я» как от собственных усилий, так и от воздействия других людей. Недоверие к оценкам других людей и ориентация на них присутствуют одновременно и создают сложный фон чувств, связанных с самоощущением как своего тела, так и качеств своего «Я» и «Я» другого человека. Возможность воздействовать на других людей переживается не только как проявление силы своего «Я», но и как чувство вины и стыда перед другими людьми. Именно эти чувства и говорят о том, что молодой человек решает жизненную задачу идентификации (самотождественности) в тех условиях, где протекает его жизнь. Ему надо уметь сопротивляться воздействию других «Я», чтобы сохранять свою идентичность, свою целостность. Одновременно он должен воздействовать на других людей, на их «Я», чтобы вступать с ними в адекватные социальные отношения — отношения, которые

организованы нормами и правилами ситуации, в которой он живет. Это еще называют процессом социализации — необходимостью жить по правилам организованного общества, к которому принадлежишь. Обусловлено это решением задач установления социальных связей. Они, естественно же, существуют для человека на протяжении всей его жизни среди людей.

В целом по приведенному выше отрывку из дневника, думаю, можно сказать, что Владимир О. обладает высоким уровнем доверия к жизни и к людям. У него есть чувство независимости его «Я» от «Я» других людей, которое в то же время сочетается с сильными переживаниями воздействий других людей как проявление зависимости от них. Возможность самоорганизации, а значит, трудолюбие Владимира О. по приведенному выше отрывку можно представить как значимое для него качество его «Я». Можно сказать, что, прожив часть своей жизни, он сумел решить многие из жизненных задач, которые в настоящий момент позволяют ему решать новые задачи, необходимые для жизни в возрасте молодого человека.

Это — задачи, которые могут быть сформулированы языком психологии в следующем виде:

- физическое созревание;
- абстрактные мыслительные операции;
- принадлежность группе сверстников;
- начальная половая близость;
- независимое существование;
- принятие решения о начале карьеры;
- интериоризация морали;
- прочные интимные отношения;
- принятие природы человеческих отношений.

Решение каждой из этих задач связано с проявлением новых качеств «Я» молодого человека, с изменением самоощущения в связи с их возникновением и появлением сначала в зачаточном, а потом и в более выраженном состоянии. Я попробую описать их для вас, ориентируясь на те переживания ваших сверстников, о которых они хотели и могли рассказать в своих дневниках. И это будет содержанием последующих глав. Каждая из них будет посвящена рассмотрению того, что происходит с молодым человеком, когда он решает ту или иную жизненную задачу.

То, что было с вами до момента сегодняшнего дня, можно описать следующим образом: решая жизненные задачи, вы пережили присутствие в своем теле особых качеств, которые зависят от ваших собственных усилий по их выделению. Это — качества вашей психической реальности, среди которых есть постоянно присутствующие — качества вашего «Я». Вы научились говорить об этих качествах, т.е. научились их осознавать, отделять то, что принадлежит только вам,

от того, что принадлежит и другим людям. Можно сказать, вы научились быть собственником своей психической реальности — знаете, как ею можно пользоваться. В психологии это еще называют произвольностью, т.е. качеством, которое человек приобретает, научившись дифференцировать свое «Я» как источник своей активности и свойства своего сознания. Впервые в вашей индивидуальной истории это проявляется в фактах вашего сопротивления воздействию другого человека как ваше желание и возможность действовать самому. Позднее вы об этом скажете словами, которые говорите и сегодня: «Я хочу...» Обратите внимание на то, что в этих двух словах уже разделены в пространстве и во времени «Я» и его качество — хотение. Ваша возможность их дифференцировать позволяет утверждать, что во внутреннем мире произошла дифференциация, разделение его свойств по признакам качества. «Я» и его качества — это одно, «хотение» или потребности — это другое. Эта дифференциация делает возможным осуществление внутреннего диалога, создает предпосылки для проявления «Я» в самых разных свойствах, вариантах качеств психической реальности. Это и происходит, когда вы не только чего-то хотите, но и думаете, делаете, чувствуете и при этом можете видеть с помощью вашего «Я», что во времени могут не совпадать такие качества, как хотеть и делать, чувствовать и думать. Состояние, когда человек делает не то, что он хочет, думает не о том, что он чувствует, как проявление дифференциации качеств его психической реальности — это то состояние, с которым вы встретились в настоящее время. Оно требует создания новой целостности психической реальности, новой активности «Я», связанной с проявлением его новых качеств. Это будет осуществляться вами как вариант достижения идентичности вашего «Я» и «Я» только уже с использованием его новых, рождающихся свойств. Вам надо найти то новое состояние, которое приведет к переживанию вами силы своего «Я» как целостного, единого, активного основания вашей жизни. Вы это будете делать, решая новые жизненные задачи.

Если попробовать еще раз ответить на вопросы, вынесенные в название главы, то мог бы получиться такой ответ: жизненные задачи — это цели проявления качеств «Я» человека как основания его активности, реализующиеся в конкретных условиях культуры, где он осуществляет свою активность. Культура определяет систему знаков, в которых будут представлены проявляющиеся качества «Я» как самому человеку, так и другим людям. Значит, люди решают свои жизненные задачи с помощью знаков как средств, организующих их психическую реальность в пространстве и во времени.

Далее хочу несколько подробнее рассказать о тех основных понятиях, которые используют в психологии как учебной дисциплине для объяснения того, что происходит в жизни человека.

Как думают психологи

*Как делить — поровну или по справедливости?
(Шутка.)*

Как решить вопрос о том, какие понятия могут (должны) быть главными? В поисках ответа обращаюсь к работам тех, кому доверяю, чьи идеи были основанием и обоснованием работы с людьми в разных ситуациях — в преподавании и консультировании, в понимании собственной жизни и чужой.

Как определить то главное в жизни человека, что требует понимания и объяснения? Отвечаю — любовь, труд, знания. Можно изменить последовательность этих слов, но они все равно останутся по сути теми же. Можно изменить их звучание и заменить научными терминами: высшие чувства, организованная активность, познавательная деятельность. Можно использовать и другие термины: потребности, деятельность, личность или «Я», активность, картина мира или еще много других.

Правила изложения требуют определенности, поэтому выбираю те понятия, которые, как говорят психологи, работают. Работающее понятие — это понятие, объясняющее, устанавливающее связь во времени и пространстве событий жизни человека в тот момент, когда ему это необходимо сделать.

Выше уже говорилось о том, что понятие — это форма мышления, которую можно наполнить содержанием собственной жизни, и тогда она — жизнь — будет восприниматься иначе. Часто это необходимо сделать, чтобы преобразовать напряжение, которое связано с появлением новых качеств «Я» человека, в конструктивное (полезное) для осуществления жизни состояние. Обозначение напряжения словом — понятием — переводит его в новое качество. Напряжение осознается, это значит, что человек может отнестись к нему, отделить его в своем внутреннем пространстве от «Я» и может вести с ним диалог как с не-«Я». Так, если вы назвали свой гнев или страх, свою волю или свое желание словами — понятиями, вы уже можете иметь с ними дело как с особыми образованиями, присутствующими в вашем внутреннем мире. Вы даже можете общаться с ними, можете избавиться от них, можете, наоборот, продлить их присутствие, направив на них свои «Я»-усилия...

Итак, среди понятий психологии как науки, выбираю первым понятие о понятии, о чем уже сообщала читателям. Еще раз прошу их обратить внимание на то, что научная дисциплина позволяет сделать этот выбор. Может быть, она потому и дисциплина, что выбрав, сделаешь собственному выбору уже по доброй воле.

Понятие как форма мышления обеспечивает человеку разделение способа мышления и предмета мышления, т.е. того, как мыслится (находится новое для человека качество предмета), и того, о чем мыслится (предмета).

Понятие существует в виде слова, которое позволяет выделить и зафиксировать существенные свойства предмета, а за счет этого и находить новые для человека качества предмета. Например, понятие о животном позволяет нам в незнакомом предмете выделить те его свойства, которые позволят думать о нем как о животном. Или понятие о «Я» позволит оперировать с его качествами при анализе своей жизни и жизни других людей.

Понятие может быть в виде действия, которое выделяет существенные свойства предмета, но это действие еще (или уже) не имеет названия. Это ситуации, когда мы можем показать, как действовать с существенными свойствами предмета, но не можем объяснить словами. Наиболее часто это встречается в ручной работе, например, каменщика, столяра, пекаря. Человек может так выполнять свое действие, что использует свои свойства и свойства предмета, на который оно направлено, как существенные, но при этом трудно определяемые словами. Действие, а иногда и движение оказываются более значимыми для проявления существенных свойств предмета, для мышления об этих свойствах.

Существенные свойства предмета, отражающие законы его жизни, могут быть выражены в виде образа. Тогда обычно уточняют и говорят об обобщенном образе, представляют его в виде схемы, графика или другой наглядной формы, которая позволяет зафиксировать существенное. Например, понятие о жизни человека может быть представлено в образе дороги или в образе реки. В психологии обычно говорят, что это — метафора, особая форма мышления, которая позволяет в образе зафиксировать существенные качества предмета мышления и выделять новые. Попробуйте, например, найти для себя новые свойства такого возможного предмета мышления, как ваше «Я», в образе-метафоре фонарщика, который спит... Что нового о своем «Я» вы можете узнать, используя этот образ как форму мышления? Думаю, что вы можете ответить на этот вопрос...

Вот несколько ответов, которые были даны вашими сверстниками.

1. Да, это могло бы быть обо мне. Я часто жду, что кто-то должен проявить ко мне интерес. Тогда я развернусь в полную силу...

2. Человеку надо проявлять усилия, чтобы жить. Эти усилия не возникают сами по себе, надо их искать в себе.

3. Мне не нравится эта метафора. Она какая-то безнадежная. Нужен кто-то, чтобы «Я» стало существовать. Это не обо мне.

Итак, понятие — это форма мышления, если мы обнаруживаем у кого-то или у себя возможность использовать обобщенное знание о предмете или создавать такое знание, то мы имеем дело с понятием. Обобщить — значит предвидеть, значит находить закономерное, значит владеть предметом своего мышления как целым, имеющим конец и начало, имеющим обоснования своего существования.

Владеть понятием, значит уметь использовать выделенные с его помощью закономерности для анализа и синтеза конкретных фактов жизни, т.е. уметь рассуждать о целостном предмете. В дневнике Владимира О. есть попытка такого рассуждения, основанного на использовании, как говорят, предельных понятий (отражающих самые существенные — экзистенциальные — свойства жизни): «...через землетрясения, прокатившихся по планете, напряжение событий в Чечне — все сказывается на сердце. Я начал довольно остро чувствовать подошедшее время, и это, наверное, сказывается на моем поведении. Сегодня с Сергеем начали разговор с довольно широким спектром личных взглядов и суждений, о наличии правды в творении рук человеческих. В чем-то мы, конечно, не согласились друг с другом, но разговор еще только начат и будет возможность поговорить об этом. С. утверждал, что все, что создано руками человеческими, создано Богом и поэтому имеет равную ценность. Но и у Бога, может быть, что-то не получается и поэтому имеет неравноценную ценность. Все, что движет к Эволюции, только то имеет ценность. Эволюция — это путь к совершенству, к единству, исключая все личностное. И поэтому чем меньше элементов личности в творении человека и больше выражение единства пусть будет группы людей, народа или человечества, тем больше Правды будет в творчестве».

В этих рассуждениях использованы сложнейшие понятия — понятие Бога, Правды, Творчества человека, Эволюции. Владимир О. использует их в своем мышлении о своей жизни и жизни людей в целом, делает на основе их умозаключение, выстраивает систему суждений как движение к умозаключению — итогу своего мышления (в тексте оно представлено последней фразой).

Психическая реальность — понятие, которое позволяет зафиксировать такое важнейшее качество жизни, как ее возможность создавать себя в разных формах.

Сознавая всю неполноту и сложность выделения в этом понятии существенного, воспользуюсь текстами из дневников молодых людей, которые, на мой взгляд, раскрывают самое существенное в этом понятии — возможность самотрансформации, самоизменения как главного свойства психической реальности: последняя становится предметом мышления в молодости.

Из дневника Владимира О.:

«И еще маленький, но неприятный момент, доставляющий столь много хлопот и неприятностей. Волнение. Волнение, возникающее непонятно откуда. Казалось бы, для этого нет никаких оснований. Но предательски перекрывает дыхание, и все сходит на нет. Уверен, что при более частых таких ситуациях это постепенно пройдет. Может, что-то и останется, судя по ощущению многих людей, прошедших это, но это скорее как мобилизирующее начало. Здесь же все губит.

Я не скажу, что я особо застенчив. Но то, что трогает струны твоей души, чувствуя правду и глубину того, что говоришь, играет тормозящую роль при передаче... Огромным усилием воли я подавил волнение и, что называется, перегорел, внутри образовалась какая-то пустота. И передать свое ощущение стиха уже стало невозможно, струнки порвались, и я его уже не чувствовал. В чем здесь преткновение, ведь буквально час назад я читал его в кругу ребят и прекрасно чувствовал стихотворение».

Из дневника Ирины В.:

«Я меняюсь. Абсолютно меняюсь внешне. Словно то, что у меня внутри, наконец-то нашло дорогу наружу. Меняется ритм жизни, меняется отношение к происходящему. А ощущение, как у бутона, который распускается. И появляется что-то от той девочки, которая просто жила и верила в себя. Приходит именно та подвижность и деятельность, свобода общения. Это потом стали мучать приступы неуверенности, неловкости, стыда... И еще вернулось то ощущение внутреннего достоинства. Решительность. Сдержанность. Как раньше. Я была со всеми и одна. Любила гулять, бродить в одиночестве (как сейчас), отправляться в неизвестные места. Любила новые встречи. Решала, не боясь ошибиться. Жила по голосу сердца. Я помню это. Только это и помню. А потом началась игра. Игра во что-то иное, отличное от меня. А теперь многое возвращается. Мама иногда говорила: что же со мною делать? Потому что я делала только то, что хотела. Я не умела обманывать себя, изменить себя, повиноваться. Это не идеализация детства. Это я. Не-я — это последующие 12 лет. Я понимаю, отчего появилось двойственное отношение к маме. Буду откровенна с собой. От рождения я мало похожа на нее и внешне, и внутренне. Когда жил папа, у меня было больше возможностей оставаться собой. (Я не помню ее до 9 лет. Абсолютно не помню)...

Почему-то раньше я боялась быть одна. Внутренне тосковала. А теперь мне вновь в радость одиночество. И в сущности это не одиночество — это ощущение своей индивидуальности.

То ли это новое испытание? Испытание сбывающимися мечтами. Бывает и так. Все сбылось. Ты, жизнь, он. И все получается так, как мне мечталось. Дорогие люди, новые отношения, смысл жизни, любовь. Мы меняемся, когда сбываются наши мечты...»

Надеюсь, что читатель внимательно отнесся к этим текстам и может сам создать такой же текст — текст о своей психической реальности. В нем он выявит в себе ее свойство — в каждый момент времени быть иной формой, оставаясь собой — порождающей себя. Есть ли пределы этому самоизменению, этой возможности быть другой формой?

Вопрос этот возникает как перед человеком, переживающим наличие в себе возможности трансформации, так и перед ученым-исследователем, изучающим свойства психической реальности.

Человек это переживает так: «...люди устают от высокого и слушают музыку полегче, смотрят фильмы попроще, ведь лучше искать более высокого, чем выбирать легкое и упрощенное, на котором можно учиться, если оно попадется на глаза, а не сознательно выбирать. Это, конечно, мой путь и мой выбор, и один из моих недостатков, иногда брать планку выше, чем могу перепрыгнуть...» (Из дневника Сергея С.)

Да, можно быть другим, другим в соответствии со свойствами своего «Я». Молодой человек это переживает и... делает выбор, о котором В.П. Зинченко пишет так: «...сознание, выбирая свободу, всегда рискует, в том числе и самим собой. Это нормально. Трагедия начинается, когда сознание мнит себя абсолютно свободным от натуральной и культурной истории, когда оно перестает ощущать себя частью природы и общества, освобождается от ответственности и совести и претендует на роль Демиурга*. Последнее возможно при резком снижении способности индивида к рефлексии и деформированной самооценке, вплоть до утраты сознания себя человеком или признания себя сверхчеловеком, что в сущности одно и то же» (11, с. 18).

Трансформация психической реальности возможна вплоть до ее исчезновения — преобразования в другую реальность, с новыми свойствами. Сегодня в психологии есть название — понятие — для этого вида реальности. Ее называют психологической смертью человека. В этом качестве нет способности к самоизменению, к созданию новых форм — существует только законченное число форм, которые воспроизводятся в занимаемом ими пространстве и в необходимом для воспроизведения времени. Эти формы обладают определенным запасом прочности, который тратится со временем, и формы отмирают.

В живой психической реальности, способной к самовоспроизведению новых форм, границы изменения определяются, с одной стороны, качествами «Я» человека, а с другой — бесконечностью, т.е. пространством и временем самой жизни. В этом смысле «Я» человека потенциально обладает возможностью быть всем, оставаясь собой. Именно эта особенность психической реальности, которая в сознании человека выступает как задача быть собой, как то напряжение,

* Демиург (греч. *demiurgo s* — мастер, творец): в философии — созидающее начало; в теологии — бог, творец мира. — *Прим. автора.*

которое переживает человек, ощутивший в себе недостаток своего «Я», его непроявленность заставляет психологов обсуждать вопрос о строении психической реальности, ее неоднородном характере.

Именно эта особенность психической реальности позволяет говорить о том, что у нее есть естественные и искусственные составляющие, которые могут определять природные, казалось бы, свойства человека — видеть, слышать, чувствовать. Карл Роджерс писал об этом так: «Индивид становится все более открытым осознанию своих собственных чувств и отношений, таких, какими они существуют у него на органическом уровне... Он также начинает более адекватно, непредвзято осознавать реальность так, как она существует вне его, не втискивая ее в заранее принятые схемы. Он начинает видеть, что не все деревья зеленые, не все мужчины суровые отцы, не все женщины его отвергают, не все неудачи его опыта свидетельствуют о том, что он плохой, и тому подобное. Он способен принять очевидное скорее так, *как оно есть*, чем исказить его, чтобы оно соответствовало той схеме, которой он уже придерживался» (28, с. 162).

Вот это свойство психической реальности, которое выше было названо искусственным образованием, проявляется в том, что для человека может возникнуть необходимость разделения — буквально через проведение четкой границы — того, что принадлежит его «Я», и того, что принадлежит его же психической реальности, но не соответствует свойствам «Я», деформирует, разрушает их, а значит, причиняет боль, от которой человек стремится избавиться. Помогают ему в этом другие люди. В современном обществе есть профессия психотерапевта — человека, который по роду своей профессиональной деятельности должен помочь человеку обрести содержание переживаний, соответствующее его свойствам. Как говорит об этом процессе Карл Роджерс, «Я» человеку может быть открыто в его собственном опыте и воспринято спокойно как то, что не надо прятать, не надо защищать маской, не надо уподоблять чему-то или кому-то, а быть открытым своему «Я». Это тот процесс, который я уже называла идентификацией.

Если продолжить цитату с с. 162 текста Карла Роджерса, то там об этом можно прочитать следующее: «Как можно ожидать, эта все увеличивающаяся открытость опыту делает его более реалистичным при встречах с новыми ситуациями и новыми проблемами. Это значит, что его верования не являются застывшими, он может нормально относиться к противоречиям. Он может получать много противоречивых сведений и не пытаться отвергнуть ситуацию. Открытость сознания тому, что в *данный момент* существует *внутри его и в окружающей его ситуации*, мне кажется, является важной характеристикой человека...»

Эта открытость — признак наличия границ между разными качествами психической реальности, которые способствуют внутреннему

диалогу человека. Именно это качество психической реальности обостренно переживается в юности как обретение «Я» новой (еще одной и далеко не последней) формы. Об этом в дневнике Владимира О. написано: «...мне начинает нравиться говорить без предвзвешенного обдумывания. Но это пока бывает еще редко. И моя внутренняя страстность пока не дает говорить спокойно, без напряжения. Над этим еще придется поработать. Интересно получается, что когда я начинаю излагать свое мироощущение, я становлюсь оппонентом моим ребятам. Это меня ничуть не страшит, даже порой радует, что они все дружно единятся в своих мнениях. Получается единение, если раньше кто-то с кем-то был не согласен...» И далее: «И пусть я не всегда могу удержаться в новом, но мне это состояние начинает нравиться и постепенно начинаю осваиваться в нем. И когда я падаю в себя бывшего, я начинаю это острее осознавать. Когда раньше я мог жить в себе в старом без всякого дискомфорта и только затем осознать срыв, то теперь это проявляется сразу... Сейчас это трудно, но состояние настороженности сознания на некоторые периоды уже возможно. И это совсем не утомительно. Вообще в духовном мире радость всегда рождается от какого-либо нагнетения. Радостью настороженности или можно назвать это радостью дозора, радостью ответственности, и чем больше ответственность, тем больше радость. Указывается радость ответственности за свое мышление, затем мышление человечества и затем за ответственность эволюции человечества. Естественно, что эти состояния бывают недолгие. Пока не удастся сделать это постоянным своим состоянием...»

Понятие психической реальности позволяет увидеть в текстах дневников и в научных текстах проявление ее свойств как отражение существенного, закономерного — порождение новых форм.

Период жизни человека — время решения жизненной задачи, которое содержит моменты ее возникновения, поиска решения, решения и обретения в этом решении новой формы «Я».

Периоды отличаются содержанием задач, а, значит, и характером их решения: скоростью, точностью, способами и средствами. Критерии, по которым выделяются периоды, зависят от того, как в той или иной научной теории рассматривается жизнь человека в целом, что считается источником изменений в жизни. (Я не буду останавливаться на конкретных теориях, предлагающих различные периодизации. При желании читатель может найти соответствующую информацию в литературе по возрастной психологии или психологии развития.) В этот момент изложения учебного предмета важно иметь в виду, что периоды — это условное деление жизни человека на отрезки времени, которые могут отличаться (с точки зрения того, кто их выделяет) параметрами изменения свойств психической реальности. В этом смысле юность можно рассматривать как один из периодов, предпо-

лагающий решение жизненных задач определенного типа. Если для этого потребуется вся оставшаяся жизнь человека, то ее можно будет назвать вечной юностью. Думаю, что в жизни вам встречались зрелые люди, которые имеют юношеский способ мышления и такой же стиль жизни. О них еще говорят: не могут угомониться или не помнят, сколько им лет... Для таких людей это и не важно. Они живут не по физическому времени своей жизни, а по психологическому, которое и характеризуется тем, какие задачи может и хочет решать человек в своей жизни. Если он решает юношеские задачи, он и живет в психологическом времени юности. Но если он в юности решает задачи зрелости, то это значит, что психологическое время этого человека течет быстрее, чем физическое время его жизни. (Такие факты в жизни тоже бывают, например, когда юная семья должна решать задачи, типичные для более солидного возраста.)

Часто человек сам отмечает, что в его жизни что-то закончилось и началось новое. Это чувство новизны связывается не обязательно с внешними событиями; чаще всего это именно внутренние изменения, о которых вы уже встречали суждения авторов дневников. Наблюдатель также может заметить появление новых свойств в психической реальности человека и рассматривать их как соответствующее его представлениям о периодах жизни проявление закономерностей изменения.

В большинстве случаев своей жизни каждый из нас встречается с понятием периода, тогда когда внешне (значимо не только для самого человека, но и для других людей) фиксируются изменения, которые произошли или происходят с ним. Это поступление в школу, ее окончание, получение паспорта, женитьба или замужество, рождение детей, начало работы, выход на пенсию и т.п. Обычно это связано с изменением социального статуса человека — его места среди людей, которое предполагает новые отношения с ними, характеризующиеся необходимостью изменения ответственности за свою жизнь.

Для излагаемого учебного предмета важно, что понятие период позволяет выделять в жизни человека отрезки времени, в которые происходит такое изменение свойств его психической реальности, которое связано с решением им жизненной задачи, существенной для организации активности в данное время.

Кризис — это понятие позволяет проанализировать характер изменений, с которыми связано решение жизненных задач. Изменения могут происходить постепенно, плавно и не вызывать у человека острой боли, острого напряжения в связи с их появлением. Тогда говорят о стабильных периодах в жизни человека.

Изменения могут происходить быстро, болезненно для человека, могут сопровождаться противоречивыми переживаниями, связанными с ощущением силы своего «Я» (от полного бессилия до пережива-

ния огромного потенциала своих сил). Тогда в психологии говорят о кризисе «Я», а время, когда человек его переживает, называют кризисным периодом.

Все признаки переживаемого кризисного периода можно встретить в дневниках молодых людей:

« Я чувствую полное бессилие».

«Проснулся полным сил и энергии — кажется все могу».

«Кажется, что я никогда ничего не смогу».

Подобные суждения встречаются у всех молодых людей, чьи дневники я уже цитировала. Причем они могут описывать свое состояние буквально в течение одного или нескольких дней.

Кризисы могут отличаться по происхождению — возрастные, т.е. закономерные, естественные для жизни человека, и ситуативные, вызванные воздействием на человека конкретных обстоятельств его жизни. Последние еще называют обстоятельствами, вызывающими жизненный стресс. В этих обстоятельствах человек переживает качества своего «Я» как необходимое основание для разрешения жизненной ситуации, например, потери близкого человека. Часто в состоянии ситуативного кризиса человеку требуется помощь других людей, чтобы обрести новые формы фиксации качеств своего «Я». Это то необходимое обретение сил, которое приходит к человеку с выявлением новых качеств своего «Я» как основания для организации психической реальности.

Иногда человек некоторое время своей жизни переживает особую чувствительность к каким-то воздействиям. Эти периоды получили название сензитивных или периодов повышенной чувствительности. Они сопровождаются типичными переживаниями, которые еще описывают как устойчивый интерес. Так для периода юности повышенной является чувствительность к музыке. Ее восприятие и создание становятся жизненно необходимыми для молодых людей. Пускаясь в музыкальные странствия, они переживают особые состояния, позволяющие уточнять качества «Я», границы «Я» как существующие индивидуализированные целостные образования. Человек чувствует единение с миром и с самим собой, которое в высшей форме его развития называют гармонией души. В юности душа стремится к этой гармонии, становясь особенно чувствительной, сензитивной к музыке. Музыка из всех знаков, созданных человеком, больше всего обладает универсальностью. Она не требует уточнения, объяснения, перевода. Она понятна своей обращенностью к сущностному в человеке, любом из людей.

Появление сензитивности к какому-то воздействию, как я уже отмечала, можно узнать по устойчивому интересу человека. Таким может быть интерес к языку, движениям, играм, философствованию и т.п. Сензитивность может объединять человека со сверстниками. Тогда в полной мере можно говорить об интересах (сензитивности) поколения: молодого, например, — к музыке, а старшего — к философство-

ванию. Сензитивность как индивидуальное качество может и отделять человека от других людей. Тогда и возникает переживание непонятности для самого человека и его непонятности для других людей.

Новообразования — этим понятием описываются те изменения, которые возникают в психической реальности человека при переходе от одного периода жизни к другому как следствие решения им жизненных задач.

Типичные возрастные задачи при их адекватном решении человеком порождают и типичные новообразования. Тогда говорят о возрастных особенностях человека.

Применительно к студенческому возрасту описывают такие типичные новообразования внутреннего мира, как *юношеский максимализм, чувства дружбы и любви, интериоризация морали, развитие абстрактного мышления*. О каждом из них мы еще поговорим подробно, а пока я только приведу примеры их проявления на страницах дневников.

Юношеский максимализм проявляется в таких суждениях их авторов: «Люди не виноваты, что они не понимают... Я желаю всем добра и света».

«Мне так хочется, чтобы люди меня любили...»

«Я всем все прощаю — я же понимаю...»

«Сказал себе, что я всегда могу быть выше этого».

(Надо сказать, что при проявлении юношеского максимализма в текстах молодых людей чаще всего встречаются такие временные параметры, как «всегда — навсегда — никогда», или «все — ничего», или «нигде», или «никому», или «все», т.е. та категоричность и абсолютность оценок, которая самой же юностью и обесценивается: «Никогда не говори никогда».)

Юношеские чувства дружбы и любви чаще всего проявляются в их литературных работах, одну из них — стихи Ирины В. — я хочу привести здесь:

Я не уйду в сон,
Я не хочу спать,
Вновь не придет он,
чтобы меня спасти.

Вновь не пришел он,
Только опять спас.
Все без него — сон
В тысяча первый раз.

Все без него — тлен,
Все пропадет в дне,

Жизнь, а не ночи плен
Вновь подари мне.

Вот строчки из дневников о дружбе:

«...она меня пригласила на чай, так хорошо посидели, поговорили обо всем...»

«...зашли ребята, все мое сердце им было открыто, так с ними спокойно...»

«...на выставке были наши, так чувствовалась их поддержка...»

Интериоризация морали — это не простое дело, связанное с необходимостью понимать природу человеческих отношений, стремясь к воздействию на других людей или испытывая их воздействие на себе.

Переживается это так: «...и когда она срывает на мне зло, эгоизм свой, я со всей силой сердца протягиваю луч любви в ее сердце. Обратный удар неминуем, и здесь я поделаться ничего не могу, таков закон. Злость и тьма порождают в человеке сами себя. И вот здесь мое участие состоит в том, чтобы человек почувствовал эти тьму и зло. Пусть на короткое время, но чтобы опыт был». (Из дневника Владимира О.)

Абстрактное мышление в юности чаще всего можно наблюдать как философствование на отвлеченные темы. У авторов дневников это встречается часто. Вот только несколько суждений:

«Когда трудно, думай о других».

«... Чем гуще тьма, тем ярче сСвет,

И мне давно пора усвоить,

Что дня такого в мире нет,

Что может горы перестроить

Чем больше бездн, тем больше гор,

Но разве эти горы рады?

Им разве нужен этот спор,

И эти глупые преграды?

Страданье ставит на колени,

Мы зарываемся в Планету,

Но строят из земли ступени,

Чтобы по ним добраться к свету...»

«...Выйди из мира пустых мечтаний, лживой обычности и употреби все свои силы, чтобы непрестанно взбираться вверх ...»

Мы еще встретимся с этими новообразованиями в дальнейшем тексте и поговорим о них подробнее. Сейчас же мы обратимся к новому понятию учебной дисциплины, к понятию, которое уже много раз упоминалось в этом тексте.

«Я» — понятие психологии, позволяющее выделить природные свойства психической реальности, определяющие ее активность. Думается, что анализ этого понятия по-настоящему начался с работ Зигмунда Фрейда, когда он открыл и описал существование различ-

ных уровней организации психической жизни — ее глубину. Сегодня психологи используют представления З.Фрейда о многоуровневой организации психической реальности, ее иерархическом построении, взаимозависимости разных уровней психической жизни, их специфическом строении и происхождении.

Психологи применяют для описания разнообразия качеств психической реальности три основных термина: *«Я»*, *Оно*, *Сверх-Я*.

Как уже отмечалось, термин *«Я»* применяется для фиксации данности психической реальности как ее неотъемлемого природного качества быть живой, самой в себе создающей новые формы. *«Я»* живет по принципу реальности — ориентирует человека в его настоящем времени и том пространстве, где он в данный момент времени находится. В этом смысле любой из нас может обнаружить свое *«Я»*, отвечая на простые вопросы: где мы находимся и какое сейчас время. Владеть временем и пространством — значит уметь организовать активность своего *«Я»*, придать ему форму, соответствующую реальности, ее изменчивым и постоянным условиям. Самый обычный факт — одежда по сезону — говорит о работе *«Я»*, его проявленности в активности человека. Другим, например, фактом проявленности *«Я»* будет наша возможность оценить свое состояние, ответить на вопрос: как мы себя чувствуем. Ответ на этот вопрос часто вызывает затруднение, когда его задают в прямой форме. Это — естественное затруднение, связанное с выделением качеств *«Я»* и их фиксацией в слове. Но когда это происходит, когда человек находит форму для выражения своего состояния, когда качества *«Я»* проявляются, могут быть такие варианты описания своего состояния: «я как волчонок в мешке», «во мне все болит», «я чувствовал себя в неестественном напряжении» и т.п. Думаю, не надо напоминать читателю, что я привожу примеры из дневников их сверстников.

Оно — характеризует бессознательную сферу человека. Это — характеристика глубинных процессов, которые постоянно присутствуют в жизни человека и являются ее естественным свойством, влияющим на направление активности. *Оно* помогает человеку осуществлять выбор направления активности среди всего многообразия возможных вариантов — единственный из них, который в данный момент приведет к организации психической реальности в целостность. Например, бессознательно, т.е. через проявление свойств *Оно*, человек отдергивает руку от горячего предмета. Но, если он будет в этой ситуации организовывать свою активность с помощью *«Я»*, проявляя его силу, то он может терпеть воздействие предмета вплоть до появления сильного ожога.

Оно как бы само по себе контролирует, организует активность человека. При этом его границы подвижны и могут изменяться под воздействием *«Я»* и *Сверх-Я*. Однако у *Оно* есть такие специфические ка-

чества, которых нет у других образований психической реальности, что позволяет говорить о его своеобразии. Такими можно считать наследственный и врожденный характер влечений человека, что определяет содержание его энергии.

По мере проявления влечений в жизни человека они преобразуются в формы, соответствующие реальности пространства и времени, где проходит жизнь человека, в результате изменятся содержание энергии, в ней появляются особые образования, которые называют вытесненными. Это — индивидуально приобретенные человеком свойства активности, которые возникли на основе реализации его врожденных влечений. Например, в своей индивидуальной истории жизни человек забывает какие-то события, которые с ним происходили, не использует известные ему слова родного языка, избегает определенных вкусовых ощущений и т.п. Эти явления называются вытесненными образованиями в *Оно* человека. Возникают они как индивидуальный опыт человека, который будет определять динамику его психической жизни, регулировать проявление его энергии.

Сверх-Я — это то качество психической реальности, где представлены обобщенные идеи о строении самой психической реальности. Их еще называют нравственным сознанием, самонаблюдением и формированием идеалов. *Сверх-Я* становится тем качеством психической реальности, где воплощаются одновременно и правила ее существования, и санкции, запреты на их нарушение. Обычно *Сверх-Я* понимают как то качество психической реальности, которое возникло под влиянием усвоения родительских требований и запретов, которые стали содержанием собственной активности человека. *Сверх-Я* реализуется как содержание внутреннего диалога, где человек может критически относиться к себе, ориентируя свою критику на идеал «Я», представленный в этой сфере психической реальности.

Для нашего учебного предмета важно, что в психической реальности человека есть динамика, которую можно описать, используя понятия «Я», *Оно*, *Сверх-Я*. С их помощью можно описать отношения между разными качествами психической реальности, показать их взаимосвязь и взаимообусловленность, а также относительную независимость друг от друга, что позволяет говорить о их выраженности при решении человеком его жизненных задач. Так, при решении задач установления отношений с другими людьми человек больше ориентирован на *Сверх-Я*, а при решении задач физического созревания больше задействованы свойства его *Оно*. «Я» определяет принятие решений о карьере и т.п. Кроме того, существование этих понятий в психологии позволяет использовать и другие, близкие к ним понятия для описания и объяснения психической жизни человека.

Это понятия *Индивид*, *Личность*, *Индивидуальность*.

Индивид — это характеристика врожденных качеств человека, тех, которые определяют целостность его жизни как организма. Это в первую очередь свойства его тела. Особенности их состоит в том, что они развертываются в физическом времени его жизни и определяют качества тела как особого пространства. Именно с индивидуальными качествами связано переживание человеком чувств голода и жажды, сексуального напряжения, усталости, мышечной радости. С индивидуальными качествами связаны также те особенности динамики нервной системы человека, которые сегодня дают основания говорить о существовании индивидуального нейро-психологического профиля человека, фиксирующего ведущее полушарие и особенности воспринимающих систем (зрения, слуха, кожной чувствительности и т.п.), а также свойства нервной системы. В быту индивидуальные свойства человека чаще всего выделяются как проявление его натуры. Например, можно услышать о человеке, что он по натуре горячий или вялый, уравновешенный или вспыльчивый. Надо сказать, что в дневниках, к которым я постоянно обращаюсь в этом тексте, практически не встречается описаний индивидуальных свойств.

Личность — это понятие, пожалуй, одно из наиболее употребляемых в психологии. Однако однозначного определения этого понятия нет. Ориентируясь на цели учебной дисциплины, отмечу, что этим понятием характеризуется индивидуальная жизнь человека — ее неповторимые события, которые характеризуют переживания человека, разворачивающиеся в его психологическом времени и пространстве, которые могут не совпадать с физическим временем и пространством практически полностью. Так, находясь в физическом времени полудня в физическом пространстве учебной аудитории вы в это же самое мгновение можете в вашем психологическом пространстве и времени быть вместе с Понтием Пилатом на площади Ершалаима перед многотысячной толпой... Да мало ли где мы можем находиться в нашем личном психологическом времени и пространстве. Мы можем даже спать там, бодрствуя в физическом времени и пространстве, что многих философов и психологов заставляет обсуждать это состояние человека как особое качество его сознания — спящее сознание. Именно это заставляет психотерапевтов выдвигать один из важнейших принципов психотерапевтической помощи человеку — «здесь и сейчас» — принцип единения физического и психологического времени и пространства жизни человека.

Для самого человека это свойство его психики связано с насыщенностью переживаний. Когда совпадают психологическое пространство и время и физическое пространство и время жизни человека, переживания приобретают особую яркость, насыщенность — это та радость жизни, которую испытывает человек как проявление естественной силы своего «Я». Вероятность достижения такого состояния

связана с теми процессами, которые называют формированием или становлением личности, необходимостью стать личностью, возможностью сделаться личностью. Важно, что в психологии всегда отмечается необходимость усилий человека по проявлению в себе и сохранению тех качеств, которые называются личностными качествами. Назовем их проявленными качествами «Я», существование которых невозможно без «Я»-усилий.

Именно об этом процессе можно прочесть и в дневниках, когда молодые люди пишут о себе:

- Еле сдержался...
- Не хотел обидеть...
- Стараюсь быть доброжелательной, но не всегда получается...
- Так хочется научиться быть хорошей...

В качествах личности, возможности их сохранения присутствует историческое время жизни человека, влияющее на то содержание, которое З.Фрейдом было названо Идеалом «Я». Именно это содержание как требование времени, как отпечаток времени несут в себе молодые люди, решающие жизненные задачи проявления качеств своего «Я». Отчасти поэтому у всех нас есть возможность быть современными и несовременными людьми, соответствовать требованиям своего времени или нет. Это осознается и переживается: «Мне хочется заниматься бизнесом, меня это привлекает возможностью рисковать и полагаться только на свою голову, но совместим ли современный бизнес и нравственная жизнь, можно ли вообще это совместить? Я не знаю ответа на этот вопрос...» (Из дневника Владимира О.)

«...Но моя мечта любить самозабвенно и преданно. Асоль — от этого в себе я не могу отвернуться. Почему же я так боюсь этого? Уже немного зная себя... Я не могу не отдавать всю душу, я хочу быть нужна больше жизни, потому что могу победить смерть. Но стараюсь не думать об этом. Я уже перестала верить, что могу быть кому-то так нужна. «Ты нужна таким людям, как я». Спасибо. Но ведь не так. Людям, ладно. Но одному человеку я хочу быть нужна именно так. Хоть на миг. Хоть на час. Хотя, что это за счастье, если на час. К тому же у меня сердце лебедя...» (Из дневника Ирины В.)

Мне остается сказать только: все, что встречается в этих двух текстах — бизнес, нравственность, Асоль, лебедь, нужность — это те следы времени, те его отпечатки на коже, которые не снять тем, кто живет в этом времени, нашем времени, историческом времени личности.

Индивидуальность — это неповторимость качеств «Я», их устойчивость, воспроизводимость, если хотите, та узнаваемость во всем, что составляет жизнь человека. Она требует от человека особых «Я»-усилий, так как осуществляется в искусственной среде культуры, в знаковой среде обобщений и закономерностей, организующих взаимоотношения человека с другими людьми и с собой. В психологии существу-

ет проблема типологии личностей — вариантов индивидуальностей людей, основанных на той или иной системе классификации. Критерии классификации могут быть самые разнообразные. Обычно в работе с людьми для описания их индивидуальности используются критерии из разных классификаций или строго придерживаются одной, при этом обязательно указывают способ описания, чтобы были понятны те качества, которые хотят выделить. Например, это может выглядеть так: его поведение можно понимать как проявление некрофильной ориентации в понимании Э.Фромма (ориентации на смерть, на все, что связано с ее существованием). В этом суждении индивидуальность человека описывается через известную классификацию ориентаций личностей, предложенную Э.Фроммом: биофильную, связанную с любовью к жизни, и некрофильную, ориентированную на смерть (35).

В принципе индивидуальность человека может быть описана самыми разными способами, важно, чтобы она была. Вероятность не иметь индивидуальности или ее потерять существует у каждого человека, так как сам факт наличия индивидуальности говорит о существовании «Я»-усилий человека по сохранению границ своего «Я». Эти усилия реализуются через защитные механизмы личности.

Защитные механизмы личности — это понятие, которое позволяет мыслить о способах, какими человек организует свое психологическое пространство и сохраняет его устойчивость. Анна Фрейд — дочь и ученица З.Фрейда — выделяла следующие защитные механизмы личности, т.е. способы, какими «Я» сохраняет свои качества: *вытеснение, регрессия, реактивное образование, изоляция, отмена некогда бывшего, проекция, интроекция, обращение на себя, обращение в свою противоположность, сублимация, отрицание посредством фантазирования, идеализация, идентификация с агрессором.*

Другие авторы выделяли и такие защитные механизмы, как расщепление объекта, проективное (само)отождествление, отказ от психической реальности, претензии на всевластие над объектом, рационализация и т.п.

Необходимость защиты, появления защитных механизмов личности связана с тем, что естественные свойства психической реальности человека, данность его «Я» проявляются в искусственной среде знаков; последние своим воздействием могут не соответствовать свойствам его «Я», значит, будут вызывать боль, от которой надо избавляться с помощью механизмов защиты.

Остановимся кратко на характеристике защитных механизмов личности.

Вытеснение или *забывание*, происходящее как бы случайно.

Регрессия — появление поведения, характерного для далекого прошлого «Я», чаще всего для младенческого или раннего возраста.

Реактивное образование или *комплекс* — устойчивое образование в психике человека. Например, это могут быть какая-то воспроизводимая идея или действие, которые сами по себе не имеют значения, а важны именно для этого человека как способ сохранения своего «Я».

Изоляция — создание искусственных ритуалов, привычек, которые позволяют отдалить травмирующий фактор, например, обойти все канализационные люки, чтобы все было хорошо. Это позволяет прерывать цепь действий или мыслей, ввести элемент независимости от их течения, пережить существование «Я»-усилий и свою возможность их регулировать.

Отмена некогда бывшего — человек делает вид, что его прошлое не принадлежит ему и ведет себя противоположным образом.

Проекция — выделение в Другом (предмете или человеке) тех качеств, которые принадлежат самому человеку, но он их не признает или отвергает. Проекция — это механизм, который позволяет нам видеть ту соринку в чужом глазу, которую мы не хотим и не можем увидеть в собственном.

Интроекция, когда человек, фантазируя, переходит «извне» «внутри» объектов и качеств, присущих этим объектам, видит мир с точки зрения этих объектов. Так мы можем стать с точки зрения этого защитного механизма муравьями, червями, властелинами мира или бутонами цветка... Кому что больше придется по душе, главное, чтобы это помогло сохранить целостность «Я».

Обращение на себя — желание, направленное на объект, направляется на себя. Объект недостижим, что травмирует «Я» ввиду невозможности удовлетворения потребности в этом объекте. Желание объекта направляется на себя. Например, мы можем сказать, что у нас нет внешности кинозвезды, зато есть... Можете назвать то, что у вас есть.

Обращение в свою противоположность — процесс, при котором цель влечения сменяется на противоположную, а пассивность сменяется активностью. Мы можем это наблюдать в себе, когда от «хочу» переходим к «не хочу» относительно того же предмета (человека) и при этом начинаем действовать, часто весьма неупорядоченно, но действовать, снимая таким образом боль напряжения от нереализованной цели реализацией другой цели, пусть и противоположной.

Сублимация — такое влечение, которое по форме не имеет отношения к сексуальному влечению, а по содержанию порождено им. Сублимация — это влечение, которое в той или иной степени переключено на несексуальную цель и направлено на социально значимые объекты. Таким способом чаще всего объясняют творчество и интеллектуальную деятельность человека.

Отрицание посредством фантазирования — узнаваемый и наиболее простой механизм психологической защиты, позволяющий человеку в воображаемом плане сделать то, что он не может сделать в реальности.

Идеализация — процесс, в котором положительные качества и достоинства объекта преувеличиваются, а сам он рассматривается как нечто совершенное. Таким образом формируются идеал «Я» и критические инстанции в психической реальности, связанные с функционированием *Сверх-Я*.

Идентификация с агрессором — принятие позиции другого, осуществление действий и переживаний с этой позиции.

Расщепление объекта — форма защиты от страха, которая связана с приписыванием объекту качеств «хороших» и «плохих». Эти качества учитываются в последующем взаимодействии с объектом: «хорошие» используются, «плохие» игнорируются.

Проективное (само)отождествление — выделение только некоторых качеств «Я» и использование их во взаимодействии с другими людьми и во внутреннем диалоге.

Отказ от психической реальности — человек отказывается принять наличие факторов, которые вызывают напряжение и боль.

Претензия на всевластие над объектами — чаще всего проявляется как начало заболевания, характеризующегося снижением критичности человека.

Рационализация — интеллектуальное объяснение для самого себя фактов существования травмирующего воздействия, принятие этого объяснения для действий и переживаний.

Анализ существования защитных механизмов личности позволяет описать динамику — изменения, которые происходят в психической реальности человека, когда он встречается с необходимостью решения жизненных задач, проявляет «Я»-усилия, раскрывающие качества его «Я», структурирующие его психическую реальность, выявляющие глубину *Оно* и воздействие *Сверх-Я*. Кроме того, они позволяют выделить существование особого качества психической жизни, которое связано с понятием *Фантазии* или творческого воображения.

Фантазия — понятие, позволяющее описывать ту особенность психической реальности, о которой хотелось бы сказать, не боясь впасть в тавтологию, что это фантастическое свойство, присущее людям как проявление их сущностных, природных качеств. В чем же фантастичность этого качества фантазии или воображения, которое заставляет говорить о его силе как об особом проявлении человеческой природы? Сразу оговорюсь, что речь пойдет именно о творческом воображении, а не о нашей способности представлять предметы в их отсутствии (например, представить лицо любимого человека, когда его нет рядом). Именно его — творческое воображение — называют фантазией. Непревзойденную работу по этому вопросу написал Т. Рибо (27), французский психолог. Цитаты из этой работы приведены ниже.

«Регулятором знания является внешний мир, и внешнее преобладает над внутренним. Мир моего воображения есть мой мир, проти-

воположный миру знания, который принадлежит всем людям. Совершенно обратное представляет воля. О ней можно было бы повторить буквально слово в слово все то, что мы сказали о воображении; это повторение бесполезно. Дело в том, что в основе и воли, и воображения лежит наша индивидуальная причинность, независимая от того, каково бы ни было в последнем счете наше мнение о природе причинности и воли...» (с. 8).

«... творческое воображение в своей совершенной форме тоже стремится проявиться во внешнем мире, выразиться в творении, которое существовало бы не только для творца, но и для всех. Напротив, у пустых мечтателей воображение остается внутри в виде смутного абриса, оно не воплощается в эстетическое или практическое создание. Мечтательность эквивалентна проблескам воли. Мечтатели в творчестве то же, что подверженные абулии в сфере воли» (с. 8-9).

«Итак, творческое воображение заключается в свойстве образов группироваться в новые комбинации, благодаря самопроизвольности, природу которой мы пытались определить. Оно всегда стремится реализоваться в той или иной степени, начиная с простой мгновенной и кончая полным и совершенным объективированием. Во всех этих различных проявлениях оно остается тождественным, как в своей сущности, так и в своих составных элементах. Разнообразие его произведений зависит от поставленной цели, от нужных для ее достижения условий, от употребляемых материалов, которые, нося собирательное имя представлений, в сущности крайне несходны — не только несходны по своей чувственной природе (образы зрительные, звуковые, осязательные и др.), но и по своей психологической природе — образы конкретные, символические, аффективные, абстрактно-эмоциональные, образы родовые и схематические, понятия; причем каждая группа представляет индивидуальные оттенки.

Эта построительная деятельность, все охватывающая, везде проявляющаяся, в своей примитивной творческой форме есть творчество миров. Человек чувствует непреодолимую потребность отражать и воспроизводить себя в окружающем мире; и первая его попытка такого рода выражается в мысли по аналогии, которая всему придает жизнь, сходную с жизнью человека, и пытается все познать на основании случайных признаков сходства... из которой путем медленной эволюции произошли все другие формы: грубое или утонченное религиозное творчество, эстетическое творчество, являющееся не чем иным, как обедневшей, пришедшей в упадок мифологией; фантастические концепции, становящиеся мало-помалу концепциями научными, в которых всегда остается гипотетический элемент. Наряду с этими созданиями творчества, сводящимися к одной и той же форме, названной нами фиксированной или законченной в идее формой, существуют произведения практические, объективированные. Эти

последние можно свести к мифическому источнику только путем диалектических тонкостей, от которых мы отказываемся. Первые суть результат внутреннего возбуждения, а вторые — неотложных жизненных потребностей. Они являются позднее и представляют разветвленные первоначального ствола, но один и тот же жизненный сок питает обе ветви.

Построительное воображение проникает во всю индивидуальную и коллективную жизнь, спекулятивную и практическую, все формы жизни, оно вездесуще» (с. 216-217).

Итак, мы с вами, обладая воображением, фантазией, можем строить миры. Это — миры, основанные на нашей собственной причинности. В этом тексте говорилось о том, что «Я» стремится к проявлению своих качеств, что нужны усилия по сохранению проявленных качеств. Фантазия, творческое воображение — это и есть процесс осуществления этих усилий по удержанию целостности мира «Я», который, создаваясь, способен к превращению в свою противоположность. Удержать этот мир как целостность и позволяет творческое воображение, направленное на создание «Я» в новом качестве, в том направлении движения жизни, которое называют поиском себя, обретением себя. Назовем это еще построением собственного мира или дома своей души. В принципе это все об одном и том же — о свойстве психической реальности существовать в бесконечном разнообразии форм, объединенных интенцией «Я» к проявлению своих качеств как целостного образования — мира «Я».

В только что приведенных понятиях при их определении не раз уже встретились слова, которые объединяют понятийный — терминологический язык науки и бытовой язык, описывающий психическую реальность. Это понятия *Потребностей* и *Способностей*.

Потребность (Потребности) — это понятие в психологии характеризует состояние напряженности человека, его зависимости от его собственного внутреннего мира и внешнего мира предметов. Можно сказать, что потребность — это всегда есть предмет, который вызывает у человека состояние нужды в нем, сопровождающееся переживанием зависимости от этого предмета. Его еще называют предметом потребности.

Человек, люди, создавая новые предметы, создают и новые предметы для своих потребностей, а также новые состояния зависимости от этих предметов как новые потребностные состояния. Например, трудно было бы в начале прошлого века представить человека, который испытывал бы потребность в CD-роме. Сегодня никого такой потребностью не удивишь.

Потребности характеризуются их предметом, описываются через то состояние, которое предмет вызывает у человека. Так, можно говорить о духовных и материальных, естественных и культурных потребностях человека, о потребностях его организма и о потребностях его «Я». В

психологии существует необозримое количество идей о происхождении разных потребностей и бесчисленное множество исследований конкретных потребностей человека. Сошлюсь для примера только на одно исследование, которое было осуществлено отечественными коллегами — психологами и посвящено изучению потребности в достижениях ваших сверстников — студентов. Исследование проводилось с помощью специально разработанной анкеты (одного из наиболее распространенных методов массового исследования психической жизни человека). Что получилось? Цитирую по книге «Психологические и психофизиологические особенности студентов» (25, с. 60): «... у женщин потребность в достижениях достоверно выше, чем у мужчин. Потребность в достижениях выше у женщин не только по всей выборке, но и при сравнении студентов и студенток одного факультета... достоверные различия обнаруживаются только между лицами мужского пола гуманитарного цикла и математиками. Студентки этих факультетов показывают довольно близкие результаты.

Лица с высоким уровнем потребности в достижениях должны отличаться следующими чертами:

- настойчивостью в достижении своих целей,
- неудовлетворенностью достигнутым,
- постоянным стремлением сделать дело лучше, чем раньше,
- склонностью сильно увлекаться работой,
- стремлением в любом случае пережить удовольствие успеха,
- неспособностью плохо работать,
- потребностью изобретать новые приемы работы в исполнении самых обычных дел,
- отсутствием духа соперничества, желанием, чтобы и другие вместе с ними пережили успех и достижение результата,
- неудовлетворенностью легким успехом и неожиданной легкостью задачи,
- готовностью принять помощь и помогать другим при решении трудных задач, чтобы совместно испытать радость успеха».

Понять потребность человека — это чаще всего означает, что надо найти предмет или свойства предмета, которые вызывают у человека напряженное состояние зависимости от них. Потребности человека организованы в иерархическую систему, что позволяет говорить о их глубине и взаимозависимости более высоко расположенных потребностей от удовлетворения тех, которые расположены ниже по уровню иерархии (эти потребности, лежащие в самом основании иерархии, называют еще базисными). Интересна логика А. Маслоу, много лет изучавшего базисные потребности человека и структуру иерархии потребностей. По его мнению, самыми высшими в иерархии потребностей являются потребности в самоактуализации — в том состоянии «Я», которое человек переживает как возможность быть собой, как

радость от жизни, которую он осуществляет в соответствии со свойствами своего «Я».

Человек может управлять своим потребностным состоянием — подавлять и актуализировать многие свои потребности. Но есть состояния, которые могут оказаться выше сил «Я», определяющих границы его относительной независимости или зависимости от предметов потребностей. Об одном из них говорил Н.А. Некрасов в поэме «Железная дорога»:

*«В мире есть царь: этот царь беспощаден;
Голод названье ему».*

Голод, холод, страх, физическая боль могут лишить человека его существенных свойств, так как базисные потребности — основа для появления всех других — не будут удовлетворены.

У людей есть **Способности** — возможности преобразовывать мир и свою психическую реальность. Понятие способностей всегда предполагает, что человек может (или не может при отсутствии способностей) что-то делать. В зависимости от того, что человек делает, и описывают способности. Можно исследовать (и в науке реально исследуют) способности к сопереживанию, мышлению, пению, живописи, футболу, психологии и т.п. Практически можно сказать что существование в культуре любых предметов связано и с потенциальной способностью их освоить. Научиться владеть каким-то предметом, значит проявить способность к действию с ним. Создание человеком новых предметов создает и новые способности как того, кто владеет этим предметом, так потенциально и всех возможных будущих владельцев этого предмета. Типичен в этом смысле пример с освоением компьютера. Его создание породило новые способности у создателей и пользователей.

Именно в этом смысле можно утверждать, что человек создает свои способности в виде предметов или способов действий с ними, в виде оценок и отношений. Он проявляет себя как универсальное существо, способное потенциально стать всем, в том числе и самим собой. Это позволяет рассматривать способности человека как проявление его активности, выделять общее для всех людей как проявление общих способностей, анализировать то особенное, что присуще только одному человеку или небольшой группе людей — специальные способности. К числу общих способностей относятся, например, способности планировать, контролировать (рефлектировать), оценивать содержание своей активности, а к числу специальных — например, гибкость человеческого тела, тембр и силу голоса, способность к внушению и т.п.

Психологи уже более столетия пытаются измерить способности человека с помощью специальных заданий — тестов. Это стандартные ситуации, где человек должен проявить какое-то одно или несколько связанных между собой качеств своей психической реально-

сти. Известны средние данные качества действий человека в этих стандартных условиях. Сопоставление индивидуальных результатов человека со средними по группе позволяет оценить его способности как выше средних, ниже средних или как средние, т.е. соответствующие средним данным по группе.

В современном обществе тесты очень распространены и применяются часто для принятия решений о возможностях человека осуществлять ту или иную деятельность. При этом часто упускается из виду важное свойство человека, которое связано с обучением тому или иному виду деятельности, — его *Развитие*.

Развитие — очень важное понятие психологии как науки. Надо сказать, что оно не менее важно и в практической жизни человека среди других людей, когда речь идет о возможности прогноза (даже кратковременного) тех изменений, которые могут или могли бы произойти с человеком, и о причинах изменений как о развитии того или иного свойства его психической реальности.

Что такое развитие? Как увидеть его проявления в реальной жизни человека? Как прогнозировать изменения человека, предполагая, что это развитие? Все эти вопросы непосредственно связаны с понятием «развитие». Попробую его описать.

Прежде всего это — понятие, которое пытается фиксировать изменения свойств психической реальности в пространстве и времени жизни человека. Оно ориентировано также на выделение причин этих изменений, последовательность их появления, степень устойчивости и взаимосвязь друг с другом, другими словами — на фиксацию параметров развития, механизмов развития, движущих сил и закономерностей. Все эти составляющие так или иначе представлены в содержании понятия развитие, которое люди употребляют в обыденной жизни или в науке.

Естественно, что конкретное наполнение этих составляющих понятия (их еще называют подпонятиями) будет зависеть от позиции познающего человека, от позиции, которую он выбирает по отношению к целостному объекту — психической реальности. Та, которую я представляю в этом учебном предмете, связана с отечественной психологической теорией, основоположником которой был Л.С. Выготский, а сама теория получила название культурно-исторической теории. С точки зрения этой теории, развитие как психическое развитие человека можно представить как решение человеком задач. Уже не раз говорилось о том, что задача обязательно связана с существованием цели в определенных, конкретных условиях. Достижение цели предполагает наличие «Я»-усилий человека, направленных на организацию его активности по достижению результата, соответствующего цели.

Задачи, которые человек должен решить, отличаются степенью сложности, которая определяет характер «Я»-усилий человека. Для примера сложности задачи можно вспомнить строчки В.Маяковского

го: «Один, даже очень важный, не поднимет простое пятивершковое бревно, там более — дом пятиэтажный...»

Сложность задачи определяется наличием у человека адекватных ей «Я»-усилий, которые проявляются в умениях и знаниях человека, в его навыках — тех проявлениях внутреннего мира, которые связаны с существованием его способностей, его возможностей действия.

Л.С.Выготский считал, что разные качества внутреннего мира человека имеют разную степень выраженности в конкретный момент времени. Он называл это разным уровнем зрелости психических функций. Сказанное давало ему основания говорить о том, что, исследуя развитие человека как его возможность решать задачи, надо иметь в виду, что существует уровень актуального развития (сегодняшний день) и есть уровень ближайшего развития (завтрашний день) для каждого проявления качеств психической реальности.

Он писал: «...оказывается, что и в сотрудничестве ребенок легче решает ближайшие к его уровню развития задачи, далее трудность решения нарастает и наконец становится непреодолимой даже для решения в сотрудничестве. Большая или меньшая возможность перехода ребенка от того, что он умеет делать самостоятельно, к тому, что он умеет делать в сотрудничестве, и оказывается самым чувствительным симптомом, характеризующим динамику развития и успешности умственной деятельности ребенка. Она вполне совпадает с зоной его ближайшего развития...» (6, с. 248).

Зоной ближайшего развития Л.С.Выготский называл те задачи, которые человек может решить в сотрудничестве, тогда как зона актуального развития — это те задачи, которые он решает самостоятельно. Он считал, что показатели развития находятся в зоне ближайшего развития, именно они могут быть оценены как проявление новых, созревающих качеств психической реальности.

По мнению Л.С.Выготского, все специфически человеческие формы сознания возникают путем подражания. Сотрудничая с другими людьми в решении жизненных задач, подражая другим людям в этом сотрудничестве, человек развивается. Он считал, что подражание — это главная форма, в которой осуществляется влияние обучения на развитие. Обучить человека можно только тому, чему он уже способен обучаться. Обучение возможно там, где есть основания для подражания, оно опирается на созревающие функции, а не на созревшие.

Если следовать логике Л.С.Выготского, то получается следующая картина, характеризующая развитие как появление новых качеств психической реальности. Перед человеком стоит жизненная задача, которую он решает в сотрудничестве с другими людьми. Характер этого сотрудничества как зависимость «Я»-усилий человека от присутствия других людей и их воздействия на параметры его психической реальности определяется степенью сложности задачи и уровнем

зрелости психических функций человека. Человек может приобрести новые качества решения задачи, если он подражает другим людям и таким образом обучается. Это — механизм развития.

Движущей силой развития является взаимодействие с другими людьми, в ходе которого психическая реальность человека приобретает опосредованный характер — человек начинает использовать не только свои актуальные возможности, но и то, что создали другие люди. Психическая реальность человека начинает структурироваться — опосредоваться — опытом взаимодействия с другими людьми. Это будет ее новое качество — главный показатель развития.

Разрешение противоречий между актуальным уровнем зрелости психических качеств и потенциальным, составляющим зону ближайшего развития, является источником развития. Разрешение этих противоречий осуществляется путем сотрудничества с другими людьми как обучение, которое своим содержанием ориентировано на возможности человека, проявляющиеся в содержании зоны ближайшего развития. Это основные закономерности развития, которые можно описать как обучение — через подражание другим людям — решению все более сложных жизненных задач.

Таким образом, понятие *Развитие* позволяет фиксировать противоречия как источник развития, описывать основное направление изменения психической реальности как закономерности развития, выявлять те изменения, которые связаны с появлением новых качеств психической реальности как показателей развития и объяснять, как появляются эти качества, т.е. раскрывать механизм развития. Понятия, которые будут связаны с понятием развития в единую систему — это понятия задачи, зоны ближайшего развития, зоны актуального развития, сотрудничества, обучения, подражания, самостоятельности. В контексте излагаемого учебного предмета все эти понятия позволяют показать содержание «Я»-усилий и их динамику при решении жизненных задач человеком, которая определяет появление новых качеств в его психической реальности, т.е. показателей развития, позволяющих говорить об уровнях развития, о *низших и высших психических функциях*.

Именно это понятие принадлежит Л.С.Выготскому и позволяет содержательно анализировать те изменения, которые происходят во внутреннем мире человека как проявление процесса развития. *Низшие*, природные или натуральные психические функции — это те особенности активности человека, которые определяются строением его организма, его воспринимающих систем — органов чувств. Можно сказать, что их качество задается свойствами этих органов — остротой зрения и слуха, различительной способностью, чувствительностью (ее нижним и верхним порогами, т.е. возможностью человека выделять адекватно какой-то раздражитель — звуковой, зрительный, кожный и другие — и переживать его качество по мере изменения ин-

тенсивности воздействия до тех пор, пока оно не перейдет в болевое). Все проявления психической жизни человека, которые еще называют психическими функциями — память, внимание, мышление, ощущение, восприятие, чувства или эмоции — имеют природную основу в свойствах воспринимающих систем человека.

Развитие связано с тем, что человек начинает использовать знаки своей культуры, которые он освоил в сотрудничестве с другими людьми. Эти знаки — слова прежде всего — помогают ему в организации своей психической жизни. Человек может произвольно использовать свои же натуральные функции, если он опирается на знаки, например, может заставить себя быть внимательным, смотреть и слушать, даже думать и воображать. Это достигается за счет опосредования низших психических функций знаками, что позволяет рассматривать их уже в новом качестве — высших психических функций. Они остались теми же по функциям — память, мышление и другие, однако приобрели другую структуру, которая обеспечивает новые варианты объединения этих функций в системы, и с их помощью уже можно решать более сложные жизненные задачи.

Возможность использования опосредующих знаков опирается на фиксированность «Я» как основание и обоснование активности во всех ее формах — высших и низших. Естественно, что при реализации низших психических функций ориентация активности осуществляется в бо льшей степени на бессознательном уровне, тогда как при реализации высших психических функций она связана уже с проявлением сознания. Переход низших психических функций на уровень выше — к их опосредованности — сопровождается переструктурированием всей психической реальности. Например, на ранних этапах развития восприятие в большой степени связано с движениями, моторикой человека; постепенно оно приобретает все большую самостоятельность и независимость.

Таким образом, низшие и высшие психические функции — это одни и те же свойства психической реальности, имеющие однако разное качество как проявление их развития — изменения в пространстве и времени психической жизни человека. Эти изменения, как и вся динамика психической реальности, связаны с наличием у человека переживаний ее существования.

Идея существования развития далеко не является очевидной в современной психологии. Думаю, что вы уже это отметили. Очень трудно описать, что и как качественно изменяется во внутреннем мире человека. Описывая представление о развитии, которое имеется в трудах Л.С.Выготского, пытаюсь работать с этим понятием в практике преподавания и психологического консультирования, я все больше осознавала условность научного понимания развития. В реальной жизни было много фактов (о них, возможно, я напишу другую книгу), кото-

рые упорно сопротивлялись пониманию их с позиции существования развития как качественного преобразования психической реальности. Это прежде всего факты существования устойчивых образований психики — повторяющихся снов, устойчивого способа мышления, стандартного словаря и т.п. Это и наличие у «Я» человека таких его проявлений как сила, плотность (способность выдерживать воздействие без разрушения границ). Это и факты массового поведения людей, когда они отказываются от ответственности за свою индивидуальную жизнь, начинают слепо следовать той или иной идее, теряя чувство реальности, когда один человек или группа людей приобретают власть над содержанием психической жизни миллионов людей, когда виртуальный мир становится человеку более близок, чем собственные дети, когда...

У читателя есть возможность самому решить вопрос о существовании развития или каких-то других процессов, происходящих в психической жизни человека, когда он то ли переживает свое становление, то ли снятие напряжения, то ли рост, то ли все-таки развитие... По мнению А.Маслоу (работы которого я еще для вас процитирую), смысл понятия развитие можно скорее *обозначить*, чем определить точно, указав на то направление, которое можно считать положительным направлением изменений в психической жизни человека, переживаемым им самим как важное и положительное. При этом не надо забывать указывать на то, что развитием не является, т.е. обозначить понятие через его отрицание. Такое в логике возможно.

Переживания — это особое понятие в ряду других психологических понятий. Оно позволяет зафиксировать существование единиц психической жизни и само, по мнению Л.С.Выготского, является такой единицей. Быть единицей чего-то — значит содержать в себе все свойства этого чего-то. В нашем случае — психической реальности. Переживание и содержит в себе все ее свойства. О главных из них уже говорилось: это — целостность, т.е. относительная завершенность в пространстве и во времени; внутренняя структурированность; возможность самоизменения — порождение новых форм; обратимость — зависимость настоящего состояния не только от прошлого, но и от будущего; наличие в структуре искусственных и природных (натуральных) составляющих.

Специфика переживания как единицы психической реальности состоит в том, что оно выделяется не только наблюдателем для решения задач исследования, но и самим человеком, когда он занимает по отношению к себе позицию исследователя — позицию самонаблюдения. Примеры этого есть в дневниках:

«...столько наговорил. А я опять оцепенела. Что со мной: нападает оцепенение и, хуже того, ожесточение... Я опять превращаюсь в волчок в мешке...» (Ирина В.)

«Я живу сегодня. Но моя жизнь во внешнем мире иллюзия. Вся жизнь внутри меня. Здесь можно не согласиться, но если постараться

оправдать эти слова, то можно и понять. Когда я полностью погружен во внешние условия, когда сознание отдано привходящим условиям, вот здесь я замечаю, что перестаю жить...» (Владимир О.)

Переживания содержат в своей структуре «Я» человека – предмет, отношение к этому предмету. Каждое из этих составляющих имеет ту двойственную натурально-искусственную природу, которая и есть свойство психического.

В современной психологии большое внимание уделяется описанию и анализу различных переживаний человека. Я приведу только несколько строчек из работы А. Маслоу «Психология бытия» (18), надеясь на то, что читатели смогут оценить их по достоинству.

«Но мы знаем, что полнейшее отсутствие разочарований, боли или опасности также таит в себе опасность. Чтобы стать сильным, человек должен выработать в себе умение выносить разочарования, способность воспринимать физическую реальность как нечто совершенно индифферентное относительно человеческих желаний, способность любить других людей и получать такое же удовольствие от удовлетворения их потребностей как от удовлетворения своих собственных желаний (не использовать других людей просто в качестве средств). Ребенок, имеющий солидную опору в любви, безопасности и уважении к удовлетворению его потребностей, способен извлечь пользу из умеренной дозы разочарований и, в результате, стать более сильным. Если же разочарований накапливается больше, чем он может вынести, если они захлестывают его, то мы называем их травматическими и считаем скорее опасными, чем полезными...» (с. 242)

«Чтобы создать условия для развития и самоактуализации, необходимо понять, что способности, органы, организм в целом жаждут функционирования и самовыражения, они требуют, чтобы их использовали и применяли по назначению. Использование приносит им удовлетворение, а бездействие раздражает... Способности требуют, чтобы их использовали, и прекращают требовать только тогда, когда их используют достаточно хорошо. То есть способности являются также и потребностями. Использовать свои способности не только интересно, но и необходимо для развития. Простаивающая без дела способность и незадействованный орган могут стать источником болезни или атрофироваться, тем самым обедняя личность» (с. 244).

Переживания при их исследовании описываются с разных точек зрения, выстраиваются различные классификации. Я не буду прибегать к ним, предложив это сделать самим читателям. Для данного учебного предмета важным является то, что переживания могут быть как конструктивными для жизни человека, так и деструктивными — они могут способствовать решению жизненных задач или препятствовать этому. Деструктивным, например, является переживание неуверенности в себе, а конструктивным может быть переживание

доверия к жизни. Каждое переживание создает во внутреннем мире человека особую целостность, которая будет влиять на динамику всей психической жизни. Переживания отличаются по степени болезненности, той боли, которую называют душевной болью. В этом смысле ваш возраст предрасположен к специфическим видам душевной боли, о чем мы еще поговорим в других главах.

Естественное течение переживаний человека опосредовано — зависит от условий, где протекает его жизнь. Эти условия диктуют прежде всего форму проявления переживаний во вне, это еще называют экстерииоризацией, иначе — проявлением во внешнем плане внутренних состояний человека, его переживаний. Экстерииоризация является процессом противоположным по направлению интериоризации (присвоению человеком внешних по отношению к нему форм активности, я уже говорила о подражании при обучении). Экстерииоризация и интериоризация — эти два процесса используют то, что в психологии называют социальными нормами и правилами.

Социальные нормы и правила — это понятия, которые позволяют описывать ту искусственную сторону психической реальности, которая для человека связана с использованием культурных знаков. Применение их основывается на существовании социальных норм — обобщенных, ставших всеобщими особенностями отношений к предметам, в том числе и к телу человека как к особому предмету. Например, перед едой надо мыть руки. Заметим, что не голову, не ноги (это уже по ситуации), а руки — обязательно. Такова социальная норма. Общеизвестные нормы вежливости — тоже социальные нормы. О желательности не наступать на любимую мозоль соседа говорит тоже социальная норма.

Социальные правила — это способы употребления норм. Нормы — это как пункты инструкции. Они могут кочевать из одной инструкции в другую относительно независимо друг от друга, а сама инструкция как способ должна соответствовать свойствам предмета. Так и социальные правила, связанные с применением норм, должны соответствовать условиям человеческих отношений. Например, по правилам одного общества надо старшим говорить Вы, а по правилам другого это вовсе не обязательно. По правилам одного общества надо делать подарки друг другу в день рождения, а по правилам другого — день рождения это личный праздник человека, и другим вовсе не обязательно об этом знать.

Социальные нормы и правила влияют на проявление переживаний человека и, как я уже говорила, определяют формы их экстерииоризации. В Японии, например, не принято на людях выражать отрицательные переживания слезами. Это неприлично. В России мальчиков учат не плакать от боли, потому что они не девочки, чтобы плакать. Социальные нормы и правила придают поведению человека, а значит и переживанию, тот искусственный характер, который уже был назван в тексте как опосредованный.

В наибольшей степени влияние социальных норм и правил человек испытывает на себе, когда вступает в область правовых отношений с другими людьми. Законы, как известно, пишут люди. Это те социальные нормы и правила, которые могут быть даже моложе по их происхождению тех людей, которые должны следовать этим правилам. Такова судьба новых законов, например, закона о налогах и т.п.

Социальные нормы и правила пронизывают все сферы жизни человека, придают ей тот упорядоченный и узнаваемый характер, который позволяет утверждать, что «незаменимых людей нет». Оставим это суждение на совести его неизвестного автора...

Освоение человеком социальных норм и правил связано со становлением умения жить среди людей — этот процесс еще называют социализацией. Иногда он превращается в бесконечный процесс приспособления к социальным нормам и правилам. Тогда говорят о том, что человек конформен, он не имеет собственного лица и равен той социальной норме или правилу, которому следует его группа. Естественно, что вне группы социальные нормы и правила не существуют. В зависимости от типа группы они могут отличаться степенью жесткости — обязательности для ее членов, соответственно и степенью наказания за несоответствие, нарушение норм и правил.

Группы людей могут образовываться на основе личных симпатий, общих целей, когда каждый человек в этой группе чувствует себя своим и может противопоставить нормы и правила отношений в своей группе нормам и правилам чужой группы. Такие группы называют неформальными. Обычно в них есть лидер — человек, определяющий содержание норм и правил группы, и ведомые, которые находятся по отношению к лидеру и друг к другу в отношениях взаимозависимости. Эти отношения составляют структуру группы.

Группы могут быть организованы в структуру внешними условиями — пассажиры одного транспорта, учащиеся одного класса или одной студенческой группы, служащие одного подразделения и т.п. Отношения и структура в такой группе существуют во времени до тех пор, пока есть внешние обстоятельства, способствующие сохранению группы в пространстве и во времени. Нормы и правила этой группы задаются также извне — обстоятельствами и часто фиксируются в виде инструкций. Такие группы называют формальными, отношения в них могут стать и неформальными, но главными все равно остаются формальные. Именно они определяют структуру группы — ее лидера и отношения между ведомыми. В психологии есть особое направление (или отрасль), которое занимается изучением групп. Это социальная психология.

Для нашего учебного предмета важным является тот момент, что социальные нормы и правила являются внешними, как бы чуждыми, натуральному характеру психической жизни человека. Поэтому их

можно отнести к категории ценностей (средств), как писал А. Маслоу, предназначенных для оценки, контроля, осуждения, одобрения, осмеяния — для чего угодно, кроме ценностного и целостного переживания мира и себя в нем. Он говорил о том, что через использование ценностей — средств человек превращает весь мир в средство достижения своих целей. Это препятствует, по его мнению, постижению ценности самого мира.

Постижение ценностей мира, которые вслед за А. Маслоу хотелось бы назвать ценностями Бытия, возможно для человека в форме пиковых переживаний, где ему открываются ценности в форме, существенно отличающейся от социальных норм и правил. Ценности хорошо известны, хотя и трудно поддаются аналитическому описанию. Это — истина, добро и красота. Они не отделены друг от друга и являются не частью Бытия, а его, как пишет А. Маслоу, гранью. Он несколько раз упоминает о том, что только в зрелом человеческом существе они составляют единство и определяют конкретные факты психической жизни, содержание переживаний.

Для нашего учебного предмета важно, что в психической жизни человека есть различные формы переживаний, отражающие содержание связи внутреннего мира человека с самим собой и с внешним миром — условиями и обстоятельствами его существования. Понимание этих форм позволяет описать психическую реальность в ее специфических качествах, дает возможность выделить в ней устойчивые и изменчивые образования, характеризующие индивидуальность человека. К числу таких устойчивых образований, содержащих бытийные ценности, относятся: *Я-концепция человека, концепция Другого человека, концепция жизни и смерти*. Эти устойчивые образования содержат как ценностный, причем безусловно ценностный компонент, так и интеллектуальный (когнитивный), предполагающий обобщение в виде понятий, тех предельных понятий, о которых уже упоминалось в этом тексте.

Мышление взрослеющего человека — молодого человека — является тем качеством психической реальности, которое обеспечивает дифференциацию ее свойств и сохранение целостности самой психической реальности. Недаром, когда человек, как говорят, сходит с ума — заболевает психически, у него теряется целостность его психической жизни и в то же время он не может выделить и удержать в сознании с помощью «Я»-усилий ее отдельные качества.

Мышление — это то свойство психической реальности, с помощью которого человек находит новые, скрытые от непосредственного восприятия с помощью органов чувств, свойства предметов. Так, человек выделяет закономерности, существенные свойства, которые определяют жизнь предмета, еще говорят, его бытие.

Мышление — это поиск и открытие субъективно нового для человека, того нового, которое составляет содержание познания, нового как

качества любого предмета, на который направлена активность человека, структурируемая его «Я»-усилиями. Особенность этой активности такова, что она может осуществляться в воспроизводимой, повторяющейся форме. Тогда появляется непродуктивное мышление, стандартное мышление — то, которое не приносит плодов в виде открытия новых качеств. Оно как бы повторяет само себя; тогда и появляются задачи развития мышления у взрослого человека, которые сегодня можно решить, используя опыт проведения специальных занятий — тренингов, например, по методу Эдварда де Боно. Он предлагает пятидневный курс, направленный на изменение процесса своего мышления самим человеком. Для этого разработана система заданий, которая позволяет выделить мышление как особое качество психической реальности и воздействовать на него. Одна из задач, которую предлагает решать Эдвард де Боно, выглядит так: на столе надо разместить три алюминиевые банки, чтобы они составили стороны равностороннего треугольника. Расстояние между банками должно быть чуть больше длины ножа (их по условиям задачи полагается иметь четыре — плоских, одинаковой длины). Задание состоит в том, чтобы, используя не более четырех ножей, соорудить на банках платформу, которая выдерживала бы стакан с водой. При этом ни один нож не должен никакой своей частью касаться основания банки.

Любой из вас может попробовать решить эту задачу и все последующие из тренинга, ориентируясь на книгу Эдварда де Боно «Развитие мышления: три пятидневных курса» (4).

Для излагаемой учебной дисциплины существенным представляется тот факт, что, опираясь в своих «Я»-усилиях на мышление, человек может ориентироваться в свойствах мира, отделять его от содержания своей психической реальности, хотя, как давно известно психологам, грань между реальностями весьма условна и существует как взаимопроницаемая для свойств реальностей граница. В этом смысле можно сказать, что мышление способно удержать и сохранить эту границу. В таком случае человек говорит, что он удержался на краю (краю разума, краю мышления). Это не простые усилия, особенно в чрезвычайных обстоятельствах — при панике, в толпе, во время катастрофы или в условиях чрезмерного напряжения — переутомления, длительного стресса. Существование этой границы самоконтроля человека относительно проявлений своего внутреннего мира и контроля за ситуацией вне его показывает наличие в самом внутреннем мире других его качеств — *чувств*, — которые выполняют уже иные функции, чем мышление. Ситуация же вне внутреннего мира человека определяется законами природы или общества, которые сегодня еще далеко не изучены.

Чувства — во внутреннем мире человека характеризуют особое его качество, которое часто называют пристрастностью психического или страстями. Мне нравится это несколько старомодное слово

«страсти». Хотя оно очень редко употребляется в научной и учебной психологической литературе, но в нем слышится тот оттенок напряжения, которого нет в более расплывчатом слове «чувства». Однако термин «чувства» используют как понятие, и придется пользоваться им для обозначения огромной, относительно независимой от других сферы психической реальности.

Относительная независимость сферы психической реальности проявляется уже в том, что человек может думать не то, что чувствует, может говорить не то, что думает, может придумать себе чувство и поверить в него, может умом понимать, а сердцем (там чаще всего локализируются чувства) не верить и т.п.

Чувства или сфера чувств — это характеристика отношений человека, которые входят как один из основных элементов в содержание его переживаний. Отношения порождаются как качествами «Я», так и свойствами предмета, на который направлена активность человека. В этом смысле они индивидуализированы, природно обусловлены через свойства «Я» и в то же время предметны, так как направлены на предмет и от него получают свое содержание. Нелюбовь к скользкому и вязкому как проявление чувства содержит в себе источник (предмет) свойств и качество отношения к нему.

Приятное ощущение теплоты при массаже тела обусловлено так же, как и болезненное впечатление от укола, а волнение перед экзаменом сродни по происхождению радостной усталости от выигранного соревнования по марафонскому бегу... Все это чувства. Они двойственны, или дуалистичны, по природе — могут переходить в динамике в свою противоположность, что известно давно и отражено в пословице: «От любви до ненависти — один шаг». Не менее в этом смысле популярна ситуация, когда сладкое может быть настолько сладким, что станет восприниматься как горькое...

Чувства отличаются возможностью самоконтроля за их происхождением и течением. Самое неконтролируемое чувство — аффект — возникает в результате накопления травмирующих воздействий и бывает неожиданно как для самого человека, так и для окружающих. Именно об аффекте человек склонен говорить, что он от себя его не ожидал.

Самые контролируемые — эмоции. Именно их человек может сдерживать, скрыть их проявление, даже заменить другой формой проявления. Эмоции — это отношения, которые возникают при воздействии конкретного предмета в конкретной обстановке и практически длятся столько, сколько воздействует предмет. Если человек может избавиться от действия предмета, он может отойти и от собственной эмоции. Известная пословица «С глаз долой — из сердца вон» верна только в отношении эмоций. Если возникает чувство, т.е. тот тип отношения, который определяется способностью человека воспринимать предмет целостно, независимо от его реального воздействия на органы чувств,

то тогда эта пословица себя не оправдывает. Чувства, как отношение к целостному предмету, не подвластны времени и пространству. Поэтому человечество давно знает о возможности существования вечной любви и вечной ненависти, вселенского страха, космического ужаса и неземного блаженства... Эпитеты здесь только подчеркивают вневременность и безусловность чувства. Такое бывает. Такие чувства есть. Люди эти чувства умеют выделять и обозначают их как настоящие, подлинные. Психологи говорят о самоактуализации, пиковых переживаниях, а еще о счастье (но это бывает реже)...

Чувства проявляются и в виде настроения — относительно устойчивой системы отношений. Это позволяет выделять типичные для человека настроения. В этом смысле нас можно условно разделить на оптимистов и пессимистов. Кто-то может перейти из одной категории в другую, но это будет требовать специальных «Я»-усилий по преобразованию своего настроения, с которым придется даже бороться. Для борьбы применяют разные способы, например, прогулки, покупки, слушанье музыки, общение с животными и природой, походы к знакомым, уборка квартиры и т.п. Иногда настроению поддаются без сопротивления, и тогда человек, полностью отдавшись во власть настроения, бездельничает или спит, долго говорит по телефону, часами моется, смеется без повода (и по поводу), даже зевает вволю... «Под настроение» могут приниматься неожиданные для самого человека решения, например, о покупке или о поездке, даже о замужестве или разводе... О них потом сожалеют или вспоминают с неловкостью, словно о чем-то чуждом себе... В этих фактах проявляется такая важная особенность чувств, как их инерционность. Возникнув, чувства не могут мгновенно измениться или исчезнуть, они обладают динамикой. Недаром говорят, что надо пережить подобное состояние, возникшее у человека.

Благодаря своей предметности чувства могут восстанавливаться, как бы возникать заново. Обновление чувств как проявление отношения, построение отношения связано с изменением как «Я», так и предмета, вызывающего чувства. Взаимное изменение ведет и к обновлению чувств, что в жизни проявляется в «охоте к перемене мест», в желании изменить свою внешность...

О чувствах писать сложно, так как в бытовой культуре отношений людей они традиционно недооцениваются, хотя сегодня достоверно известно, что при этом могут возникнуть неприятности, связанные со здоровьем человека.

Еще на заре возникновения психологии как науки, в XIX веке, одни из первых исследователей чувств американец У. Джеймс и датчанин Ланге практически независимо друг от друга в одно и то же время сформулировали теорию, которая до настоящего времени является одной из основных в объяснении чувств. Суть ее состоит в анализе соотношения внешнего проявления чувств и их переживания:

человек плачет не потому, что ему тяжело, а потому и тяжело, что он плачет. У. Джеймс писал о том, что течение чувств можно представить следующим образом: восприятие ситуации, затем органические проявления и осознание этих проявлений. Другими словами, нечто вызывает наши слезы или смех, и осознание их (слез или смеха) порождает содержание чувств.

Ланге в своей теории развивал те же идеи, только он отмечал еще, что осознание мозговых, мышечных и органических изменений зависит от кровообращения. (Это уточнение позднее нашло свое подтверждение в работах Кеннона о роли кровообращения в распределении адреналина — гормона, отвечающего за уровень активации.) Современные теории эмоций также рассматривают эти классические составляющие чувств, которые практически ждут появления новых объясняющих идей.

Сегодня в изучении чувств большое внимание уделяется их активирующей роли. Эти работы были в свое время инициированы открытием Йеркса и Додсона, сформулировавших представление об оптимальном уровне активации для осуществления целенаправленной активности. Суть его в том, что продуктивность человека при повышении активации не подчиняется принципу «чем больше, тем лучше». Если линейно повышать (увеличивать) уровень активации, то это вовсе не значит, что продуктивность человека будет так же улучшаться. Есть предел, после которого наступает время сохранения продуктивности примерно на одном уровне, а потом происходит ее спад. Эта закономерность получила название оптимума мотивации и непосредственно обусловлена содержанием чувств человека, так как они отражают напряжение, связанное с содержанием активации. Думаю, что в практике своей жизни вы встречали факты, когда человеку очень хочется получить какой-то результат своих же собственных усилий, но чем больше он старается, тем хуже у него получается. Тогда обычно говорят, что человек перестарался. Он превысил уровень активации, необходимый для продуктивного осуществления данного вида активности. В быту об этом еще говорят, что все хорошо в меру. В меру хороши и активирующие усилия по достижению желаемого. Так законы чувств дают о себе знать.

Чувства, как уже отмечалось, не в полной мере контролируются человеком, они имеют природную основу или органический компонент. Есть множество ситуаций, когда чувства человека оказываются сильнее по проявлениям, чем его разум. Например, с чувством страха, который еще называют животным страхом, человеку справиться очень трудно.

Психологи обсуждают проблему соотношения аффекта и интеллекта (соотношение чувств и мышления) как проблему развития их отношений, взаимозависимости и относительной самостоятельности. Се-

годня, когда интенсивно развивается практическая психология, эта проблема из научной становится проблемой обоснования воздействия на параметры внутреннего мира человека в профессиональной деятельности психолога. По сути дела можно сказать, что любой взрослый человек вырабатывает свою систему идей в отношении своих собственных чувств — решает проблему соотношения их с собственным мышлением, когда создает свою концепцию жизни. Именно в этом образовании, существующем в психической реальности человека как относительно устойчивое во времени проявление его целостного отношения к жизни, присутствует индивидуальное решение проблемы связи аффекта и интеллекта. Очень часто это решение сводится к поиску способов нивелирования проявления чувств, созданию той тайны души, которая может стать даже непосильной для самого создателя. У человека не хватит силы *воли* для того, чтобы сдерживать свои чувства. И тогда наступит ситуация, когда ему надо будет принять свои чувства такими, какие они есть, и пережить их.

С собственной *волей* как свойством психической реальности человек встречается тогда, когда он переживает наличие в собственном внутреннем мире противоречивых чувств как выраженность противоречивых векторов напряжения в собственной внутренней активности. Для того чтобы их преодолеть, ему и нужны воля, волевое усилие, которое реализуется в волевое действие. Можно сказать, что фактор существования воли определяется двойственной природой чувств человека, которые в каждый момент времени содержат в себе свою противоположность, как бы отрицают сами себя, и нужны «Я»-усилия для сохранения качества чувства, чтобы активность человека не превратилась в хаотическое блуждание в пространстве и во времени.

Воля человека — это характеристика силы его «Я», его возможности создавать и сохранять свою целостность, которая является своеобразным гарантом целостности всей психической реальности. Возможность такого понимания воли основывается прежде всего на понимании роли «Я» в психической жизни человека, которая сегодня понимается как роль основания для построения психической реальности.

Воля как понятие психологии позволяет зафиксировать тот момент в строительстве психической реальности, тот момент рождения в ней нового качества, который осуществляется как выбор на основе дифференциации факторов, создающих неоднозначность ситуации. Например, выбор между «хочу» и «надо» — типичный волевой акт, где человеку приходится дифференцировать эти факторы, определить свое отношение к каждому из них и принимать решение о создании формы активности, соответствующей выбранному фактору. Выбор между «хочу» и «не хочу» также может быть волевым актом, поскольку определение предмета потребности требует дифференциации качеств своего внутреннего мира и их сохранения как основания для организации

активности. Решить вопрос о том, что «Я» хочу, — по сути дела создать в виде цели новую идеальную форму своей психической жизни.

Когда психологи описывают проявление воли человека, всегда присутствует представление о том, что она проявляется в качествах личности человека, т.е. является относительно устойчивым во времени образованием, определяющим активность и проявляющимся в ней. Решительность, целеустремленность, принципиальность, стойкость, выдержанность, корректность и другие качества личности содержат в себе проявление воли как свойства человека воздействовать на течение своей же психической жизни. Образ волевого человека, что естественно, отличается от образа безвольного и содержит в себе качество завершенности, прежде всего цели, средств и способов ее достижения, а также наличие основания и обоснования цели в самой психической реальности человека. Иначе говоря, нельзя быть волевым для кого-то или для чего-то. Воля — это для себя, ее смысл не в служении «Я» самому себе, а в создании самого себя.

Думаю, что есть смысл сказать о пределе волевых усилий человека, которые связаны с переживаниями бессилия перед жизнью, того бессилия перед обстоятельствами и воздействующими факторами, выше которых человек стать не может. Другими словами, в нечеловеческих условиях сохранить человеческие качества, среди них волю, бывает невозможно. Мне кажется, что современный мир дает психологам достаточно информации о проявлении человеческой природы в ситуациях всевозможных катастроф. Слова о гуманитарной катастрофе среди них могут и затеряться, стать частным фактом среди множества фактов повседневной массовой информации. Однако за ним — тысячи людей, для которых сама возможность их существования (не жизни, а существования как организмов) бывает затруднена или невозможна. И речь уже идет не о силе «Я», а о простой мышечной силе, которая дает энергию движения телу и мысли.

Когда в практике работы психологом-консультантом я встречалась с девочками-подростками, тратящими все силы своего «Я» на то, чтобы похудеть на 200 граммов больше, чем соседка по парте, отказывающих себе в пище, проявляющих ту стойкость характера, которую можно было бы назвать волей, я вспоминала других людей, замученных хроническим недоеданием или откровенным голодом. Все многообразие жизни «Я» невозможно описать, используя для этого что угодно — понятия ли науки, средства ли искусства. Однако предельные его состояния не требуют особого описания. О воле истощенного голодом человека вряд ли придется говорить всерьез. О воле человека, хронически переживающего свое бессилие перед жизнью, также судить сложно. Можно еще раз сослаться на А. Маслоу и сказать о том, что проявление качеств «Я» возможно тогда, когда у человека удовлетворены его базовые потребности. Хочется только добавить — удовлетво-

рены человеческим способом и с помощью человеческих средств. Тогда возможно и осуществление волевых действий, проявление волевых качеств как свойства «Я» человека, создающего и сохраняющего его для самого себя как ценность и целостность.

В данном тексте уже говорилось об искусственном характере психической реальности. Эта искусственность дает о себе знать в проявлении воли с большой, на мой взгляд, очевидностью. Человек может делать вид, что он прикладывает волевое усилие, не осуществляя его на самом деле. Он может только делать вид, что у него есть его «Я» как основание выбора, как основание для построения психической реальности. На самом же деле он играет в волевого человека. Такое возможно через подражание форме волевого действия, которая всегда имеет четкое внешнее проявление, завершенность и законченность, что естественно для создания новой формы «Я». Форма воспринимается, а содержания может и не быть — это свойство любого знакового образования, которое заставляет обсуждать проблему существования в нем значения и смысла. Значение знакового образования ориентировано на доступное всем обобщение, которое может транслироваться с его помощью. Смысл — это то содержание собственной психической реальности, которое привносит в знак каждый человек, используя его. Если привносить нечего, то использование знака будет пустым воспроизведением его значения как формы.

Так внешне волевое — решительное, целеустремленное и т.п. — действие может скрывать страх и разочарование человека в самом себе, его нежелание и неумение проявлять свои чувства и т.п. С этими фактами часто встречаются психологи-практики и психотерапевты. Особенность такого действия состоит в том, что оно не приносит человеку удовлетворения; оно не связано с переживанием радости — силы своего «Я», что естественно для волевого действия. Это действие — внешне волевое — создает для человека ту ситуацию долженствования, которая не является ни ситуацией морального долга, ни ситуацией реальных отношений взаимозависимости с другими людьми. Она пуста. Этой пустотой она разрушает, а не создает «Я». Подробнее о ней мы поговорим в следующей главе.

На этом я заканчиваю изложение основных понятий учебной дисциплины — психологии, понятий, которые буду в дальнейшем тексте использовать для описания того, как вы решаете свои жизненные задачи. Естественно, они будут дополнены и другими понятиями, которые составляют систему научного знания в том ее выражении, которое доступно автору этого текста так же как и всем, кто создает научное знание или использует его.

Следя афоризму К. Пруtkова, что «нельзя объять необъятное» (в данном случае — море психологических понятий и терминов), я приступаю к объяснению жизненных задач вашего студенческого возраста.

Тело как жизненная задача

Мама, это что дядя — мальчик?
(Суждение четырехлетнего о вас, молодые люди.)

Как бы вы не чувствовали себя взрослыми, все равно, скорее всего, этот период в жизни для вас еще не наступил. Образцом взрослого тела (заметьте, именно тела) является тело человека в возрасте 25 лет. Именно его берут за образец физического развития, когда обсуждают различные проблемы, связанные со здоровьем человека. Так что вы еще растете и этим доставляете немало хлопот сами себе, так как осваивать приходится свое растущее, меняющееся часто очень быстро, такое родное и одновременно незнакомое тело. Это и есть задача — жизненная задача молодого человека, которую можно было бы сформулировать так: найти средства и способы понимания изменений, которые происходят в моем теле, и научиться ими пользоваться.

Какие изменения происходят в теле молодых людей? Остановлюсь подробнее на их описании, разделяя существующее в литературе мнение о том, что эти изменения являются поворотным этапом в жизни человека, поворотом к себе, к своему «Я», которое приобретает в развивающемся теле новые формы для проявления всей полноты своих качеств.

Физическое созревание человека происходит по законам природы и связано с естественными потребностями человека, их еще называют органическими — это потребность в пище, воздухе, тепле, выделительных процессах, кровле и т.п. Одной из самых важных человеческих потребностей является потребность в продолжении рода, которая появляется и дает о себе знать новыми переживаниями в связи с половым созреванием человека.

Изменения, которые происходят в связи с этим во всей жизни человека, настолько велики, что многие исследователи человеческой жизни называют это вторым рождением человека, когда по-настоящему рождается и его человеческий облик и человеческая перспектива. Это — непростая пора в жизни человека, как пишет один из наиболее ярких отечественных исследователей юности М.М. Рубинштейн: «Природа с необычайной яркостью подчеркнула многозначительность и основоположность процесса, совершающегося в этот период и с внешней, и с внутренней стороны... Масштаб колебаний, взволнованности и критического характера этого периода подчеркивается также тем, что далеко нередки в наших условиях болезненные формы течения процесса зрелости. Именно в этот период час-

то дает свои печальные плоды наследственная отягощенность, ненормально проведенное детство, тяжелые материальные и социальные условия. Огромное количество всяких недомоганий, истерии, нервозности и т.д. берет свое начало из этого периода. Факт этот несколько не ослабляется в его значении тем, что нередко некоторые проявления не требуют обязательного участия врача, что при спокойном выдержанном отношении проходят сами собой... целый ряд некоторых временных ненормальностей может наступать в порядке самого процесса роста, и это не должно давать повод для тревоги и экстравагантных мер. Такие ненормальности вообще вполне естественны: ведь в жизнь юного человека входит теперь — частью скрыто, частью явно — новый, необычайно важный фактор, половое влечение; несомненно, он подготавливается и зрел постепенно, заранее, но самое выявление у огромного большинства людей представляет толчок и резкий сдвиг, которые не могут пройти незаметно и гладко, во всяком случае в душевной жизни человека» (29, с. 90-91). Я позволила себе привести длинную цитату из книги М.М. Рубинштейна и В.Е. Игнатьева, так как считаю, что по точности описания, глубине понимания проблем юности равных этой книге, по крайней мере пока, я не встретила.

Темп полового созревания человека обусловлен его природой. Однако в современных условиях цивилизации, когда на человека действует огромное количество неприродных факторов, а тех, которые называют неорганической природой человека, можно привести множество факторов, которые влияют на этот естественный в своей основе процесс. В число таких факторов входят социальные и материальные — питание, одежда, сон, воздух, информационная нагрузка, занятия спортом, прием лекарств и т.п. В общем все это в индивидуальной жизни молодого человека воздействует на параметры его созревания. Обычно считается, что темп созревания девочек выше, чем темп созревания мальчиков.

В психологии были и остаются идеи относительно того, что темп полового созревания существенно влияет на школьную успеваемость, на обучаемость вообще. Эти идеи далеко не бесспорны, хотя, думаю, заслуживают внимания в свете обсуждаемой жизненной задачи человека.

Представляют интерес, например, данные, приводимые Э.А. Голубевой, изучавшей способности индивидуальности: «...психологические черты темперамента (активность и эмоциональность) и их физиологическая, типологическая основа (безусловнорефлекторные общие свойства нервной системы — сила — слабость, лабильность — инертность, активированность — инактивированность), обуславливающие энергетический уровень поведения и его регуляцию, и у подростков, и у взрослых обнаружили закономерную связь с учебной успеваемостью как самым общим показателем способностей» (7, с. 94). Другими словами, энергетические характеристики человека определяют успешность его деятельности, но сами они являются продуктом созревания организма человека, его природным свойством.

Проявление природных свойств организма в молодые годы связано и с рождением новых качеств психической реальности. При всем многообразии их индивидуальных вариантов все-таки есть возможность выделить наиболее типичные. Попробую это сделать.

Прежде всего половое созревание и физический рост молодого человека связаны с неровностями, резкими переменами в его общем состоянии. Это отмечают как сами юные люди, так и наблюдатель. Читаем в дневниках:

«С утра состояние подавленности, безразличия, разбитости. Встала с трудом. Было ощущение, что мне ничего не надо... как биоробот. Ни себя не чувствую, ни людей.

Не знаю, как себя вести, какой быть? Слишком много я себе придумываю. Требую от себя совершенства, наделяю себя несуществующими качествами, не замечая существующих».

И через несколько страниц:

«Странное ощущение выпадения из времени и пространства. Словно я это не я, а «здесь» и «теперь» не имеет смысла. Сейчас во мне проснулся отшельник, пустынный. Люди приходят и уходят, а меня это не трогает — они проходят мимо. Моя мечта — сидеть около окна. Окно — это великая тайна мира, за ним всегда — другое. Люди — окна, картины — окна, мысли — окна. И я окно. Окно преследует меня все мои жизни: отрывает от суеты, пробуждает вечное. Мне хочется создать молитву Великому Окну, молитву благодарности. И сейчас меня снова лечит окно, и я снова, как проснувшийся ребенок, полюбивший окно больше всего на свете. Символ окна, идею окна. Я живу, когда вижу, замечаю окна...»

«Как трудно справиться со своим низшим я! Мне иногда кажется, что раньше я не раз была особой легкого поведения и мне очень просто стать ею вновь — столько этой силы во мне наработано. Я с детства претворяю ее в верность и любовь к тому, Единственному, но сколько же в ней еще животного: взгляд, песня, прикосновение — и неимоверная борьба с собой. Такие как я — Клеопатры или фанатичные монашки. Или поэты. Я спасаюсь стихами. Иду по проволоке над пропастью только благодаря тому, что смотрю вверх. Или я просто опасуюсь неведомого? И это тоже».

Все эти строчки принадлежат Ирине В., которая меньше чем через три месяца пишет о себе:

«День прошел в сильнейшем напряжении. Я уже утром еле встала: кружится голова и трепещет сердце. То холод, то пот. В голове гудит, слабость. Опять во мне идут какие-то процессы. А к вечеру сил осталось все меньше и меньше. Мне сказано спать. Но я не могу заснуть. Мне хочется писать. Я понимаю, что еще не пришло осознание. Что во мне опять что-то зреет и что это я еще не понимаю. Но я хочу писать. Хотя даже не представляю о чем».

Вот другой автор дневника:

«Не могу понять, что со мной происходит — всего и всех боюсь, зак-

рылся и сижу дома, на звонки не отвечаю, никого не хочу видеть. Себя просто ненавижу, а за что и сам не знаю. Ничего не знаю» (Алеша К.).

Он же:

«Выдумали слова про лучшую пору жизни — юность, когда слышу чьи-то суждения об этом, не знаю, что и сказать. Им бы такое пережить, как со мной. Ежедневный ужас от всего — от себя самого не убежишь...»

В других дневниках встречаю такие описания состояния:

— Был как в полусне...

— Ничего не задевало...

— Обостренно все чувствую, стала слезливой какой-то, вечно по пустякам хочется плакать...

— Накатывает беспричинное веселье, а потом такая тоска, что никому и не скажешь...

— Боль во всем теле и сны такие страшные, спать боишься...

— Иногда сделаешь что-то неожиданное, словно кто-то за руку тебя дернет, например, покупку какую-нибудь, а потом думаешь — зачем она тебе...

— Целый день спал и не просыпался даже есть, то ли устал, то ли в природе что-то не так...

— Я знаю, что могу долго работать, но не всегда, мне надо настроиться...

Думаю, что опытный глаз и опытное ухо могли бы увидеть и услышать в этих словах те состояния, которые называют юношеской депрессией или апатией, или снижением уровня активности. Это естественное состояние молодых людей, которым надо освоиться с изменениями, происходящими в их организме. Освоение этих изменений протекает в форме реактивной сгущенности. Этот термин позволяет описать преувеличенную реакцию молодого человека на любой, относящийся к нему раздражитель. Крайности этой реактивной сгущенности дают о себе знать в немотивированной стыдливости, когда молодой человек просто не знает, куда ему девать свои собственные руки и ноги. Он без причины заливаётся краской стыда, бывает, что даже наедине с собой он переживает острый стыд от мысли или возникшего внезапно чувства. Причиной этого являются переживания, вызванные физическим созреванием организма.

Тесно связана с этими состояниями и повышенная обидчивость юности на каждое слово, взгляд, даже прямо не обращенный к ней. Молодые люди усматривают обиду даже там, где ее просто не может быть. Мудрые взрослые знают как надо реагировать на это — чаще всего никак, не реагируют же на дождь, который путает отпускные планы. Его просто пережидают. Озлобленность в характере молодого человека можно взрастить пристрастным отношением, особенно повышенным вниманием к его обидчивости. Тогда у нее есть шансы превратиться в средство манипулирования другим человеком. Молодой человек научится лелеять свою обиду, выращивать ее до невероятных размеров, создавая в фантазии свое идеальное «Я» как воплощение только этого своего свойства.

Обидчивость молодых людей порождается тем, что физическое созревание, которое мало зависит от «Я»-усилий самого человека, создает особый фон тревожности. Он определяет чувства, особенно настроение, можно сказать, что в молодости человек стоит перед неизбежностью собственного роста; граница тела, его структура неопределенны, «Я» не имеет четких — даже телесных — контуров. Это — «роковая» неизбежность, она и вызывает то бессилие, которое проявляется в обидчивости.

Оно как проявление глубинных структур психической реальности, в полную меру дает о себе знать в этих переживаниях. Недаром в дневниках много написано о существовании сил, действие которых переживается, но не понимается, хотя человек и делает такие усилия.

Из дневника Ирины В.: «Весь день проспала. Чувствую, действует что-то из вне, из атмосферы. Но еще идет колоссальная работа в снах. Назрело, наболело в душе, накопилось, и теперь могу как-то анализировать, сделать выводы. А сны дают непровольную, подсознательную реакцию и намного правее яви. Вчера начали выходить на новый уровень наши отношения. Сегодня снова перерождаюсь и уже внутри себя изменяюсь опять. Несу перемену в жизнь. Что из этого получится? Еще не знаю, но меньше слабости и сомнения. Больше силы и решительности. День не прошел зря. Реальнее становится теперь и то, что жизнь не пропадет. Стоит ли подходить к бездне? Стоит! Лишь преодолением растем. Крепнет моя вера в себя, и это главное.

Вот и удержи тут состояние покоя. Но все-таки внутренний, очень глубокий покой есть. Аверху еще набегают волны и порой ненастье.

Господь, удостой меня быть орудием мира твоего! Помоги стать нужным миру! Помоги разбудить все свои силы и применить их там, где они нужны...»

Юного человека нередко охватывают самые разнообразные опасения, которые усиливают его тревожность, доводят подчас до мучительного состояния. Оно сопровождается неуверенностью в себе, сомнениями в ценности жизни вообще. В то же время нарастающие силы организма требуют их структурирования, одной из форм, в каких это проявляется наиболее часто, является работа со своим телом. Все, что молодой человек делает в этом направлении — закаливание, занятия спортом, планирование дня, ограничение своих потребностей или, наоборот, искусственное вырашивание новых потребностей (в алкоголе, курении и т.п.), — формы реагирования на неопределенность переживаний собственного тела. Часто такие занятия сопровождаются стремлением к уединению, которое обычно бывает временным и сменяется типичным для юности стремлением к общению, дружбе, любви. Существенным для переживаний физического созревания тела является изменение чувствительности — появляется новое кожное чувство. Наблюдатель может увидеть это в особых формах поведения, которые типичны для юности, — это выраженная любовь к прикос-

новениям, хлопкам, поглаживаниям, пощипываниям. В литературе встречаются даже слова о том, что человек в юности приобретает новое кожное сознание. Эти слова принадлежат Ст. Холлу, который одним из первых описал многие симптомы переживаний тела в юношеском возрасте.

Переживания, вызванные состоянием кожи, бывают предельно острыми, особенно в тех случаях, когда появляются юношеские угри. Борьба с ними отнимает у многих молодых людей много времени и сил, но практически всегда оказывается безрезультатной. Признаться в этом самому себе, принять положение дел таким, какое оно есть, — это сложнейшая задача, связанная с физическим созреванием. Реальные переживания и их внешнее проявление могут не совпадать.

Из письма молодой девушки: «...и еще одно из дел, правда, по сути второстепенное — вылечить свою физиономию. Но сегодня меня «утешили», сказав, что оно дает неизлечимые последствия (рубцы мои милые и прочее). Ладно, спасибо и на этом. А вообще-то ужасно неудобно: все это так мешает чувствовать себя равной среди равных. Всегда это произвольное «но» во всех отношениях. (Расписалась как дурочка. А вы посмейтесь!)»

Многие молодые люди предпринимают отчаянные и мучительные попытки борьбы за чистоту своей кожи— выщипывают волоски, выдавливают прыщики, причиняя себе боль, вызывая воспалительные процессы. Кожное чувство очень сильно и может проявляться в стремлении к оголению своего тела, рассматривать его самому и демонстрировать другим. Оно сочетается с чувством естественной мышечной радости от напряжения, которое может дать использование силы растущих мышц, вообще увеличение размеров тела и изменение его структуры. Изменяется отношение в водным процедурам. В отличие от подростков, юноши уделяют им большое внимание, и часто это становится своего рода ритуалом.

В юношеском возрасте можно отметить и перемены, связанные с вкусовыми ощущениями. В период физического созревания можно отметить появление избирательного отношения к пище или особая пристрастность к какому-то виду пищи. Иногда это приобретает характер стойкого отвращения к пище вообще или к какому-то ее виду. Можно наблюдать, что юные люди стремятся к совершенно невероятным вкусовым сочетаниям, при этом мальчики подчас обнаруживают удивительную прожорливость, которая сочетается с развитием избирательного отношения к пище. Причем избирательность проявляется по отношению к разным свойствам пищи — ее консистенции, вкусу, виду и т.п.

Даже неискушенный наблюдатель может отметить, что в юности обостряется чувствительность к запахам. Особенно у девочек. Не менее чувствительны к запахам и юноши. Это существенно влияет на их отношения. Возникающий в юности дурной запах изо рта может многое изменить в отношениях, даже расстроить их.

Исследователи юности отмечают, что у молодых людей появляет-

ся особое отношение к цвету. Цветовые восприятия приобретают особую эмоциональную окраску. Молодые люди становятся чувствительными к оттенкам цвета, у них развивается чувство формы. Это особенно бывает заметно, когда получаешь возможность анализировать рисунки молодых людей (не обучавшихся специально рисованию) при поступлении в университет и через два-три года, когда они уже немного повзрослели, но еще не стали взрослыми. Слабые, невыраженные формы сменяются четкими, завершенными, контуры форм часто специально выделяются, композиция рисунков становится сложнее и осмысленнее. Вот несколько примеров.

Значение цвета в жизни молодых людей также меняется. Знаменитый «язык цветов» становится им просто необходимым. Цвет выражает состояние, он становится специальным предметом осознания. Начинаются эксперименты с цветом, которые часто выглядят как крайние формы — отказ от цвета и любовь к черному или использование сверх ярких вариантов множества цветов. Это находит свое отражение в выборе одежды, предметов быта, в убранстве комнат...

Особые отношения в процессе решения задач физического созревания устанавливаются у молодых людей с собственным голосом. Они словно открывают его существование и качества. Нет ни одного молодого человека, который бы хотя бы раз в жизни не упражнялся в орании, воплях, выкриках, даже вое. О пении мы еще поговорим позже. Голосовые упражнения дают молодым людям непередаваемое наслаждение, они получают особый тип удовольствия, который часто не осознается, удовольствия от возможности использовать свои свойства — голос — как проявление качеств «Я». Причина этого удовольствия, как думают многие исследователи, в биологической природе человека. Известно, что именно в это время многие молодые люди приобретают великолепные возможности звукоподражания. Так проявляется способность к проявлению качеств «Я».

Все эти переживания, связанные с растущим телом, с формированием его целостного образа и отдельных качеств — кожи, голоса, рук, ног, волос, глаз и т.п. — приводят к повышенной эмоциональности. Предмет, который вызывает определенное отношение, — собственное тело. От него, как это ни банально звучит, нельзя никуда спрятаться. У девочек появляется и особенно остро проявляется новое свойство их активности — ориентация на мир телесных переживаний, которая еще должна приобрести форму качеств «Я». Возникает ситуация, когда «Я» как проявление жизни уже есть, оно создается естественно во времени и пространстве, оно требует — настойчиво и внятно — проявления в соответствующей ему форме. Но один из главных парадоксов человеческой жизни, одна из главных ее тайн состоит в том, что, подчиняясь законам природы в проявлении своих свойств, тело человека само по себе не создает формы проявления этих свойств. Они существуют вне его как культурные знаки, их надо найти, надо воплотить в них то, что будет составлять уникальность «Я». Именно

это несоответствие общей природы тела и уникальности «Я», которое открывается человеку в юности, создает новые чувства, новые страсти, которые определяют жизненную задачу — задачу физического созревания. Она связана с появлением интереса к себе, который перерастает в интерес к миру, а затем — к противоположному полу. Так решается эта задача. И итог ее решения — принятие своего тела как ценности, принятие жизни своего тела как данности своего «Я», как его неотъемлемого качества.

Психологи много рассуждают на тему взаимосвязи качеств психической реальности человека и свойств его тела. Это называется психосоматическими отношениями — отношениями души и тела. Сегодня существует множество точек зрения по этому вопросу. Мне наиболее интересна точка зрения, позволяющая рассматривать тело человека и отношение его к своему телу как проявление той опосредованности, которая связана с применением знаков, существующих в культуре, тех знаков, которые выглядят как социальные нормы и правила, входят в *Сверх-Я* и влияют на динамику психической жизни. Об этом можно прочитать, например, у А.Лоуэна в книге «Язык тела» (16), где он описывает эти отношения в психоаналитических терминах. Напомню читателям о существовании *Сверх-Я* (Суперэго) и «Я» (Эго) и о том, что между ними существуют отношения взаимозависимости в психической реальности человека.

А.Лоуэн пишет: «Эго — сила растущая. Увеличивается не только его мощь, но и скоординированность всех его частей и приспособляемость... всю жизнь мы стараемся повышать координацию разнообразных действий, нас интересующих. И если в среднем возрасте может наблюдаться спад чисто физической силы, то способность развивать и выполнять более тонкие движения сохраняется очень долго. Этим может объясняться то, что с годами у большинства людей Эго становится сильнее.

Усиление Эго может происходить только в пределах, допускаемых Суперэго. Многие, например, так и не выучиваются танцевать из-за недостаточной подвижности ног. У других, что гораздо серьезнее, из-за постоянного напряжения голосовых связок сильно ограничена возможность публичных выступлений. Проблему Суперэго и вызываемых им ограничений подвижности можно попытаться решить через душу и тело... Задача в том, чтобы ввести в Эго осознание чувств, подавленных Суперэго» (с. 47-48).

Итак, физическое созревание как жизненная задача позволяет человеку использовать ту систему знаков, которая в конкретных социальных условиях его развития опосредует отношение к телу. Благодаря освоению этих знаков «Я» приобретает форму. Человек может пытаться использовать знаки и не совпадающие с содержанием его «Я». Тогда он попадает в травмирующую «Я» ситуацию, что может стать началом тех болезненных переживаний, которые еще называют расщепленным или раздробленным «Я», которому, чтобы избавиться от них, надо будет обрести целостность. Иногда на это уходит вся жизнь человека.

Знаки, которые связаны с фиксацией в них отношения к телу, в юношеском возрасте ориентированы на то содержание, которое отражает сексуальную идентификацию, т.е. отождествление себя с тем или иным полом. В любой культуре существуют знаки как обобщения признаков половой принадлежности. Думаю, что читатель без особого напряжения найдет среди приведенного списка таких обобщений те, которые больше соответствуют женскому полу, и те, которые соответствуют мужскому:

нож	стремя	решение
автомат	лук	просьба
пила	пашня	настроение
топор	тесто	борьба
граната	соска	согласие
конь	стирка	разум
пряжа	носок	чувство
платок	подол	сила
бусы	молоток	стойкость

Конечно, при выполнении данного задания, если оно показалось вам нужным, вы встретили такие знаки, назначение которых трудно сразу определить однозначно или вообще не представляется возможным это сделать, что вполне естественно. Ведь в современной культуре мужское и женское знаковые пространства очерчены очень нечетко — существует взаимопроникновение знаковых образований, которые в сочетании с другими могут выражать и мужчину, и женщину. Существование проблемы соотношения биологического и психологического пола человека показывает, что в психической реальности человека нет прямого отображения свойств тела как организма, оно переживается по особым законам, один из которых связан с решением человеком вопроса своей половой идентичности.

Люди — молодые люди — прежде всего определяют и фиксируют свою половую принадлежность через содержание интереса к другому человеку. Этот другой человек и является тем знаком, который будет отражать пол (думаю, что точнее — половую роль) человека. Особенность природы человека такова, что, обладая определенным строением тела, с выраженными органическими и функциональными признаками пола, человек может стремиться осуществлять социальную половую роль, не соответствующую строению организма. В предельном случае он может стремиться изменить пол на противоположный, так как его отношение к другому человеку — интерес к другому человеку — не компенсируется только социальной половой ролью. Эту особенность человеческой природы во многих современных обществах принимают как неизбежное в природе человека проявление индивидуальности и законодательно регулируют отношения людей не только в гетеросексуальных браках, но и в гомосексуальных.

Решение жизненной задачи физического созревания осложняется у тех молодых людей, которые ориентируются в отношении к своему телу на понятие нормы. Любое отклонение (по их мнению) от этой нормы воспринимается как трагедия, разрушающая и без того несформированные контуры «Я». Надо напомнить читателям, что понятие нормы само является знаковым образованием культуры, и его назначение может быть весьма четко определено — оно создано для регулирования отношений в группе, для управления группой как обоснование санкций разного рода за несоответствие групповым правилам. Использовать его по отношению к себе, конечно, можно, но зачем... Если отнести его к строению своего тела, то каким бы оно ни было — оно ваше, ваше отношение к нему говорит о вас как о хозяине, если хотите, как о собственнике. Умеете ли вы им быть, хотите ли вы им быть...

В психологических исследованиях накоплен богатый материал наблюдений и исследований отношения людей к своему телу, что позволило создать много стандартизированных (проверенных на точность с помощью специальных процедур) методик исследования отношения человека к своему телу. Методика — это всегда задание, которое надо выполнить, а психолог знает, как можно объяснить результаты выполнения этого задания. Одной из наиболее распространенных методик является методика «Рисунок человека», которую обычно человек получает как инструкцию: «Нарисуйте человека. Нарисуйте так, как умеете». При всех возможных вариантах этой инструкции ее главная цель — побудить человека к рисованию.

Суть этой методики состоит в том, что в ней используются механизмы проекции и интроекции. Человек должен использовать всю систему своих психологических возможностей, отражающих опыт его переживаний, которые, естественно, протекали в его теле. Представление об органах тела, его восприятие, как это сложилось в личном опыте человека, регулируют процесс изображения фигуры человека. Понимание, объяснение рисунка основываются на предположении, что нарисованная фигура связана со свойствами психической реальности так же тесно, как и его походка, почерк или экспрессивные — выразительные — движения. В исследованиях показано, что рисунки людей остаются достаточно постоянными длительное время — при повторении задания воспроизводятся с большой точностью. В приложении есть несколько рисунков молодых людей, которые характеризуют разные типы решения задачи физического созревания. Их объединяет одно — это все здоровые люди, имеющие разный опыт переживания своего тела, который приобретает знаковый характер при изображении фигуры человека.

Интерес в другому человеку связан с принятием своего тела, через знаковое оформление этого принятия в новых формах «Я» — прежде всего в одежде, в опрятности, в стремлении воздействовать на свое тело с целью его переживания. Тело становится своим, оно знак «Я», и его форма — новая форма, наполненная, наполняемая новыми пере-

живаниями. Появляются, таким образом, новое основание для организации активности, новые переживания силы «Я». Помните, Ирина В. писала в дневнике, что силы в ней достаточно, чтобы победить смерть.

Активность стимулируется повышенной эмоциональностью, способствующей открытию новых миров — мира других людей, своего нового мира, мира природы. Это — прямое следствие решения задачи физического созревания. Сила выросшего, созревшего тела, ставшего формой «Я», требует реализации. Читаем в дневниках:

«Потянуло чистить, мыть, готовить. Но не в этом суть, а в том, что сегодня почти за каждым делом стояла мысль о других. Не натужная, а естественная. Причем многоуровневая: делаю для людей и мира (преобразила себя и окружающее). Люди конкретные и мир. И не ради тщеславия делала, не чтобы облагодетельствовать, а просто все время было чувство единства. Даже не знаю, как это описать. Бытовые мелочи, а на душе становится легче, светлее, свободнее. Ведь любовь, она во всем. Это пришло на уровне чувства, на уровне дела. Любить все. До смешного: мою кастрюли, чтобы чистенькими стояли, чтобы красоту мира не портили, чтобы глаз человека радовали. С полом разговариваю, с вещами, с тарелками. И как-то от этого хорошо. Я могу много думать о чистоте — и ничего, а подмела пол — и хорошо. Только если не автоматически (чтобы не позориться), а с мыслями» (Ирина В.).

«Я только научилась учиться, очень хочется работать — делать то, что уже умею (или думаю, что умею). Такие силы чувствую, что потом спохватываюсь — на что замахнулась...» (Алена А.).

«Стал замечать, что меньше думаю о себе, мне интереснее наблюдать за другими, понимать их. Бывает, что неожиданно чувствую такое родство с человеком, которого первый раз вижу, что даже обнять его хочется» (Владимир П.).

«Начала бояться, что ничего не успею в жизни сделать, что все пройдет напрасно — я столько еще не прочитала, не видела, столько людей интересных вокруг...» (Вера Д.).

«Я знаю, что в жизни есть свои законы, но почему-то одним людям выпадает все, а мне — одни мучения с этим лицом, но я стала думать, что, наверное, так надо, чтобы я острее чувствовала, как плохо может быть людям и помогала им, как могу» (Марина И.).

Итак, другие люди входят в жизнь молодого человека через интерес к ним, через обретение силы «Я» в форме выросшего, созревшего тела. Сексуальные переживания, связанные с созреванием репродуктивной системы, становятся качествами «Я». Это — работа, которая совершается при решении задачи физического созревания через освоение знаков своей половой роли.

При здоровом развитии молодого человека проявлением сексуальности в юношеском возрасте будет интерес к другому полу, который далеко не всегда выявляется в ясной форме. Большей частью он носит фор-

му физического возбуждения, сопряженного с напряженным недифференцированным чувством, которое реализуется в сновидениях. Надо сказать, что авторы всех дневников описывают свои впечатления о сновидениях. Часто описывают то необыкновенное чувство значительности событий, которые происходят во сне, но не останавливаются на деталях события. Сон в жизни молодых людей имеет огромное значение — в дневниках есть страницы, где их авторы негодуют по поводу своей сонливости или высказывают опасение, что спят слишком много или не удастся поспать необходимое для восстановления сил время.

Молодые люди стремятся самостоятельно разобраться в символике снов, в их назначении для решения их жизненных задач. Так, в дневнике одной из девушек встречается неоднократное упоминание о повторяющемся сне, где воспроизводится одно и то же событие: она должна взлететь над небольшим городком, но когда уже поднялась в воздух, увидела, что небо затянуто невидимой с земли сеткой, и она может летать только под этой сеткой. Она пытается понять сон как знак ограничений, которые есть в ее жизни в связи с болезнью.

Молодой человек неоднократно описывает в своем дневнике космические сны: полеты на другие планеты, видение Земли издалека, встречу с людьми, которые владеют тайной жизни. Другой молодой человек неоднократно отмечает, что ему уже давно ничего не снится.

Пристрастное отношение к содержанию сновидений, актуальность сна как проявления своей частной жизни, жизни «Я» связаны с тем, что сон поставляет человеку его индивидуализированные знаки, без которых невозможно проявление новых чувств, обусловленных физическим созреванием, становлением сексуальности.

В современной литературе широко обсуждается проблема становления мужской и женской сексуальности с разных научных и этических позиций. Существует большое разнообразие идей относительно того, кто, как и когда должен сообщать растущему человеку необходимую информацию о переживаниях, которые у него могут появиться или появляются. Думаю, что индивидуальная жизнь человека должна сопровождаться максимально возможным количеством информации о человеческой жизни, из которой он сам выберет необходимое, когда будет готов — созреет — для ее восприятия, когда возникнет его жизненная задача, требующая решения.

В жизни и в психологии известно, что сексуальность мужчин и женщин развивается по-разному. Это очевидный факт, объяснение и понимание которого практически входит в любую теоретическую конструкцию, в любое объяснение того, что и почему происходит с человеком. Как сам человек может объяснять и понимать события своей жизни (хочет ли это делать) — это уже другой вопрос, вопрос о его самосознании, о соотношении «Я» и других образований психики.

Бесспорно одно, что в юности и у молодых людей, и у девушек является интерес друг к другу, который ищет соответствующего про-

явления в действии. Таким образом, возникает желание обратить на себя внимание представителей другого пола, делаются попытки покрасоваться, что приводит к особому самовосприятию — стремлению видеть себя как бы со стороны, это еще называют позерством. (Помните, искусственность своего поведения отмечали и авторы дневников.) Формы, в которых юность стремится привлечь к себе внимание, — самые разнообразные. Они носят тот знаковый характер, который приписывается каждому полу в культуре. Отчасти поэтому молодые люди стремятся демонстрировать свою силу (в том числе силу ума, что проявляется в особом интересе к юмору), а девушек привлекает их собственная внешность, красота. Часто появление этих форм поведения еще не до конца осознано, и если их интерпретируют другие люди и интерпретируют неадекватно, проецируя на молодых людей свои проблемы, то это может привести не только к разрушению отношений, но и к созданию у молодых людей неадекватных форм самовосприятия. В моей практике работы психологом-консультантом была встреча с женщиной, которая долгие годы переживала слова, сказанные ей однокурсницей в ситуации, когда она занималась своей внешностью, готовясь к танцам. Слова были злые: тебя такую (имелась в виду внешность девушки) никто никогда не полюбит.

Явление красования — стремление понравиться другим и себе, как отмечают исследователи юности, это проявление переживаний, которые связаны с решением задач физического созревания. Юные люди ищут формы проявления своего «Я». Поиск приводит к переоценке многих материальных предметов — они наполняются новым смыслом, становятся собственностью, воплощением качеств «Я». Ни в каком другом периоде жизни человек не бывает так чувствителен к личным вещам, как в юности. Дверь своей комнаты (если она есть), закрытая на ключ от родных, — один из вещественных знаков юности. В таком поведении многие авторы видят сублимацию полового чувства, которая также проявляется в повышенном интересе к различным безделушкам, фенечкам, талисманам, альбомам. Последние расцениваются как половые фетиши, как заместители ценности реальных сексуальных объектов. Подобную роль выполняют и различные ритуальные действия — например, отдельным видам танцев придается специальное значение, которого нет и не может быть у другого вида танцев.

В целом можно сказать, что мир молодого человека наполняется его знаками, их можно назвать «Я»-знаками, обозначающими новые качества созревающего организма. Создается свое пространство, напряжение в котором организуется часто еще недифференцированным чувством влюбленности, перерастающим в интерес и увлечение лицом противоположного пола, что и называют юной любовью.

В жизни нет разделенной во времени последовательности решения возникающих задач. Как это выглядит в теории, будет ясно из следующей главы.

Абстрактное мышление как жизненная задача

*...О чем-нибудь поговори..
(Из песни.)*

В современной психологии есть особое направление — когнитивная психология, одним из разделов которой, пожалуй самым важным, является раздел «психология интеллекта». Это: исследования мышления; теории, объясняющие его работу; методики, позволяющие фиксировать качества мышления; методы (способы) познания мышления мыслящим исследователем.

Практически ни одна из работ по психологии мышления прямо или косвенно не обходится без идей швейцарского исследователя интеллекта Жана Пиаже, который описал стадии развития интеллекта как созревание его операциональных структур (возможности человека преобразовывать предмет с целью получения знаний о его свойствах).

Ж. Пиаже так описывает этапы развития интеллекта:

«С появлением языка или, точнее, символической функции, делающей возможным его усвоение (от 1,5 до 2 лет), начинается период, который тянется до 4 лет и характеризуется развитием символического и допонятийного мышления.

В период от 4 до 7-8 лет образуется, основываясь непосредственно на предшествующем, интуитивное (наглядное) мышление, прогрессивные сочленения которого вплотную подводят к операциям.

С 7-8 до 11-12 лет формируются конкретные операции, т.е. операциональные группировки мышления, относящиеся к объектам, которыми можно манипулировать или которые можно схватывать в интуиции.

Наконец, с 11-12 лет и *в течение всего юношеского периода* (выделено мной. — Г.А.) вырабатывается формальное мышление, группировки которого характеризуют зрелый рефлексивный интеллект» (21, с. 177).

Что же происходит в вашем возрасте с вашим мышлением? По мнению Ж. Пиаже, с которым нельзя не считаться, именно в этот период человек научился рассуждать, не связывая себя настоящим. Будущее время становится для него актуальным фактором жизни. Ребенок может думать только о том, что видит непосредственно в настоящее время, тогда как юноша начинает уже думать о своем собствен-

ном мышлении — это называется рефлексией. Он получает возможность строить теории — идеальные объекты, обоснование существования которых он находит и логически использует сам. Как это проявляется при построении «Я»-концепции, концепции другого человека и концепции жизни, мы рассмотрим несколько позже.

Ж.Пиаже считает, что такое мышление зарождается в 11-12 лет — с того момента, когда человек начинает рассуждать гипотетически, используя дедукцию, т.е. исходит из общих посылок, и может строить умозаключения, опираясь на его форму, не прибегая к ссылкам на свой опыт или проявление содержания мышления в конкретных фактах действительности. Ему это становится ненужным. Хотелось бы обратить внимание читателей на то, что человек получает возможность пользоваться формой своего мышления — он созрел для этого. Его личный опыт преобразования предметов для получения знаний о их свойствах становится неактуальным. Сам этот процесс рассуждения, который будет выглядеть как построение высказываний, предполагает другие операции, чем рассуждения по поводу действия, непосредственно осуществляемого с предметом или воспринимаемого с помощью органов чувств предмета.

Формальное мышление потому так и называется, что оно представляет собой размышление над операциями с предметами. Как говорит по этому поводу Ж. Пиаже, это оперирование операциями или их результатами и, как итог, — группировка этого оперирования. Группировка осуществляется в решении проблем классификации, сериации, персчета, измерения, перемещения или помещения в пространстве и во времени и т.п. Группировка осуществляется как группировка высказываний, в которых «отражаются» операции.

Содержанием формальных операций будут импликации (включения) и несовместимости высказываний, которые, в свою очередь, выражают классификации, сериации и т.д. На этом фоне и появляется жизненная задача, которую можно было бы назвать задачей становления абстрактного мышления как правильного мышления.

О том, что мышление может быть правильным и неправильным известно давно, и это знание зафиксировано в понятии истина. Поиски истины осуществляются в процессе мышления, которое для вас становится доступным для восприятия как характеристика вашей психической реальности. Сейчас вам уже можно (может быть, нужно?) ставить и решать вопрос об искусстве правильно мыслить.

Сами молодые люди выделяют появление в себе этого качества своей психической реальности и пытаются воздействовать на него.

Страницы из дневника Ирины В.:

«Сегодня опять поняла, как мало значат слова и как много то, что за ними стоит. То ли я разучилась их воспринимать? Мы играем в слова, сделали из них шелуху и тонем в ней. А они значат много.

Много. Потому что в них мы теряли себя. Глубинное в себе сделали маленьким и пустым. И большой дворец мысли становится конурой. Какой-то сумбур у меня получается. Передо мной сегодня так мельтешит многословие. Смешная ситуация на экзамене: меня спрашивают, а я не хочу говорить. Физически не хочу. Экзамен: нужен заданный набор слов, за которыми может ничего не стоять, кроме памяти. Зачем? Ведь это же мусор. Почему знать — значит помнить? Знать — значит мыслить, чувствовать. Слово имеет значение, если оно выражение мысли, выражение меня. Я молчу и не хочу говорить, потому что это — не мое, потому что это — пусто. Мы — мусорщики. И как глубоко вошла в меня привычка мусорить. И сейчас задача научиться выражать себя и свои мысли, вернуть словам их суть. Мы считаем своим делом поддерживать любой разговор и гордимся умением говорить ни о чем. Мы все образование и воспитание получили на этом — говорить. Искусство колебания воздуха? Если бы — искусство разрушения себя и мира. Кто нашим словам отозвался?

А еще я сегодня почти не тратила времени зря. Как-то автоматически возник вопрос: а нужно ли это мне? Мне — части мирового Единства. Что миру от того, что я этим займусь? И как-то находились неотложные дела, и не было ощущения на душе. У нас так много способов убивать время. Слово-то как подобрано — убивать. Помогает преодолевать это — целесообразность. А цель одна — Общее Благо. Ведь всегда чувствуешь, когда окружает лишь видимость — за которой та самая пустота разрушения. И часто идешь у нее на поводу. Почему? Ведь так просто: не видишь в этом целесообразности — займись другим. Или про цель забываешь? Именно так. А начинается пустота видимости, как только закатываешься в личный мирок, потому что он эта самая видимость и есть. Примерим к себе, и потеряна встреча, потеряно дело, потеряно время.

Я сегодня физически чувствую разрушение. Не могу это объяснить, но я физически чувствую, когда разрушаю, а когда создаю. Что? Единение. Ум многое оправдывает, а сердце ноет — пустота. А чувство созидания часто находишь в том, что ум считает ничтожным и мелким. Что ли я лучше стала слушать сердце?..»

Вот и открывается новое в самом мышлении — рефлексия на сам процесс, на то, как искать истину — свою истину, свою правду, человеческую правду. Об этом писал Ж. Пиаже: «...сама логика не является (с психологической точки зрения, которой мы в данном случае придерживаемся) только системой независимых операций: она воплощается в совокупности состояний сознания, интеллектуальных чувств и поведений с такими характеристиками, социальную природу которых трудно оспаривать, независимо от того, первична она или производна... она является моралью мысли, внушенной и санкционированной другими...»

...объективность, потребность в проверке, необходимость сохранять смысл слов и высказываний и т.д. — все это в равной мере и условия операционального мышления, и социальные обязанности.

В этом пункте неизбежно встает вопрос: является ли «группировка» причиной или следствием кооперации? «Группировка» — это координация операций, т.е. действий, доступных индивиду. Кооперация — это координация точек зрения или, соответственно, действий, исходящих от различных индивидов. Таким образом родство «группировки» и координации очевидно, но важно выяснить, операциональное ли развитие, внутренне присущее индивиду, делает его способным вступать в кооперацию с другими индивидами или же, напротив, извне данная и затем интериоризованная индивидом кооперация заставляет его группировать свои действия в операциональные системы...

Точнее было бы сказать, что каждая группировка, будучи внутренней для индивида, есть система операций, а кооперация образует систему операций в собственном смысле слова» (21, с. 217 — 220).

Что же, остается повторить за Ириной В. и классиком психологии, что поиск истины — дело не одного человека, а всех. Он сам, взрослея, становится готов к этому поиску. Особенность человеческой жизни такова, что постоянный обмен мыслями с другими людьми позволяет человеку отделить мир своей психической реальности от других реальностей, создает возможность действовать с разных точек зрения, координировать их в целостном представлении о предмете, в том числе о своей психической реальности как предмете. Без кооперации с другими людьми было бы трудно, порой невозможно, сохранять за понятиями постоянный смысл и четкость содержания. Эта координация осуществляется в самых разных формах. Одной из наиболее значимых для юности становится чтение.

Я была очень рада, когда встретила практически во всех дневниках описание впечатлений от прочитанных книг. Многие упоминали в той или иной форме книги Р.Баха, которые вызывали у юных людей новые мысли. Они были уже готовы к порождению этих мыслей и узнавали их в форме текста о Чайке или Лесси... Продолжу, ссылаясь на утверждение Ж.Пиаже того, что «...индивид обладает логикой только благодаря кооперации...» Это сводится просто к принятию тезиса о том, «...что сложившееся у него равновесие операций основывается на его бесконечной способности к взаимодействию с другими индивидами, т.е. на полной реципрокности. Однако этот тезис совершенно очевиден, поскольку сама по себе «группировка» есть система реципрокностей» (21, с.219).

Напомню читателям, что реципрокными называются отношения взаимозаменяемости. «Группировка» как координация операций, т.е. действий, доступных индивиду, представляет собой систему взаимозаменяемых преобразований — один и тот же результат человек может по-

лучить разными способами. Возможность соотносить эти способы, выделять вообще их существование — это то новообразование в мышлении юношеского возраста, которое позволяет познавать новые свойства окружающего мира как проявление его всеобщих закономерностей, т. е. философствовать, теоретизировать. Это бывает, например, так:

«Зачем нужно единение людей и как оно происходит? Главное осознание смысла взаимодействия, например, по каналу разговора. Ход развития мыслей от более грубых и общих к более тонким и все проникающим. Смотрю на В. и прекрасно вижу, как ее земная часть играет, и это вызывает улыбку, забавно смотреть как «ребенок» все время что-то строит, затем разрушает, а быть смотрящим, самим собой намного интереснее, не сам зарываешься в «кубики мысли», а наблюдаешь, причем за многими сразу. Стараюсь так и делать. Когда стали углубляться в игру по жизни, выяснили, что везде надо что-то играть. В школе дети, каждый от тебя что-то ждет, для каждого сыграть *надо*, и получается, что не ты детей *ведешь*, а они тебя, и неизвестно, куда так можно прийти... В жизни, когда стараешься нравиться, попадаешь в зависимость... Мы с ней пришли к выводу, что *единственный* способ учить другого это *собственный* пример. При этом человек учится смотреть на себя через меня «зеркало». Какой чистотой я должен обладать и светом, чтобы человек отразился и увидел себя...» (Из дневника Сергея С.).

В мышлении — абстрактном мышлении — часто встречаются попытки обобщения с точки зрения всеобщих истин и мировых закономерностей, не ставится под сомнение собственная возможность таких обобщений. Можно сказать, что проявляется та позиция «Я», которая связана с переживанием себя как целостного мира в огромном Мире. Недаром в юности возможны обобщения экзистенциального, сущностного проявления жизни. Это особенно ярко проявляется в литературном творчестве молодых, когда они буквально чувствуют, что «являются частью Вселенной» и стремятся это выразить в стихах или в прозе.

В дневнике Ирины В. есть такие стихи:

Прорастают из Земли хлеба,
Грязь питает солнечные всходы.
Ты меня не мучаешь, судьба,
Ты меня рождаешь для свободы.

Холод, дождь, ветра, удары, зной...
Выстоять, чтоб ярче засветиться,
Так что ты, душа моя, не ной,
Нет других путей заколоситься.
Так что не ломайся, не согнись,
Взрачивает жизнь тебя — не губит.

До земли страданиям поклонись!
Кто сильнее бьет — тот больше любит.

В юношеском возрасте при интенсивном росте организма может временно наблюдаться и умственный застой, что переживается самим человеком как тупость, как нежелание думать, как полное отсутствие мыслей в голове. Однако это временное явление, связанное с большой затратой энергии на рост организма. Как очевидный жизненный факт надо принимать представление о том, что осуществление любой работы требует затрат энергии — мышление это только один из видов работы, который связан и с определенными энергетическими расходами. Наблюдатель и сам человек могут это увидеть как проявление сосредоточенности, выражающееся в позе человека. Знаменитый «Мыслитель» Родена — воплощение в скульптуре такой сосредоточенности.

Во многих сферах социальной жизни молодой человек встречается с необходимостью оценки своего интеллектуального уровня — особенно остро эта ситуация выступает во время экзаменов разного типа. В психологии юношеского возраста есть один из подходов к пониманию закономерностей интеллектуального развития, который, к сожалению, не всегда реализуется во время экзаменов. Суть его выражена в работе М. Рубинштейна (29). Он говорит о том, что было бы большой ошибкой оценивать уровень интеллектуального развития молодого человека только по отдельным психическим функциям. (Вспомните, какое возмущение по поводу возможного изменения памяти во время экзамена было у Ирины В.) М. Рубинштейн напоминает о том, что психологии известны факты, когда умственно отсталые люди в пору юности демонстрируют блестящую память. Он считает (мне думается, обоснованно и справедливо), что при нормальных, не задержанных искусственно, условиях развития молодого человека его умственное развитие надо определять по общему развитию, по его жизненным интересам, жизненной концепции. Цитирую дословно объяснение, почему именно этим способом надо определять умственное развитие человека в юности: «...вошел в действие фактор, вскрывший ту сферу жизни, которая соединяет юного человека ближе с взрослостью. На сцену в области жизненных соотношений выводится минимум вторая половина человечества, которая в этом аспекте раньше не принималась во внимание, и естественно жизненные отношения оказываются колоссально осложненными и ведут за собой соответствующий расцвет мысли» (с. 171).

Но с сожалением приходится констатировать, что приток новых переживаний, нового содержания психической реальности, новых взаимоотношений с другими людьми не дает молодому человеку ничего. Причина остается без видимого позитивного следствия. Это бывает тогда, когда на пути действия причины поставлены преграды, проявляющиеся чаще всего в виде воздействия на «Я», не обладающего большой

природной силой сопротивления, которое под влиянием деформирующего его воздействия отказывается от собственных своих свойств — в данном случае от свойств мышления. Как уже отмечалось, развитие человека осуществляется через механизм подражания, который имеется в любом возрасте как соответствие форме активности, существующей вне «Я». Может случиться так, что эта форма не соответствует качествам «Я», а молодой человек ей упорно следует. Так и возникает деформация — его собственные переживания как причина его собственного развития не получают соответствующей им формы и искажаются, вызывая состояния, препятствующие становлению жизненных интересов.

Создается ситуация, когда человек как бы сам мешает развитию своего ума. О таких молодых людях обычно говорят: кажется и умный человек, но потерял себя. Потеря себя ощущается молодыми людьми, часто осознается как несоответствующее себе переживание, но не всегда это приводит к поиску адекватных своему «Я» форм жизни. Часто молодой человек просто не знает о их существовании, так как не встречал в своей жизни, ограничивая ее рамки своим непосредственным опытом. Отчасти поэтому очень важно, чтобы жизненный опыт молодых людей не ограничивался искусственно, тем более что современные средства связи и информационного обмена позволяют человеку жить в большом планетарном мире, ориентироваться в красочном разнообразии форм жизни. Доступность этих форм, выбор для подражания не из фиксированного набора, а из потенциально бесконечного — это путь преодоления возможных преград на пути развития мышления молодых людей. Информированность о формах человеческой жизни, знание о том, как живут люди, как можно жить человеку, какими интересами наполнять свою жизнь, как ее организовывать — именно эти сведения могут оказаться наиболее значимыми для развития ума молодого человека, именно их переживание позволит преодолеть слабость своего «Я», приобрести силы для построения форм своей жизни, для создания своей концепции ее.

Преодоление зависимости от воздействующих чужих форм жизни на жизнь своего «Я» — это еще одна жизненная задача в молодости, о чем будем говорить подробнее в следующей главе. Пока же продолжим разговор об абстрактном мышлении.

Итак, абстрактное мышление появляется в юношеском возрасте. Именно оно рождает и потребность в себе как потребность «научиться думать». Такими словами выразил ее существование в своем внутреннем мире Владимир Р., студент-первокурсник, который попросил литературу по вопросу, как научиться это делать, чтобы быть самим собой. Такой же была причина трудностей в освоении научных понятий психологии на экзамене по психологии у девушки, о которой я говорила в начале книги. Неумение думать видят взрослые в ошибках юности, слепо копирующей чужую жизнь, живущей чужими интере-

сами, создающей искусственные барьеры для проявления своих истинных качеств, а значит, для переживаний той полноты жизни, которая возможна только в том случае, когда форма и содержание гармоничны. Тогда возникает переживание красоты и осуществимости жизни, радость от присутствия ее в вашем (нашем) «Я» как проявление его силы, как понимание и переживание смысла жизни.

Учиться мыслить, управлять своими мыслями, избавиться от сумбура в голове, выражать себя словами, преодолеть сопротивление слов, сделать свой словарный запас больше, знать слова для выражения мыслей, искать свои мысли — это далеко не полный перечень тех задач, которые ставят перед собой молодые люди в своих дневниках. С такими вопросами они прямо или косвенно обращались к преподавателю при проведении занятий по психологии. Как личное достижение в дневниках описываются ситуации, где они смогли выразить свои мысли, не боялись говорить то, что думают, пытались возражать и спорить. И другие люди *слушали* и *слышали* их мнение. Это очень важно в юности — суметь выразить себя и быть услышанным. Знать, что ты услышан. Думаю, вы помните, что об этом было написано у Ирины В., на дневник которой я еще часто буду ссылаться.

Как научиться жить со своим меняющимся мышлением? Как научиться его использовать для создания жизни своего «Я»? Попробуем поговорить об этом.

Начнем с того, что у каждого из нас есть возможность внутреннего диалога — разговора с самим собой. Она и будет основой для воздействия на мышление. Существовая как проявление качества «Я», диалогичность в то же время позволяет нам зафиксировать и не-«Я», т.е. заметить границу своего и чужого. О диалогичности в бытовой речи говорят как о внутреннем голосе человека, частенько делают его предметом шуток, даже опасаются, когда этот голос становится голосом совести — голосом нравственной сущности человека. Мы говорим о повседневной работе диалогичности как качества психической реальности человека — она состоит в создании обоснования для мыслительных операций, в выборе аргументов для осуществления обобщений. Как это происходит, можно увидеть в тех текстах дневников, когда молодые люди проявляют диалогичность не во внутренней, а во внешней форме:

«Лампочка. Мигаю. Вот еще один, казалось бы, загубленный день. Почему казалось бы? Да потому что я уже не ругаю себя как раньше. Я уже не жду, что проснусь совершенной. А это было познанием внешнего мира. Через ситуации, встречи, фильмы. Достичь гармонии внутреннего и внешнего? Но я плохо знаю себя внешнюю и внутренний мир. Единство познается через дифференциацию. Есть еще, конечно, во мне разделение. Но я уже сознательно это познаю, а не бьюсь головой о придуманные стены.

Итак, могу уже говорить то, что думаю, контролирую свои порывы

вы. Но сколько же волнения! И голос дрожит. К самообладанию делаю еще только первые шажочки...» (Ирина В.).

«Я себе сказал, что я должен, другого пути нет, никто не придет и не сделает за меня. Я сказал — неужели даже слово самому себе ничего не значит...» (Сергей К.).

«Понимаю, что не надо обращать внимания на чужие слова, все время себе об этом напоминаю, но бывает очень трудно не слышать их» (Алена П.).

Во внутреннем диалоге — так же, как и во внешнем, когда мы говорим с другими людьми вслух, — возникает проблема аргументации — выбора оснований для обоснования своих обобщений. Использование при этом слов как формы абстрактного мышления позволяет человеку переживать ту зависимость от этой формы, которую еще называют муками поиска слова. С ее описаниями мы уже встречались на страницах дневников, которые цитировались раньше. Никогда так не бывает остра ситуация отношения к языку как к средству мышления, как в юности. Именно в это время переживаются как личные основные функции языка, о которых А.А. Ивин сказал: «...наш обычный язык, язык, на котором мы говорим, полноправный соавтор всех наших мыслей и дел. И притом соавтор нередко более великий, чем мы сами. В известном смысле, он классик, а мы только современники самих себя» (12, с.15).

А.А. Ивин выделил в языке шесть основных функций, которые позволяют человеку осуществлять аргументацию:

- описание — сообщение о положении дел;
- норма — попытка воздействовать с целью изменения поведения другого человека;
- экспрессия — выражение чувств;
- декларация — изменение мира с помощью слов;
- обещание — принятие обещания что-то сделать;
- оценка — выражение позитивного или негативного отношения к чему-то.

Используя представление об этих функциях языка при построении высказываний во внутренней и во внешней речи человека, можно проанализировать, какая система аргументации ему наиболее свойственна, как он обосновывает свою интеллектуальную деятельность, какие ошибки он при этом совершает. Да, какие ошибки. Ошибки в аргументации можно выделить и, значит, научиться их избегать, т.е. научиться правильно мыслить можно. Доказательством этого служит опыт человечества. Достаточно посмотреть вокруг: было верным мышление — и взлетел самолет (машина — не птица); было верным мышление — и работает компьютер (не человек, а быстро обрабатывает); было верным мышление — и вы больше не боитесь говорить то, что думаете.

Какие ошибки наиболее часты при обосновании обобщений в абстрактном мышлении — в мышлении с помощью слов? Эти ошибки давно описаны в логике.

Логика — это науки о законах и формах мышления, методах познания и условиях его истинности. Логика — это и сами законы правильного мышления, правильное сочетание мыслей в рассуждении. Логика — это и связи, отношения, законы развития вещей и явлений материального мира.

Логика говорит о том, что в мышлении возможны формальные ошибки. Суть их состоит в том, что умозаключение как результат обоснования не опирается на логический закон, т.е. суждение, которое человек формулирует как умозаключение, не оправдано, не аргументировано.

Например, умозаключение «все люди меня не понимают» может рассматриваться как формальная ошибка, так как его посылки и вывод из них могут рассматриваться как нелогичные в ситуации примерно такого обобщения:

К. не понял меня.

А. не понял меня.

К. и А. — люди.

Вывод: все люди не понимают меня.

Это явно нелогичный вывод, так как К. и А. — это еще не все люди, а только двое из миллионов людей.

Иногда такой тип формальной ошибки называют «не вытекает», хотя внешне ситуация выглядит как ситуация обобщения — абстрактного мышления с помощью речи. Возможность воздействия самого человека на содержание такой ошибки и возможность воздействия других людей на нее используются в бытовой практике переубеждений человека или в его диалогическом общении с собой через просмотр оснований обобщения.

Внешне, если читать или слушать умозаключение человека об отношении к нему других людей, все выглядит логично, но нарушено то, что составляет внутреннюю логику жизни вещей, — логические связи подменены эмоциональными.

Подмена тезиса при доказательстве, обосновании или построении умозаключения — это одна из распространенных ошибок мышления. Тезис — это основание доказательства, основание, которое определяет дальнейшее построение обобщения. Как это происходит? Воспользуюсь простым примером: если он на меня не обращает внимания, я ему не нравлюсь. Ошибочность тезиса — он не обращает на меня внимания — может быть очевидной (но только не тому, кто выносит это суждение). Внимание может обращаться в форме, которая просто неизвестна автору умозаключения. Как говорят в таких случаях, тезис сужен, используется только часть возможного обобщения знаний о способах и средствах выражения внимания к человеку.

Тезис может также расширяться. Примером расширения тезиса в приведенном выше суждении может быть такое умозаключение: «Он не обращает на меня внимания, на меня вообще никто не обращает внимания — я ему не нравлюсь, я вообще никому не нравлюсь и никогда не понравлюсь...» Ситуация получается, как в латинской поговорке о том, что кто доказывает слишком много, тот не доказывает ничего.

Иногда случается и подмена тезисов, известная в общении как переживание непонимания или непонятости. Выглядит это примерно как следующий диалог:

— Почему ты сидишь одна?

— Думаю, что надо завтра сделать.

— А меня пригласили на день рождения. Ты же знаешь этого парня. Он сказал, что тоже тебя знает. Почему ты не хочешь со мной разговаривать? Ведь не я же приглашала, он же меня пригласил, он сам пригласил...

Наиболее частая ошибка — это обоснование умозаключения с помощью ложных аргументов. Она очень часто бывает у молодых людей как в суждениях о самих себе, так и о других людях. Примером может служить следующее умозаключение: «Я не могу быть другим, это меня родители так воспитали». Ложность аргумента состоит в том, что человек принимает за истину абсолютную зависимость своей психической реальности от воздействия других людей. В тексте уже много говорилось об активности «Я». Думаю, можно только напомнить, что отношения людей — это отношения взаимодействия. Дети также воспитывают своих родителей, как и они их. Об этом мы с вами еще поговорим позже.

Еще одной распространенной ошибкой в мышлении является круг в доказательстве — положение доказывается воспроизведением его же, возможно, в другой форме. Типичное суждение: «Я его люблю, потому что он мне нравится». Аналогичную ошибку можно увидеть и в таком суждении: «Он умный, потому что не дурак». Или в суждении: «Она настоящая женщина, сколько в ней женственности»...

Человек, совершающий ошибку в мышлении, обычно не бывает чувствительным к ней, он руководствуется своей логикой, а не логикой вещей. Отчасти поэтому и существуют такие формы переживаний, которые, как говорят, выводят человека из равновесия (помните, о такой форме переживаний как цели мышления писал Ж.Пиаже). Выведенный из равновесия, человек находится в таком эмоциональном состоянии, которое может быть уравновешено через анализ ошибок в мышлении. Этим занимается современная психотерапия, в частности такое ее направление как нейро-лингвистическое программирование (НЛП).

Роберт Дилтс (10) пишет об опыте изменения содержания обобщений, которые человек использует для организации своего поведе-

ния. Он анализирует убеждения как обобщения какого-либо взаимоотношения между различными проявлениями жизненного опыта. Этот анализ позволил ему выделить типичные виды обобщений: случайных взаимоотношений, значимых взаимоотношений и ограниченных. Воздействие на их содержание как на содержание качества мышления человека — переформулировка обобщений через специально организованное обучение — приводят к поразительным результатам. Так, уход от обобщения «Я никогда не смогу этого сделать» к противоположному — «Я смогу это сделать», естественно, меняет действия человека на противоположные. Идеи (как я уже пыталась вам сказать, обсуждая тему *фантазии*) обладают активностью — влияют на организацию психической реальности, они являются формой «Я». Не забывайте это, организуя свое мышление, управляя им, ведь время и пространство своей психической жизни человек может создавать и изменять сам.

Молодые люди часто попадают под власть софизмов, которые не только являются ошибкой мышления, но еще и тонким, завуалированным обманом. Софизмы создают фантомы сознания — знания, которые человек использует для организации своей жизни, придавая им абсолютную ценность и не отдавая себе отчета (не мысля) об их происхождении. Такие софизмы часто связаны с отношением к сексуальности. Например, есть софизмы о сексуальной ненасытности женщин, об ограниченном природой числе половых актов для мужчины; о зависимости сексуальной силы человека от размеров его половых органов и т.п. Софизм — логически неправильное рассуждение, которое выдается за истину. Наверное, самым знаменитым является софизм «Рогатый», с помощью которого еще древние греки доказывали наличие такого качества у кого угодно. Делалось это так: «Что ты не терял, то имеешь; значит, у тебя — рога».

Софизм построен с нарушением как языковых правил, так и правил логики. В нем эксплуатируется такое свойство языка как метафоричность — возможность уподобления, сближения предметов в виде образов, переносное значение, использование омонимов (сходных по форме, но отличающихся по значению слов), многозначность слов (подсчитайте, например, сколько значений может быть у самого близкого слова *мама*)...

Софизм всегда возникает в определенном контексте, который способствует многозначности восприятия слов, смешению значений. Они могут создаваться умышленно и основываться на логических ошибках, которые описывались выше. Немногого логически стоят, например, обобщения типа: «Сегодня он волосы отрастил, а завтра он родину продаст.»; «Ничего не понимает, а еще шляпу надел»; «Курица не птица...». Однако они живут и определяют отношения людей.

Еще Сенека говорил о мнимой убедительности софизмов и срав-

нивал их с искусством фокусников, когда мы заранее знаем, что они делают не то, что мы видим, но не всегда можем догадаться, как они это делают. Однако, как пишет А.А.Ивин, «чтобы успешно справиться с софизмами, встречающимися в процессе аргументации, надо хорошо знать обсуждаемый предмет и обладать определенными навыками логического анализа рассуждений, уметь подмечать допускаемые оппонентом логические ошибки и убедительно раскрывать несостоятельность его аргументов» (12, с. 301).

Чтобы уметь все это делать, надо, как минимум, уметь ориентироваться в процесс как своего, так и чужого мышления, знать о существовании логических ошибок.

Софизмы — это не только форма интеллектуального манипулирования другим человеком, хотя она может осуществляться блестяще. Обычно во всех учебных курсах логики рассказывают о знаменитом софизме из «Диалогов» Платона, в котором два древних софиста запутывали доверчивого Ктесиппа так:

- Скажи-ка, есть у тебя собака?
- И очень злая, — отвечает Ктесипп.
- А есть у нее щенята?
- Да, тоже злые.
- А их отец, конечно, собака же?
- Я даже видел, как он занимается с самкой.
- И этот отец тоже твой?
- Конечно.
- Значит, ты утверждаешь, что твой отец — собака и ты брат щенят!

Становилось смешно, если не самому Ктесиппу, то людям, которые присутствовали при таких диалогах.

Думаю, что и вы смогли по достоинству оценить этот софизм. Логическая ошибка, на которой построен софизм, состоит в том, что заключение не вытекает из принятых посылок... Попробуйте их переформулировать и сделать другие выводы. Надеюсь, что у вас получится.

Софисты своим интеллектуальным трудом подготовили появление и осознание проблем доказательности мышления. Сегодня они воспринимаются как проблемы необходимости доказательства или опровержения выводов или аргументов как продуктов или процесса мышления. Задавая свои вопросы, софисты научились сами и научили других ставить проблемы, т.е. задавать вопросы, ответы на которые не были бы очевидными и требовали бы интеллектуальных усилий по осознанию человеком обоснований результатов своего мышления.

Мышление каждого из нас основывается на диалогической природе психической реальности. Таким образом, мы можем использовать и сопоставлять разные позиции по отношению к предмету мышления, создавать его целостный образ и уже использовать его, а не от-

дельные свойства предмета. В этом одна из важнейших особенностей абстрактного мышления, которая может привести к ошибкам в обосновании, в аргументации факта существования целостного предмета. Некоторые ошибочные или, как говорят, некорректные приемы аргументации давно описаны и имеют собственные названия. Перечислю их, основываясь на уже цитированной работе А. А. Ивина (12): аргументация в аудитории (ориентация на ее эмоции по поводу предмета мышления, а не на разум); аргумент к личности (обесценивание интеллектуальных возможностей человека); аргумент к массам — демагогия (использование группового эгоизма, национальных или расовых предрассудков и других психологических явлений, которые определяют жизнь человека в массе; подробнее об этом — в других главах); аргумент к человеку (по принципу «вы же сами говорили» или «ты же сам говорил» и т.п.); аргумент к тщеславию (лесть, чтобы изменить позицию другого человека); аргумент к несмелости или к авторитету (с великими людьми спорить не принято); аргумент к силе («к палке») — угроза; аргумент к незнанию или к невежеству; аргумент к жалости.

Хотелось бы заметить, что эти аргументы как формы воздействия в диалоге на другого человека с целью создания обоснований для построения целостного предмета диалога (или спора) каждый из нас использует и во внутреннем диалоге, занимаясь самовоздействием. Одним из видов такого самовоздействия являются, например, управляемое воображение и образное мышление. Именно они помогают человеку заниматься, например, самогипнозом — формировать свои потребности и создавать целостные образы, а с их помощью организовывать свою психическую реальность.

Образы как и понятия являются формой мышления, только не абстрактного, а образного, которое складывается во времени раньше, чем абстрактное. Психическая реальность устроена так, что более поздние во времени образования — для нас это абстрактное мышление — оказывают преобразующее влияние на более ранние. Вот и получается, что в молодости человек сам может воздействовать на ранние, глубинные образования своей психической реальности. Именно на этой возможности построена работа по самогипнозу, который помогает человеку в формулировке целей, отработке планов и способов их достижения. При этом самовоздействие человека может оказываться как на отдельные действия, так и всю жизнь — ее он уже может делать предметом мышления, может воспринимать целостно и выделять в ней существенные закономерности, т.е. мыслить о ней.

Авторы дневников, которых я уже не раз цитировала и буду еще делать это много раз, занимаются самогипнозом как вариантами самовоздействия, когда настраивают себя на общение или выполнение какой-то работы и при этом представляют заранее, что и как они бу-

дут делать. Чаще всего это связано с описанием этого процесса как настроенностью на то или иное действие. Хочу еще раз сказать читателям, что это возможно в юношеском возрасте, потому что: а) есть абстрактное мышление; б) есть внутренний диалог; в) есть влияние абстрактного мышления на содержание образов — они становятся образами целостных предметов, содержат (могут содержать) существенные характеристики этих предметов.

Говоря высоким стилем, человек может стать творцом собственной психической реальности.

Что ему мешает? Возможные ошибки в мышлении, заведомо неправильная аргументация собственного диалога с самим собой. Кто, как и когда проверяет правильность нашего — вашего — мышления? В философии известно, что критерий истины — практика. У человека много видов практик, их успешность — это здоровая, полноценная, радостная жизнь, которую движет, как писал А. Маслоу, потребность в развитии жизни, а не стремление удовлетворять основные потребности.

Сегодня каждому человеку становится доступно психологическое знание — то знание, которое еще не в столь отдаленные времена считалось тайной за семью печатями и передавалось от мага к магу. Сегодня это знание о способах воздействия на собственную психическую реальность, на психическую реальность другого человека можно преподавать как учебную дисциплину, показывая обоснованность воздействия существованием закономерностей в самой психической реальности человека. Например, вы можете прочитать и использовать как практическое руководство книгу Б.М. Алмана и П.Т. Ламбру «Самогипноз» (2).

Как воспользуется человек этим знанием? Готов ли он к созданию и преобразованию своей жизни, существует ли у него для этого жизненная задача? Это вопросы о том, живет ли человек своей жизнью, т.е. жизнью своего «Я». Ответ на них никогда — ни в частной жизни человека, ни в науке — не представлялся линейно простым и однозначным, так как все мы зависим друг от друга. Об этом и о том, какую это ставит задачу перед юными людьми, речь пойдет в следующей главе.

Принадлежность к группе как жизненная задача

*Вот ты смотришь на них и какое чувство от них остается?
Они же все на одно лицо, все — одинаковые...
(Из разговора взрослых о группе молодых людей,
которую они наблюдали на улице)*

В принципе эту главу можно начать цитированием десятки раз слышанного сетования взрослых на «друзей сына или дочки, которые...» В общем, которые ничего хорошего в жизнь их детей не внесли. Можно процитировать и молодых людей, которые скажут совсем обратное (если, конечно, захотят сказать). Можно процитировать и взрослых людей, у которых уже взрослые дети и самих их уже можно называть бабушками и дедушками. Тогда услышишь совсем другое мнение. Какое, читатель может догадаться сам...

Я буду слушать всех. Вы сумеете познакомиться со многими идеями бытовой жизни и понятиями науки, объясняющими необходимость для человека решения жизненной задачи принадлежности к группе.

Принадлежность к группе. За этими словами стоит необходимость для человека жить среди чужих людей, с которыми его будет объединять общее... Что общее? Пространство и время. На общий вопрос — общий ответ. За ним будет стоять одно из важнейших переживаний человека — чувство общности с чужими людьми, которое возникает, потому что...; которое необходимо, потому что...; которое природно и естественно или искусственно и рационально целесообразно...

Ставлю многоточия как форму фиксации проблемы, как содержание жизненной задачи, решая которую человек учится переживать общность со своими («Мы») людьми и отчужденность от чужих («Они»), приобретает концепцию другого человека и начинает ею пользоваться для установления отношений, для организации своего жизненного пространства и времени. Из этих переживаний рождаются и строки стихов, таких, как вынесенные в эпиграф этой книги. Напомню: «Времена не выбирают/ В них живут и умирают...» (А.Кушнер).

Однако до времени осуществления нашей жизни в том ее индивидуальном варианте, каким представляется ваше «Я» (может быть представлено), существовала история человечества — его коллективная история. Этот факт неоспорим и заставляет осмысливать его значение в настоящем и будущем времени. Наиболее развернутая система идей относительно сказанного принадлежит Карлу Юнгу, который ввел в психологию понятие коллективного бессознательного и описал отношения с ним каждого человека.

Как протекают эти отношения в вашем возрасте, почему они именно такие, попробую объяснить через понятие коллективного бессознательного, которое по К. Юнгу больше похоже на атмосферу, в которой мы живем, чем на что-то, что находится внутри нас. Он считал его неизвестным, которое можно рассматривать как качество мира. К. Юнг писал о том, что мы рождаемся не только с биологическим, но и с психологическим наследством, которое так же определяет наше поведение и опыт. Коллективное бессознательное не является индивидуальным приобретением, оно обладает качеством воздуха — является достоянием всех. Его содержание К. Юнг называл архетипами и считал их первичными условиями формирования психической реальности вообще. Он говорил о том, что коллективное бессознательное обладает своей собственной активностью как особое качество мира; индивидуальная жизнь человека представляет собой результат сотрудничества сознания и разума с бессознательным.

Мне представляется важным обратить внимание читателя на то, что архетипы — это формы, которые организуют и транслируют свойства психической реальности. Это еще один тип форм, которые можно обнаружить, например, в существовании «вечных» тем мифов и сказок, в повторяемости этих тем у разных народов. Можно думать, что это — действие архетипов коллективного бессознательного на содержание индивидуальной фантазии или на содержание фантазии целого народа, когда речь идет о мифологии. Повторяются архетипические ситуации — «приключения героя», «ночное морское путешествие», «за отделение от матери» и т.п.; повторяются архетипические фигуры — божественное дитя, двойник, старый мудрец, первоматерь.

Содержание архетипов, по мнению К. Юнга, может быть интегрировано в сознание, но не они сами. Они остаются вне сознания, с ними всю жизнь надо иметь дело, так как они остаются источником энергии для психической жизни. (Обратите внимание на эту идею). Архетип нельзя устранить из сознания путем отказа от него или избавиться от него через объединение с другим содержанием психической реальности. Архетипы занимают в ней свое место, которое не может быть заполнено ничем другим.

Когда К. Юнг объяснял место коллективного бессознательного в структуре психической жизни человека, он изображал его центром *десяти* концентрических окружностей, вокруг которого располагается личностное бессознательное человека, его эндопсихическая сфера и эктопсихическая сфера. В этой диаграмме К. Юнга в качестве периферической функции (*первый круг*) выступает ощущение, с его помощью человек получает информацию о внешнем мире. *Второй круг* — мышление, которое позволяет дать предметам имя. *Третий круг* — чувства. *Четвертый круг* — интуиция. Эти четыре круга и составляют эктопсихическую систему.

Память, которая контролируется волей, уже входит в сознательный,

как говорит К. Юнг, Эго-комплекс. Но аффекты человека контролируются только силой. Контролируемые с большей или меньшей степенью участия Эго-функции относятся К. Юнгом к сфере эндопсихики.

Эго — это центр сознания. Оно создает ощущение последовательности и направленности сознательной жизни; оно собирает, как считал Юнг, воедино различные переживания и воспоминания, создает разделение между сознательным и бессознательным; оно образовано из личного опыта человека.

Личностное бессознательное тоже представляет архетипы — это Эго, персона, тень, анима (у мужчин) и анимус (у женщин).

Персона — это характер человека. Это то, какими мы предстаем миру. Это социальная роль, которую мы играем перед другими людьми.

Тень — центр личного бессознательного. Это то, что мы считаем низшим в себе. С ним надо считаться как с существующим фактом.

Анима и анимус — это бессознательные структуры, которые представляют сексуальные отношения в душе каждого человека. Анима у мужчины и анимус у женщины фокусируют весь психологический материал, который не удовлетворяет сознательному представлению человека о своем поле. Анима — это бессознательный образ женщины, который несет в себе каждый мужчина, а анимус — это бессознательный образ мужчины, который несет в себе каждая женщина.

Это архетипы, которые больше всего влияют на поведение — именно они проецируются в содержание фантазий. Этот образ является посредником между сознательным и бессознательным. Являясь источником проекций, он участвует в создании образов, прокладывая путь к творчеству. Достаточно вспомнить, что мужчины писатели и художники представляют свою Музу богиней-женщиной.

Самость — центральный архетип в структуре личности, который создает в ней порядок и цельность. Самость охватывает всю психическую сферу. Эго остается центром сознания, но по мере проявления самости у Эго начинают складываться с ней отношения, в которых оно будет занимать место одной из структур психической жизни.

Среди понятий, которыми пользовался К. Юнг, наибольшую известность и распространенность в современной психологии приобрели понятия интроверсии и экстраверсии. Они описывают направленность энергии человека: внутрь (интровертированный тип) или во вне (экстравертированный тип). Эти ориентации являются относительно устойчивыми и влияют на отдельные психические функции человека — на те психические функции, которые К. Юнг считал основными (мышление, чувствование, ощущение, интуиция). Каждая из этих функций может осуществляться с ориентацией во вне или с ориентацией внутрь, что будет определять типичное для человека поведение, существенно отличающее его от поведения другого типа.

Психика человека, по мнению К. Юнга, создает свои символы, кото-

рые он называл естественными для нее. Кроме них есть и коллективные символы — религиозные обряды, например. Символ отличается от знака тем, что если знак замещает что-то определенное, то символ выражает состояние психики, включает в себя и то бессознательное, которое никогда не может быть определено или объяснено полностью, так же, как не может быть объяснена до конца жизнь в каждый данный ее момент.

К. Юнг придавал большое значение символике сновидений, считая, что они важное соединительное звено между сознательными и бессознательными процессами в психике. Он описал основные символы сновидений и их значение, разработал основные принципы анализа значения снов.

Изучение работ К. Юнга дает богатый материал для понимания того, что другие люди, их присутствие в жизни каждого человека не могут рассматриваться только в настоящем времени течения психической жизни. Сама психическая жизнь становится продуктом не только индивидуальной истории человека, но и коллективной истории. Нет психолога, который бы так или иначе не относился к идеям К. Юнга по вопросу коллективного бессознательного, архетипов, типов ориентации психической реальности.

В том учебном предмете, который я пытаюсь выстроить для вас, мне хотелось подчеркнуть, что жизненная задача молодых людей, называемая принадлежностью к группе, возникает не только потому, что другие люди — группа(-ы) окружают его в повседневной жизни. Есть (доказательства К.Юнга очень убедительны) то коллективное бессознательное, которое позволяет утверждать, что все люди обладают общими свойствами. Сегодня, когда мир нашей планеты становится обозримо мал, когда взаимозависимость разных людей проявляется все сильнее, идеи человеческой общности кажутся одним из способов мышления о нашем общем будущем.

К. Юнг, рассматривая коллективное бессознательное как центр психического бытия человека, исходя из опыта анализа коллективной истории в продуктах человеческого творчества, показал, что наши души обладают универсальной способностью бессознательного разума. Он считал, что поскольку базовая структура мозга и разума одна и та же, то на этом уровне не несет в себе различий между людьми, и люди не осознают происходящее с ними. На самом низком уровне коллективного бессознательного существует только целостность, которую анализировать невозможно; индивидуальность человека уже не является отчетливо выраженной, его разум смешивается и расширяется до бессознательного коллективного разума.

Однако человеческой природе присуще врожденное стремление к индивидуации. Никто еще не объяснил этой тенденции, но все факты жизни человека среди людей дают основания принимать эту тенденцию как существующую. (Термин индивидуация также принадле-

жит К. Юнгу и обозначает все возрастающую, по мере взросления человека, сознательность жизни). Факт индивидуации приходится принимать как данность динамики психической жизни человека. Это означает, что сознание человека вечно воссоздает мир заново, одновременно формируясь под влиянием реальных факторов этого мира. Взаимосвязь между коллективным бессознательным и индивидуальным сознанием — это взаимосвязь, составляющая реальность мира людей как взаимосвязь человека и природы. Человеку бывает очень трудно освободить себя от воздействия коллективного бессознательного, выйти за пределы идентификации себя с ним; перейти на другой уровень идентификации — со своим мышлением и своим восприятием действительности. Это вызывает огромное напряжение.

Сегодня мало кто из психологов использует понятия К. Юнга для описания структуры психического мира человека, но очень у многих вызывают интерес идеи разрыва с коллективным бессознательным, который происходит у человека в период половой зрелости, в период наивысшего напряжения в отношениях «Я» и коллективного бессознательного. Значимость этого напряжения и необходимость его снятия через появление индивидуальной жизни человека у многих народов связана с обрядами инициации, которые обозначают переход к новым отношениям с самим собой и с другими людьми. Это уже сознательные (в большей степени) отношения. Такую роль выполняют обряды конфирмации во многих современных религиях, когда молодые люди торжественно приобщаются к лону церкви. Подобную роль выполнял обряд торжественного вступления в пионерскую организацию в СССР. Сознательные отношения, жизнь в которых начинается после посвящения, требуют сознательного следования правилам группы или общества. Это уже правила, которые надо выполнять разумно — самостоятельно, понимая и воспринимая их содержание.

Ребенок приходит в этот мир только с зачатками «Я». Ему надо адаптироваться не только к внешним условиям жизни, но и к реальности своего «Я». Человеку еще надо проделать огромную работу по выделению качеств своего «Я», объединить их и создать свой целостный мир, свою внутреннюю реальность как проявление уже новой целостности «Я». Таким образом человек в жизни своего сознания может воссоздать весь мир — внешний и внутренний. Это условие того, что его маленькое «Я» обогатит всю вселенную, изменит (пусть немного) мир архетипов.

Только «Я», приобретая себя в виде сознательной формы, способно вводить в мир новые элементы, например, время. В природе нет времени — все процессы находятся в бесконечном круговороте. Только в сознании «Я» человека может выйти из природного круга явлений, создать тот мир, который называют сегодня неорганическим телом человека, мир знаковой культуры, высших психических функций, сознания индивидуального «Я».

Ребенок приходит в мир без настоящего «Я». Примерно первые де-

сять лет уходят на то, чтобы проявились силы его «Я», чтобы он освободился от магических действий и идентификаций с коллективным бессознательным. Примерно второе десятилетие жизни — это отделение от семьи. Каждый период жизни имеет свои специфические обязанности перед «Я», и если человек их не выполнит, то расплачивается за это отупением, неврозом, отчуждением от жизни. Процесс жизни «Я» подчиняется своей логике, которую так же нельзя нарушать, как и логику любого другого явления. Отделение от семьи, создание целостного «Я» — это проявление логики жизни во втором десятилетии. Третье десятилетие начинается контактом молодых людей с социальными ролями, и их «Я» становится все более целостным и более индивидуализированным. Уже в четвертом десятилетии человек объединяется с миром, выполняя требования его логики. Он становится интегрированным в мир и интегрирует, объединяет свое «Я» в индивидуализированную целостность.

Сорокалетние переживают особое состояние, которое вам еще предстоит пережить. Суть его в том, что, находясь на середине жизненного пути, человек сталкивается с необходимостью раскрыть смысл жизни вообще и своей в частности, как процесса, имеющего начало и конец, осуществить тот переход к мудрости, который позволяет бесстрашно жить дальше. Актуализируются переживания, связанные с концепцией жизни и концепцией смерти, которые позволяют человеку концентрироваться на внутренней жизни, осуществлять необходимые для становления мудрости удаление от внешнего мира и концентрацию на внутреннем. С вами это еще будет, а пока...

Следуя за К. Юнгом, можно сказать, что сейчас вы должны (должны не кому-то, а логике вашей жизни) решить задачу выделения качеств своего «Я» как существующего образования своей психики, чтобы уже во второй половине жизни найти ответ для объяснения надличностного, объективного значения жизни. Это путь к другим людям — к тому теперь уже сознательному единству с другими людьми, которым и заканчивается жизнь человека.

Вы еще пройдете его до конца. Сейчас для вас другое время, и другие чувства и мысли, желания и возможности определяют отношения с другими людьми. Решается задача принадлежности вас к группе реальных людей и тех других — исторически присутствующих в вашем коллективном бессознательном. Это уже позволяет характеризовать ситуацию решения задачи как задачи со многими неизвестными.

Как она решается? Давайте прочитаем дневники.

Из дневника Марии А.: «Я даже не знаю, как благодарить судьбу за то, что есть люди, которые могут мне писать, иногда обо мне думать, а то здесь столько людей — великое множество, а я для них — ноль, не образованный ни в облик человеческий, ни в душу живущую...

...А наш Г. стал читать такие пустые лекции — одна вода... Зато он сам для меня был и остается кумиром. Он очень, очень хороший...

...Сидели целый вечер с девчонками и обсуждали свои возможные свадьбы-женитьбы, выдумывали всяческое и смеялись. Просто болтали от нечего делать... Я подарила О. к дню рождения стихи, они мне и самой нравятся. Пусть и ей, хотя ей до меня, как до лампочки...»

Из неотправленного письма Марии А: «...Получила твое письмо. Мне тебя ужасно жалко, я как вспомню твои бредовые речи во сне, твои глаза, которые не от мира сего, мне тебя ужасно жалко становится. А чем помочь, совсем ума не приложу. Давай я напишу тебе что-нибудь такое:

В окно к нам влетел осенний
Зябкий листочек клена,
Он залетел погреться
Возле огня лампы,
И навеял неволью
Грустные, синие думы.
И снова вспомнилось лето,
Закатов шелка и взгляд.
На ветке осталась почка —
Лето придет назад.

Вот, видишь, не дождался от меня дельного совета. Я сама в этой жизни не понимаю ничего. Почему-то стала согласна на 100% с герценовским доктором Круповым — этот мир, мир сумасшедших. Только никто это не сознает толком... Странно все в жизни. Желанное недостижимо, правда?..»

Из дневника Марии А.: «... вдруг очень изменилось представление о моих девчонках, причем в худшую сторону (это, верно, я сама порчусь). Мне стало очень трудно с ними общаться, хотя я стараюсь вида не показывать. Какие-то неласковые они, что ли. И от этого еще больше чувствуешь, что нельзя человеку без настоящих друзей, которым можно было бы доверять как самому себе, на которых можно было бы положиться в любую минуту... порой плачу от бессилия перед жизнью, но что я могу поделать. Насильно ей тоже мил не будешь. Вот и живу с желанием лучшего. А время летит, летит. Я, наверное, очень примитивный человек, но что делать, когда ничего не поделаешь. Вся опора на три моих жизненных принципа... Я стараюсь жить, но пока плохо выходит... Мне понравилось у Межелайтиса: «Я выглядел, словно плохой эскиз, набросанный в самолете....»

...была на лекции по социальной психологии, но как-то не очень уютно себя на ней чувствовала, словно с тебя сдирают кожу — никакие личных тайн. Говорят, что человек — существо социальное, всецело социальное и никуда от этого не денешься. Хотелось бы деться... Вязала шарф и шапочку. Связанное понравилось девчонкам, я крич-

ком вязала «по самой моде» — шапочку и длинный-длинный шарф. Не знаю, осмелюсь ли появиться в таком «шикарнейшем» виде...

...За наших я тоже болею, читаю даже в газетах все о чемпионате. Шведов так даже жалко, что проиграли с крупным счетом, но может, они еще себя покажут...

...Решалась мировая проблема расселения на будущий год. Все так долго думали — страшное дело. Ведь все симпатии и антипатии наружу вылезли... Я так боялась, что придется жить с Х. и У., но все утряслось...»

Строчки из дневника Марии А. позволяют увидеть, какое большое внимание уделяется ею другим людям — близким и далеким, живущим и жившим. Все они входят в сознание юной девушки как собеседники, как люди, к которым могут быть обращены тексты, отражающие содержание ее переживаний. Она проецирует свои переживания на литературные тексты, на содержание научного знания, видит в них отражение тех задач, которые решает в этот момент сама. Это — задачи, которые встречал много лет назад и М. Рубинштейн у своих юных современников, задачи, которые он называл типовой неустойчивостью юности. Мне хотелось бы воспользоваться научными понятиями и сказать, что в приведенных выше текстах выделяется стремление организовать психологическую дистанцию с разными людьми, определить степень близости с ними, выбрать нормы и правила взаимодействия на каждом уровне близости — отдаленности. Обоснование этого выбора строится на содержании «Я»-концепции и концепции другого человека, складывающихся в этом возрасте.

У молодых людей ярко выражено переживание своей зависимости от других людей — близких, реальных людей и людей, находящихся в одном социальном и культурном пространстве, с которыми можно взаимодействовать в разных формах при решении своих жизненных задач. Эта зависимость не воспринимается как подражание и рассматривается самими молодыми людьми как проявление их «Я». Так было и в то время, когда писал свою работу М. Рубинштейн:

«Она полна социальных стремлений — она стремится к общению, любви, дружбе, социальному служению и т.д., но она без всякого противоречия с этой своей чертой хочет быть *индивидуально социальна*, она первоначально хочет везде быть самой собой, идти своими путями, в своих формах; она ищет своего места в жизни, как будто инстинктом чувствуя, что повторение понижает ценность личности, что для социального служения нужно не стадо, а многогранный коллектив. Эта черта несколько не опровергается тем, что фактически дело сводится часто к новым подражаниям и влияниям, только затушеванным и лучшим, тоне прикрытым. Характерно в этом отношении то, что юные люди начинают черпать свои идеалы и образцы больше уже не из непосредственной, привычной действительности, из семьи, окружающей среды, а их несравненно больше привлекают более отдаленные примеры, взятые из литературы, из истории, общественной жизни, иногда знакомые

только по наслышке. Объяснение этого явления отчасти кроется в том, что далекие и чужие образцы меньше связывают их «я», меньше подавляют их сознание своей индивидуальности, оставляют больше простора для собственных выявлений или фиксации их...

Таким социально направленным индивидуализмом обосновано то, что юные люди всегда ищут своих путей и вместе с тем никак не могут и не хотят оторваться от социальной среды и находятся в постоянном разбирательстве с ней и в попытках определить свое отношение к ней. Отношение это далеко не всегда складывается в безмятежную форму. Наоборот, можно с полной достоверностью утверждать, что юность подходит к жизни, сложившейся до них, и к старшему поколению с скрытой или явной презумпцией, что это то, что должно уступить место им и тому новому, что они принесут с собой...

Таким образом юность приходит к жизни и обществу с двумя устремлениями: найти себя и установить новое, свое. В итоге становится понятным некоторый скептицизм и критиканство, с которыми юность идет в жизнь...» (29, с. 142-143).

Это было написано за много лет до вашего и моего рождения, но это было написано и о вас, о вашей сегодняшней молодости и о моей давно ушедшей юности. Надеюсь, что эти строки не вызывали у вас сопротивления как возможное объяснение того, что написано в дневнике Марии А., что в другой форме, но можно прочитать и в дневниках других молодых людей. Поиск своей индивидуальной социальности, своего социального «Я», которое будет личной собственностью вашего «Я», осуществляется в виде того процесса идентификации, который является универсальным (всеобщим, обязательным) при проявлении качеств «Я» и объединении, интеграции их в новую целостность.

Можно сказать, что молодой человек собирает в фокусе своего «Я» те свои отражения в других людях, которые и проявят его «Я» как целостное и узнаваемое изображение. «Мои люди» — источник переживаний целостности психической реальности, «мой человек» — источник переживания целостности «Я». Об этом в юности пишутся стихи

Из дневника Марии А.:

Как просто во время атаки

Узнать врагов и друзей.

Как просто во время атаки

Стать и сильней, и умней.

Найти решение верное —

Сразу его принять...

Летит моя кавалерия,

Летит, летит побеждать...

Как просто во время атаки —

Вот враг, и вот вражьи знаки,

А рядом друзья мои,
И все мы навек свои...

Через несколько страниц в дневнике Марии А. снова возникает эта тема:

Сколько лиц у врага моего,
Как в толпе мне узнать без ошибки
Равнодушно пустые глаза,
Лицемерие в мягкой улыбке.
Как узнать мне радушие ханжества,
Едкой зависти тяжесть пустую.
Как узнать мне, скажите, пожалуйста,
Я об искренности тоскую...
Как узнать мне науку такую?

Это написано девятнадцатилетней девушкой несколько лет назад. А много лет — даже столетий — назад мудрецы, наблюдая юность, пытались описать ее натуру, ее природу. Сегодня, когда в психологии существует множество идей относительно закономерностей человеческой жизни среди людей, можно сказать, что юность — это именно тот период в жизни человека, когда он лицом к лицу встречается со своей натурой и должен найти для нее форму. Грубо ситуацию можно сравнить с выбором платья: можно выбрать такое, в котором вы будете выглядеть естественно и красиво; можно выбрать такое, в котором вы будете выглядеть старше и серьезнее; можно выбрать уродующее; можно... вообще ничего не выбрать. Отличие жизни «Я» от выбора платья в том, что, выбрав его форму, с ней человек срастается, она становится стилем, способом его жизни, даже, если она противоречит его натуре — природным свойствам его «Я».

Юность — это время, когда человек может совершить часто непоправимую ошибку, выбрав не соответствующую его натуре собственную «Я»-концепцию. «Я»-концепция включает в себя обобщенное представление о разных своих качествах и о себе в целом. Это система идей, обоснованных с разной степенью достоверности в системе понятий, отражающих опыт мышления молодого человека о людях вообще и о себе как о человеке. Надо напомнить, что один из способов получения этих знаний — путь развития человека — подражание. Молодые люди всегда обижаются, когда им прямо указывают на подражание кому-то, но реально подражание встречается очень широко и приобретает самые разные формы. Иногда это связано с настоящим издевательством над свойствами собственной природы, когда молодой человек мучительно стремится соответствовать тому жизненному характеру, который совсем не подходит его натуре. Это может продолжаться до тех пор, пока жизнь и опыт не внесут свои коррективы. Если этого не произой-

дет, то человек всю жизнь будет вынужден фальшивить, выполняя не-свойственную ему жизненную роль, распространяя вокруг себя напряжение, когда фальшь становится очевидной.

Но! Сейчас я буду говорить с горечью взрослой мудрости, которая может показаться вам назиданием. Пусть будет так, как будет, но юность с ее далеко не выраженным «Я», а значит, далеко не сильными своими границами и внутренним диалогом с не-«Я», может следовать таким идеям жизни, таким идеям человека, которые совершенно не обусловлены их натурой. Это значит, что молодой человек может совершить ошибки, которые могут привести к необратимым для жизни последствиям. Я не хочу пугать, но жизнь полна образцов ошибок, таких, как предательство человеком собственной природы, собственного «Я» как своей индивидуальной природы. Сегодня, когда психологическое знание может быть знанием индивидуализированным, когда о законах становления «Я» человека можно рассказать в учебном курсе, думаю, было бы несправедливым по отношению к собственной природе игнорировать идеи, что следование кому-то, подражание кому-то — это только одна сторона приобретения своего лица. Оно потому и ваше, что в нем отражается ваша сущность, найденная вами уже не во вне — в других людях, а внутри — в вашем «Я». Чтобы «Я» могло о себе говорить, ему надо давать возможность быть услышанным, надо общаться с самим собой, создавая для этого контекст, условия общения. Внутренний мир — свой внутренний мир, который вы сможете открыть, не менее интересен, чем внешний мир. Там вас могут ждать открытия, подобные открытию Америки. Он будет требовать создания средств для выражения именно его. Тогда станут интересными и важными знания, которые могут дать психология и философия. Тогда вы сможете пережить то, что описано у Ошо в его книге «Корни и крылья»: «Ни одна книга не является ценной. Ценной является только личность. Но когда вы не знаете собственной цены, то вам кажется, что ценна книга. Когда вам неизвестна бесценность собственного существа, то становится ценной любая теория. Слова ценны лишь потому, что вы не poznali ценности существа» (20, с. 320).

Читаем дневники дальше.

Из дневника Владимира О.:

«На работе все те же лица. Можно заметить, как люди, с которыми я работаю, в первый месяц относились ко мне вроде доброжелательно и с пониманием. Теперь мне кажется, что я им действую на нервы. И что я не пью совсем, не ругаюсь, мясо не ем. Сплошное издевательство над их вкусами и привычками.

...Лично мне было немного больно на сердце, когда говорили о доме престарелых. Почему немного, потому что я говорю о чисто физическом ощущении. Я и раньше знал об этих домах, но когда об этом говорит человек, уже близкий по созвучию аур, то ко всему этому прикасаешься как бы уже наяву. Что-то есть здесь напоминающее Ношу Мира Владык. Боль

еще и потому, что подавляющему множеству людей уже нельзя ничем помочь, за них остается только молиться. Конечно, конечно, если к ним идти, то с открытым сердцем... Но смотря что подразумевать под открытым сердцем. Конечно, это насколько возможно самоотречение, хотя бы элементарно для сохранения здоровья. Открытое сердце подразумевает и настроенность, и дозорное состояние сознания. Не мудро проливать энергию, добытую таким трудом Владыками, людям, у которых и осталось только что это название. Всем этим должны заниматься какие-то благотворительные фонды, церковь в конце концов. Я ничего не говорю против такой деятельности. Меня немного коробит, когда церковь укрывает нас (Общество Рерихов. — Г.А.), разве не все люди имеют право на спасение. Конечно, имеют и пусть его используют. Но нас в отличие от других должна отличать целесообразность. Как это не жестоко может прозвучать в отношении людей, вызывающих жалость и сострадание. Да, сочувствие и сострадание, но в такой форме, чтобы они еще больше почувствовали, как жестоко обошлась с ними жизнь, как они обделены и обижены. Эти чувства, можно сказать со стопроцентной уверенностью, будут терзать людей, если не во время посещения, то после. И поэтому собственно не их мы должны видеть, когда идем к ним. Мы должны видеть дух, прошедший чистилище, обогащенный опытом, а не людей, кармически исчерпанных. Мы должны видеть людей, вплотную подошедших к Великой границе. И если мы можем чем им помочь, то только осознанием и пусть в малой степени подготовкой к этому переходу. Я не знаю, какой степенью огненности и утонченности сердца должен обладать человек, чтобы прожечь наросты духа и найти лазейки к сердцу человека. И, конечно, для этого надо почувствовать, есть ли хоть живая искорка в нем, дабы не отяготить Учителя. Поэтому другие формы проявления сострадания, без хотя бы такого намерения я считаю вредным.

...Во время особого подъема думаешь обычно не о своей судьбе, а о нашем обществе. О его дальнейших путях развития, о судьбе каждого из его членов. Можно сказать одно — в обществе люди пытаются и делают все на общее Благо. Нас учат хозяйственной деятельности, жить и работать в одном направлении, объединенных одной идеей. Нас готовят к общинности. Эволюционной форме социального образования. И не где-то в глуши и в дали. Эволюция в глуши не совершается, а в самой гуще жизни. Нигде так не может отбиться и закалиться клинок духа, как здесь... Пишу и думаю, как нам нужны специалисты... Пока мы живем здесь, мы живем по законам существующего общества. В наших силах привлечь любые, самые полезные идеи и мысли из иностранства. Но оформить их должны специалисты...

...Сегодня мне приснился удивительный сон. Почти весь день прошел под впечатлением этого сна. По всем критериям этот сон отличается от обычных — краски, переживания, сам сюжет сна. В общем, рискну предположить, что сон был иерархическим. К сожалению весь

я его вспомнить не могу, и тем более к вечеру половина впечатлений стерлась из памяти. Что ж, будем стараться записывать утром.

Во-первых, действие происходило в Москве. В течение сна я много по ней ходил. Самое главное начало происходит, когда я зашел в МЦР (Московский центр Рерихов. — Г.А.). Он находился там же, но был почему-то совсем другой. Только построенный или отреставрированный. Входил я в него, как в Храм, ощущались торжественность и трепетание в душе. И поэтому я очень удивился и оскорбился, когда группа людей с шумом и руганью что-то выносила, стол, кажется, большой. Зашел в большой зал, кажется, предназначенный для алтаря. По центру была ниша в стене, на всю ее высоту. Вот что там было в нише, я до сих пор не могу понять. Там не было никаких геометрических знаков или чего-либо подобного. Скорее что-то вроде северного сияния. Была совершенно четкая мысль — в этой нише должна стоять картина. Состояние молитвенное.

Дальше я решил, что при центре должна быть библиотека, и пошел в библиотеку. Я спросил, есть ли у вас книга «Учение Храма». Сказали, что есть, и дали мне на руки. Вот в этой-то книге и заключается вся соль сна и его значимость. Но и воспоминание о ней осталось очень слабое. На ней были какие-то знаки, один вроде знак бесконечности. Я довольно долго читал, но ничего не помню. И самые удивительные мои чувствования были, когда я читал об Учителях. Это было состояние экстаза. Кажется, эта книга была книгой будущего устройства НОВОГО МИРА. Помню, когда надо было уходить, я стал читать ее, что там дальше. Помню один цветной график с координатной сеткой. На ней было указано, как и где будут разрушения стихиями. Помню Центрально-Черноземный район был окрашен в желтый цвет. Что это может означать, не знаю. Сон был необычайно цельным, как фильм. Менялись сюжеты, но нить мысли не терялась. Был еще один прекрасный момент. Был показан молодой человек. У него была способность видеть сны при дневном свете. Не просто состояние сна при дневном свете, а именно сон с дневным светом. Видел застывшую картинку этого сна. Тогда было понятно и ясно, какую роль играл дневной свет в том сне. Когда проснулся, это уже не поддавалось никакому анализу, кроме того, что это было очень красиво. Было много чего-то. Но основное — это книга. Это я понял сразу, и как часто мне дадут открывать ее, я думаю, будет зависеть от меня.

...Что было в этом дне особенного? Ну пожалуй то, что я вновь встретился со своими друзьями. И быть с ними в духе рядом и в физическом теле для меня пока не одно и то же. Быть рядом пока и интереснее, и труднее одновременно. Самые яркие наши успехи и достижения в единении чувствуются тогда, когда устремлены в единой, объединяющей работе.

Сегодня вечером у нас был литературно-художественный вечер, посвященный Марине Цветаевой. Я тоже принял небольшое участие в нем. Читал стихотворение Д. Мережковского «Бог». Смотришь иногда порой и диву даешься. Как большие духи в своих прозрениях

давали кристальной чистоты строки стихов или какими-нибудь другими способами выражали духовные истины, которые даются нам великодушно нашими милосердными Учителями в чистом виде... В нашем распоряжении синтез духовных истин — Сама Истина Жизни во всей ее полноте, доступной на нашем этапе эволюции. И что же много к ней обращаются? У меня даже закрадывается подозрение, что даже в нашем обществе, которое должно нести эту Истину, Учение Жизни людям, многим это Учение совершенно непонятно. И брали они его в руки чисто по соображениям обстоятельства что ли... Ни кому не советую. Из этого хорошего никогда ничего не получится. Елена Ив. (Е. И. Рерих. — Г.А.), думаю, меня поддержала бы...»

Я уже говорила, что юность остро переживает необходимость освободиться от связи с архетипами коллективного бессознательного. К.Юнг писал об этом как о проявлении закономерности психической жизни, как о пути от бессознательной анонимности к сознательной анонимности. Юность — это то время, когда человек, его «Я» встречается с содержимым коллективного бессознательного. Прорыв этого коллективного бессознательного всегда производит огромное впечатление (вспомните, как описал Владимир О. свой сон). Это время, когда, как писал Юнг, «Я» человека начинает осознавать образы объективного коллективного бессознательного. «Я» начинает осознавать, что его личный опыт принадлежит не только ему, что существует обширный психологический опыт как фон его жизни, который невозможно создать одному, но его можно понять и через понимание сделать своим опытом.

Именно эта сторона юношеских переживаний отражена в полной мере в дневнике Владимира О. Он обладает сильным «Я», достаточно уже целостным, чтобы справиться с теми воздействиями коллективного бессознательного, которые он переживает как проявление своей связи с ними. В то же время он не подвергается разрушению под их воздействием, так как осознает границы своего «Я» и может сопоставить их с бесконечностью богатства мира, существующего вне его «Я». Он открыт богатству этого мира в той же степени, в какой готов к сохранению целостности своего, и уже умеет это делать доступными ему способами — может сопротивляться воздействиям, разрушающим его «Я». Его концепция другого человека не тождественна «Я»-концепции, он уже не только предполагает существование разных «Я»-концепций, но и сопоставляет их с собственной. Хотя ему еще очень важно чувство близости с другими — своими — людьми, он уже готов к сознательному единению с другими людьми, т.е. становится в своем размышлении о жизни настоящим взрослым.

Продолжим чтение дневников.

Из дневника Ирины В.: «Стоит мне поставить задачу, и жизнь щедра на ситуации. Вся грязь жизни вдруг обрушилась со всех сторон, полилась с телевизора, скандалила в купе, пьянствовала, ругалась, все

животные инстинкты продемонстрировала. Грязь и несовершенство? Это раньше я придумала такие названия. Это жизнь, великая и прекрасная. Пьяный? Но я его люблю. Люблю не его пьяное лицо и походку, а то, что там, за мутными глазами. И мне хочется поклониться, в пояс поклониться им, подлецам, мерзавцам, негодоям, поклониться их мученичеству, страданию их душ. Страдальцы. Труден их путь. Путь тоски, отчаяния, одиночества. Путь к себе. Кажется, что это снова только слова. Слова? Я открыла для себя, что в душе *каждого* человека есть Свет, что *каждый* живущий нужен Богу, что в сущности он и есть Бог. Шла, размышляла об этом, и внезапно на меня с ожесточенным лаем набросилась собака. Это я потом поняла, что по настоящему бросилась. Раньше я никак не могла преодолеть чувство страха в таких ситуациях, а тут вдруг посмотрела на нее, а в душе тишина и... любовь. И собака посмотрела на меня глазами... прокаженного. Мы все считаем себя в чем-то прокаженными. И чем больше я презираю себя, тем меньше верю в любовь. Чтобы полюбить самому, надо знать, что в этой жизни существует любовь, а значит верить, что кто-то любит меня. А разве можно полюбить меня такого? И трудно понять, что любят не за что-то. Все мы Божьи дети, и ведь Его суд не глазами и словами человеческими. Бог есть любовь. А мы, забывая об этом, судим себя сами и потом уже не можем себя простить. А если на миг осознаешь, что нет ничего непоправимого, что ты любим, что ты нужен и поверх *всего* земного живет эта великая любовь? Вот она — дорога к Новому Миру....

В ситуациях сложнее, чем с собакой, все равно рождается любовь...

Стало и проще, и сложнее. Жить стало проще, жизнь стала сложнее. Богаче. Величественнее...

...Странное состояние, словно хочешь исповедоваться и вдруг понимаешь, что не в чем. Совсем не в чем. Словно ты вернулся со сцены и уже стал забывать свою роль, она уже чужая. Каяться за чужие ошибки? Радоваться чужим удачам? Горевать о чужих друзьях? Завтра я опять буду играть. И снова придет чувство, что я обманываю. Ведь они не знают, что я играю. Они даже не знают, что сами играют. Даже когда на мне ни одной маски, я все равно играю. И чем естественнее я становлюсь, тем сильнее чувствую, что играю. Но теперь уже не своими, а чужими мыслями, словами, чувствами. Я еще не могу это объяснить. Я спокойна, когда кричат, плачут, страдают, болят, умирают. Где-то очень глубоко внутри спокойна. Я знаю, что это роль, но артист напротив думает, что умирает по-настоящему. И меня что-то мучает в этой ситуации. Какая-то внутренняя ложь. Словно я что-то предаю. И теперь я догадалась чем. В этой жизни есть только одно вечное чувство — любовь. Когда рядом мучается человек, не выход — мучиться рядом с ним. Но быть спокойной — значит не быть. Лишь когда в душе возникает любовь, нет чувства вины или пустоты. Значит полное самообладание возможно лишь в любви ко всему Сущему. Я ищу грань между неврастенией и

внутренним холодом. Сострадание — глубочайшее понятие. Это значит страдать чужими страданиями, делать его своим? Нет, это значит любить чужое страдание, это значит, что в мире нет ничего чужого. У каждого свой Путь? Но это не значит — иди своей дорогой.

...Что-то у меня писать выходит, как раньше рисовать. Выводя овал, я никогда не знала, каким будет лицо, характер, сущность. Даже если рисовала на заказ. А теперь, написав первые строки, я могу получить последние совершенно неожиданными. Интересно получилось. Пыталась нарисовать грустно-мечтательную воздушную красавицу. Жаль, что нельзя восстановить первоначальный облик: высокая прическа, чистый лоб, огромные грустные глаза, тонкие черты. Появилась улыбка до ушей, и все изменилось. Два в одном. Как всегда. И сейчас победила живая, хотя я никогда не знаю, кто победит. Мне кажется, что я удаляюсь от жизни, а выходит, что я к ней приближаюсь. Что же я цепляюсь за воздушную безликость, если всегда больше всех любила Пеппи Длинный Чулок. Ведь и есть Пеппи. Небоящаяся жить по своим правилам. Скорее Наташа, чем Татьяна. Скорее Скарлет, чем Мелли. Скорее Фрези, чем Асоль. Нет, просто во мне есть все, но именно бедная Пеппи почему-то оставалась мною обойденной. А без нее я не целостна. Опять во мне все не рядышком, но я ищу в себе Жизнь.

...С группой сегодня получилось интересно. Вроде бы внешне самоустранилась. У меня сейчас идет противодействие внешнему типу ориентации, руководства. А вот внутренне я все время чувствую ответственность за них, за наш разговор. И вообще за нашу группу. Все время. Не знаю почему. И стараюсь держать эту внутреннюю связь.

...Я хочу нравиться, я хочу, чтобы меня любили. Я хочу и, пожалуйста — сразу получаю. Но я хочу братства. Но стоит им заметить мою симпатию и меня одолевают чужие мысли, их мысли. И я уже не пойму, что во мне мое. Не думать о себе? Но думая о них, я себя теряю. Я никак не могу справиться со своим драконом, а он все сильнее. Потому что я боюсь его узнать. Я боюсь его... И что они ко мне все липнут? Или у меня мания преследования? Или это я липну? Я должна найти выход. Это становится опасным. Разрывает. Я опять не могу быть естественной и просто общаться. Я боюсь себя и людей! Нет! Не боюсь! Не может быть тело сильнее меня! Но я не буду с ним бороться. Я попробую его понять. Во мне растет любовь, но она истинна лишь в духе. Братья! А почему они так реагируют? Потому что во мне еще много всего намешано. Во мне силища, которой надо овладеть. Но как?! Найду, обязательно найду!

...Я стараюсь стать свободной. А свободен ли человек, который ничего не боится и следует голосу сердца.... Я поняла, что больше не боюсь их, что я сильнее. И не столь важно, что я хочу. Важно, что я могу не уступать их желанию, если чувствую свою правоту. А это важно, потому что я должна быть сильнее старого мира. Пропали мрак и неуверенность, связанные с ним и, странно, пропала и неприязнь. Я

не их не принимала. Я не принимала свою реакцию на них. А теперь благожелательна и к ним. Но не уступлю, если почувствую несправедливость. Но мне важно не их поставить на место, а себя. Я опять увидилась себе. Во мне очень большая сила воли.

...Как я люблю детей. Как мне с ними хорошо. Они искренни и бесхитростны...

...Я не хочу соответствовать ничьим ожиданиям. Я хочу жить свободно и радостно. И лишь та Воля может указывать мне путь. А ведь я поняла, что меня мучает. Простите меня, люди, все, все. Простите. Ведь это я и придумываю, и навязываю. И обяываю, ведь я немало потрудились над такими паутинами. Да, ведь я сама не могу быть свободной и радостной. Почему я хочу думать, что я свободна? Почему я боюсь оторваться от паутины? Вот же она, свобода. Но вот же и они, люди. Как это непросто — научиться быть свободным. А ведь свобода не в том, что ты один, а как раз наоборот. Свобода в том, чтобы найти свое место в мире, взять свой крест. Свобода в смирении. Откуда во мне опять бунт? Почему я опять просыпаюсь как на каторгу! Мир не станет другим за одну ночь. Вернее, это я медленно меняюсь. Ничего, справлюсь. «Я знаю радость. Я видел небо!»

Опять обращаюсь к тексту М. Рубинштейна, который написан, кажется, специально для Ирины В., к тому месту в этом тексте, где говорится о том, что «детская непосредственная слиянность с миром и жизнью оказывается покинутой; появляются сомнения, «проклятые вопросы», мир и жизнь не приемлются просто — теоретически, по крайней мере так, как они есть, а обдумываются, вырешаются; непосредственной действительности оказывается недостаточно. Как сильно эта струя исканий захватывает юность, это лучше всего видно из того, что ее может увлекать самый принцип исканий, так сказать формальное искание, когда юная молодежь часто только говорит о «вопросах», больше ощущает свое настроение, а назвать и указать их не может, потому что они только своего рода вопросительный импульс, часто больше самоощущение, чем реальная потребность.

Весь характер этих вопросов ярко показывает нам, что тут одно из основных, если не основное вообще, стремление это — найти и выявить самого себя, свое «я». Такое стремление вполне понятно... С порой половой зрелости врывается совершенно новая для сознания индивида струя и новое еще мало определившееся самоощущение и, таким образом, вопрос о самом себе является более, чем естественным.» (29, с. 116-117)

Другие люди, отношения с ними, необходимость создания собственного «Я» и воплощения его в узнаваемые для других формы создают фон повышенного внимания к собственному образу, к аналитической работе разума по его созданию. Здесь и обнаруживается неоднородность строения психической реальности: не все ее свойства — продукты мышления. Хотя мышление рождает произвольность, опосредует все проявления психической жизни, оно не является всем ее содержанием. Встре-

ча со сложностью строения психической жизни, с теми проявлениями коллективного бессознательного, с которыми надо устанавливать сознательные отношения, приводит к напряжению, которое регулируется «Я»-усилиями, направленными на собственную интеграцию, на создание собственной целостности. У Ирины В. есть в дневнике такие слова: «А еще странно. Я нахожу облегчение сейчас лишь в одном образе: словно держу на руках ребенка и прижимаю его к своему сердцу. И с этой ношей все на свете кажется мне по плечу. И не понят мной до конца смысл этого. Но эта ноша дает счастье жить. Дает такую возможность». Как тут не вспомнить о существовании архетипов и об особых отношениях с ними в юности, как это описывали К.Юнг и его последователи.

Напомню читателю еще раз, что архетипы присутствуют в коллективном бессознательном как потенциальные образы. При воздействии индивидуального сознания они превращаются из потенциальных образов в актуальные, т.е. в переживание архетипа. Думается, что подобное происходило с Ириной В., когда она переживала образ Матери. Архетипы существуют постоянно, но их реализация зависит от того, осознает их человек или нет. Осознание выражается в слове и образе, в произвольном действии (танцы, например).

Наиболее сильным переживанием, исходя из опыта людей, является актуальное переживание архетипа «Божества». По мнению К. Юнга, самое мощное свое переживание человек и назвал Богом. В момент такого переживания человек встречается с очевидным фактом наличия центра существования всего, той силы, которая дает и отнимает жизнь. Это центр, в котором цель и значение как мироздания, так и самого человека становятся определенными и ясными. В этом переживании нет противоречия между разными слоями психики человека — между сознательным и бессознательным, нет напряжения, которое они создают в других переживаниях. Это переживание абсолютно убедительно и самоочевидно. Это переживание не создается человеком искусственно, оно спонтанно возникает из глубин его психики. Отрицать его психическую реальность нельзя. Это тот опыт человека, который К.Юнг называл опытом самости — психологической целостности, единства противоположностей.

Воспринимаемая с психологических позиций «самость», в понимании К. Юнга, она может быть сформулирована как переживание «Бога внутри нас», тогда как для религии самость могла бы стать проявлением «Бога в себе».

Как писал Г.Адлер (1): «Психология не может доказать или опровергнуть существование Бога, что она действительно может доказать — это существование архетипного образа Бога, «самости». В этом вопросе психология и религия встречаются и расходятся, становясь по разные стороны границы. Все, что законно может сделать психология, — это учесть позицию религии и принять возможность того, что «Бог внутри нас» соответствует трансцендентальной реальности.

Гете выразил эту мысль прекрасными стихами:

*Если бы у глаза не было солнцеподобной природы,
То никогда не увидел бы он солнца;
Если бы могущество самого Божества не лежало бы в нас,
То как бы смогли мы восхищаться Божественным?»*
(11, с.215 — 216).

Думаю, вы смогли увидеть, что решение жизненной задачи принадлежности к группе — это не просто налаживание отношений с близкими или не очень людьми. Это прежде всего переживание качественно нового состояния своего «Я», которое возможно за счет появления осознанных форм архетипических переживаний, таких переживаний, в которых молодой человек получает опыт силы своего осознающего «Я», способного к встрече с глубинными, существенными проявлениями жизни и себя как части жизни. Эти переживания могут прийти во сне, могут вылиться в творчество (литературное и музыкальное прежде всего), могут возникнуть в виде образов воображения или реализуются в движениях импровизированного танца.

Группа — это не только и не столько ваша студенческая группа, хотя иногда отношения в ней весьма и весьма непростые. Группа — это все мы, организованное в пространстве и времени нашей общей истории человечество, большая, но реальная группа со своей историей, со своим настоящим и будущим. В вашем возрасте в ваше сознание, а значит, и в вашу жизнь входит историческое время. Оно существует как:

архетипические осознанные переживания, когда коллективное бессознательное приобретает в них вашу индивидуальную форму. Это те переживания, которые в высших своих проявлениях позволяют вам пережить наличие «Бога внутри нас»;

социальное время — современное вам историческое время, которое определяет нормы и правила отношений людей. Само существование этих норм и правил, необходимость освоения их создают те переживания неестественности и игры, которые характеризуют поиск «Я» адекватной себе формы;

события вашей биографии, связанные с поиском формы своего нового «Я», которое становится осознанным и целостным на тех основаниях, что вы выберете сами, сами сделаете фактами своей биографии как истории, написанной осознанно, своей рукой;

время жизни людей, уже проживших ее, время жизни великих людей и людей, проживших больше или меньше, чем вы, — это время, воплощенное в различных текстах, созданных и создаваемых другими людьми;

время, которое становится историческим через присутствие в вашей жизни сверстников — людей, решающих сходные с вами жизненные задачи, но делающих это другим способом, адекватным их

«Я». Через общение с ними вы приобщаетесь и к этому варианту исторического времени.

Ориентация во времени и пространстве такой большой группы людей как человечество требует от вашего «Я» усилий, при этом не хаотических, а организованных, ориентированных на других людей и на себя как на специфические предметы, занимающие свое место в пространстве и времени жизни. «Я»-усилия как природное проявление силы «Я» при ориентации на других людей принимают форму, о которой уже упоминалось, — форму «Я»-концепции и концепции другого человека, которые конкретизируются в концепции жизни и смерти, как обосновании воздействия на самого себя и другого человека.

Все эти обобщающие психологические объяснения находят свое конкретное воплощение в фактах поведения молодых людей по отношению к разным категориям других людей: любому наблюдателю известно, как легко молодые люди становятся в снисходительно-покровительственную позу по отношению к младшим, даже к сверстникам, если они чуть-чуть младше. Превосходство возраста в юности часто кажется фактором абсолютного превосходства. Бывают тяжелейшие семейные ситуации, когда родители пытаются объединить в одну компанию старших и младших. Старшие — молодые люди — готовы упорно отстаивать свое право не быть с маленькими в одной компании, чтобы... Аргументы всегда находятся в избытке.

Широко подражая разным людям — реальным и созданным воображением других людей или своим собственным, — молодые люди, как уже отмечалось, не хотят, чтобы это видели в них другие, а тем более оценивали. Подражая, молодые люди ищут оправдания для себя, рационализируют это свое действие. Того человека, которому подражают, наделяют исключительностью, невероятными качествами, стремясь таким образом показать свое стремление к несовпадению своего понимания жизни и людей с пониманием других людей. Это один из путей, по которому молодые люди идут в криминальную среду, где уже царствуют нечеловеческие законы жизни. Подробнее об этом можно прочитать, например, в работе В. Ф. Пирожкова (22).

Подражание — это путь реализации основных исканий юности — исканий своего «Я». Иногда он принимает даже в обыденной жизни формы, которые находятся с точки зрения наблюдателя на грани комического и трагического (еще бы точно знать эту грань!). Суть всегда одна — показать свою неповторимость, даже конкурируя с другими по уровню своей несчастности или усиленно расписывая свои (естественно, не существующие) пороки. Эта демонстрация необходима для переживания своего «Я» как существующего факта жизни, и если именно эта демонстрация воспринимается другими как проявление «Я», то молодой человек склонен долгое время именно так и воспринимать себя.

Итак, решение жизненной задачи принадлежности к группе по-

зволяет молодым людям сориентироваться в структуре исторических отношений человечества, попробовать найти свое место в ней.

Если представить ситуацию структурных отношений человечества, то получится картина как вертикальных отношений, отношений руководства — подчинения, так и горизонтальных отношений взаимозависимости людей, объединенных целями разной степени общности. Когда человек находит (ищет) свое место, он должен вступить как в отношения руководства — подчинения, так и в отношения взаимозависимости. Обоснование этих отношений строится всеми их участниками на разных основаниях, но их объединяет общее время и общее пространство — именно эти факторы делают людей взаимозависимыми, именно эти факторы становятся осознанными переживаниями при решении жизненной задачи принадлежности к группе в юношеском возрасте, в вашем возрасте.

Учитывая глобальный характер задачи, которую надо решить молодому человеку, хотелось бы только напомнить о существовании ошибок в мышлении, когда вместо истинного анализа глобальных человеческих отношений заинтересованные в этом в корыстных целях люди и организации прибегают к демагогическому манипулированию мышлением и сознанием молодых людей, насаждая в них идеи расизма, национализма, религиозного фанатизма как основание для обоснования поисков своего места в системе человеческих отношений. Все эти идеи просты и основаны на сравнении (рас, наций, религий), которое легко осуществляется и становится очевидным, хотя и является проявлением недопустимого аргумента мышления, когда вместо объективно существующих свойств предмета человек начинает использовать аксиологические — ценностные — субъективные, им же самим созданные свойства. Хочется вспомнить в связи с этим еще несколько строчек из книги Ошо, которую я уже упоминала: «Ум сравнивает. А когда ума нет, то как вы можете сравнивать? Как вы можете сказать, что это дерево большое, а то маленькое? Когда отбрасывается ум, отбрасывается и сравнение, а когда нет сравнения, то открывается прелесть бытия. Это становится извержением вулкана, оно взрывает. Тогда вы видите, что большое — маленькое, а маленькое — большое. Тогда исчезают все противоречия и видится внутренняя последовательность... Тогда не будет ни вчера, ни сегодня, будет только я здесь и вы здесь. Будет встреча. И это здесь и сейчас, когда в нем не будет ума, превратится в общность...» (29, с. 266).

Хочу в заключение этой главы напомнить читателям, что не ум считается единицей психической жизни человека, а переживание. То состояние, о котором говорит Ошо, называют еще чувством общности с миром, принятием мира таким, какой он есть, еще это состояние называют благоговением перед жизнью, пониманием и многими другими словами, пытаюсь передать то, что коротко звучит как любовь к людям. Вы — тоже человек, и без вас «народ не полный», так же как пусты вы без людей.

Независимое существование как жизненная задача

— *Не шалю, никого не трогаю, починяю примус...*
(М. Булгаков. «Мастер и Маргарита»)

Задача независимого существования — это и простые, казалось бы, жизненные вопросы, связанные с самообслуживанием, и вопросы интеллектуальной самостоятельности; и вопросы планирования каждого дня и всей жизни в целом. Это — и вопросы эстетических вкусов, стремления следовать моде и многое другое, что составляет (может составить) многообразие жизни современного человека, если он решает задачу независимого существования. Независимого от кого и от чего? Почему надо быть независимым, если только что в предыдущих главах говорилось о взаимозависимости всех людей в их индивидуальной и коллективной истории? Почему эта задача становится актуальной в юношеском возрасте?

Вот об этом и пойдет речь в настоящей главе.

Но прежде всего поговорим о некоторых свойствах предметов, которые нас окружают. Наше собственное тело и психика — это тоже предметы. Почему надо говорить о предметах? У них есть удивительное свойство делать человека зависимым от себя; у человека есть удивительное свойство попадать в зависимость от предметов. Увидеть это свойство нетрудно — оно лежит на поверхности нашей жизни: у каждого из нас есть что-то любимое из предметов — чашка, рубашка, картина, пейзаж, погода... Они — неодушевленные предметы, а чувство привязанности к ним может быть очень сильным; иногда человек узнает об их силе тогда, когда расстается с любимым предметом. Вот этот момент зависимости человека от свойств предметов давно заметил и описал известный психолог Курт Левин. Он назвал это свойство предметов валентностью.

Сегодня в психологии не часто встречаются работы, которые позволяют понять, как и почему возникает у человека избирательное, зависимое отношение от тех или иных свойств предметов или от предмета в целом. Факт остается фактом — человек зависим от предметов. Зависимость эта может быть и на другом уровне — на уровне естественных, биологических потребностей. Без пищи — продуктов питания — человек не может жить, так же как не может жить без воды

и воздуха, тепла и света. Он тоже зависим от этих предметов и их свойств. Но, как вы понимаете, это другой тип зависимости, в нем есть то своеобразие отношения, которого нет в зависимости от любимых туфель или любимой мелодии. Нужно ли человеку быть независимым от привязанности к различным предметам?

Иногда этот вопрос из теоретического приобретает размеры жизненно важного. Стоит ли рисковать и спасать из огня любимую картину? Стоит ли рисковать и пробовать неизвестного происхождения блюдо, если ты очень голоден? Это уже о быте. Стоит ли тратить силы и время на продление жизни сломавшегося, но любимого будильника (велосипеда, машины) и таким образом продлевать свою зависимость от него (от них)?

Я задала достаточно вопросов, чтобы решение задачи независимого существования обернулось для вас и ежедневной утренней суетой приготовления завтрака, и генеральной уборкой квартиры, и необходимостью поливки грядок и множеством других вопросов, решение которых связывают с проблемами организации жизни.

Из всего сказанного невольно вытекает заключение, что никакого независимого существования нет — человек зависим от вещей, человек зависим от людей.

Как и все жизненные задачи человека — задача независимого существования возникает потому, что в природе человека есть стремление к осознанной автономности (независимости). Автономность — это естественное свойство его сознания, которое реализуется как проявление силы «Я» к самообоснованию своего существования. Как происходит это самообоснование, гарантирующее человеку независимость, автономность его сознания? В литературе встречается описание типов юности, которое позволяет создать общую картину проявления различных форм автономности «Я» и выделить те общие особенности, которые можно понимать как проявление закономерности. Из всего многообразия описаний человеческих типов, которое встречается в психологической литературе, мне кажется наиболее реалистической типология юности, предложенная М.Рубинштейном. Я буду использовать ее, дополняя психологическими характеристиками типов ценностей (Н.И.-Непомнящая), типов ответственности или локуса контроля (Роттер), типами «Я»-концепций, концепции другого человека и концепции жизни, где будут представлены понятия К.Юнга о типах ориентации психической жизни — интровертированный и экстравертированный тип.

Прежде чем перейти к описанию, остановлюсь на понятиях типов ценностностей и типа ответственности или локуса контроля. Оба эти понятия важны для того, чтобы попытаться уяснить, как происходит самообоснование активности «Я».

Понятие ценностностей было введено Н.И.Непомнящей для описания содержания тех явлений, которые проявляются в фактах ус-

тойчивости свойств «Я». Наиболее ярко эти факты можно наблюдать в обоснованиях выбора. Ценностность — это целостное образование, которое, по мнению Н.И.Непомнящей, характеризуется единством внешней направленности личности и ее представлением о себе (представленность собственного «Я»). Ценностность — это узнавание и воплощение во внешнем, предметном мире актуальных, проявленных свойств «Я». С точки зрения предметного — внешнего, объектного мира — это то, что человек выбрал (одежду, символику, идею и т.п.), с точки зрения самого человека — это переживание присутствия «моего», узнаваемо близкого в выбранном предмете, переживание близости с выбранным предметом или свойством предмета. У Н.И. Непомнящей есть слова о том, что ценностность можно определить как единство личностной валентности действительности и объективной валентности личности. Эта терминология К.Левина позволяет описать качественное своеобразие самообоснования через характеристику предметов, от которых человек оказывается зависим, так как именно в них узнает и воплощает себя.

Ценностность отражает целостность «Я» как возможность создания своего мира не только в психической, но и физической (и любой другой) реальности. Ценностность позволяет проводить границу между различными «Я» и потенциально предполагать бесконечное число их миров, так как «Я» может узнать свои проявленные в самообосновании качества во множестве свойств предметов. На одном полюсе ценностности всегда фиксируется наличие «Я», а на другом — наличие свойств предметов, в которых оно находит себя. Оба эти полюса в каждый момент времени составляют целостность и позволяют человеку переживать мир как свой, как неотчужденный, в психологии еще говорят в этом случае о чувстве авторства. За всем этим стоит реализованная ценностность или состояние человека, который в этот момент времени живет в согласии самим собой, так как его «Я» представлено в его предметном мире, традиционно существующие границы между «Я» и предметами стираются.

При записи типов ценностностей, выделенных в экспериментальном исследовании, используется знак взаимной обусловленности полюса «Я» и полюса предметного его воплощения, как проявление их единства.

Приведу варианты названия ценностностей, которые дает в своем исследовании Н.И.Непомнящая:

«Я = делаю хорошо».

«Я = делаю правильно, как надо».

« Я = выполняю требования других».

Эти варианты отличаются устойчивостью и позволяют выделить существование различных самообоснований для проявления качеств «Я» во внешней активности, в преобразованиях предметов, в исполь-

зовании их свойств. Наблюдения и исследования взрослых людей показывают, что типы ценностей являются устойчивым образованием, существенно влияющем на содержание задач их взаимодействия с окружающим миром. В юношеском возрасте, как я постараюсь показать ниже, типы юности воплощают различные варианты ценностей.

Думаю, есть смысл обратить внимание на то, что во всех вариантах самообоснования присутствуют идеальные объекты, которые способствуют созданию целостности мира человека. Это — представление о «хорошем», о «правильном» и «целесообразном», представление о других как о норме. В силу своего происхождения эти идеальные объекты являются знаками, которые структурируют психическую реальность, создают целостный мир человека, воплощающий его «Я». Остается только задаться вечным вопросом, почему человек выбирает для самообоснования «Я» именно этот знак.

Думаю, что представление о силе «Я» как природой данному качестве человека позволяет обсуждать этот вопрос с позиции ответственности как способности «Я» к самоконтролю за самообоснованием самого себя. Попробую воспользоваться примером из практики общения со студентами. Обычно, не умея ответить на вопрос экзаменатора, студенты прибегают к такому аргументу: «Читал, но забыл». За этим стоит ситуация, когда самоконтроля за самообоснованием своей активности — чтения — не было. «Я» человека не было проявлено в тексте, который он читал. Чтение было пустым занятием, где «Я» не присутствовало. Иначе это можно объяснить так: данный человек обладает слабым «Я», проявление которого не обеспечивается спонтанно, как бы само по себе, а требует специальных условий, в том числе самовоздействия человека или воздействия извне. Недаром при подготовке к экзамену многие предпочитают заниматься вместе — это гарантия защиты от слабости собственного «Я», от необходимости проявлять усилия по его самоорганизации.

В работах Роттера очень подробно описаны типы ответственности в понятиях локуса контроля. Он выделил на основе экспериментальных исследований существование двух типов контроля за течением жизни. Одни люди считают, что все течение их жизни определяется внешними факторами и не зависит от их собственных «Я»-усилий (экстернальный тип). Другие в большей степени склонны считать, что именно от их «Я»-усилий зависит течение их жизни (интернальный тип). Взять на себя ответственность — это значит в самообосновании своего «Я» использовать качества своего же «Я». Это явление еще называют верой в свои силы, опорой на свои силы или просто силой «Я».

Принятие ответственности — это ориентация в самообосновании «Я» на закономерности его проявления и существования как автономного образования, имеющего границы. Это признание «Я» как

того, что есть как качество психической реальности, объединяющее и структурирующее наличие самой этой реальности. По сути дела, принять на себя ответственность за себя — это сказать и себе, и другим, что «Я» есть, что у «Я» есть сила быть. Остается только в связи с этим вспомнить классический вопрос, вложенный Шекспиром в уста Гамлета: «Быть или не быть..»

Решение задачи независимого существования — это и есть ответ на этот вопрос с точки зрения проявления тех ценностей, которые будут воплощать силу вашего «Я» в ответственности за его же существование, за его жизнь. Задача будет решаться в предметном мире, где есть множество предметов, уже воплотивших «Я» других людей. Даже если мы не знаем их имен, предметы, созданные ими, воздействуют на наше «Я», так как эти предметы несут в себе универсальные проявления человеческой природы.

Одним из таких предметов являются деньги. Независимое существование в нашем мире невозможно без них. Научиться жить с ними, а не ради них — одна из граней решения задачи независимого существования. Сила денег бесспорна, она сопоставима только с силой власти и... силой «Я», той силой, которую называют силой духа. Я не собираюсь морализировать. Есть очевидные вещи, которые составляют правду жизни, ту правду, от которой никуда не уйдешь. Все слова о независимом существовании вашего «Я» будут бессмысленны, если у вас нет денег, чтобы купить продукты, и вы систематически недоедаете. Тогда просто нет биологических основ для силы «Я», но... «Но» состоит в том, что в психологических работах тема денег практически не анализируется, хотя в системе жизненных ценностей молодых людей, с которыми приходилось работать, она стоит на одном из первых мест... Научиться относиться к деньгам в соответствии с их свойствами всеобщего (?) эквивалента, определить их место в своей жизни так же необходимо, как пережить наличие «Я» и его автономности. Повторю слова Б.Окуджавы: за деньги можно купить все, кроме доброго имени, таланта и любви. Значит, уже не все.

Это как отношение к «Я». Оно у вас есть, оно есть у всех, но у вас — ваше. Его можно бесконечно разменивать на множество предметов (помните о реципрокности у Ж.Пиаже), но нельзя разменять до конца, так как оно вам дано вашей природой, а она в конце концов (даже в последнюю минуту жизни) напомнит о своем существовании той встречей «Я» и коллективного бессознательного, которая требует быть «Я», быть «самостью». Это закон существования «Я», известный сегодня в психологии с той очевидностью истины, которая доступна этой науке.

Независимое, автономное существование «Я» как проявление его силы, возможность достижения автономности способны качественно преобразовать все течение жизни человека, все процессы, обеспечивающие наличие индивидуальной жизни. Очевидность этого доказы-

вается и тем, что автономное «Я», способное к проявлению своей силы, может оказывать позитивное влияние на течение болезней человека. В этом проявляется принцип обратной связи — возможность не только реагировать на воздействие, но и изменяться самому и изменять воздействующий фактор. В настоящее время широко известно, что человек может воздействовать на частоту своего пульса и свое кровяное давление. Он может воздействовать силой своего «Я» и на течение болезни. Сила «Я» организуется через создание зрительных образов как желаемых целей и результатов — выздоровления, разрушения болезни — и это оказывает влияние на иммунитет организма, повышает его естественные защитные функции. Современные исследования в этом направлении не только вселяют оптимизм относительно возможности излечения от тяжелых недугов (рака в первую очередь), но и позволяют обсуждать проблему независимого существования «Я» как одну из составляющих здоровья человека.

В свое время мое внимание с этой точки зрения привлекла работа К. и С. Саймонтов (30). Они говорили о том, что человек, который стремился жить интересами других людей, отказывал себе в существовании собственных интересов, оказывается более бессильным перед раком, чем человек, который осознает свое «Я», выделяет его как необходимое качество жизни, заботится о нем. Думаю, что эти факты заслуживают вашего внимания в свете понимания задачи независимого существования.

Описание типичных способов решения этой задачи юными людьми начиналось с констатации того факта, что силу «Я» нельзя спрятать; о ее наличии в другом человеке и в себе мы судим буквально по первому впечатлению. Дело не в том, правильно ли мы оценили характер человека, а в том, что восприняли связь внешнего и внутреннего, телесного проявления «Я» как качества внутреннего мира. О том, что такая связь существует, люди знают давно. Работ, описывающих эту связь, великое множество. По сути, они доказывают то, что давным-давно было сказано Аристотелем: так же, как зрачок и зрение составляют глаз, душа и тело составляют живое существо. Существование силы души и силы тела и их возможного несоответствия можно считать очевидным фактом.

В юности, когда «Я» еще только обретает свою форму, было бы логически неверно говорить о каких-то устоявшихся типах «Я». Однако общую тенденцию, которая, как и любая классификация будет нужна только для целей учебного предмета, описать можно. Естественно, задача независимого существования каждым молодым человеком решается в конкретных условиях его жизни — в его социальной ситуации развития, которая будет определять конкретный идеал жизни как его жизни, но жизненные задачи молодого человека будут типичны для истории становления «Я» в период физического созревания человека.

Решаются они двумя противоположными способами. Можно сказать, что это способы — антиподы. Первый из них — это стремление к единению; второй — стремление к групповым формам жизни. У некоторых молодых людей естественное стремление к общению и обществу оказывается в эту пору доведенным до крайности. Оно выражается в том, что, оставшись вне общества, они становятся вялыми, мрачными, тоскливо настроенными, неработоспособными; у них снижается инициативность, нарастает равнодушие; они не хотят и не могут заставить себя мыслить. Как только эти юные люди оказываются в обществе, вся ситуация меняется. Они могут проявить блеск ума и сообразительности, веселье, бодрость, подвижность и говорливость, глубину обобщений и предприимчивость. Это суть их натуры — экстравертированной, ориентированной ценностью общения. Это не только люди со слабым «Я», которые склонны подчиняться, служить, не уверены в себе и ищут руководителя. Это могут быть и лица, склонные к лидерству, с сильным «Я», которые в соответствии со свойствами своей природы нуждаются в присутствии других людей. Такие люди утомляются от одиночества, но общение бодрит их и придает новые силы, словно высвечивает их «Я» через присутствие других людей.

Однако это относится только к реальному общению. Можно быть среди людей и чувствовать себя одиноким, так как общение, в котором вы не участвуете или не можете участвовать, только сильнее подчеркивает одиночество. (Описание подобных переживаний вы уже встречали в дневниках, цитированных в других главах.) Не только среда может отталкивать молодого человека, но он сам может не принимать этой среды и тоже чувствовать себя одиноким. Это то состояние, которое в дневнике Ирины В. звучит в обыденных словах: «В комнате пьянка, а мне все равно. Пусть делают, что хотят...»

Многие семьи жалуются на то, что с молодым человеком невозможно общаться, что он дома вял и неразговорчив, что он чувствует себя чужим среди родных. Однако этот молодой человек преобразуется среди приятелей, может стать просто неузнаваемым. Это тоже тот тип юности, когда человек может проявить свое «Я» только в определенной групповой среде. Часто именно такие молодые люди становятся инициаторами создания различных обществ со своей структурой и правилами поведения. Именно на них держится сама возможность существования молодежной субкультуры — относительно замкнутого знакового пространства, которое способствует созданию новых средств фиксации «Я».

Совсем к другому типу относятся молодые люди, которых можно назвать любителями уединения или одиночками. Они представляют собой интровертированный тип человека и реализуют ценность отношения к себе. В юности у такого человека часто бывают конфлик-

ты с самим собой, пока он не осознает свойств своей природы, качеств своего «Я». Конфликт начинается тогда, когда человек еще не осознал свои стремления, не нашел форму для свойств своего «Я», а пытался примерить на себя то, что предлагает ему ситуация его жизни — общение со сверстниками. Пытаясь общаться, он не получил никакого удовольствия, не пережил никакой радости, о которой тосковал до этого. Он начинает чувствовать себя несчастным, даже отринутым, предпринимает попытки, часто смешные и неуклюжие, быть как все. Это противоречит его природе, вызывает внутренний конфликт, недовольство собой, чувство потерянности. Об этом писала Мария А. в своем дневнике:

«...Девочки курят и болтают так весело, я тоже попробовала курить. Гадость, стошнило, а болтать я совсем не умею. Напрягаюсь, не знаю, что сказать, чтобы интересно было. Да и не было ничего интересного, чтобы всем рассказывать».

Через несколько страниц в ее дневнике можно прочитать такие стихи:

Буду,
обязательно
буду,
всемогущей
в своей душе,
буду,
обязательно
буду...
Только вот
нет еще...

Через несколько дней другие:

На дереве
лист
одинокий,
ветром его колышет,
а он,
как победный флаг,
утром
инеем вышит...
А он как победный флаг
времени и движенья.
А что одинок?
Не так!
Мгновение заблужденья!

Такие юные люди обретают спокойствие и комфорт, когда они одни. Они любят работать в одиночку, любят читать про себя, им трудно жить вместе в одной комнате с другими людьми, присутствие другого человека тяготит их. Они могут быть с людьми, но воспринимают это как вынужденное времяпровождение и чувствуют себя свободнее вне общества. Как вы могли заметить, это противоположно переживаниям тех молодых людей, которые склонны проявлять силу своего «Я» в присутствии других людей.

Взрослые считают нормальным стремление молодых людей к коллективным формам проявления «Я» и своим неумеренным вниманием к тем молодым людям, которые ведут себя иначе, обостряют для них (и так достаточно остро) проблему поиска формы «Я» своими требованиями нормального поведения, своими требованиями быть как все. Иногда внимание взрослых бывает избыточно пристально, а иногда его явно недостаточно, так как потенциально, как уже говорилось выше, юные люди склонны ко многим заболеваниям, в том числе психическим, которые начинаются именно в этом возрасте с симптоматики длительного уединения и отказа от контактов с другими людьми. Я не буду здесь останавливаться на всей сложной картине возможных психических заболеваний, связанных с разрушением «Я» человека. Скажу только, в психиатрии считается, что половина заболевших людей выздоравливает без медицинского вмешательства путем самоисцеления за счет силы своего «Я».

Тяжелые переживания у молодых людей вызывают упреки в их ненормальности. Еще раз останавливаю ваше внимание на том, что само понятие нормы — это способ мышления, не более. Это форма, и как любая форма она требует наполнения содержанием. Содержание может быть разным: норма может быть мерой ценности, может существовать как этическое требование, как моральный постулат, как идеальное обобщение, организующее поведение. Норма может быть среднестатистической величиной, отражающей частоту явления. Наконец, нормой может быть субъективно хорошее физическое, психическое и социальное самочувствие. Так что не очень спешите принимать на свой счет оценку нормальности или ненормальности. Вопрос остается: «А судьи кто?»

Стремление к одиночеству в юности носит часто очень своеобразный характер — оно протекает на фоне присутствия людей. Этот фон является необходимым условием для возникновения переживаний качества «Я». Молодые люди увеличивают дистанцию с другими людьми, но не теряют их из виду, потенциально оставаясь готовыми к общению. Если у молодого человека сильно развита тенденция к одиночеству, то он все равно ищет общения с другими существами, как с заместителями человека. Такую роль часто выполняют домашние животные. Необходимость в них возникает чаще всего у тех молодых

людей, которые не могут легко устанавливать удовлетворяющие их отношения с другими людьми. К этим молодым людям, неудовлетворенным отношениями с другими людьми, можно отнести и тех, кто не умеет общаться, часто испытывает от этого неприятные переживания и поэтому не стремится к общению, а демонстрирует переживания действительных (чаще мнимых) обид на других людей как уход от общения. Молодые люди стремятся культивировать в себе эти черты, если им удастся с помощью их манипулировать другими людьми — добиваться своих целей через целенаправленное воздействие на другого человека.

Благоприятную почву для развития обидчивости и подозрительности создают переживания, связанные с физиологическим созреванием, которые изменяют границы «Я» молодого человека и требуют специальных усилий по их построению на новых основаниях. Обида возникает как следствие несоответствия оснований для построения «Я», которыми пользуется молодой человек, и теми основаниями понимания его «Я», которыми пользуются другие люди.

В психологии существует понятие акцентуации характера — усиление какой-то группы качеств «Я» человека. Обидчивость может стать формой такой акцентуации. Кроме обидчивости в юности могут стать акцентуированными и другие качества молодого человека, которые только начинали складываться в отрочестве и в детстве. Теперь они уже приобретают длительно устойчивый характер. Так, у молодых людей проявляется черта властолюбия, стремление к доминированию, к лидерству. Эта черта может стать социально опасной, если ее используют люди из криминального мира или демагоги, умело ориентирующиеся в своем воздействии на существование у молодых людей этих черт.

Когда я прочитала у М.Рубинштейна, что революция дала немало примеров того, как молодые люди упивались своей ролью в ней и властью, что упоение властью опьяняет не только юных, но и зрелых людей, мне захотелось напомнить вам об этом. Бунтующий человек всегда (почти всегда) воспринимается как юный человек. А когда говорят о судящем и казнящем, то кого имеют в виду? Кто становится «карающим мечом» во всяких, весьма неоднозначных, социальных переворотах? Современная наша жизнь не менее очевидно, чем время М.Рубинштейна — время непосредственно после октября 1917 в России — показывает, что упоение властью делает юность безжалостной и безрассудной. Возрастающая сила их «Я» находит себя в силе воздействия на другого человека, часто даже не имеющего возможности сопротивления. Это свойство молодых людей широко эксплуатируют люди криминального мира — международная организованная преступность во всех ее вариантах.

У девушек и юношей стремление к власти проявляется по-разному. Наиболее отчетливо эти различия видны в криминальных группи-

ровках, возглавляемых юношами и девушками. Сразу надо сказать, что группировок, возглавляемых юношами, значительно больше, чем группировок, возглавляемых девушками. Это одно из проявлений общей тенденции существующих половых различий: девушки склонны больше стремиться к власти над одним человеком, а юноши, если у них эта тенденция есть, стремятся к власти над группой. (Причем может случиться так, что это будет не реальная группа, а условная, созданная их воображением). Криминальная группировка, возглавляемая девушкой, обычно отличается особой жестокостью и изобретательностью, она практически никогда не щадит своих жертв. Однако, в подавляющем большинстве лидерами криминальных групп являются лица мужского пола.

Представители криминального мира широко эксплуатируют естественное стремление юношей к демонстрации силы своего «Я» и переживания девушек, связанные с их физическим созреванием. Современный криминальный мир предъявляет к своим лидерам требования не только физической силы, но и высокого интеллекта, образования, что делает его часто привлекательным для молодых людей, которые не могут найти свое место в других сферах жизни.

Встречаются и другие типы акцентуаций, которые воплощаются в виде резонера — любителя рассуждать на любые темы, заменяющего рассуждениями даже непосредственные действия и подавляющего ими чувства. Там, где они находят слушателей и могут удовлетворить свою потребность в резонансе, они чувствуют себя, буквально, счастливыми.

Сегодня достаточное распространение получает также тип молодого человека проповедника моралиста, стремящегося поучать и оценивать, давать советы на все случаи жизни, обличать несправедливость. Эта черта в неярко выраженном виде вообще свойственна молодым людям, но в лице проповедника она может стать акцентуированной, выраженной — характерологической.

Все описанные выше типы представляют собой способы решения задачи независимого существования, так как позволяют молодому человеку воплотить в относительно постоянную форму его «Я» и таким образом пережить наличие его силы как самообоснования своей активности. Приходится констатировать и тот факт, что такая форма может быть воспринята в юности как самооценочность, и следование ей превратится в стиль жизни, прикрывающий слабость «Я». Стремление показать несуществующую силу или ее слабую выраженность приводит молодых людей к раннему курению, выпивке, фривольности и развязности — тем формам поведения, которые не только не отражают качеств «Я», но и разрушают саму возможность его проявления. (Не считите это за поучение, но факты — вещь упрямая).

Любая форма поведения человека, которая не соответствует его «Я», это путь к психологической смерти, основной признак которой —

нежелание и неумение радоваться жизни. Жизнь ощущается как тяжесть, как наказание, сопровождается скукой, страхом (часто неконтролируемым и неопределяемым — самому человеку неясно, чего он боится), заменой чувств ритуалами или сверхсильными раздражителями, которые заглушают проявления «Я». Психологическая смерть — это страх перед «Я»-усилиями, которые обесцениваются и отвергаются как обоснование своей жизни. Молодой человек в решении задачи независимого существования встречается с вероятностью своей психологической смерти, когда испугавшись тяжести ответственности за свое «Я», возникающей как сознательный отрыв от воздействия коллективного бессознательного, готов сохранять связь с ним, отказавшись от собственного «Я». «“Я” как все» — это формула готовности к психологической смерти своего «Я» в юношеском возрасте, так как она потенциально содержит другую тенденцию: «Мне не надо своего “Я”». Остается только повторить, что без «Я» невозможна целостность психической реальности — ее здоровье и продуктивность (способность к созданию нового в жизни всех — в истории человечества).

Склонность к психологической смерти наблюдается у тех молодых людей, которые с присущей им экстравертированностью склонны к реализации ценности, связанной с ориентацией на мнение других людей. С присущей юности неуравновешенностью эти молодые люди оказываются во власти того своего качества, которое обычно называют тщеславием. В пору юности такие молодые люди способны подняться или опуститься до совершенно невероятных, казалось бы, для них поступков, только бы слышать о себе лестные отзывы. Это еще называют «звездной» болезнью. Такому молодому человеку существование его «Я» представляется возможным только через воздействие на его «Я» другого человека.

Особого внимания, на мой взгляд, заслуживает юношеская лож как способ решения задачи независимого существования. По психологической природе ко лжи примыкает хвастовство. Оба эти явления по глубине их проявленности отражают признаки наступившей психологической смерти или их потенциального присутствия в психической реальности молодого человека. Я не имею в виду патологические причины этого явления, а буду говорить только о возрастании роли этих проявлений в обычных условиях развития молодого человека.

Интеллектуальные предпосылки для появления лжи появляются еще в дошкольном возрасте. Они связаны с тем, что формируется так называемая условно-динамическая позиция — возможность для человека смотреть на предметы глазами других людей, видеть мир не только со своей точки зрения, но и с других тоже. Это следствие преодоления детского эгоцентризма, когда ребенок уверен, что все в мире происходит под его влиянием и связано с ним. (Например, он был уверен, что луна ходит за ним.) Так вот, конец дошкольного воз-

раста знаменуется тем, что ребенок освобождается от этого эгоцентризма. В большей степени этому способствуют ролевые игры, когда он должен в них действовать с позиции Другого.

Уже в юношеском возрасте условно-динамическая позиция существует безусловно. Именно она определяет возможность посмотреть на себя со стороны, увидеть себя глазами других людей. В психической реальности это опирается на рефлекссию, на внутренний диалог — на те отношения, которые устанавливаются «Я» с другими качествами психической реальности. Отношение может быть установлено и с качествами самого «Я», как проявление самообоснования активности. Такое самообоснование активности свойствами самого «Я» возможно за счет того, что «Я» может воплощаться не во всех свойствах психической реальности, а только в некоторых. Назовем эти группы свойств, объединенные одним видом активности человека, модальностями. Тогда с полным основанием можно говорить, что существуют следующие модальности, создаваемые «Я» для проявления его свойства:

«Я» — хочу (не хочу)

«Я» — могу (не могу)

«Я» — думаю (не думаю)

«Я» — чувствую (не чувствую)

«Я» — не-«Я»

При этом и бытовые факты, и научные данные позволяют говорить, что модальности не обязательно соответствуют друг другу: можно не хотеть, но мочь или не мочь, но хотеть и т.п. Это уже условия проявления «Я»-усилий человека: условия, которые характеризуются противоречивостью сами по себе, условия, которые создаются самим «Я», условия, которые существуют как природные данные «Я», условия его самообоснования, где сила «Я» проявляется в преодолении противоречий своего собственного существования.

Одной из возможностей проявления силы «Я» является создание идеального «Я», которое будет удерживать свои собственные границы. Когда в тексте упоминалась «Я»-концепция, ее содержание не было раскрыто подробно. Если ориентироваться на те данные, которые есть в психологии сегодня, то она не является однородным обращением, а содержит несколько целостных характеристик «Я», обобщенных по разным основаниям. Это значит, что в каждый момент времени человек может обнаружить в себе как бы несколько своих образов. То, насколько они едины, будет говорить о цельности его натуры, о целостности его «Я». Помните, в тексте уже отмечалось, что эта целостность — один из важнейших показателей психического здоровья человека, основание для самоощущения своей силы. Какие образы может принимать «Я» человека?

В психологии описано несколько вариантов обобщений таких образов: «Я» — реальное (человек обобщает свои актуальные состояния);

«Я» — идеальное (человек обобщает свои потенциальные состояния); «Я» — воображаемое (человек выделяет и обобщает произвольно любое из своих качеств). Таким образом появляются два варианта будущего времени. Первый — «Я знаю, что я могу». Второй — «Я знаю, что я мог бы». Оба этих будущих времени присутствуют в настоящем, создавая еще одну составляющую условий осуществления «Я»-усилий человека по созданию и сохранению целостности «Я» в психической реальности. Одновременно это и предпосылка для появления еще нескольких вариантов условно-динамической позиции, но уже связанной не с точкой зрения других людей, а с точкой зрения на себя самого, т.е. выбора содержания своего «Я» и сопоставления его с другими возможными вариантами образа «Я». О том, что такое действительно происходит и является одним из важных моментов психической жизни человека в юности говорят следующие страницы из дневников.

Из дневника Марии А.:

«Я как-то смешно себя чувствую. Вроде живу, а как понарошку. Так хочу придумать много-много хороших-хороших песен. О ветре, о море, о солнце, о пляске волн и шорохе трав. Хочу узнать — на свете кто прав?..

...Странный же все-таки человек — его так легко вывести из равновесия. Дождь или солнце — и вот он уже другой. Может быть, есть люди, которые не так от всего зависят, я же меняюсь вместе с погодой...

А я — жуткая эгоистка, и сама, не обладая теплом, жду его от других... вот мне начало казаться, что я ничего путного в жизни не делаю. Пройду как нищая, прося добра. Мне все думается, что я хватаюсь за все непосильное... все это не по мне — учеба эта, занятия все. Мне бы только так, как волю тянуть лямку прямо и весомо, не пускаясь в длинные раздумья... И эта вечная скованность словно путы висит на мне — это лицо, которое хочется спрятать, эти руки, которые некуда деть. Даже песен у меня не стало, словно высох родник. И сердце, как засохшая бочка — все в трещинках и ранках. Я даже не понимаю, что пишу тебе... Но видно так надо, раз пишется.

...Запоем читала Леонида Андреева. Словно слышала себя в его словах, хотя местами было просто страшно и жутко, но оторваться не могла. Как он понимает, что в душе делается, когда нет мира с самим собой...

...Так хочется, чтобы было чувство нужности, собственной причастности к делу, моей ответственности и заинтересованности... Слова-то какие пишу, но ведь, правда, очень хочется чувствовать, что ты сам что-то делаешь и что-то в этой жизни значишь...»

Из дневника Ирины В.:

«Я что-то делаю, говорю, а внутри идет работа, и я вся там — внутри...

...Я только поняла, что за всей моей жизнью стоит какая-то неведомая сила и вся моя жизнь, по сути, стремление к воссоединению с ней.

...Еще с детства образ — красно-зеленый клоун. Нецелостность фор-

мы, которой я пыталась жить, острые углы противоречий, разграничение (полярное) миров. Во мне еще многое есть от этого клоуна. Я еще не до конца слилась с жизнью и еще ищу свое место во Вселенной. Может, на уровне слов многое я уже приняла, но это еще не вошло в меня...

...Но в глубине души я неисправимая идеалистка...

...В эту новую главу я еще вступаю клоуном. Но я уже знаю, что это не я».

Из дневника Алексея П.:

«Я понимаю, что могу еще не сдержаться, но в то же время знаю, что могу это сделать. Такое противоречие мне не нравится».

Думаю, что убедила читателей в том, что у юного человека есть возможность выделить в своем «Я» несколько качеств и строить обобщения на их основе. Это позволяет ему или ей быть в том состоянии условно-динамической позиции, которая в конечном счете делает мир «Я» миром вероятностным. Настолько вероятностным, что Э.Берн изображает этот мир в виде диаграммы и показывает на примере жизненных ситуаций, что их можно интерпретировать именно таким образом. Вы можете с ними подробнее познакомиться в его работах, я же только покажу мир «Я» (Эго), как его представляет Э.Берн, для того чтобы еще раз поставить перед вами проблему решения жизненной задачи независимого существования и потенциального присутствия в этой задаче лживости.

Итак, человеческая личность по Э.Берну выглядит как структура, состоящая из следующих образований: Эго-состояние Родителя (Р); Эго-состояние Взрослого (В); Эго-состояние Ребенка (Д).

Э.Берн — последователь З.Фрейда и пытается разрабатывать его идеи о многоуровневом строении психической реальности, описывать и анализировать отношения между разными уровнями. Обратите внимание на то, что Э.Берн говорит о неоднородности «Я» (Эго) и об активности человека, вызванной этой неоднородностью и направленной на разные качества «Я». «Я» создает самого себя. Это уникальное свойство психического с момента зарождения психологии в работах Аристотеля не переставало привлекать внимание исследователей и все-таки остается тайной. Но, думается, что не за горами время, когда в этой тайне будет все меньше таинственного.

Говоря о содержании Эго-состояний и отношениях между ними, Э.Берн пишет, что эти состояния тянут человека в разные стороны, и часто бывает просто удивительно, как человеку вообще что-то удается совершить. Каждое состояние имеет то происхождение, которым оно названо. Верхний кружок, обозначенный как «Родитель» (реально их двое) — это то содержание внутреннего диалога человека, в котором он говорит себе о том, что и как он должен делать, насколько он хорош или плох, чем он лучше или хуже других людей. «Родитель» может реализовываться как во внутреннем диалоге, так и во внешнем. Вы его

слышите в себе, когда жалеете себя или ругаете: «Бедняжка», «Молодец», «Давай-давай», «Глупец», «Дурак я, дурак» и т.п. «Родитель» поощряет и наказывает, контролирует и оценивает, он всегда знает, что может быть правильно, а что — неправильно. Думаю, что вы узнали в этом описании идеи З. Фрейда о существовании Сверх-Я.

Средний кружок, который обозначен «В» или «Взрослый» — это голос бытового разума. Э.Берн часто называет его хорошим компьютером. Хорошие компьютеры, как известно, выбирают наиболее простые решения из всего множества известных им решений. Их пользователи стараются делать так, чтобы избежать небрежности или неаккуратности, озабочены сохранением программы и защитой ее от сбоев. Узнать «Взрослого» во внутреннем диалоге можно по таким репликам: «Сейчас!», «Слишком много», «Недостаточно» и т.п.

Нижний кружок на схеме обозначен как «Ребенок» или «Дитя», поэтому и стоит буква «Д». Это означает, что внутри каждого большого мужчины живет маленький мальчик, в внутри каждой взрослой женщины — маленькая девочка. Это детская часть личности — ребенок, которым вы были когда-то. Как правило, он не бывает старше шести лет. Шесть лет — это время, когда человек расстается со своей непосредственностью, когда он уже, прежде чем что-то сказать, учитывает позиции других людей; его поведение становится опосредованным мнением других людей и их присутствием. Детские переживания человека не исчезают из его психики и, как говорит Э.Берн, превращаются в нашего «Внутреннего ребенка». Как и все дети, эта часть «Я», обладает замечательными качествами: спонтанностью, умом, любящим сердцем, способностью к творчеству. Как и реальный ребенок, эта часть «Я» может быть эгоистичной, жестокой и требовательной, не считающейся с мнением других. Э.Берн считает, что человек не может отказаться от своего «Ребенка» — эту часть своего Эго лучше признавать и пытаться с ней договариваться во внутреннем диалоге.

Если человек хочет понять свои чувства или свое поведение в конкретных ситуациях, то надо рассматривать каждое Эго-состояние отдельно. Но лучше, считает Э.Берн, выяснять как можно больше относительно каждого аспекта «Я», так как они все есть всегда. Надо научить их эффективно взаимодействовать друг с другом. И надо научиться это делать самому человеку. Вот в этот момент и вступают в силу такие важные факторы, как сила «Я» и основание для ее самообоснования в той ценности, которую она в себе несет. Мне кажется уместным здесь вспомнить рассуждения Э. Фромма о том, что у людей две ориентации их силы: биофильная (на создание, творчество жизни, сохранение и упорочение ее основ) и некрофильная (на разрушение жизни, на смерть как особое качество мира, выражающееся в преклонении перед ней).

Ценности, которые люди используют для обоснования целостности своего «Я», для выбора его формы, порождаются этими ори-

ентациями. Я думаю, что ложь — это создание пустых форм. Как любое создание, оно связано с затратой энергии. Это позволяет человеку чувствовать в момент лжи силу своего «Я». Как форма — ложь приводит к организации, к временной целостности, что позволяет человеку испытывать релаксацию от напряжений, вызванных противоречиями его психической жизни. Как пустая форма — ложь не способствует проявлению силы «Я» человека, так как создается из материала не тождественного ему, чуждого ему. В этом смысле можно сказать, что ложь заведомо убивает «Я» — это реализация некрофильной ориентации по отношению к собственному «Я». Ведь сейчас нас занимает только вопрос решения задачи независимого существования «Я».

Из какого материала создается пустая форма? Его достаточно как знаков различных текстов, окружающих человека, входящих в контекст его жизни, но не ставших его текстом. Это все знаки, которые по своему назначению нужны для опосредованности психической активности человека. Мы уже говорили об искусственном характере психической жизни человека. Ложь — крайнее выражение этой искусственности. Это жизнь в мире знаков, ради этих знаков и по законам знаков. Там просто нет места «Я» как индивидуальному качеству текста, им же самим создаваемому.

Ложь губит в психике человека его «Ребенка», отвергает «Родителя», регулируя всю активность его «Взрослым», занятым играми со знаками по придуманным и принятым им правилам. Это бывает так. Из потребности молодого человека чувствовать свое «Я» рождается феномен лжи, основанный на несоответствии реального «Я», «Взрослого» и переживаний «Ребенка», обиженного тем, что другие люди могут и умеют лучше и больше, чем он. Это происходит в среде, где молодой человек претендует на равенство или на превосходство над другими, но достичь его не может. Его слабое «Я» начинает создавать знаки мнимого превосходства над другими. Хвастовство и ложь в этом случае — только бытовые выражения создания пустых форм для слабого «Я». Разум и воля такого молодого человека как проявление его «Родителя» и «Взрослого» оказываются отодвинутыми от области сознания. Все силы и без того слабого «Я» занимает создание пустых знаков тщеславия.

Одну из наиболее выраженных форм тщеславия лжеца принимает тогда, когда он в своей лжи видит превосходство своего ума над умом других людей. Такой молодой человек считает особой доблестью лгать, а потом искренне презирает людей, поверивших ему. Он получает особое наслаждение, глумясь над людьми, которых обманул. Уничтожая «Я» других людей, он не переживает при этом того, что то же самое делает с собственным «Я». Собственная слабость «Я» выступает в его сознании ее антиподом — силой. К. Юнг говорил о Тени как архетипическом образе коллективного бессознательного. Выше я упоминала

идеи Э. Фромма о существовании различных жизненных ориентаций людей. Думаю, что есть смысл сослаться еще на одного классика — М. М. Булгакова и его роман «Мастер и Маргарита» (5, с. 632):

«— Я к тебе, дух зла и повелитель теней, — ответил вошедший, исподлобья недружелюбно глядя на Воланда.

— Если ко мне, то почему же ты не поздоровался со мной, бывший сборщик податей? — заговорил Воланд сурово.

— Потому что я не хочу, чтобы ты здравствовал, — ответил дерзко вошедший.

— Но тебе придется примириться с этим, — возразил Воланд, и усмешка искривила его рот, — не успел ты появиться на крыше, как уже сразу отвесил нелепость, и я тебе скажу, в чем она — в твоих интонациях. Ты произнес свои слова так, как будто ты не признаешь теней, а также и зла. Не будешь ли ты так добр подумать над вопросом: что бы делало твое добро, если бы не существовало зла, и как бы выглядела земля, если бы с нее исчезли тени? Ведь тени получаются от предметов и людей. Вот тень от моей шпаги. Но бывают тени от деревьев и от живых существ. Не хочешь ли ты ободрать весь земной шар, снеся с него прочь все деревья и все живое из-за твоей фантазии наслаждаться голым светом? Ты глуп.

— Я не буду с тобой спорить, старый софист, — ответил Левий Матвей».

Цитата была нужна, чтобы еще раз сказать, что «Я» человека неоднородно по природе. Необходимы его же «Я»-усилия, чтобы свойства «Я» были проявлены. Тогда есть основания для переживаний полноты жизни.

Лжец, наслаждающийся своей ложью, готовит себе только одно положение — то, в которое он ставит других. Всегда найдется другой человек, который окажется сильнее его.

В юности нередко встречаются типы лжи, которые развились из лжи детской. Молодые люди, «завираясь», начинают путать реальность и собственную выдумку, принимая ее за правду. Позже приходит осознание, но оно бывает недолговременным. «Дитя» в Эго-состояниях таких молодых людей оказывается очень сильным в том проявлении детской лживости, когда с ее помощью они манипулировали другими и создавали выгодные для них отношения с людьми. В малом количестве такая ложь встречается в природе даже очень сильных людей, когда они пытаются таким образом скрыть свою слабость (реальную или мнимую). Лгущий молодой человек — это известный литературный образ Хлестаков. В быту это — жалкий врунишка, которому давно не верят домашние и быстро перестают верить знакомые.

Есть еще один вид лжи, присущий юности, это драматическая ложь. Человек, пользуясь этой ложью, стремится произвести впечатление, создать поразительный эффект собственного присутствия, проде-

монстрировать выраженную индивидуальность своего «Я», которой на самом деле нет, за счет введения в свою жизнь необыкновенных обстоятельств, якобы им пережитых. Он прибегает к такому виду лжи, о котором говорят, что человек лжет «как очевидец». Он умеет украшать рассказ о событиях, преувеличенно драматизируя их, испытывая удовольствие от самого процесса рассказа, от чувств, которые он вызывает у других. При этом ему практически безразлично разоблачение, возможное принимается за действительное. Важен сам процесс построения воображаемой действительности. Кто не знает барона Мюнхаузена! Кто сам не испытывал желания после охоты или рыбалки, после экзотического путешествия рассказать что-то такое, чтобы все... Такая ложь — это особая форма слабого осознания своего реального «Я», которое для выявления нуждается в присутствии других людей в ситуациях, где необходимы переживания для осознания качеств «Я». Другие люди своими переживаниями дополняют глубину «Я»-переживаний, делают их более выраженными, что и обеспечивает их актуальность для самого человека, не обладающего достаточными средствами и способами сохранения качеств своего «Я».

У молодых людей встречаются формы лжи, как у детей, — ложь из страха или из желания избежать наказания. При слабом «Я» ложь может стать постоянной формой проявления «Я» и не вызывать напряжения, связанного с потенциальным существованием и других форм. В таких случаях говорят, что она становится его натурой. Пустые формы «Я» при их употреблении уничтожают реальное, осознаваемое «Я». Это свойство психической реальности мы уже обсуждали, когда говорили о психологической смерти.

Основные типы решения молодыми людьми задачи независимого существования описаны. Может быть в данной главе надо было бы сказать о том, что кроме собственного «Я» придется осваивать предметный мир — мир прозаических кастрюль, совсем не психологических стиральных порошков и ста рецептов приготовления картошки; мир вянущих цветов, которые забыли полить (вы?); мир носков и рубашек, которые надо содержать в порядке... Или не надо об этом в главе о независимом существовании «Я»? Вы тоже знаете это не хуже меня, поэтому не бойтесь жить в ладу с ними — предметами, которые выражают ваше «Я». Скажу только об одном важном свойстве, которое есть у предметов — у любого из них: они могут стать сильнее вашего «Я», если попасть к ним в зависимость. А в зависимость попасть можно, если предмет будет не вашим, а вами, если не он будет вашей собственностью, а вы — его. Граница обычно людьми ощущается слабо — та граница, когда предмет из слуги становится хозяином вашего «Я». Безразличие к предметам, так же как и полная привязанность к ним, — это недостаток силы «Я», его способности к самообоснованию, т.е. к тому независимому существованию, о котором шла речь.

Принятие решения о карьере как жизненная задача

*...Карьера — это показатель интеллекта человека.
(Из молодежной передачи.)*

Начну не с рассуждений, а с фактов. Читаем вместе дневник Ирины В.:

«...Я написала в отчете то, чем не удовлетворяет меня институт. Не обвиняя, не возмущаясь, просто изложила свои впечатления. Искренне, от сердца. Перед экзаменом встретила ребят, прочитала мой отчет. Они разделили мое мнение. Но и без этого внутри полная уверенность в своей правоте. Это мое мнение. 4 года эти выводы зрели во мне и я имею право их высказать. Но в глубине души я неисправимая идеалистка. Мне кажется, что преподавателям, несмотря ни на что, интересно мое искреннее мнение, они также чувствуют необходимость перемен и находятся в постоянном поиске. Меня пытались переубедить — я выдержала. Я выдержала даже, когда поняла, что мы, в принципе, подходим к вопросу по-разному. Моя мысль более глубокая и требует глобальных перемен. Они хотят опять ограничиться ретушью. Я понимаю, что «ломать — не строить», что их позиция реальнее, что изменить что-либо можно лишь упорным кропотливым трудом. Но все равно надо и вытолкнуть болото самодовольства и успокоенности. Труднее, когда видишь, что желание перемен для многих сильно лишь частью внешней маски. Живем играем и перестаем чувствовать внутри насущную необходимость. Странно, что более всего говорящий о переменях, оказался внутри при разговоре наиболее консервативным и приверженным стереотипам человеком. Более того: игра в перемены — тот же стереотип. Понимаешь это, ставя с ног на голову его доводы. Почему же самые простые и естественные вещи стали казаться для них откровением и открытием? Почему я не могу поговорить с ними искренне. Они не могут быть откровенны. Как много теряется за умными словами и красивыми фразами. Я сегодня наполнена симпатиями преподавателей на уровне эмоций. Я перестала притворяться тем, чем меня хотят видеть. Пришла и сказала, что думаю, как человек человеку. Пригласили на заседание кафедры. Не испугалась. И не появилось тщеславие. Впервые. Это будет напоминать школу. Сначала на тебя смотрели как на «причуду», экспонат, «недочеловека». А потом... Потом смирились. Если следовать

их правилам, то я еще неслышный прах, но если отбросить их в сторону, то все мы люди. Не студент преподавателю, а человек человеку открывает себя. Удержаться бы на своем. Мы считаем своими работами созданные из чужих мыслей и слов. А это *мои* мысли. Вернее, они назрели у многих, но сказать выпадает мне. И я пойду. Не ради себя. Не собой. За мной есть больше, чем я...»

Из дневника Марии А.:

«Ничего не понимаю, чему нас учат. Уже целый год проучились, а ничему не научились. Может быть, это я ничему не научилась из-за своей глупости. Столько всяких предметов, а где то, ради чего мы сюда поступали? Еще ни одного человека не видели, если о них и говорят, то только как об испытуемых. Как-то не по себе от этого становится... Может быть, мне надо было другим заниматься?»

Через полгода Мария А. пишет:

«Сдаю, сдаю эти сессии. Наверно, надо бросать — не интересно, а только мучительно. Сегодня ходила узнавать, можно ли перевестись на другой факультет. Сказали, что можно. Ходила на биологический, но там такой запах формалина — я же хочу изучать живое, а не из формалина... Не знаю, все эти мои «пятерки» на экзаменах ничего не стоят, раз я не понимаю лучше людей. Не могла даже толком дома рассказать, чем буду заниматься после окончания факультета. Выбрала, называется, мечтала три года... Что делать?»

Из дневника Владимира С.:

«Стыдно самому себе признаться, но я с каждым днем все больше разочаровываюсь в учебе, надо самому больше читать — времени совсем нет...»

Как вы поняли, все эти три записи я вам показала для того, чтобы вы увидели, что быть студентом — это еще не значит решить жизненную задачу выбора карьеры. Поступление в вуз, в университет — это еще не решение этой жизненной задачи. В чем она? Постараемся разобраться, как молодые люди подходят к ее решению, какие психологические проблемы с ней связаны.

Приведенные факты из дневников показывают, что (это типичное явление) получение профессии, особенно той, которую дает высшая школа, связано с особыми переживаниями. Психологи и педагоги, занимающиеся специально этими вопросами, отмечают, что существует особое состояние молодых людей — кризис второго курса, когда переоценивается значимость обучения по той специальности, которая была выбрана. К концу обучения в вузе у многих формируется к нему критическое отношение. Есть особое состояние у студентов третьего курса, когда они впервые встречаются с учебно-производственной практикой. О них мы поговорим немного позже. Сейчас, благодаря дневникам, мы увидели, что социальное положение человека, определяемое его ролью студента, не тождественно решению

таким путем жизненной задачи о карьере. Быть студентом — это еще не значит решить эту жизненную задачу.

Вот пример того, как могут не совпадать выбранная для обучения специальность, полученное образование и карьера. Молодой человек начинал учиться на филологическом факультете, закончил обучение на историческом, стал работать в милиции и получил юридическое образование, сделал в милиции успешную карьеру. Другой пример. Девушка закончила психологический факультет, стала работать в спортивной команде, получила специальность тренера, сделала карьеру как тренер национальной сборной. Таких примеров успешных (и не очень) карьер можно привести множество. Они нужны для того, чтобы проанализировать вместе с вами психологическую роль образования и карьеры в жизни молодого человека. Думаю, что от известной истины, что «ученье — свет», мы отказываться не будем, но и бесконечно повторять ее тоже нет смысла.

Теперь попробуем начать с вас. Вы уже студенты. Студент — это уже то, что у вас есть. Что у вас есть? Прежде всего — символы студенчества: студенческий билет, возможно, форма или эмблема вашего вуза или что-то подобное, что внешне — для всех — говорит о вашем особом статусе в обществе. Вы знаете, что раньше у студентов университетов была даже форменная одежда. Форменная одежда была и у строительных студенческих отрядов в СССР. Представители многих профессий имеют форму. Дело в том, что это — особый знак, который позволяет человеку самому опосредовать им свое поведение и одновременно этот знак дает возможность другим людям определить свое отношение к его носителю. Самым простым проявлением знакового отношения к студенту является, например, отношение к его финансовым возможностям: льготы при оплате многих социальных учреждений, если вы предъявляете знак студенчества — свой студенческий билет. Такие льготы существуют во всем мире и являются знаковым образованием, фиксирующим особое положение студенчества в обществе.

В чем его особенность? Начинать надо с истории. Первые университеты были учреждениями особого типа — они представляли собой относительно замкнутую территорию, удаленную от населенных пунктов. Жизнь на этой территории протекала по правилам, которые создавались для нее специально. Выделялась эта территория из всех других тоже через особые социальные правила, которые являлись своеобразными гарантиями независимости и самостоятельности университета как целостного образования. Университет становился целостной относительно замкнутой знаковой системой со своей границей и внутренней организацией. Говоря языком современной семиотики, он становился знаковой системой, граничащей с другими знаковыми системами, составляющими контекст культуры.

Вы, став студентами, перешли из одного семиотического пространства в другое. Что это значит? Попробуем рассмотреть этот вопрос, опираясь на работы Ю. М. Лотмана, которые позволяют описать и проанализировать то, что происходит, говоря его словами, «внутри мыслящих миров». Одним из них должна быть (и есть на самом деле) высшая школа. В высшей школе ее семиотическое пространство строится как система научных, научно-популярных и литературных текстов, которые надо прочитать, для того чтобы... Пока здесь я поставлю многоточие и не буду продолжать это предложение однозначно.

Семиотика сегодня представляет собой научную дисциплину, которая изучает знаковое общение в жизни общества. Кроме того, как считал Ю.М. Лотман, семиотику можно рассматривать как метод гуманитарных наук, как способ мышления, анализа, который задается не свойствами изучаемого объекта, а свойствами мышления о нем. В этом смысле один и тот же предмет как объект науки можно изучать путем семиотического или несемиотического анализа.

Еще один аспект, который Ю.М. Лотман выделял в семиотике, он определял как своеобразие научной психологии исследователя, как строение его сознания, воздействующего на объект, выделяющего в объекте его именно семиотические структуры. Он сравнивал этот процесс с золотой рукой царя Мидаса, который все, к чему прикасался, превращал в золото. Подобное происходит с сознанием исследователя-семиотика. Это понимание семиотики, думаю, может быть важным для вас, чтобы осмыслить особенность того пространства, в котором вы сейчас находитесь, найти в нем свое место, сориентироваться в законах его функционирования.

Мне думается, что работы Ю. М. Лотмана помогут разобраться в специфике интеллектуальной деятельности, которой занимаются люди в высшей школе — преподаватели и студенты. Используя понятия семиотики, можно выделить в интеллектуальной способности человека следующие функции, которые все представлены в работе высшей школы:

- передача имеющейся информации (текстов);
- создание новых текстов, обладающих определенной степенью непредсказуемости, не ориентированных на воспроизведение по какому-либо алгоритму;

- хранение и воспроизведение в памяти информации в виде текстов.

В свое время Ю.М. Лотманом был сделан вывод, что все эти функции интеллектуальной способности свойственны и семиотическим объектам. Теперь внимательно прочитайте цитату из его работы «Внутри мыслящих миров» (15, с. 2-4):

«...При этом было установлено, что минимальной работающей семиотической структурой является не один искусственно изолированный язык или текст на таком языке, а параллельная пара взаимно-не-

переводимых, но, однако, связанных блоком перевода языков. Такой механизм является минимальной ячейкой генерирования новых сообщений. Он же — минимальная единица такого семиотического объекта, как культура. Таким образом, культура оказывается двуединой (минимально) и одновременно неразложимо-единой минимальной работающей семиотической структурой...

Одновременно оказалось возможным определить семиотические объекты этого рода как «мыслящие структуры», поскольку они удовлетворяют сформированным выше признакам интеллекта. То, что они для своей «работы» требуют интеллектуального собеседника и текста «на входе», не должно нас смущать... Для функционирования интеллекта требуется другой интеллект... Интеллект — всегда собеседник

Вопрос же о необходимости для «мыслящих» семиотических структур получить начальный импульс от другой мыслящей структуры, а текстогенерирующим механизмам — получить в качестве пускового механизма некий текст извне, заставляет вспомнить, с одной стороны, о так называемых автокатаклитических реакциях, т.е. реакциях, когда для получения конечного продукта (или для ускорения протекания химического процесса) необходимо, чтобы конечный результат уже присутствовал в каком-то количестве в начале реакции. С другой стороны, вопрос этот находит параллель с нерешенной проблемой «начала» культуры и «начала» жизни. Напомним, что В.И.Вернадский отказывался отвечать на так поставленный вопрос, считая более плодотворными исследования взаимоотношений бинарно-асимметричных и вместе с тем единых структур. По этому пути мы и идем...»

Что важно в процитированном тексте для понимания того, что происходит с человеком, который перешел из одного семантического пространства (школы) в другое (вуз или университет). Важно, на мой взгляд, следующее: он продолжает иметь дело с семиотическим объектом — это уже было в его жизни, когда он учился в школе. Значит, он умеет жить в знаковой искусственной среде, организованной текстами. Не будем пока обсуждать качество этого умения, но оно у него есть. Какая функция интеллектуальной способности превалировала в школе? Думаю, функция памяти как способность хранить и воспроизводить информацию, т.е. тексты. Естественно, были задействованы и другие функции интеллектуальной способности, но эта была главной, что объясняется местом школы в системе культуры.

Студент имеет дело с текстами, которые отличаются от школьных тем, что они очень разнообразны (учебники и учебные пособия, монографии, научные статьи, тезисы, сборники, методические рекомендации и пособия, художественные произведения, критика, публицистика, справочная литература и т.п.) Контакт с каждым из них предъявляет разные требования к функциям интеллектуальной

способности человека. Думаю, вы согласитесь, что чтение монографии и учебника — это разная работа, а чтение детектива и тезисов научного доклада также требует разных по качеству интеллектуальных усилий.

В этом случае со всей очевидностью встает проблема смысла чтения, возможность понимания текста как смыслопорождающего устройства. Остается только напомнить то место из приведенной выше цитаты, где говорится, что смысл как интеллектуальное образование возможен только при наличии собеседника. Кто становится нашим собеседником при чтении текста? Безусловно — автор текста, но не только он. Собеседником становимся и мы сами для себя, когда ведем внутренний диалог при чтении текста, диалог с самим собой, меняющимся по ходу чтения. Это и будет та новая информация, непредсказуемая информация, которая будет создаваться вашим интеллектом как смысл прочитанного. Чтобы ваш интеллект смог осмыслить тексты нового для вас строения и назначения в ситуации высшей школы, создаются специальные условия (это прежде всего лекции), где есть возможность встречи с другим интеллектом в лице преподавателя. Преподаватель и должен создать по отношению к тексту те плодотворные бинарно-асимметричные отношения, которые являются начальным импульсом для мышления.

Мария А. пишет в своем дневнике: «Когда я слушаю лекции Л., особенно когда он, как сам говорит, высказывает «еретические мысли вслух», то у меня сама рука тянется к затылку. Для русского человека это что-то да значит! Такие мысли в голове возникают, что им даже тесно, и так радостно становится, что можешь понимать его...»

Она же отмечала несколькими страницами позже: «М. я не понимаю, хотя понимаю, что он очень умный, но как-то не получается у меня его понимать, думаю, что это не по моему уму...»

В дневнике Марии А. встречается много записей о впечатлениях от других людей — о преподавателях прежде всего. Она много пишет о том, что ей «мешает думать, когда говорят заученными словами», когда «повторяют одно и то же несколько раз», когда «от лекции не остается мыслей в голове» и т.п.

Другими словами, молодой человек, встретившись в ситуации высшей школы с другим интеллектом (надо сказать, что именно такая встреча и есть смысл высшей школы), приобретает возможность создания новых научных текстов. О их специфике я говорила в первых главах, повторяя не буду. Хочу только остановить ваше внимание на том, что встреча эта должна объединять встретившихся разных людей с разным интеллектом (текстами) в единую структуру. Такую роль на себя и берет университет или вуз, объединяя всех людей своими внутренними правилами и правилами взаимодействия с другими структурами культуры.

Внутренние правила реализуются в существовании не только узаконенных официальных правил в виде устава или другого документа, но и в том, что называют интеллектуальной атмосферой, том контексте реальных отношений людей, которые составляют коллектив вуза — его преподаватели и студенты. Такая атмосфера обычно складывается как традиция, как школа и всегда связана с конкретным именем человека, ее начавшего. Университеты, как и высшие школы, чаще всего бывают известны и интересны своими научными школами, сильны теми образцами проявления интеллектуальной способности, которые привели к созданию новых текстов.

Связь университетов и высших школ с внешней социальной жизнью, или жизнью практической всегда строилась по принципу максимальной их независимости, их самостоятельности — вольности, независимости ни от кого и ни от чего. Хартия вольности и следование ей — это лицо университета. Его можно исказить указами и приказами, его можно даже деформировать до неузнаваемости, его можно уничтожить материально и физически, но пока есть бинарно-асимметричные отношения в единой структуре (пока есть те, кто хочет читать тексты, и те, кто умеет уже это делать), сохраняются условия для появления мыслящих миров.

Итак, вернемся к вопросу о том, что происходит с молодым человеком в новом семиотическом пространстве. Мы уже сказали, что он встречает новые тексты и людей, которые, в отличие от него самого, умеют читать эти тексты. Задача, которая возникает перед молодым человеком, отличается от той, которую он осознает. Осознает он возрастающие силы своего «Я», которые еще называют психологи «жаждой деятельности». Как она выглядит, мы еще увидим в дневниках. Высшая же школа предлагает особую деятельность — интеллектуальную, к которой еще, как выясняется, надо быть готовым, надо обладать своим текстом, чтобы воспринять тексты других людей. Это переживается и переживается по-разному, по мере изменения реального контекста жизни в вузе — при переходе с курса на курс.

Первокурсника больше заботит внешняя сторона нового знакового пространства: контрольные, зачеты, экзамены — все представляется важным и находит отражение в дневниковых записях. Переживается подготовка к занятиям, усилия, связанные с написанием различных работ. Думаю, что это вам все знакомо. Уже у второкурсников почти нет выраженных переживаний внешней стороны вузовской жизни — у них в дневниках об этом только краткие записи или их вообще нет. Зато возрастает число записей о качестве преподавания, об учебных предметах, о преподавателях. У студентов третьих — пятых курсов соответственно уменьшается число записей непосредственно о содержании обучения, возрастает число суждений и рассуждений о знании вообще, о его значении для себя. Число

высказываний о жажде деятельности от второго к третьему курсу возрастает очень значительно. Надо сказать, что большинство студентов третьего курса уже так или иначе работают и совмещают это с учебой. Жажда деятельности находит свое применение; это естественно снижает интенсивность переживаний, связанных с процессом обучения.

Такова общая схема ориентации в новой знаковой среде — от освоения ее строения и поиска своего места в ней к границам этой знаковой области. Все новое, как не раз отмечал Ю.М. Лотман, рождается на границах семиотических сфер. Об этом мы еще поговорим.

Студент-первокурсник готов к тому, что его будут учить что-то делать, т.е. он обобщает свое «Я» как студента в модальности «могу», которая должна измениться. Это ожидание можно сформулировать так: «Я смогу быть юристом, врачом, психологом, программистом, менеджером и т.п. «То, что ожидание именно такое, говорят факты «кризиса второго курса», когда обычно заканчивается преподавание общих дисциплин, а студенты ощущают затянувшуюся во времени специализацию как потерю времени («Долго не учат, как надо делать. Не показывают методы работы...»). За этим желанием — естественный рост силы «Я» и возможностей ее проявления. Это симптом юности, ее свойство, ее качество, без которого трудно представить становление «Я», которое ориентировано само на себя, на построение нового качества самообоснования своей активности.

Высшая школа, естественно, обращена к этому качеству юности, но только в другой модальности «Я», которая далеко не всегда является самоочевидной для молодых людей. Это — модальность «Я» думаю. Именно она является смыслом тех текстов, которые организуют семиотическое пространство высшей школы. Можно сформулировать, предельно упрощая ситуацию, что высшая школа существует для того, чтобы сохранять, развивать и транслировать средства и способы человеческого мышления. Именно высшая школа поддерживает ту ситуацию наличия собеседника, которая необходима для порождения нового качества любого текста. Я сама благодарна жизни за то, что в момент пренеприятных переживаний, связанных с жизнью в роли студентки, я услышала мудрые слова о том, что университет не научит ничему, кроме смелости мышления. Для меня тогда они оказались ключом к решению многих жизненных задач. Жизненным кредо постепенно стали слова о том, что думать не может запретить никто. В юности это не очевидная истина и не простая задача — думать, быть готовым к этому, к созданию своих текстов. Однако юность делает это, прежде всего прибегая к литературному и музыкальному творчеству.

Мышление — интеллект не возникает без собеседника. Воспринять другого человека (автора текста, преподавателя, однокурсника

и т.п.) как собеседника — это тот путь, который ведет к решению задачи о карьере. Это тот путь, где возникает собственный интеллект, где появляется текст, который будет способен к созданию других текстов. Карьера — это жизнь среди других людей, ваша жизнь среди других людей. Какой она будет? Что в ней главное? Об этом чуть позже, а пока о состоянии юного ума, которое вызывает специфические студенческие переживания, связанные с освоением структуры вузовской жизни.

Прежде всего это описанный уже не раз в этом тексте индивидуализм юности как стремление найти свои, особые пути в жизни, хотя часто все дело сводится к подражаниям и влияниям, только завуалированным, и для подражания выбираются люди, с которыми молодой человек не связан близким психологическим и реальным — физическим — пространством.

Стремясь к самобытности, молодой человек занимает позицию отрицания, которая как интеллектуальная операция, легко осуществимая и быстро дающая результат, дает ощущение силы своего «Я». Надо сказать, что скептицизм молодых людей, даже если он распространяется на себя, носит часто неконструктивный характер. Отрицая, отвергая, он часто не предлагает конструктивного решения, так как еще не готов к созданию собственных текстов. Так рождается нигилизм — отрицание всего, резкие оценки и суждения, за которыми в принципе скрывается готовность принять любую обобщенную конструктивную идею, которая хотя бы минимально оправдывала содержание отрицания.

Наряду с нигилизмом молодые люди демонстрируют и ригидность оценок и суждений, которая является вариантом догматизма. Сменить свою систему взглядов молодому человеку представляется невозможным, хотя он вместе с тем легко становится жертвой моды или влияния более сильного «Я».

Самоуверенность молодых людей основывается на переходе от ощущения некоторой беспомощности и слабости к ощущению резко возрастающей силы тела и «Я». Субъективно возникает переживание, что и в дальнейшем будет идти такой же рост силы, т.е. относительный прогресс принимается за абсолютный. Это приводит к особому качеству мышления, которое характеризует молодых людей, — максимализму. Для юных людей характерен не только словесный максимализм, но и максимализм в самых малопривлекательных занятиях (обжорстве, например). Экстраординарное, необычное — это сфера проявления юношеского максимализма, который приводит молодых людей как к вершинам проявления силы человеческого «Я», так и к глубинам его падения. Юношеский максимализм рождается из недифференцированного переживания силы своего «Я», когда человек еще не может выделить те его качества, которые могут стать само-

обоснованием, а использует для организации жизни «Я» систему оценок, созданную другими людьми, в других контекстах жизни, естественно, других «Я».

Есть еще одна важная черта умонастроения молодых людей, без которой не бывает здоровой юности, — это романтизм. Суть ее всегда трудно определить, но самое главное можно выделить — это интерес к универсальным проявлениям жизни (философии жизни), стремление к проявлению своей личности, стремление к жизни с доверием к чувствам, к фантазии и мечте, к красоте как к проявлению универсального. По сути своей это проявление коллективного бессознательного, которое не всегда осознается молодым человеком как его «Я»-переживание. Тогда он попадает в зависимость от него и не способен рационализировать. На его мышление будет оказывать влияние то качество психической реальности, которое К. Юнг называл Тенью. В итоге наблюдается та туманная мечтательность, которая является отражением слабости «Я», его невыраженной способности к проявлению своих качеств. Для юности это естественное состояние ожидания от жизни большего, чем она может предложить молодому человеку сейчас. Наверное, поэтому такой популярностью пользуется образ Асоль из книги А. Грина «Алые паруса». (О ней несколько раз писала в своем дневнике Ирина В.)

Думаю, можно сказать, что ум молодых людей настроен не на реального собеседника, которым мог бы и должен стать реальный живой человек — преподаватель высшей школы, а скорее на некий образ человека — собеседника. Мечта о чем-то необычном хотя бы раз присутствовала у молодого человека, если он развивается не патологически.

Если говорить об идеализме как об устремлении к будущему, то он и будет чертой юности. Юность, руководимая жадой нового, жадой перемен, часто устремляется против существующего, критикуя и отвергая, чувствуя в этом проявление своей нарастающей силы и независимости. Это приводит к нарушению общественных нравов и озорству, перерастающему в хулиганство, к фанатизму, когда молодой человек нашел то, по его мнению, новое, что достойно приложения его сил.

Из всего сказанного об умонастроениях юности мне хотелось бы, чтобы вы увидели, что в ситуации высшей школы встречаются люди, которые строят свои тексты по разным основаниям. Это возможность быть собеседниками, возможность существования интеллекта в этой семиотической структуре, где есть два человека — студент и преподаватель — и есть текст, по поводу которого они строят свои отношения. Это объединяет их в относительно устойчивую структуру со всеми свойствами, необходимыми для проявления интеллектуальной способности.

Сегодня это осознается как неудовлетворенность общением в этой ситуации обеими сторонами. Студенты проявляют свойственный их возрасту способ мышления — то умонастроение, которое характерно для роста силы «Я» и физического созревания, а взрослые в лице академика В.Ф.Взятыхшева говорят такие, например, слова: «...мы довольно быстро поняли, что эти категории — деятельность и методология деятельности — не могут не быть *первичными категориями* в науке о профессиональной подготовке вообще и о подготовке к инновационной деятельности особенно...» (по материалам Академических чтений МАН ВШ 1997 г.)

Это важные слова, которые мне хотелось бы для вас проинтерпретировать так: без обоснования содержания обучения в высшей школе законами деятельности человека (человека, а не наук о человеке) нет смысла ожидать от него творчества жизни. Иначе, если в вузе человек не приобретает опыта мышления о жизни, то какой опыт он вообще там приобретает... Вопрос становится риторическим, а понятие жизни — абстрактным, так как реальная жизнь (карьера, ваша карьера) — это ваша жизнь среди других людей. Особенность ее состоит в том, что вы должны будете творить ее — заниматься инновациями; без этого общество (и вы вместе с ним) останавливается на месте, живете в мире социальной и психологической смерти.

Главным содержанием обучения становится то, что названо социальными технологиями. Есть понятие социальных технологий, которое можно описать так — это учение об использовании естественных и искусственных структур и закономерностей организации коллективной и индивидуальной деятельности человека на возможно большем числе социальных практик.

Как я понимаю, человека надо учить тому, как реализовать потенциал силы своего «Я» в его действительной жизни. Понятие «карьера» приобретает тогда смысл не личностного везения или случайности, а «Я»-усилия по самореализации в продуктивном виде деятельности — творчестве собственной жизни среди людей. В нашей культуре существуют примеры таких видов обучения, когда, пройдя его, человек приобретает то качество интеллектуальной деятельности, которое позволяет ему решать жизненную задачу принятия решения о карьере как задачу смысла жизни. Идея этого обучения принадлежит Г.С.Альтшуллеру. Я остановлюсь на ней подробнее, чтобы вы увидели средства и способы его мышления как собеседника, создающего, проявляющего интеллектуальные способности другого человека. Конечно, это не единственный текст, где описывается путь построения жизненной стратегии, выбор судьбы или жизненной линии. Понятия, которые употребляют при описании, бывают разнообразными. Мне представляется важным обсудить саму возможность мышления о жизни как целостности, о которой можно думать, к которой можно

относиться как к собственности, придавая ей ту ценность, которую человек может выстроить сам. Это та возможность создания, которая позволяет человеку ощущать свое «Я» сильным и бесконечным, т.е. быть творческой личностью.

Итак, Г.С. Альтшуллер считает, что материальные богатства определяют кинетическую энергию общества, а духовные (число творческих личностей) — его потенциальную энергию. Независимая жизнь «Я» среди людей начинается с выбора достойной цели, как пишет Г.С. Альтшуллер, с выбора Великой Достойной Цели. Он описывает ее главные свойства:

- цель или средства ее достижения должны быть новыми;
- она должна быть направлена на развитие жизни;
- она должна иметь выход к глобальным проблемам;
- цель должна быть эквивалентна жизни, а так как жизнь конечна, нет смысла тратить ее на достижение мелочей — приходится делать выбор между числом целей и их значимостью;
- цель должна быть индивидуальной, не массовой, не стереотипной, в ней должна присутствовать та «ересь», которая сразу не воспринимается окружающими;
- из-за своей еретичности цель не вызывает конкуренции, поэтому можно работать по ее достижению, полагаясь только на себя;
- она — личная цель одного человека (реже — группы единомышленников);
- такая цель не должна зависеть от присутствия в жизни человека каких-то превосходящих обстоятельств; человек может рассчитывать только на себя.

И последнее, цитирую текст работы Г.С.Альтшуллера и И.М.Ветркина: «Так вот, я уверен, что, выбирая достойную цель, надо стремиться к тому, чтобы цель была явно не по силам, чтобы она заведомо превышала возможности и способности человека, за нее берущегося. Это не означает, что цель останется недостигнутой: человеку доступно все. Но достижение такой цели — это спор человека с самим собой. Самая тяжелая битва, которую человек должен выиграть. И выиграт, совершив «почти невозможное». Тем дороже победа. Достижение таких «непосильных» целей — это вклад в копилку ориентиров человечества: трудно сказать, что ценнее — непосредственно полученные результаты или сам факт того, что человек не испугался, не отступил...» (3, с. 48).

Как найти эту цель? Я не знаю ответа, знаю только, что в нашей культуре есть удивительное произведение «Философия общего дела» Н.Ф. Федорова. Он видел, по-моему, путь личного поиска Великой Цели и оставил его для нас всех открытым. Это борьба со смертью.

Видов смерти на сегодняшний день так много, и люди так искусно умеют (уже или еще?) увеличивать их число, что борьба с каждым из видов смерти представляется Великой Целью.

Перечислю несколько видов смертей:

биологическая ;
психологическая;
социальная;
экологическая;
радиационная;
культурная;
научная;
голодная;
информационная и т.п.

Думаю, что поле для выбора достойной цели более, чем широкое.

Кстати, в работе Н.Ф. Федорова описаны и многие способы достижения цели. Один из них — это выработка, создание мышления о жизни через изучение ее.

Вернемся к работе Г.С.Альтшуллера, который говорил о том, что в своем развитии творческий человек растет от достижения производственных, конкретно практических целей до глобальных, а развитие его целей идет как бы в обратном направлении: глобальные цели превращаются в конкретно практические, бытовые, ежедневные дела со своими целями. Он считает, что развитие целей жизни творческой личности идет так: от выработки общей концепции, общей методологии, общих принципов жизни, к практическому применению этих идей.

Г.С. Альтшуллер пишет о «хитрости» современного конкретного производства, состоящей в том, что его развитие открывает широкие возможности для выбора новых достойных гуманных целей. Развитие самого производства непосредственно связано с развитием культуры — этот факт отрицать нельзя. За счет развития производства увеличивается число творческих личностей. В идеале, когда каждый человек имеет личную достойную цель, производство не должно быть производством различных видов смерти, оно не должно быть военным вообще. При личной достойной цели человек не может позволить себе быть придатком машины, бездумным орудием приказа. Это — мечта, одна из основных линий эволюции, которую можно увидеть сегодня.

Выбор достойной цели сопровождается «Я»-усилиями по ее достижению. Эти усилия организует сам человек, планируя свою жизнь как работу по достижению цели, планируя ее ежедневно, так как это позволяет распределять силы во времени. Отдых — это только смена занятий. Это известно давно и может быть использовано (и используется творческими людьми) как движение к цели. Учет времени

жизни через его упорядоченность — это одно из условий движения к цели, это создание главной линии жизни и следование ей. Творческий стиль жизни формирует у человека новые ценности и новые критерии жизни. Они могут по-разному восприниматься окружающими, но это только показатель разного знания о жизни как целостном явлении. Люди, выбравшие великую цель своей жизни, следующие ей, знают о ней другое, чем те, кто их оценивает.

Жизненные планы состоят из следующих блоков (их можно использовать как набор — выбирайте и стройте свою карьеру, свою судьбу):

получение образования, по возможности более широкого и глубокого;

получение направленной информации, непосредственно относящейся к поставленной цели и ближайшим смежным областям;

анализ информационного фонда;

систематизация наблюдений и вывод объективных закономерностей;

физические упражнения;

изучение языков;

систематический самоотчет о движении к цели.

Для творческого человека творческая работа является столь же естественной, как дыхание. Ее отсутствие воспринимается как недостаток воздуха.

Все написанное может вам показаться очевидным и банальным как прописные истины взрослых, которым они сами не следуют. Поверьте, следуют. Следуют те, кто понимает законы жизни и берет на себя нелегкий труд ответственности за нее, получая как награду достойно прожитую свою собственную жизнь в каждом ее дне.

Тогда человек может сказать другим, надеясь на понимание, на возможность понимания, что часы нашей жизни — это единственное богатство, которым мы владеем от рождения и которое вообще есть в жизни. Когда это понимаешь, вырабатывается то отношение к служебной перспективе (карьере в чистом виде), которое становится ожиданием радости от творческого труда и созданием этой радости как реализации цели. Человек стремится не к наслаждению властью наверху пирамиды служебных отношений (с нее рано или поздно придется спускаться), а к радости от творческого труда.

Г.С.Альтшуллер называет самым свободным человеком того, кто ценит каждую минуту своего времени, потому что он — его единственный распорядитель и хранитель. Он говорит о том, что такого человека трудно заставить отступить от дела, его нельзя купить. Цитирую: «Они не продаются, такие люди. Их можно сломать, как, наверное, и каждого, но нельзя заставить или купить. Все самые страшные трагедии человечества связаны не с именами отдельных кровавых тиранов-человеконенавистников, а с толпами их прислужников.

Да, сатрапы ужасны, но во сто крат ужаснее люди, готовые за умеренную плату исполнять приказы тиранов. Институт тирании, политической и научной, культурной, не менее отвратителен, чем институт рабства. Человек рожден быть свободным, рожден иметь собственное мнение, и не к лицу человеку становиться рабом, пусть даже и хорошо оплачиваемым» (3, с. 81).

Конечно, чтобы выдержать воздействие других людей, противостоять силе других «Я» силу своего, надо уметь держать удар, как говорит Г. С. Альтшуллер. Надо уметь сопротивляться. Сопротивляться другим и себе, той своей Тени, которая в юности приводит к колебаниям и противоречиям чувств и настроений, влияющим на принятие решений об осуществлении своей жизни, на построение планов и их реализацию. Сопротивляться тем другим людям, кто торопит вас повзрослеть и приобрести уравновешенную трезвость взгляда на жизнь, предлагая довольствоваться приспособлением к обстоятельствам.

Можно уступить — это выбор каждого человека. Однако в юности выбор цели и следование ей — это жизнь в согласии с законами своей собственной жизни. Когда они нарушаются, возникает ситуация, которую хорошо характеризует пример с мальчиком, которому очень хотелось поскорее увидеть цветок, и он раскрыл бутон своими руками. Нет ничего удивительного в том, что этот цветок погиб, и листья его быстро осыпались. У «Я» есть свои законы, которые нельзя нарушать, чтобы не разрушить его самого.

Такие законы известны сегодня как выбор жизненной стратегии, как постановка Великой Жизненной Цели как стратегии мышления. Выбор велик; если вы им не пользуетесь, то это уже ваш выбор. В конечном счете это выбор между рабством и свободой, между психологической жизнью и психологической смертью. Можно расширить эти понятия и показать их так:

Психологическая жизнь

опора на силу своего «Я»;
независимость;
взаимодействие с другими;
ответственность;

доверие чувствам;
творчество;
самоконтроль и самооценка

Психологическая смерть

опора на силу других людей;
зависимость от других;
манипулирование другими;
конформизм, соответствие требованиям других;
страхи;
соперничество;
ожидание похвалы и признания от других

Возможно, это покажется абстракциями, очень далекими от вашей жизни, но почитаем дневники:

«...Когда я сумела найти эти свои три жизненных принципа и даже записала их (от неожиданности, наверное, что нашла), мне стало на-

много легче и интереснее жить. Напишу их здесь еще раз, по-моему, в дневнике я их не писала.

Первый принцип — безвыходных положений нет, надо думать о том, что делать.

Второй принцип — ни с кем и ни в чем не соревноваться. Моя жизнь не соревнование, не конкурс, она — большее.

Третий принцип — надо учиться, надо каждый день учиться, только знаниям нет конца.

Может быть, сейчас, когда я заметно поумнела, я бы их выразила иначе, но тогда я была еще «маленькая» (кажется, 15 лет).

Сейчас у меня, наверно, нет каких-то других, но и к этим я возвращаюсь уже нечасто, они стали частью моей жизни...

...Я редко вспоминаю прошлое, но один случай хорошо помню. Он, вообще-то, незначительный, но был в чем-то для меня главным. Незнакомая мне женщина, но хорошая знакомая моих родителей, очень эмоционально бросилась ко мне при первой встрече. Меня это так поразило фальшью, такой оставило неприятный осадок, что я долгое время боялась превратиться в такую «дамочку», принимая ее за настоящее взрослое поведение, которому мне надо будет учиться... Теперь-то я понимаю, что я не хотела быть как кто-то, хотела как я сама, но понимание пришло позже, благодаря стихам, наверно...» (Мария А.)

«...Я спланировал свою жизнь на пять лет вперед и на десять...» (Алексей О.)

«Понимаю, что если не планировать, то можно потерять много времени ни на что. У меня еще в школе были всякие планы, сейчас они уточняются...» (Юрий В.)

«Я знаю, что я хочу и какая у меня цель.

...Планирую весь день и неделю...» (Ирина В.)

«Спасибо тетради, когда я стал записывать, то стал лучше понимать, как я живу». (Владимир О.)

«Спасибо тетради, теперь я спешу к ней каждый день. Она мне помогает жить...

Завтра: внутренняя свобода,

верность,

наблюдательность...

Завтра: независимость,

воля,

любовь...

Завтра: ответственность,

вравдивость,

доброжелательность,

внутренняя свобода,

благодарительность...» (Ирина В.)

«...Я люблю, вас, люди!!!

...Если бы мне сказали, что в мире не будет зла, если ты умрешь в муках, я бы умерла...

...Надо жить, надо учиться жить, как это трудно» (Мария А.)

Еще много лет назад М.М. Рубинштейном было сказано, а сегодня с очевидностью подтверждают жизнь и наблюдение: «...натуры, переживающие в юности широкий размах колебаний и противоречий, натуры ищущие, знающие подъем и упадок, восторг и отчаяние, — это большей частью индивиды, которые потом дают большой процент людей выше среднего уровня и иногда исключительных. Наоборот, уравновешенная юность, не знающая терзаний в себе, спокойная, взявшая разом устойчивую линию, эта юность обещает больше людей обычного среднего порядка. Конечно, это не есть признак, на основании которого можно ставить надежный диагноз, а это есть указание на известное общее характерное положение... В большинстве же случаев дело обстоит обратно: собственная неяркая натура с ее слабыми силами оказалась заглушенной окружающей социальной средой и ее духом, которые и насытили собою облик юного человека; это большей частью устойчивость среды, а не устойчивость данного человека, ею могут жить только те, кто не чувствует в себе жадности быть самим собой, что органически противоположно юности и безусловно нежелательно с широкой социальной и жизненной точки зрения, так как при всеобщности этого явления прогресс стал бы аномалией или просто невозможным» (29, с.158).

Итак, в рассуждении о такой важной жизненной задаче, как принятие решения о карьере, можно расставить некоторые логические акценты:

Получение специальности в вузе и получение образования — это разные виды активности человека, регулируемые разными целями в пространстве и времени его жизни. Время обучения в вузе регламентировано, тогда как, естественно, интеллектуальное становление человека этим временем не ограничивается.

Профессия и карьера — это тоже разные жизненные реальности. Можно сделать карьеру, т.е. занять высокое социальное положение вне успехов в профессии, и, наоборот, можно добиться высот профессиональной деятельности, так и не сделав в ней карьеру.

Карьера и стиль жизни, карьера и жизненная линия человека, карьера и Высокая Жизненная Цель: выбор свободы или рабства, выбор «Я».

Планирование жизни, усилия по осуществлению планов, самоконтроль за их выполнением или конформизм и приспособление — выбор «Я».

Стремление к обобщенным знаниям о жизни «Я», использование их для организации своей жизни или следование за конкретными формами жизни «Я», следование за другим человеком или группой — выбор «Я».

Да, многое из того, что известно людям о жизни как обобщенные знания о ней, можно рассматривать и воспринимать как истины, ис-

пытанные и проверенные временем. К числу их относится и идея необходимости постановки перед собой высокой жизненной цели и все, что связано с ее достижением.

Исследования культуры как семиотической системы, как контекста, где протекает жизнь каждого человека, показывают, что они ориентированы на разные типы коммуникации, на разные типы передачи найденной истины в виде текстов. Это значит, что существуют и разные способы создания интеллектуальной деятельности человека через работу его с текстом, содержащим истину, и с другим человеком, транслирующим этот текст.

В работе Ю.М. Лотмана, которую я уже цитировала, по-моему, очень убедительно показано, что реальные культуры могут быть ориентированы на один из типов получения истины: на автокоммуникацию или на получение истины извне. Он считает, что существование этих ориентаций особенно резко проявляется в идейном автопортрете, который создает каждая культура, в ее собственном мифологизированном образе, оказывающем воздействие на все культурные тексты. Это модель культуры, созданная в ней для самой себя. Она оказывает влияние на все тексты, но не отождествляется с ними, так как является обобщением тех противоречий, которые рождают тексты. В то же время она может быть представлена в текстах как своя противоположность.

Мне кажется, что это рассуждение Ю. М. Лотмана прямо относится к тем текстам, которые строит индивидуум. В его личных текстах присутствует обобщенное представление о жизни, которое воплощается в текстах как утверждение жизни или ее отрицание. В это обобщенное представление о жизни, которое используется самим человеком, входят истины, добытые им самим (автокоммуникация) или заимствованные у других людей. Они обобщены в мифологизированном образе жизни, который входит в механизм построения человеком индивидуализированного культурного текста.

Здесь надо уточнить, что мифологический образ — это образ, закрепленный в слове и ставший достоянием большого числа людей, которые используют этот продукт фантазии в своей практической деятельности. Как считает М.И. Стеблин-Каменский, мифологическое творчество — это сочетание неосознанности авторства с неосознанностью вымысла, когда человек принимает фантазию за реальность. Миф — это всегда содержание, исконную форму которого никогда нельзя установить. Используя миф как образ, обобщенный в слове, человек не является автором этого образа, хотя образ входит в структуру его психической реальности и составляет одну из ее образующих.

Итак, каждый из нас принадлежит к той или иной культуре, которая своеобразно ориентирована на получение истины в виде текстов. Можно сказать, что каждый из нас в силу этого несет в своем сознании мифологический образ культуры, к которой мы принадлежим, в

виде концепции жизни, проявляющейся в наших текстах, в наших способах взаимодействия с другими людьми по поводу текстов. Это не абстракция или умозрительное построение. Структура культуры проявляется в структуре текстов, которые она порождает.

Если анализировать текстовые особенности культур с различной ориентацией на получение истины, то можно выделить такие различия:

культуры, ориентированные на сообщение истины извне, порождают тексты-инструкции;

культуры, ориентированные на автокоммуникацию при получении истины, порождают тексты-отношения.

Соответственно, в первых видах текстов больше представлен предмет, объект, а во вторых — субъект. Это условное и очень грубое различие, но оно позволяет понять, по-моему, существование различных концепций жизни и способов их реализации. Одна из концепций жизни — потребление, другая — жизнеутверждение (А.Швейцер).

Думаю, что сегодня в нашем быстро меняющемся мире с его огромными возможностями информационного обмена создание (даже само существование) культурных текстов становится все больше зависимым от индивидуальных способов их построения и взаимодействия через них с другими людьми, с другим человеком. Цена одного текста может быть ценой миллионов погубленных человеческих жизней или судьбой всей планеты. Ответственность за существование культуры становится не безличной — коллективной; она реальный факт жизни каждого из нас, игнорирование которого равно отказу от своей природы.

Закончу эту тему цитатой из Ю.М.Лотмана: «Культуры, ориентированные на сообщения, носят более подвижный, динамический характер. Они имеют тенденцию безгранично увеличивать число текстов и дают быстрый прирост знания. Классическим примером может считаться европейская культура 19-го века. Обратной стороной этого типа культуры является резкое разделение общества на передающих и принимающих, возникновение психологической установки на получение истины в качестве готового сообщения о чужом умственном усилии, рост социальной пассивности тех, кто находится в позиции получателя сообщения... Тенденция к умственному потреблению составляет опасную сторону культуры, односторонне ориентированной на получение информации извне.

Культуры, ориентированные на автокоммуникацию, способны развивать большую духовную активность, однако, часто оказываются значительно менее динамичными, чем этого требуют нужды человеческого общества.

Исторический опыт показывает, что наиболее жизненными оказываются те системы, в которых борьба между этими структурами не приводит к безусловной победе какой-либо одной из них.

Однако в настоящее время мы еще весьма удалены от возможности сколь либо обоснованно прогнозировать оптимальные структуры культуры...» (15, с. 44-45).

Тем не менее прогнозирование оптимальной структуры психической реальности человека им самим возможно и осуществляется каждым человеком как построение жизненных планов и их реализация. В этих жизненных планах находит свое отражение концепция жизни как самообоснование человеком его «Я»-усилий.

Продолжим разговор об этом выдержками из дневников:

«Что-то во мне бродит, толкается, что-то мешает. Отсюда и тошнота и сонливость, словно что-то не хочет уходить, но потеряло свое место и мешает. Я уже как бы нащупала это что-то, а вывести на свет никак не могу. Вот и хожу с каким-то комом внутри. Даже в снах снится, будто жду ребенка, ношу в себе бремя. Такое состояние.

Надо было пойти в школу — не пошла. Потом, правда, оказалось, что не очень надо. И с институтом не довела до конца. Мне сейчас трудно среди людей, я так напряжена, скована, до боли в суставах. Я все время стремлюсь избежать толпы. Это не прежняя неуверенность, это что-то иное. В снах я боюсь, что меня заденут. Невнимательна, рассеяна. Не хочется куда выходить.

Жизнь опять учит на конкретных ситуациях. Необоснованно обвинила человека и тут же убедилась, что была не права, что подумала о человеке хуже, чем он есть. Возмутило, что человек власть, данную ему должностью и ограниченную определенными правилами, превращает в свою. Меня всегда возмущает наполеонство, и самодурство особенно. Вероятно, это есть во мне. Даже не вероятно, а есть. Я часто позволяю себе не считаться со многими правилами, стремлюсь быть «самодержцем»... Нельзя забывать о других людях, о взаимодействии...

И опять чувствую, как мешают мне моя лживость и безответственность. Всегда держать данное слово и говорить только правду — это оказывается так трудно. Но я и пытаюсь-то плоховато.

Так не хотелось идти к Ю.Б. То ли я устала от «внешних» отношений, бытовых, пустословных, то ли устала помогать. Опять о себе. Так много о себе. Сходила. Была искренне доброжелательна. И все же так сейчас тяготят «внешние» отношения. Я сбиваюсь с привычных ролей. Да, маловато я несу света и радости и многовато самости. Я снова ищу гармонию личного, межличного и надличного. Все у меня сейчас как-то проскакивает: и хорошее, и плохое, было и прошло, как ломтики отрезает. К урокам было трудновато готовиться: не срабатывают обычные мне приемы загрузения мозга и памяти. А другие пробовать не решаюсь, боюсь опозорюсь: вот самость-то!» (Ирина В.)

«Сегодня начала осуществлять свой план чтения. Я понимаю, что хочу объять что-то бесконечное, но хочу... Хочу знать и китайскую и японскую литературу, мне очень интересно сравнивать латышские и

японские стихи — они все идут от моря. Я не знаю моря, но чувствую его в этих стихах, оно — вечное. Китайцы так умеют видеть вещи и говорить о них — такое впечатление, что у них нет случайных вещей, все вещи — живые.

План-то я составила, а как выбирать главные книги, еще не решила. Читаю все подряд. Стыдно было, но не могла оторваться от Цвейга и читала на занятии, и в транспорте — все остановки пропустила.

...Пробовала говорить с девочками о строении языка, как-то я не могу сама высказать, что меня напрягает, когда говорят, что речь и мышление — едины. Что-то тут не то... Мне кажется, что мышление больше, что ли, речи, а как это доказать, не знаю. Надо учиться больше.

Как я люблю прийти раньше всех в библиотеку, когда еще полы влажные, и читать — читать эти трудные и непонятные сначала книги...» (Мария А.)

«Сегодня решил посмотреть, что есть по моей теме в библиотеке. Даже не поверил — ничего нет. Может быть, я плохо смотрел? Неужели это никого не интересовало?» (Владимир Н.)

«...Дала себе установку на деятельность и благодарность, и в школу шла без внутреннего сопротивления. И получилось с доброжелательностью. Сегодня было ровное, дружелюбное отношение к детям. И в объяснении получилось думать не о том, *как я* говорю, а о том, *кому*. И еще получилась внутренняя свобода: первый раз давала урок при группе и лишь первые минуты думала о том, как она меня оценит. И еще я обнаружила, что могу видеть не несколько детей, как раньше, а почти целый класс. С дисциплиной сегодня странно, я совсем забыла о ней, а в классе рабочая тишина. Как-то просто мне было сегодня. А еще удалось порадовать детей добрыми словами и благовоениями. Причем я радовалась вместе с ними. Вот сколько всего получилось. И ответственность отрабатываю — зашла в институт. Тоже как-то просто было договориться. Вот такое сегодня радостное и простое утро» (Ирина В.)

Мне хотелось описать то движение молодого человека на пути принятия решения о карьере, которое можно было бы назвать жизнью развивающегося человеческого существа, в которой проявляется его стремление к полноценному бытию, к реализации того, что большинство людей считает значимыми для жизни ценностями — к спокойствию, доброте, отваге, честности, любви, бескорыстию и праведности.

Психологи могут сегодня говорить о том, что тенденция развития в направлении полноценности и здоровья является не единственной тенденцией человека. В этом тексте уже говорилось о существовании у людей ориентации на смерть, на отчуждение от людей и жизни и т.п. Она также является предметом исследования в психологии, но каждый выбирает в своем учебном предмете при-

оритеты, наиболее близкие ему, поэтому я выбираю для вас тот материал, который позволяет составить представление о развивающемся молодом человеке.

Человек несет в своей психической реальности свое будущее как концепцию жизни, как концепцию другого человека, как содержание своей «Я»-концепции и не-«Я». Он одновременно и то, что он есть на самом деле, и то, чем стремится стать. Это то свойство психической реальности, которое заставляет практически всех психологов говорить о том, что творческое воображение правит миром. Созданные человеком образы его самого, его жизни, жизни вообще, других людей или конкретного человека оказываются тем будущим, теми потенциальными возможностями, которые уже существуют в настоящем его психической реальности.

Можно проверить, соответствует ли ваша концепция жизни, концепция другого человека и ваша «Я»-концепция как продукты вашего творческого воображения свойствам вашего «Я». Зачем это надо делать? Хотя бы для того, чтобы подняться на минуту над своим «Я», занять, как говорят, трансцендентальную позицию и определить, в каком направлении движется ваша жизнь. Как это сделать?

Мне близка идея А. Маслоу о том, что «субъективными признаками измены самому себе, застоя, регресса, жизни исключительно из страха перед смертью, а не во имя развития, являются такие переживания, как тревога, отчаяние, скука, неумение радоваться жизни, вечное чувство вины и стыда, бесцельность, переживание пустоты, отсутствие самостоятельности и т. п.» (18, с. 195-196). Вы можете попробовать выявить эти качества в себе. Именно они отражают содержание указанных выше психологических образований, определяющих во многом направление движения жизни человека, оказывающих существенное влияние на самообоснование им любого решения жизненных задач.

Признаками движения жизни человека в направлении ее развития можно считать его переживания радости жизни, счастья или эйфории, спокойствия, невозмутимости, ответственности, уверенности в своей способности справиться со стрессом, беспокойством и жизненными задачами. Именно эти переживания как проявление движения жизни молодых людей в направлении ее развития, как свидетельства самоактуализации их личности привлекли меня в дневниках, которые используются в этом тексте.

В завершение этой главы остается сказать о том, что в психологии как науке существует проблема определения качеств психически здорового человеческого существа. Сложность этой проблемы связана с тем, что исследователь проецирует на идеальную модель здоровья, которую он строит как основание для интерпретации своих результатов, свои собственные переживания, свои концепции жизни и смерти, свои концепции другого человека и «Я»-концеп-

цию. Следствие этой проекции очевидно — это многообразие факторов, которые входят в само понятие развивающегося человека, человека, который может решать жизненные задачи без ущерба для собственного «Я». С некоторыми из факторов вы уже познакомились, читая эту главу.

Очевидность истины, что «не место красит человека, а человек — место», доказывается логикой самой жизни, где понятие места человека среди людей измеряется не только и не столько силой его власти, а и той системой ценностей, которую этот человек реализует в отношениях с другими людьми. Это дает психологам основания говорить о том, что развивающийся человек проявляет и приобретает, как все более выраженные, следующие качества своей психической реальности (по А. Маслоу):

- более ясное, более эффективное восприятие реальности;
- большую открытость переживаниям;
- большую интегрированность, целостность и единство личности;
- большую спонтанность и экспрессивность, идеальное функционирование, жизнеспособность;
- полную самобытность, автономность и уникальность;
- более высокую степень объективности, отстраненности, умения подняться над своим «Я»;
- творческий подход;
- умение двигаться от абстрактного к конкретному и наоборот — от конкретного к абстрактному;
- демократизм в структуре характера — умение взаимодействовать с другими людьми;
- способность любить.

Сегодня, когда вы заняты ежедневной учебной, одной из ее целей может быть достижение высокой профессиональной квалификации. Профессионализм, по-моему, естественное следствие активности развивающегося человека. Он, если что-то берется делать, естественно, делает это хорошо, так как он не отчужден от своего (любого!) дела. Не надо никаких специальных стимулов, чтобы развитый или развивающийся человек продуктивно работал в любой профессии. Такие стимулы нужны, как внешняя организация, только тем людям, которые не обладают важнейшим для осуществления любой активности качеством, которое выше было названо интегрированностью, целостностью и единством личности.

Современное общество развивается таким образом, что человеку приходится постоянно совершенствоваться в своей профессиональной деятельности или осваивать смежные специальности и даже при необходимости менять сферу профессиональной деятельности. Важ-

нейшим проявлением профессионализма становится готовность к освоению нового содержания профессиональной активности, что может существенно изменить все поведение человека и строение его психической реальности, особенно в тех ее проявлениях, которые связаны с умениями, навыками — со сферой возможностей «Я». Это входит в противоречие с самим фактом существования профессий как нормированного, регламентированного (почти всегда инструкциями) поведения человека.

Профессионализм как качество человека и профессия как его место в системе социальных отношений, в системе разделения труда оказываются разными реальностями. Профессионализм — это психическая реальность, он как качество принадлежит человеку, осуществляющему свою жизнь. Профессия — это социальная реальность, это безличные требования к организации активности, это те социальные нормы и правила, автора которых, как и автора мифа, найти нельзя. Профессии и обрастают мифами — фантомами общественного сознания, которые могут стать и фантомами индивидуального сознания. Часто эти мифы являются основой выбора профессии молодыми людьми, которые еще не могут соотнести в своем сознании качества своего «Я» и требования профессии как социально нормированной активности.

Существование профессиональных мифов основывается на относительной устойчивости содержания профессиональной деятельности человека, которое может приобретать относительную вариативность форм, что позволяет человеку, осваивающему профессию, выработать свой индивидуальный стиль. Это еще только ждет вас, а пока... Пока переживания первых встреч с реальностью профессии — практика: ознакомительная, учебная, учебно-производственная или производственная. Неважно, как она называется в вашем вузе или университете. Важно, что вы будете делать то, что составит вашу будущую профессию.

Делание — это модальность психической реальности, которая по своим качествам отличается от всех других. Именно ее своеобразие заставляет исследователей сознания говорить о существовании в его структуре биодинамической ткани (11), об относительной независимости души и сознания — телесного организма и психической реальности. (В профессиональной деятельности человека это является, к сожалению, частым явлением, когда человек вынужден делать то, к чему не лежит его душа, он делает то, что не любит). Именно это свойство сознания человека побуждает меня обратиться ваше внимание на то, что любая профессия как требование к выполнению действия, как инструкция по организации активности человека потенциально предполагает использование только части свойств психической реальности человека. Это одна из самых существенных причин, ведущих к появлению профессиональной деформации — искажения пси-

хической реальности человека (прежде всего сужения границ «Я») под влиянием профессии. Это одна из причин, которые ведут к нарушению процессов развития человека, разрушая его качество целостности и интегрированности, создавая частичность и раздробленность, т.е. «частичного» человека, несущего в себе как единственную форму своего «Я» миф о своей профессии.

Профессиональная деформированность человека часто видна непрофессиональным взглядом и выражается в оценках поведения человека:

говорит, как учительница;
думает, как врач;
смотрит, как прокурор;
начальственный вид и т.п.

Уход в профессию часто является одной из форм ухода от реальности. Это — проявление защитных механизмов личности от необходимости встреч с реальностью, восприятие которой во всей полноте характеризует развивающегося человека. Уход в профессию — это одно из искусственных ограничений человеком границ своего «Я» формой профессиональной деятельности.

Из того, что я вам пыталась сказать о профессии и ее освоении как одной из задач осуществления человеком своей жизни, следует несколько логических выводов, на которых есть смысл остановиться:

Человек может сам выбирать способ решения им жизненных задач, способ получения истин, которые могут войти в обоснование им активности своего «Я».

В природе юности — стремиться к проявлению своего «Я». Это стремление можно подавить в себе или придать ему движение к самоактуализации.

Профессия — одна из форм человеческой активности, которая фиксирует возможное несоответствие различных структурных образований сознания человека.

Профессионализм — качество психической реальности конкретного человека, индивидуальная форма проявления его жизни.

Из дневника Марии А.: «Я сначала хотела делать так, как нам показывали, а потом поняла, что даже если я все делаю, как надо, я вижу за этим свое, а не только то, что нам показали. Мне стало и страшно и весело — у меня у самой получается, получается — я могу об этом сама думать...»

Мне хотелось показать вам, что переживания человека — самое ценное, что дает ему его жизнь, жизнь его «Я». Переживания являются единицами психической реальности, они — сама эта реальность.

Как не потеряться «Я»-усилиям по организации жизни в их многообразии? Об этом речь пойдет в следующей главе.

Жизненная задача интериоризации морали

*Мы не можем утверждать, что цивилизация
все предопределяет и за все отвечает,
и в то же самое время говорить о том,
что человек обладает врожденной природой.
Одно несовместимо с другим.
(А. Маслоу)*

Интериоризация морали — это та жизненная задача, решение которой связано с прикосновением к самому деликатному вопросу в личной жизни каждого человека — к вопросу о границах его «Я», его внутренней и внешней свободы. В ее решении проявляется та сторона отношений «Я» и «Другие», которая рассматривалась К. Юнгом как достижение осознанного единения с другими после достижения автономности «Я» от коллективного бессознательного.

Это становление особого качества психической реальности, проявляющегося в самообосновании активности «Я» как использование предельных категорий и образов, задающих целостность «Я» и всей психической реальности. Такие предельные категории называются моральными категориями или моральными императивами, так как они содержат предельные обобщения, на которые способен сегодня человеческий разум. В принципе с существованием возможности предельного обобщения человек встречается в знаменитом своими вопросами возрасте от трех до пяти. Тогда он способен поставить вопросы типа:

- Кто родил маму первого человека?
- Как люди узнали, что собака называется собакой?
- Кто придумал смерть?
- Почему внутри меня дерется хорошее и плохое?
- Почему бывают плохие люди?

И т.п.

Это все вопросы о начале начал. У взрослых их тоже много. Много вопросов о справедливости и равноправии, долге, вине, ответственности, судьбе, смысле смыслов, смерти... Поиск ответов на них связан с религиозными чувствами человека, с признанием существования сил, управляющих мирозданием — Космосом, и сил, управляющих микрокосмосом — его внутренним миром или же с созданием одного из вариантов той позиции антропологического эгоцентризма, согласно которой человек — центр Вселенной.

Предельные обобщения, которые человек может использовать в

своем мышлении о жизни как целостности, как особом предмете его мышления, и составляют содержание его морали.

В юности есть все предпосылки для интериоризации морали — абстрактное мышление, переживания своей связи с другими людьми и автономности от них, решение задач о жизненном пути — о его целях и средствах, что создает условия для выделения в качестве предмета мышления жизни как целостного явления.

Прислушаемся, однако, к языку, который есть форма сознания. В нем существует множество прилагательных, которые уточняют употребление слова «мораль». Вот некоторые из них:

общечеловеческая
двойная
религиозная
политическая
сексуальная
воровская
профессиональная
групповая
собственная
бандитская
старческая
христианская и т.п.

Возможно, это неточно выбранное понимание морали как предельного обобщения, применяемого людьми для самообоснования их жизни. Думаю, можно объяснить и так, но есть все основания думать, что в природе «Я» человека существует механизм, позволяющий фиксировать границу его изменчивости, за которой начинается преобразование качеств «Я» в не-«Я». Может быть, это тот механизм, существование которого позволяет говорить о том, что в природе всех людей есть общее, то общечеловеческое, что всех нас объединяет общим понятием «люди». О том, что такой механизм есть и он постоянно работает, говорят все факты выбора человеком формы для проявления качеств его «Я». (О лживости я уже говорила, как об одной из форм существования «Я».)

Человек имеет границы трансформации своего «Я», как компьютер имеет границы изменчивости способов работы с программами, которые в него заложены. Если нарушаются границы «Я», оно становится не-«Я», исчезают структуры, гарантирующие его целостность. Аналогичное происходит с компьютером, когда при его эксплуатации таким образом вмешиваются в программы, что они перестают узнавать сами себя, и компьютер перестает работать.

Мне думается (опыт работы практическим психологом-консультантом дает для этого достаточно клинического материала), что для каждого человека в каждый момент решения им жизненной задачи в содержании его психической реальности есть структуры, гарантиру-

ющие целостность «Я». Это продукты его интеллектуальной деятельности, которые как доступные ему предельные обобщения мышления о жизни входят в содержание концепции жизни.

Такими гарантами целостности «Я» при решении жизненных задач могут быть те формы, в которых проявляется новое свойство «Я». Так, став студентом, человек приобретает возможность решать свои жизненные задачи, основываясь на обобщении «студент», которое в данный момент его жизни может стать (а может и не стать) обоснованием целостности его «Я». Тогда возможно появление, например, такого психологического образования, как студенческая мораль, которая выражается примерно так: «Кто из студентов не прогуливал»; «Какой он студент, если не разу не списал»; «От сессии до сессии живут студенты весело» и т.п. Студент может воспринимать и возможности своего «Я», его границы через годы обучения: «Я же еще на первом курсе, какая мне научная работа...» или «Я уже на третьем курсе, я могу работать по специальности» и т.п. Обобщение как форма нового качества «Я», «Я — студент» может стать (чаще всего на время) гарантом целостности «Я». Гарантами целостности «Я» в принципе могут быть любые формы, фиксирующие то или иное качество «Я». Отчасти поэтому любому человеку обеспечена многократная гарантия сохранения его «Я», если есть форма, обобщающая его качества, проявляющая его качества для самообоснования существования «Я».

Итак, в концепции жизни человека есть формы обобщения качеств «Я», которые направлены на сохранение его целостности при самообосновании «Я» своей активности. Эти формы существуют как предельные обобщения качеств «Я». Кроме них в концепции жизни человека присутствуют следующие составляющие: понятие человека, понятие нормального человека; понятие эволюции; понятие данности. Они объединяются в целостную систему, позволяющую человеку выделять жизнь как целостный предмет своей интеллектуальной деятельности.

Человек нуждается в гарантах целостности своего «Я». Как тело гарантирует целостность всех его систем и возможную слаженность их работы, так и форма обобщения качеств «Я», которую человек использует для самообоснования его целостности, гарантирует (пусть на время) слаженность работы всех параметров психической реальности, ту согласованность высших и низших психических функций, которая обеспечивает целесообразность человеческой активности.

Обобщение возможно относительно любого качества. Любое качество может выступить в роли гаранта целостности «Я» в самообосновании им своей активности пусть в ограниченном пространстве и на ограниченное время. В этом смысле можно говорить о морали футбольных фанатов и группы подростков, о морали учителей и депутатов конкретного органа власти, т.е. к списку возможных видов морали можно добавить еще множество всяких обобщений качеств «Я», которые могут га-

рантировать (и реально гарантируют) его целостность при самообосновании «Я» разных видов активности, в том числе и всей жизни в целом.

Молодой человек, чувствующий возрастающую силу своего «Я», естественно ищет новые формы обобщения проявляющихся качеств для самообоснования «Я» в разных видах своей активности, во всей своей жизни. Закон развития таков, что эти формы существуют как система внешних знаков, которые надо интериоризировать — освоить, взрастить, сделать своими собственными формами самообоснования своего собственного «Я». Человек, который развивается, движется в этом направлении к освоению нравственного императива, сформулированного И.Кантом и ставшего основным законом этики. Он имеет две формулировки в работах И.Канта(13): «...поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом» (с. 260); «...поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству» (с. 270). Форма, которую создает этот закон, это форма обобщения сущностных свойств человека вообще, которая может (должна) стать формой самообоснования «Я» его собственной целостности в любом виде его активности, в жизни в целом. Как можно увидеть по материалам дневников, эта форма осваивается мучительно трудно, так как «Я» молодого человека еще не имеет выраженных границ, осознанных в самообосновании «Я» его активности. Я уже не раз говорила о том, что юность — период противоречий и неустойчивости, колебаний, кризисов и выборов формы самообоснования «Я» его целостности. Разнообразие знаковых систем культуры, относительно замкнутых на самих себе, позволяет молодому человеку, освоив пространство одной из знаковых систем, чувствовать себя целостным «Я» и обеспечивать этим самообоснование себя самого. Одновременно это и возможность ограничить свое «Я» моралью этой знаковой системы как той формой обобщения, которая ее объединяет.

Так, всю жизнь можно использовать в самообосновании активности своего «Я» систему знаков «Я» — горожанин, где обобщение качеств «Я» строится по принципу территории. Можно использовать любую знаковую систему, даже отождествить себя с машиной и прожить свою жизнь с моралью, например, автомата по продаже сигарет. («Я реагирую только тогда, когда меня просят, когда мне платят», — это строчка из жизни такого человека.)

Развивающийся молодой человек движется в поиске формы для самообоснования своего «Я» от одного вида обобщения к другому. Проследим это на материале дневниковых записей.

Из дневника Марии А.:

«...Я сегодня много думала о людях, целый день было такое чувство, что я наблюдаю со стороны, а не живу с ними. Что я хотела от них? Трудно сказать, словно искала в них то важное, что позволяет им быть

уверенными и громкими. Что это такое, чего нет во мне? Они чего-то не боятся, а я боюсь. Боюсь сделать не так, а как надо, не всегда понимаю. Мне часто хочется быть одной — смотреть на природу, читать, думать. Но я люблю людей, почему мне с ними так трудно?

...Сегодня мама сказала такие важные для меня слова о том, что на свадьбе и на похоронах люди ведут себя одинаково — в них раскрывается самое главное, они показывают свое лицо. Я почувствовала это, но не могла выразить. Люди были как голые, у них как-то все ярче выступило, даже черты. В общем было неприятно, если я буду выходить замуж, то никаких сборищ устраивать не буду, хорошо бы и умереть без людей.

...Л. приходит в мою комнату, когда ей надо на ком-то сорвать свое зло на жизнь, говорит мне всякие гадости, когда я одна. Я же вижу, что это она от своих бед мучает меня, а прогнать ее не могу — она же инвалид. Слушаю, терплю. Далась им моя худоба и внешность. Нет у меня другого тела, живу в этом.

...Сегодня говорили с В. Я ей рассказала, какое бывает у меня чувство от жизни — чувство яркое и пристальное, когда я вижу и предметы и людей отчетливо и очень красиво. Дух захватывает, и это длится мгновение, но потом долго-долго живешь с этим. Она, кажется, не поверила. А я видела рисунок рыбы, который сделал какой-то мальчик незадолго перед смертью, мне его не передать словами, но виденье как у меня — каждая точка видна, и все разные и соединяются в целое. Когда знаешь, что кто-то так же видит, такими родными люди становятся.

...Была в толпе. Страшно. Мы все стали каким-то телом, не было ни воли, ни силы. Это тоже жизнь, и ее сделали люди сами для себя, такое можно придумать только ненавистью людей.

...Читала. Не хочу даже писать название и автора. Как тогда в толпе, было чувство общей нечистоты и какого-то безмерного мрака. Почему в таком красивом мире, где есть и солнце, и цветы, и лес...

...Я свои стихи показываю только дома — маме, я же знаю, что скажут, если их кому-то показать. Скажут, что похоже на кого-то. Мне не надо таких суждений, я пишу, как могу, как получается, а не для того, чтобы печататься и деньги за это получать. Я чувствую, что буду писать всегда, что буду искать те строчки, которые жду — ясные и легкие, как дыхание».

Переживания, о которых вы только что прочитали, относятся к числу моральных, они связаны с выделением в отношениях между людьми особого качества, которое обычно называют целостным и ценностным отношением к жизни. Это те переживания, о которых в науке говорится, что они в большей степени продукт индивидуального сознания человека, что они могут противоречить и не соответствовать принятым социальным нормам и правилам. Это качественно иное образование в психологической реальности человека, но выполняет ту роль, о которой уже говорилось, роль самообоснования границ «Я». Для того чтобы это произошло, «Я» должно иметь форму, проявляющую его качества.

В приведенных страничках из дневника Марии А. такая форма связана с литературным творчеством. Оно вообще является достаточно типичным для развивающихся молодых людей как форма проявления качеств «Я», позволяющая организовывать его активность.

То, что молодые люди небезразличны к форме существования своего сознания, говорят и широко наблюдаемые факты создания молодежью вариантов родной речи, что приобретает для них особое значение как проявление возрастающей индивидуальности их сознания. Однако, как любая знаковая система, молодежный жаргон обладает и обратной тенденцией. Это тенденция к замкнутости, шаблонности, в конечном счете к самоуничтожению, которое связано с исчезновением контекста для развития значения знаков. (Обычно контекстом для его существования является замкнутая молодежная группировка).

Словотворчество в юности неотделимо от становления моральных переживаний. Моральные переживания открывают индивидуальному сознанию его собственную бесконечность, наличие в нем оснований для своего собственного индивидуального бытия, подобно тому как в детстве открытием становится наличие начала начал — существование причин явлений и событий. В юности моральные переживания обращают человека к причинам существования «Я», к необходимости зафиксировать существование этой причинности как самообоснования существования. При этом язык, как знаковая система, дает такую возможность. Молодежный язык возникает из родного языка, можно сказать, на его границе как семиотической системы — на границе индивидуального и коллективного, общественного сознания, на границе индивидуального и коллективного бессознательного, которую и проявляет сам факт существования «Я». Это именно та ситуация, где рождаются новые формы знаков, структурирующие психическую реальность человека, так как возможности всех видов диалога здесь практически не ограничены.

Исследователи юношеской речи отмечают, что она порождена стремлением юности выразить свое существование как целостного образования, что это одновременно попытка индивидуализации сознания и в то же время создание его осязаемых границ, так как молодежный язык создается для какой-то замкнутой группы. В этом противоречии, как думается, отражается главное противоречие проявления «Я» как самообосновывающегося образования психики. Суть его в том, что оно индивидуально по месту своего пребывания, только для него есть то место во времени и пространстве, где оно существует, но форма проявления этого места — знаковая форма — социальна по происхождению. Любая форма позволяет «Я» зафиксировать себя в пространстве и времени и таким образом проявить себя, самообосновать себя через выбранную форму.

Молодежный язык — это одна из форм проявления переживаний «Я» своих сущностных свойств — природности и знаковости (искусственности), их единства и возможного несоответствия как не соответствуют зна-

чение слова и его смысл. Я уже приводила страницы из дневника Ирины В., где она говорила о пустословии. Вот эта обостряющаяся чувствительность к слову как форме индивидуального сознания, как форме «Я» толкает молодых людей к литературному творчеству, к созданию молодежного жаргона и... делает их необыкновенно чувствительными (обидчивыми) к словам, которые характеризуют прямо или косвенно их «Я».

Молодежный жаргон существовал всегда. Это огромное заблуждение думать, что он — современное изобретение. О нем как о форме «порчи» языка написано много, но в нем есть и та психологическая необходимость, которую я вам хотела показать, — необходимость фиксации сущностных, моральных переживаний, означающих границы «Я», переживающего свое собственное бытие как самообосновывающееся.

Из дневника Марии А.:

«...девочки так любят употреблять некоторые слова, что почти только ими и пользуются. Я заметила, что даже в письмах домой стала их употреблять. Как попугай, хотя это очень бывает весело, мы говорим, а другие не понимают, о чем мы говорим. Тайна получается от всех... Мама надо мной шутила, что я разучилась говорить...

...что мы делаем — заигрались в слова, придумываем и придумываем новые игры!! Это подтолкнул вопрос о том, можно ли корову назвать чернильницей. Что только не выдумали, но, думаю, быстро надоест...»

Юношеский жаргон включает, как уже отмечалось раньше, много слов превосходной степени (в прямой или косвенной форме), широко используется ирония или комизм, чтобы оттенить что-либо максимальное. Часто большая группа молодежи использует для этого одни и те же средства, хотя каждый индивидуально считает, что он проявляет оригинальность.

Создание новых слов — типично юношеское явление, которое используется как для поддержания единства группы, так и для обозначения границ «Я» в самообосновании активности. Новые слова имеют разное происхождение, но чаще всего это использование переносного значения слов — слова из одной сферы начинают обозначать явления из другой.

Специфическим юношеским явлением можно считать и языковую небрежность, когда при общении специально искажаются какие-то грамматические или лексические формы, что тоже создает чувство новой формы, необходимое для фиксации «Я» в его самообосновании.

Возрастающая языковая чувствительность рождает и такое явление как распространение в общении различных звуковых сочетаний, которые отражают индивидуальную манеру говорящего, но не обозначают ничего определенного. Девушки могут особенно увлекаться различными именами, которые им кажутся привлекательными по своему звуковому составу. Многие молодые люди испытывают обостренное чувство неприязни к своему обычному имени и пытаются его совершенствовать, отыскивая варианты. Все это — попытки добиться оттенка необычности.

Исследователи речи отмечают, что в юности не только идет увеличение запаса слов, но и совершенствуется ее структура, появляются все более сложные формы речи. Многие молодые люди испытывают огромное наслаждение от создания речи, от красоты слова (они переписывают стихи, выписывают понравившиеся мысли разных людей, употребляют их в общении). Можно услышать, как молодой человек, удачно сформулировав свою мысль в слове, сам бывает удивлен этому и повторяет свое изобретение с явным удовольствием, наслаждаясь эффектом, какой может произвести. У молодых людей пользуются популярностью остроги, услышанные ими в средствах массовой информации, они повторяют их с явным удовольствием, не обращая внимания на то, что это не их завоевание.

Переживание «Я» как самообосновывающегося качества психической реальности, связанное с поиском его причин, делает молодых людей очень восприимчивыми к музыке — к ее ритмической основе. Можно сказать, ритм — это качество природы; как природное образование «Я» человека также обладает им. Возможно, сегодня у нас еще нет достаточных данных для того, чтобы описывать подробно, как это качество проявляется в «Я», но можно говорить о целом ряде явлений в молодежной среде, которые характеризуют повышенную чувствительность молодых к проявлениям ритма. Это прежде всего массовое увлечение молодых людей музыкой как явлением культуры, как особым семиотическим пространством, которое создается специальными знаками.

Увлечение музыкой, так же, как и увлечение танцами, переживают более или менее длительное время все молодые люди. На этом фоне разворачиваются как массовые явления музыкального фанатизма, так и индивидуальное музыкальное творчество. Думаю, что в этом явлении можно наблюдать встречу «Я» юного человека с тем выразимым только музыкой единением души и тела, Космоса и микрокосмоса внутреннего мира человека, которое отражает природную сущность «Я». Музыка и является такой формой единения индивидуального «Я», осознающего присутствие бесконечности, и бесконечности как проявления ритма самой сущности жизни, несущей в себе свое начало и конец.

Конечно, это только одна из интерпретаций причин чувствительности молодых людей к музыке, но она показывает, на мой взгляд, важную особенность развивающегося человека — его потенциальное единение с природой своего «Я» как возможное преодоление искусственного характера своей психики. Люди, которые чувствовали и чувствуют это, может быть, острее других, заняты поисками путей такого единения. Сегодня это воплощается в очень конкретных вещах, которые еще называют экологическим мышлением, экологическим сознанием человека, когда он живет и думает в согласии с природой, стремясь не к ее завоеванию, а к ее пониманию. Результат — цветы и деревья, птицы и рыбы, которые бесстрашно живут рядом с промышленными объектами. Это уже есть на земле.

Человек еще только учится жить в соответствии со своей природой, с природой своего «Я», познавая его, как познает и другое в мире. В юности, становясь чувствительным к существованию причин бытия, он открывает в себе моральные переживания как отражение этих причин, определяющих самообоснование его собственного «Я». Эти причины должны приобрести форму его жизни, стать содержанием решения жизненных задач, человек должен найти в них отражение своего «Я» как существующего основания своей жизни. Для этого надо найти их различие и единство — различие «Я» и жизни, единство «Я» и жизни — и соединить найденное в форме самообоснования своей жизни.

Посмотрим, как это делают молодые люди. Читаем дневники.

Из дневника Андрея Н.:

«...Сравнить нас. Меня, в частности. Что можно сказать... Сейчас идет работа на уровне саморазвития. Самопостижения высшего «Я». Что тут можно сравнить, причем здесь спор о карме. Все внутри. Постигая себя, отбрасывается все ненужное, мешающее, остается только свет. Поэтому сейчас такое состояние души, что никто и ничто нам не может помешать, разве что только мы сами себе. Человек, почувствовавший вкус к саморазвитию в глубоком смысле этого слова, почувствовал освобождение, хотя и маленькое, но это и есть Свобода с большой буквы. Это и есть Истинная Свобода духа. Это тот огромный свет, объединяющий всех в себе. Поэтому у меня возникла мысль может странная, но все же. Я могу контролировать себя замечать плохое. Убирать постепенно. А заметить хорошее и записать. Почувствовать, кто «Я» и записать, почувствовать, что «Я» могу, и записать. Это огромная ответственность, так как это «Я» Высшее, и, зная его, мы уже не можем отступать. Это огромная работа. Смог же я это сказать искренне и доступно, и главное чисто сказать близким по духу. Это нелегко, потому что этим я ответственен перед ними... Как-то неловко чувствовал себя в одежде, в которой зашел, не думал, что буду раздеваться. Я всегда должен выглядеть хорошо и чисто. Всегда...

...Сейчас внутри грустно. У меня такое бывает частенько. Просто не понимаю, почему. Хочется в этот миг всем помочь. Чувствовать себя сильнее и в то же время не хочется сидеть на месте. Включил И. Баха. Заставляет задуматься. О чем? Хочется иногда заглянуть глубже, дальше. Не хочется этих проблем. Да, а как без них, как жить, развиваться? Сейчас пишу и знаю, что уже с сегодняшнего дня надо сесть за математику. И сяду. Чего бы мне не стоило. Перед тем как писать, мыл посуду под мантру Ош и сам иногда ее пел. Смотрел мультики, разговаривал с родителями. Вот после двух лет разговор с родителями не совсем ладится. Они хотят поболтать, посплетничать. И если они начинают донимать меня вопросами, мне приходится немного, но напрягаться. Я как-то давно не слышал такого обильного пустословия. Я не обвиняю, а констатирую факты. Сейчас как-то четче понимаю то, что значит для человека, чтобы его понимали. Мне еще много над этим работать с моим невниманием слушать, т.е. на уход в себя.

Были на рынке, так я не смотрел в глаза людям, я не видел ни одних глаз. Лица эти — застывшие комплексы, сосредоточения на себе...

...Сегодня произошел интереснейший шаг. Под конец дня я взбурлился, и что же. Я злился на самого себя из-за того, что я устал от своей игры, это чувствуется, но внутри. Где грань. Разговор с И. мне помог. Получилось интересное. Пищу как есть. Я кипел, всех ругал. И. слушала и смеялась. Вначале мне показалось, что многие не правы. Какое-то препятствие непонятное. А что потом, когда ругался и следил, получил, что злось на самого себя и свою неестественность. Почему так получается? Мне хотелось бы обо всем узнать. Научиться. Мне хотелось что-то натворить. А когда я сказал себе «натвори», не смог. Вот здесь грань свободы. Хочу и не могу. Что мешает? Не свобода. Боязнь каких-то стереотипов, комплексы. Мне стало не по себе. О чем говорить, если я не могу сделать то, что хочу. Это же получается игра. Я потом шел, мне очень хотелось что-то сделать, что-либо. Я моментами чувствовал радость звездного неба. Холода. Все возможности были огромны. Я дышу, как хочу. Я не хотел себя в эти минуты понимать, я хотел отдаться этой радости. Но каково эту радость, ясность удержать. Опять это мешает. Почему-то хотелось навредить немного какой-то малости. Не знаю, как это и что, но оно интересно...

...Так хочется быть свободным. Уметь помочь другим. Иметь терпение. Иметь силы. Уметь прощать и не обижаться. А главное — быть радостным, всегда. Быть радостным, я думаю, что это думать и жить ежесекундно и о важном. Это умение совмещать, прошлого и будущего нет, есть только сейчас. И тот, кто это понимает, тот счастлив. У меня уже долго длится период набирания сил, которые я растратил. Все не могу войти в норму, т.е. в ритм... Хочется научиться понимать людей. А я не могу воспринимать их таковыми, какие они есть. Отчего это? Желание быть понятому самому. Т.е. я еще сам себя не реализовал, не проявил. Но мне говорят, что я проявляю себя с помощью других. А необходимо самому. Что я сделал сам? Утверждение в других — это не дело. Нужно утвердиться в себе. Наверное, так.

...Что бы мне хотелось записать — это неумение высказаться о красивом, искренне сказать комплименты и неумение видеть хорошее в человеке...

...Когда беседовал, иногда возникало желание прекратить эти разговоры. А потому, что они были очень длинными. Потому, что я хотел их закончить побыстрее. Это опять неумение слушать и понимать человека. Если бы я выслушал и понял бы его, он это почувствовал, и ему незачем дальше вести разговор. Иногда было желание казаться покупателям лучше, чем я есть на самом деле. И опять где мой идеальный образ странствующего рыцаря в рясе монаха? Где эта простота самого себя?»

Из дневника Ирины В.:

«...Жизнь ставит в ситуацию необходимости торговли. Идет огромное внутреннее сопротивление, неприятие. Я понимаю, что во имя общего

блага, что в этом нет ничего постыдного, но ничего поделать не могу. Надо преодолевать и этот внутренний барьер. И меньше думать о себе.

Накопилась усталость. Никак не привыкну к напряженному ритму, постоянной деятельности. Но я не останавлиюсь! Я хочу стать сильной.

Столько уроков! Столько решений! Попала в ситуацию выбора между личным и общим. На моих глазах человек предпочел личное. И у меня внутри заговорила проснувшаяся самость: деньги, родственники, проблемы. Меня одолел сон, а после пробуждения я внезапно обнаружила, что это ушло, что еще в одной маленькой битве личное проиграло. Я уже не могу не стремиться служить общему благу. Я уже не могу сойти с большой дороги жизни под призрачный навес. Я поеду в Москву, я буду торговать, я наступлю на свое самолюбие, я буду делать все, перед чем ставит меня жизнь. Я буду учиться жить, а не впадать в отчаянье, не укутываться туманом придуманных сказок. Я буду делать то, для чего рождена на земле — творить жизнь. Я не имею права стоять и бездействовать. Я так люблю мою маленькую, большую Землю, я так люблю людей, осиротевших без Великой Иерархии (учение Рерихов. — А.Г.). А помочь можно только действуя. Иначе нашу жизнь делают другие. Можно ли им доверять? Судя по результатам — нет. Так имею ли я право не брать ответственность на себя? Ответственность за Землю. Господи, удостой меня стать орудием мира Твоего...

...Люди не сидят на полочках. Они меняются, растут, развиваются. Меняется и мое восприятие. И эти перемены зависят от нас. Спасибо, мир, за новый шаг к единению.

...Заметила интересную вещь: сила воли меняет привычки нашего организма. Две недели не давала себе выспаться, тренировала выносливость, а теперь не могу долго спать! Утвердить и не потерять. И еда: ем гораздо меньше, перестаю уделять ей много внимания (как заправка для дальнейшей деятельности), меньшая зависимость от чувства голода.

Вчера внутри было высокое и чистое состояние. Выглянула в окно и родилось стихотворение:

Падает космическая пыль
На земные тоненькие плечи.
Сказка снова превратилась в быль,
И обратно, зажигая свечи,
Мы возносим эту красоту
В пламени горячего стремленья
В этой стороне увижу Ту,
В Той припомню этой наважденье.
Мир — огромные песочные часы
Все перетекает претворяясь,
Снова в каплю утренней росы
Загляделось солнце улыбаясь...»

Получается, что молодые люди в своих моральных переживаниях — долга, ответственности, стыда, совести, чести, вины — даже, если они их так не называют, приближаются к тем существенным свойствам «Я», которые являются его универсальным гарантом, так как в силу своей всеобщности они присутствуют во всех проявлениях «Я». Эту ситуацию в реальных бытовых отношениях люди чувствуют как моральную силу человека, наделяя его моральным авторитетом, который не зависит от социального положения человека — его должности, профессии, возраста и других качеств, воплощение которых связано с социальными институтами. Вы помните, что психологическую истину, как истину индивидуальной жизни, человек постигает проявлением своего «Я». Это тот моральный авторитет, который был у святых и великомучеников, авторитет, перед которым преклонялась любая социальная, институциональная власть, так как это был моральный авторитет человека, живущего истинной жизнью, открытой им самим.

Особенность моральных переживаний такова, что у человека нельзя их вызвать искусственно, создавая некоторые ситуации. Они возникают как решение жизненной задачи, связанной с поиском формы для проявляющихся новых качеств «Я». Появившиеся качества «Я», воплотившись в соответствующую им форму, становятся относительно устойчивыми. Недаром молодые люди стремятся фиксировать те мысли о жизни, которые, как форма, отражают содержание качества их «Я». В дневниках можно встретить много философских цитат, обобщающих в литературной форме моральные переживания других людей. Знаменательно, что они становятся жизненными кредо молодых людей. В этих фразах, которые характеризуются краткостью формулировок, часто присутствующей иронией или юмором, молодые люди находят (благодаря механизму проекции) отражение содержания своего «Я», еще не нашедшего своего языка. Думаю, что вы тоже пользуетесь подобными фразами, избегая слов о долге, ответственности, чести... Эти слова многим кажутся слишком высокими и обзывающими, поэтому говорят другое, но о том же самом, стараясь выразить в форме, соответствующей проявляющемуся качеству, свое переживание. Так появляется в жизни молодых людей то, что Э. Берн называл «надписями на майке» — словесная форма переживания границ своего «Я», самообоснование своей активности, знак принятой морали как проявление своей сущности. Вам нужны примеры? Посмотрите, что написано на столах в вашей аудитории; взгляните, какая надпись у вас в комнате на стене, может быть что-то вы сумеете прочесть из надписей, которые оставляют их авторы в разных общественных местах... Мораль, которой руководствуются люди, бывает разной, как я уже пыталась сказать.

Однако есть одно «но», которое заставляет людей думать об универсальности собственной природы, о похожести всех людей — это возможность существования нравственности, которая в отличие от морали не может быть разной. Она едина как проявление истинной природы чело-

века. Единство ее проявляется в существовании нравственных заповедей, которые по сути своей и отражают универсальность природы людей, общее основание для проявления множества вариантов индивидуального сознания. Можно спорить о происхождении нравственных заповедей, можно пытаться их опровергать всей своей жизнью, но они входят в человеческую жизнь как ее аксиомы. Когда разрушаются аксиомы, как основание, обосновывающее существование явления, явлению ничего не остается, как исчезнуть, превратиться во что-то другое. Жизнь человеческая превращается в не-жизнь. Примеров этому больше, чем достаточно.

В психологии как науке существует много гипотез о происхождении нравственных человеческих переживаний. В них так или иначе обсуждается вопрос об их инстинктивной природе или об обусловленности социальными обстоятельствами жизни человека. Мне кажется закономерным обсуждать этот вопрос в связи с понятием «психическое здоровье». Это тот путь, по которому шел А. Маслоу, изучая здоровых людей, способных к жизни. Тогда в понимании нравственных переживаний человека будут присутствовать такие категории, как жизнь, здоровье, человек. В наполнении этих категорий содержанием будет играть роль познание, создавая необходимый интеллектуальный материал для построения идеальных объектов: жизнь, здоровье, человек. Эти идеальные объекты, становясь основаниями для обоснования индивидуальной активности «Я» человека и его социальной активности, будут порождать нравственные переживания.

Я попробую сформулировать еще раз то, что А. Маслоу описывал как жизненный выбор здорового (его еще называют зрелым, развитым, самореализовавшимся, индивидуализированным, аутентичным и т.п.) человека, когда у него есть право выбора, когда он в отличной форме и в благоприятных условиях. Для здорового человека естественен выбор истины, а не лжи; добра, а не зла; красоты, а не уродства; единства, а не раскола; радости, а не печали; любви к жизни, а не стремления к смерти; уникальности, а не стереотипности. Это все настоящие ценности жизни, определяющие существование нравственных переживаний человека. Возможность их выбора есть в той или иной степени у всех представителей человеческого рода, именно это качество объединяет людей в род.

Для жизни здоровому человеку нужны ценности его развития, те, которые вызывают нравственные переживания, и ценности сохранения гомеостаза (равновесия всех систем организма). К последним относятся мир и покой, безопасность и зависимость, сон и отдых, капитуляция, защита от реальности, погружение в фантазии, стремление к покою и даже стремление к смерти и т.п. Здоровый человек менее склонен к этим ценностям, но и они присутствуют в его мотивации, входя в ее структуру. Мотивация человека выглядит как иерархизированная система, где есть свои принципы подчинения одних мотивов другим, переход от низших мотивов к высшим и наоборот. Ни один мотив не исчезает, он меняет свою выраженность по силе, находясь в зависимости от дру-

гих, поэтому нравственные переживания человека отражают наличие в иерархии мотивов удовлетворенных низших потребностей, гарантирующих существование высших. Это части одной системы и они не могут существовать вне друг друга. То, что будет организовывать человеческую жизнь как иерархия мотивов, основывается на концепции жизни, которую он создаст в конкретных условиях своей жизни. Здоровый человек в поисках оснований для самообоснования активности «Я» создаст идеал своей жизни, который как определяется современной ему культурой как знаковой системой, так и создается им самим. Этот идеал как концепция жизни также будет определять его переживания, как и приущие только ему способности и потребности.

В поисках самообоснования активности «Я» молодые люди естественно обращаются к философским понятиям, которые существуют в культуре в виде бытовой философии или в виде систематизированных учений. Они пытаются найти в них ту целостность, к которой стремятся сами, решая свои жизненные задачи.

Из дневников:

«Интересная ситуация: внешняя беспомощность, а внутри идет огромная работа. Но внешняя беспомощность ой как тяготит. С утра ходили по магазинам. Опять у меня очень странное отношение к церкви. Когда я смотрю на их магазины, мне вся религия напоминает грандиозный фарс. Золото, шикарные гробы, яркие бездушные иконы. Разве об этом говорил Учитель? Разве это он принес? «Торгуйте именем моим?» И ради чего все это? Это помогает хоть одному человеку приблизиться к свету Истины? А разве может быть другая цель у Его служителей? Нельзя одновременно поклоняться золоту и Мамоне. Это Он сказал.

...Есть два способа людских объединений: внешний и внутренний. Внутренний — это то, что делает с нами Нонна Михайловна. Она стремится пробудить в нас внутреннего человека, помочь нам его воспитать. Любая ориентация, любое движение — это люди. Все держится на человеке, на каждом отдельно взятом человеке. Это невероятно трудно и долго — растить этого человека. Но это навечно. Толпу быстро собрать, но она также быстро разбежится. А МЦР пошел путем внешней организации. Колосс на глиняных ногах. Увлечлись бытовой внешней, забывая, что главная битва идет в человеческих душах и за человеческие души... Очень трудно найти эту середину, чтобы внутреннее и внешнее сочетались гармонично. Я чувствую, что с самого детства внутри меня идет этот поиск. Проблема вождя, лидера всегда была для меня самой интересной. На силе человеческого духа и родстве душ может что-либо держаться в этом мире. И ни на чем другом. Все рухнет — деньги, система чинов и званий, репрессий и поощрений. Все, коме этой великой силы...

...Приходит время, когда начинаешь видеть недостатки в ранее идеализируемых людях. Мы хотим видеть в людях то, что *мы хотим*, подгоняем их под созданный нами шаблон. А люди все разные, и это пре-

красно. И то, что мне кажется недостатком, для человека может таковым не являться. Сегодня я сделала еще один маленький шагочек к принятию людей такими, какие они есть. Видеть и принимать — это не так уж и легко. Но не так уж и трудно, если действительно видеть.

Как это здорово — жить и радоваться жизни, не загонять себя в клетку из «надо». Почему к этому долго надо идти?

...Люди обо всех судят по себе и бояться окружающих, если недожелательны сами.

...Сначала я переносила на мир свое несовершенство и познавала его в других. Затем в других познавала то хорошее, что есть во мне. Ведь я своими мотивами объясняла их поступки. Я все время теряла себя в других людях...» (Ирина В.).

«...При этом выступает один из множества случаев применения этого универсального закона, который рассеивает все преграды и непонимание к сознанию собеседника, когда это случается при обмене идеями и мыслями как бы лоб в лоб. Это тонкое понимание собеседника должно длительно нарабатываться. Здесь, как и всегда, требуется высокая степень отрешенности от себя, своей самости, переполненности сознания своей правотой...» (Владимир О.).

«...Почему люди мучаются? Столько всего плохого в них самих? Неужели они не могут быть хорошими? Детские вопросы, так на них и не найду ответа, как нет ответа и на вопрос о том, почему строить всегда труднее, чем разрушать... Действует какая-то сила.

...У меня же есть жизненный принцип — не завидовать. Я не завидую людям, если у них есть то, чего нет у меня. Я рада за них, я всегда знаю, что и у меня есть то, чего у них нет. Это еще в детстве пришло, когда делали всякие «секреты», смотришь через цветное стекло и только ты видишь все в этом свете... Знаешь, что есть то, чем нельзя поделиться, а можно только отдать. Читала Экзюпери, я его уже не раз читала, каждый раз он какой-то другой для меня. Я не понимаю многих слов на философии, все слова — слова, а когда его читаешь, то ясно, что он — философ...

...Я не умею повторять то, что не понимаю. А не понимаю, потому что мой ум не хочет понимать, я его не могу заставить. «Структура личности» — это для меня как клетка, как решетка, я не могу думать о ней как о человеческом, глупая я» (Мария А.)

«...Внутри чувство неудовлетворенности. Чем?...Нуждался ли я в помощи? Я не хочу оправдываться. Все же я не до конца работал эту неделю. Еще не хочу на себя наговаривать. Но все же я выбрал эту дорогу сам. Помоги просить, как-то не то. Я думаю, что те, кто хочет помочь, сами предлагают помощь. Но надо, я думаю, и уметь попросить помощи...

...Я мыл посуду и чувствовал себя таким счастливым, что я могу это делать хорошо. Еще вчера я бы сам смеялся над такими вещами, а теперь понимаю, как это много значит — жить сегодня» (Андрей Н.)

Нравственные переживания, естественно, бывают разной степени

выраженности. Их можно узнать и в чувстве ответственности, и в чувстве полного присутствия в ситуации, и в переживаниях стыда и потерянности, и в переживаниях красоты или несовершенства мира... Они открывают человеку его сущность, которая равно принадлежит всем его проявлениям — физическим и духовным, материальным и идеальным, так как она его жизнь, обобщаемая и конкретизируемая им как концепция жизни. Открытие подлинных ценностей жизни, доступное здоровому развивающемуся человеку, приводит его к пониманию того, что они представляют собой возможности, а это значит, есть выбор, те внутренняя свобода, спокойствие и принятие жизни, которые делают человека бесстрашным перед лицом смерти.

Смерть как жизненное явление — одно из качеств жизни как предмета. Естественно, когда молодой человек начинает мыслить о жизни, он встречается с обликом смерти. Создание отношения к ней входит в решение жизненной задачи интериоризации — вращивания — морали. Надо сказать, что разные виды морали, естественно, несут разное отношение к смерти, к разным видам смерти. Я не буду останавливаться на этом подробно, это могло бы стать предметом специального исследования и, соответственно, учебного предмета, покажу только, что, например, криминальная мораль широко использует социальную смерть человека. Уничтожая его репутацию или угрожая уничтожением репутации, человека можно склонить к преступлению. Психологическую смерть человека эксплуатируют многие секты, превращая человека в зависимого, рабски покорного исполнителя воли руководителей секты.

В детской жизни каждого человека есть момент, когда он осознал, что смертен. Обычно это бывает около четырех-пяти лет. Несколько позже приходит мысль о том, что своей жизнью человек может распорядиться сам. В трудных ситуациях жизни эта мысль может возникнуть как единственно возможный выход из положения, она может даже реализоваться в самоубийство как предельное решение всех жизненных задач.

В юности отношение к смерти особое. Молодые люди еще не выделяют разных видов смерти, хотя чувствуют их присутствие как наличие пустоты в отношениях людей, как наличие пустоты в своих словах и действиях. Подобные замечания молодых людей встречались уже на цитированных страницах из дневников.

В большей степени осознаются, естественно, физическая смерть человека и его духовная смерть как отсутствие жизненных ценностей. Именно эти два вида смерти формируют отношение к ней как к свойству жизни. Читаем об этом в дневниках:

«...Мне снилось, что я умерла. Это не было страшно, наоборот, мне стало так легко, так светло. Я не хотела просыпаться, то, что я могла бы еще увидеть во сне, казалось более важным, чем дневные дела. Вообще, я люблю спать. Всегда жду от снов чего-то необыкновенного, и это приходит, как в этом сне про смерть...

...Когда я думаю о сестренке, я понимаю, что пока мы живы, жива и она, что мы, действительно, не потеряли друг друга, мы же так ее любили и любим. Она была лучшей среди нас.

...Сказали, что Л. умерла. Сказали просто, это было уже давно — месяц назад. Я как-то не могу это ощутить, мы же встречались недавно. Она шутила, что умрет легко, что ее никто здесь не любит, поэтому уходить будет просто... Я слышу еще ее голос... Мне стало страшно, если и о моей смерти скажут так спокойно, значит... Ничего это не значит, если родились, значит и умрем. Это закон.

...Когда я поняла, что я сама могу это сделать, я стала сильнее. Почему кто-то должен определять мою жизнь, я могу сама.

...Человека можно довести до самоубийства. Н. сделала это — такая хрупкая, нежная девочка. Я не знала ее близко, но она ушла от нас сама. Говорят, что из-за парня. Как-то нелепо все звучит.

...Снился Бог. Он во сне прошел мимо меня — величественный, как на иконе в деревне. Я знала, что увижу его, за ним был Храм, в Храме горели свечи, многие обгорели. Меня подняли, чтобы я их зажгла. Вокруг была темнота, я не видела людей, но понимала, что надо зажигать быстрее, чтобы свечи совсем не догорели. Наверное, это — вещий сон. Я должна что-то важное сделать, спасти, наверное, что-то. Даже во сне понимала, что где-то тут смерть прячется — в Храме было темно, только вверху свет. Вообще, я не думаю о ней. А сон был не страшный, наоборот, словно сил прибавилось. Ведь я зажгла свечи». (Мария А.)

«Меня во сне много раз вынимали из тела, я словно умирал и смотрел на все со стороны». (Андрей Н.)

«...Я могу уйти из жизни, но у меня то ли смелости не хватает, то ли ума хватает не делать это...» (Александр М.)

«...Спокойно восприняла мысль о своей смерти — я ее не боюсь... Я знаю, что могу победить смерть...» (Ирина В.)

Для развивающегося молодого человека принятие смерти как данности жизни, как одного из свойств жизни составляет одно из проявлений переживания автономности сознания, его относительной независимости от коллективного бессознательного. Острота этих переживаний является одним из источников индивидуального творчества молодого человека — изобразительное и литературное творчество становятся необходимостью. Я бы проинтерпретировала ее как необходимость материализации «Я» для самого себя. Творчество молодых людей (см. приложения) не предназначено для кого-то. Оно для себя. В творчестве человек получает переживания, принципиально отличные от переживаний смерти, переживания наличия в его психической реальности творящего, созидающего начала, являющегося антиподом смерти, разрушению, тлению. В творчестве — в любом его проявлении — молодой человек получает подтверждение силы своего «Я», способной противостоять смерти и одновременно способной как к самообновлению, так и к самоуничтожению.

Творчество молодых людей можно анализировать как проявление в нем архетипических образов (см. приложения). Эти же архетипические образы проявляются и в их сновидениях.

Напомню, что К. Юнг рассматривал архетипы как врожденные, вечные сюжеты, не заполненные определенным культурным содержанием. Одним из таких сюжетов он считал сюжет: Смерть — Воскрешение — Преображение. Он считал, что архетипические формы — фантазии — на самом деле воспроизводятся спонтанно всегда и везде, поражая своей однородностью не меньше, чем сходство видимых частей тела человека. Наполнение содержанием архетипических форм происходит в процессе индивидуальной жизни человека, когда его личный опыт переживаний осмысливается на языке этих форм. В молодости обостренное переживание присутствия в психике «Я» как самообосновывающегося образования приводит к актуализации всех архетипических форм, отражающих это его важнейшее качество — самообоснование, которое воплощается в концепции жизни и смерти, гарантирующих существование «Я» для самого себя.

Какое содержание этих концепций несет человек? Будет ли в них место жизни как целостности или она будет разделена на «дом — машину — мебель — путешествия — еду — развлечения и.п.»? Что примет человек как границу своего «Я»? Это не праздные вопросы исследователя-психолога, это вопросы о том, каким светом наполняться ваши дни, будут ли они вообще светлы или их будут затемнять зависть и ревность, злоба и вражда к жизни, к людям, к самому себе? На этой границе вашего «Я» будут рождаться новые качества его жизни, на этих границах возможно творчество. Где они проходят? Где рождается сознание «Я», позволяющее сделать тот шаг к единению с другими, который уже не будет слиянием, растворением, уподоблением, адаптацией, а будет творением своей жизни среди людей?

Это вопросы к вам. Вы знаете свой ответ. Я, как могла, старалась показать свой, используя для этого все, что представляет собой этот текст. Хочу еще процитировать К. Юнга:

«Когда же мы понимаем и чувствуем, что уже здесь, в этой жизни, заключена бесконечность, и желания, и помыслы наши меняются. В итоге в счет идет лишь то, что существенно, что мы воплотили, и если этого нет, жизнь прошла впустую. И в наших отношениях с другими людьми имеет значение все то же: содержат ли они в себе некую безграничность.

Но чувство безграничности может быть достигнуто лишь тогда, когда мы имеем границы вне себя. Наибольшим ограничением для человека является его Самость; она проявляет себя в ощущении: «Я есть то, а не это!» Только осознание себя — границ себя — соединяет нас с безграничностью бессознательного. И тогда мы узнаем в себе одновременно и вечность, и предельность, и нечто единственное, присущее только нам, но не другим. Зная себя как уникальное сочетание каких-то свойств, т.е. в конечном счете осознавая свою ограниченность, мы становимся способны осознавать бесконечность. И только так!» (37, с. 137)

Итак, через самообоснование себя «Я» получает возможность двигаться как к своим границам, так и к бесконечности. Этот факт психической жизни молодых людей может быть дополнен анализом переживаний комического, которые, как и все переживания молодых людей, имеют особое значение для самообоснования «Я». Мне близка мысль В.Я. Проппа (24), что смешное всегда связано с духовной сферой человеческой жизни. Только человек может смеяться, и только человеческое вызывает его смех. Такие исходные положения позволяют рассматривать смешливость молодых людей, их чувствительность к комическому как проявление сензитивности к человеческим отношениям, к себе как к человеку. Это — еще одна сторона освоения молодыми людьми жизни как целостного предмета собственного мышления.

Чтобы засмеяться, человеку надо суметь увидеть смешное или дать моральную оценку, которая вызовет смех. В.Я. Пропп говорит о том, что смех — это природное свойство человека, которое позволяет ему обнаружить в себе или в других людях скрытую, но вдруг обнаружившуюся неполноценность. Для того чтобы смех возник, нужно идеальное образование, которое не совпадает с его конкретным воплощением: форма не совпадает с содержанием. Но это несовпадение незначительное, оно только подтверждает необходимость соответствия формы и содержания, показывает целесообразность такого совпадения.

Мне эти идеи представляются продуктивными для понимания присущих молодым людям юмора и смешливости как естественного свойства, направленного на поиск форм, соответствующих качествам своего «Я», в смехе переживающих соответствие их или не соответствие этим качествам. Можно сказать, что, смеясь, юность примеряет границы своего «Я» как проявленность его качеств. Это относится к самым разным качествам своего «Я» или «Я» других людей — внешности, отдельным чертам лица или частям тела, к произвольным функциям тела. Смешными становятся повторяющиеся, доведенные до автоматизма проявления психической жизни человека, так как они перестают быть индивидуализированными.

Вызывает смех и преувеличенная индивидуальность другого человека, так как она воспринимается как странность, как ненормальность. Известно, что благодаря механизму проекции человек воспринимает норму только по отношению к себе, поэтому другое может вызвать чувство комического. Здесь кроется причина того, почему бывают смешны иностранцы, когда они выделяются своими манерами, речью — это воспринимается как нарушение нормы.

Чувство комического возникает как переживание несоответствия формы и содержания качеств человека. Оно возможно при сопоставлении форм поведения человека и животного или при отождествлении поведения человека и качеств вещи. В том и другом случае будет возможность еще раз сопоставить смысл и значение, форму и содержание — пережить необходимость их соответствия.

Исследователи смеха выделяют несколько его видов. Я думаю, что все они присутствуют в молодежном смехе, составляя его богатство как богатство потенциальных «Я» качеств: добрый смех, злой или циничный, жизнерадостный, обрядовый, разгульный, насмешливый.

Добрый смех — смех, фиксирующий наличие недостатка, с которым можно мириться и самому человеку, и окружающим.

Злой, циничный смех — человека заставляют страдать специально, а потом смеются над его беспомощностью в преодолении страдания. Граница злого и циничного смеха — в мере чувствительности к чужой беде или чужому недостатку. Злой смех — смех над мнимыми недостатками людей, мешающими им преодолеть свои страдания, а циничный — это смех над действительными несчастьями, с которыми человек не может справиться сам (смех над уродствами и болезнями, например).

Жизнерадостный смех — игра жизненных сил человека, проявление силы жизни «Я». Он не связан с выявлением недостатков, он — проявление гармонии формы и содержания жизни «Я».

Обрядовый смех — искусственный смех, смех по правилам. Смех с определенной целью — воздействия на качество жизни (рождение, смерть). Обрядовый смех сохранился в празднике первого апреля.

Разгульный смех — от радости физиологического функционирования, от радости тела.

Насмешливый смех — изобличение недостатков внутренней жизни человека, которые связаны с соблюдением моральных норм, осуществлением волевых побуждений и умственных операций.

Насмешливый смех наиболее часто встречается в жизни. Он стабильно связан с комизмом, так как комизм всегда есть там, где явно или неявно обнаруживаются недостатки того, что или кто способен вызвать смех. Это мнение В.Я. Проппа позволило ему сформулировать теорию комического, некоторые положения которой перекликаются с идеями А. Маслоу о существовании у здорового человека естественно-го чувства должностования как следования добру, истине и красоте.

Суть идей В.Я. Проппа состоит в том, что комическое связано с существованием особых противоречий. Эти противоречия находятся не в объекте смеха и не в человеке, а в отношениях между ними. В этих отношениях есть специфическая особенность, которая создает противоречие между тем, что кроется в смеющемся человеке, и тем, что ему противостоит и открывается в окружающем мире, в объекте смеха.

У человека есть представления о должном, о правильном как качестве жизни. В.Я. Пропп называет даже эти представления инстинктом должного и правильного. Это то, что в природе и в отношениях между людьми со здоровой человеческой натурой принимается именно так. Он замечает, что люди, не имеющие моральных убеждений, холодные и черствые люди, тупицы не могут смеяться. Такой инстинкт должного — первое условие возникновения смеха.

Вторым условием его возникновения надо считать возможность для человека наблюдения за тем, что в окружающем мире есть нечто противоречащее этому заложенному инстинкту должного, не соответствующее ему. Противоречие это — основа комизма и вызываемого им смеха.

Изучение смеха показывает, что переживание комического основывается на наличии недостатков духовного или морального порядка: эмоции, моральное состояние человека, чувства, воля, умственные операции. Все это вызывает переживания комического, если в их реальном проявлении наблюдается несоответствие должному. Недостатки физические рассматриваются либо как сигнал внутренних недостатков, либо как нарушение тех закономерностей в пропорциях, которые ощущаются людьми как целесообразные с точки зрения законов человеческой природы. Именно так возникает насмешливый смех.

Во многих случаях недостатки самоочевидны и не требуют особого изобличения. Очевидная ложь, очевидная глупость, несуразность суждений, мелкое плутовство — саморазоблачаются очевидностью. Но в большинстве случаев они требуют изобличения, и тогда необходимо особое искусство показать объект насмешки так, чтобы с его внешней стороны была видна его внутренняя несостоятельность или недостаточность. Здесь огромное поле для активности молодых людей, которые в силу своих жизненных задач озабочены поиском формы для проявляющихся качеств «Я». Они не только сами чувствительны к проявлению комического как несоответствия формы и содержания, но легко создают новые формы для внутренних качеств.

Смех появляется на основе бессознательного умозаключения от видимого к тому, что за этой видимостью скрывается. Это умозаключение может привести к выводу, что за видимой формой ничего нет — так обнаруживается наличие психологической смерти как наличие пустой формы без содержания. Смех наступает тогда, когда это переживание возникает внезапно как открытие, повседневное наблюдение за недостатками не вызывает таких переживаний.

Общую форму теории комического можно было бы сформулировать так: человек смеется тогда, когда в его сознании положительное представление о человеке заслоняется внезапно проявившимися внешне недостатками его внутреннего мира. Внутренний недостаток сам по себе тоже не смешон. Смех возникает тогда, когда внешний недостаток воспринимается как показатель внутренней недостаточности или пустоты.

В нормальном, здоровом человеке есть не только инстинкт должного как проявление его нравственности, но и чувство гармонии, соединяющее законы природы и целесообразность их. Если они нарушаются, то тоже возникает смех.

Если человек видит дисгармонию или внешнее безобразие, то он воспринимает это как показатель более глубоких и значимых недостатков. При последующем размышлении это может оказаться не так,

но когда человек смеется, он не рассуждает. Если позже он начнет рассуждать, то впечатление комического может исчезнуть, так как основывалось на обманчивом чувстве. О том, что чувства могут обмануть человека, мы уже говорили с вами раньше.

Смех не может продолжаться долго. Долго может длиться только улыбка. При насмешливом смехе человек невольно сравнивает себя с тем, над кем смеется. У себя он осмеиваемых недостатков не предполагает, что позволяет острее переживать свою индивидуальность и испытывать радость от ее проявления. Радость основывается и на чувстве должного, которое как нравственное чувство, позволяет человеку переживать изобличение и посрамление зла. В этом чувстве есть элемент злорадства как чувство торжествующей справедливости.

В жизнерадостном смехе отражается чувство радости как торжество сил жизни. Смеется победитель, испытывающий радость от ощущения своих сил в борьбе с жизненными препятствиями. Обычный смех здорового нормального человека — это знак торжества правды, того, что он считает правдой.

Смех всегда делает скрытое — явным. Содержание соотносится с формой. Если содержание не соответствует форме или его просто нет, то это — условие возникновения смеха. Благодаря смеху скрытый недостаток может стать видимым для всех, видимым и для самого человека, у которого этот недостаток обнаружен. Смех над собой — особая форма отношения человека к себе, которая возможна при наличии развитой «Я»-концепции и нравственных переживаний. Именно они создадут возможность сопоставления как реальной и должной «Я»-концепции человека и его нравственного чувства. Это и будет основа для появления смеха над собой.

Насмешливый смех вызван внезапным открытием недостатков, он кратковременен и не может продолжаться через волевое усилие человека. Но если человек целью своей жизни, например, в профессии, поставил реагирование на человеческие недостатки, то он обречен видеть их в жизни. Переживания человека, который попадает в такую ситуацию, например, становясь профессиональным комиком или писателем-юмористом, могут перерасти в их противоположность; чувство комического — в чувство трагического. Это закон существования чувств — то единство противоположностей, та дихотомичность, которая свойственна им по природе.

Смеясь, шутя, молодые люди открывают существование особой логики жизни, которая связана с природой человеческих переживаний. Это та логика, которая может быть названа логикой смысла, логикой ценностей. Она отличается от формальной причинно-следственной логики тем, что в ней присутствует тот момент долженствования, который выступает со всей очевидностью в комических ситуациях.

Именно наличие в жизни этого момента, структурирующего ее целостность, обеспечивающего саму данность психической жизни,

привело в свое время Д. Юма к формулировке знаменитого «принципа Юма». Суть дела в том, что человеческие оценки нельзя вывести из описаний. В дневниках молодые люди не раз встречались с этой проблемой, говоря о том, что «хорошее» и «плохое» — это только наше мнение о явлении.

Д. Юм первым в истории философии заметил это важное обстоятельство и сумел описать его.

«Я заметил, что в каждой этической теории, с которой мне до сих пор приходилось встречаться, автор в течение некоторого времени рассуждает обычным образом, устанавливает существование Бога или излагает свои наблюдения относительно дел человеческих; и вдруг я, к своему удивлению, нахожу, что вместо обычной связки, употребляемой в предложениях, а именно *есть* или *не есть*, не встречаю ни одного предложения, в котором не было бы в качестве связки *должно* и *не должно*. Подмена эта происходит незаметно, но тем не менее она в высшей степени важна. Раз это *должно* или *не должно* выражает некоторое новое отношение или утверждение, последнее следует принять во внимание и объяснить, и в то же время должно быть указано основание того, что кажется совсем непонятным, а именно того, каким образом это новое отношение может быть дедукцией из других, совершенно отличных от него... Я уверен, что этот незначительный акт внимания опроверг бы все обычные этические системы и показал бы нам, что различие порока и добродетели не основано исключительно на отношениях между объектами и не познается разумом» (36, с. 618)

Принцип Д. Юма не опровергнут и по сегодняшний день. Он, думается, не может быть опровергнут еще и потому, что в своей собственной логике человек встречает естественные и искусственные — знаковые — образования, которые выполняют разные функции в его психической реальности.

«Я» молодого человека в поисках содержания для самообоснования своей активности встречается с ними как с содержанием своих переживаний. Среди них есть особые по силе и значимости переживания — нравственные, — которые составляют аксиологическое основание жизни, иерархизируют все остальные переживания, можно сказать, лирическим языком; они тот свет, в котором человеку открывается его внутренний мир как микрокосмос, гармонично и целесообразно существующий. Сила этих переживаний необыкновенна — они породили идеи бессмертия, они проявляют в человеке тот творческий потенциал, который дает ему силы для творчества жизни.

Движение к ним в юности естественно как движение к бесконечности своего «Я». Поставить преграду в этом движении, значит ограничить свое «Я» той нормой, которую задали другие. Тогда жизненная задача будет решена с ошибкой. Вместо переживаний силы «Я» и его возможностей будет переживание зависимости и ограниченности «Я». Думать никому не запрещено...

Человек – это...

— *Кто-кто в теремочке живет?*

— *Я — мышка-норушка, а ты кто?*

(Русская народная сказка «Теремок».)

Это будет глава о том, как молодые люди выстраивают концепцию человека, как они находят в ней место для «Я»-концепции и концепции другого человека, как они переживают необходимость таких образований в своей психике. Это будет глава о жизненной задаче, одним из итогов решения которой будет умение видеть человека таким, какой он есть, умение жить с людьми. При этом одним из людей будет сам молодой человек. А другие люди — это не мифические фигуры из коллективного бессознательного, а его близкие — родители, друзья, знакомые и незнакомые люди.

Эта задача не является случайной, она вызвана необходимостью определения молодым человеком своего места среди людей, того места, где будет разворачиваться в пространстве и во времени его жизнь. Люди — необходимая составляющая этого пространства; люди — это историческое время его жизни; люди — это настоящее время... Проблемы бытовой психологии — умение понимать жизнь людей и жить с ними — становятся актуальными настолько, что можно говорить об их приоритете над многими другими.

Многие проблемы, которые решают молодые люди как личные проблемы отношений с другими людьми, являются возрастными особенностями, и их можно легко узнать во многих исторических текстах. Я воспользуюсь опять текстом М.Рубинштейна (29), чтобы показать преемственность возрастных переживаний молодых людей. Он писал о том, что юность обнаруживает огромную чувствительность к социальным разделениям и взаимоотношениям отдельных группировок, это их захватывает с огромной силой и вызывает много чувств. Частью они принимают свое социальное окружение, частью — отвергают и воспринимают оппозиционно, но равнодушие бывает редко.

Как бы оппозиционно не было настроено юношество, оно проявляет большой и специфический интерес к людям, который проникнут верой в человека, окрашен любовью к людям и сопровождается большими личными и общечеловеческими надеждами.

Об этом пишут и наши современники — авторы дневников:

«День прошел неплохо. Удалось не раздражаться, радоваться ра-

боте, сохранять бодрость. Были мысли самости и осуждения — за что сразу получала болевые ощущения. Люди — дети, не ведающие, что творят. Люди — несбывшиеся Боги. Но еще могут сбывться. И я хочу обращаться к этим Богам, в них и на этой основе строить все отношения. И мама — Бог. Бог, которому очень трудно здесь. Нельзя ничего навязать. Видишь несовершенство, но оставаться собой, излучая добро, — единственный способ сделать что-то лучше...

...Странные дни. Вышло из глубин все, что можно, чтобы не дать сделать шага к самоотречению. Будто все окружило, и внутри меня мысль: «Ты — смертная! Смертная! Смертная! Ты дитя Земли!» И затягивает, затягивает. Не дает вырваться цепкая глина. Прости, мир. Прости, Учитель. Прости за мысли о себе. Я выдержу и этот бой. Мне вновь и вновь говорят, как надо жить. Говорят самые близкие люди. Мне страшно их огорчить. Стать юродивой в их глазах — значит принести им боль. Но я их бужу. Потому что отрекшемся от себя все люди одинаково близки. И земная любовь не привяжет меня к Земле, но выход не в отречении. Надо выводить отношения на новый уровень. Мне опять хочется всего сразу...

Я вырву ноги из глины и займу место в лодке. Мне ничего не нужно, кроме счастья служить миру. Ничего! Я вновь и вновь от всего отрекаюсь. А это все бежит и бежит за мной. Учитель, помоги не оглянуться.

Бедные, бедные люди!

Как гномы в темных и сырых пещерах стерегут свое призрачное сокровище. Как страшные чудовища — слизняки, боящиеся света и другой жизни, стремящиеся сожрать проходящих из Дня. И ко мне потянулись скользкие, цепкие лапы. Но не съедите. Потому что вам не удержать луч. Господи, помоги стать лучом. Хотя бы маленьким лучом в мире мрака. Избави меня от лукавого и не введи во искушение. Господи! Помоги не забыть свет твой. Потому что иначе не чем светить». (Ирина В.)

«Так и хочется сказать всем людям: «Вы же не стая, вы же другое, почему так много похожего и плохого берете друг от друга? Опомнитесь!» И в стихах часто пишу о том, что не надо стаей. Было где-то чувство, что надо это людям. Почему я знаю, что им надо?»

Стая птиц — безликость лиц... Сама-то что из себя представляю, чтобы так писать? Но пишется. Такая жалость бывает ко всем людям, что они сами себе жизнь портят...

...Я понимаю, что от меня мало что зависит в мире, но что-то зависит. Это что-то я должна делать хорошо, потому что если никто не будет думать о том, что делает, то получим ужас. Мне кажется, что его и так слишком много вокруг. Почему люди не стремятся к добру? Ведь легче жить по добру и правде». (Мария А.)

«Как же, оказывается, бывает трудно. Трудно видеть людей такими, какие они есть. Раньше я идеализировала и ждала от них больше, чем они могут. И теперь жду. И так хочу помочь хоть немножечко. Хоть малень-

кий шажочек. А они считают, что я не туда иду. Хотят остановить, привязать. Но я уже вижу веревки. А они нет. Они болеют, мучаются, страдают. И так цепко держатся за свои пути. И почему — то, что кто-то может летать, доставляет им горе. Почему? Ведь даже птиц только держат в клетке. Ну и что, что она доставляет удовольствие. Она нужна? Но разве может забота о ней составлять всю жизнь? Я сейчас та птица, которая сумела открыть клетку, но делает вид, что все как прежде. А хозяева заметили ее уверенность. Испугались, караулят, убеждают, что лететь некуда, что крылья не выдержат, что они без нее пропадут... Бегают, нервничают. А она хочет только одного, чтобы они открыли клетку свою и тоже полетели. И ждет. А они потихоньку дергают из нее перья. А она ждет — может сделают себе крылья. А они жгут, думая, что делают как лучше. Я боюсь, что улечу, пока есть на чем. Улечу отсюда, где выкормили и вырастили, чтобы вернуться огромным орлом, посадить их на спину и показать им небо. Неужели и тогда не захочется летать? А они будут только перед пустой клеткой? Может, я даже им не буду нужна? Может, видят они меня лишь мелким воробышком. И это я думаю, что вернусь, а они прощаются навсегда. Очень трудно не понимать друг друга. Ведь я их так люблю. Не так, как им надо? Но по-другому я уже не умею. Я люблю вас и так хочу, чтобы всем было хорошо. Но это мое «хорошо» для вас почему-то плохо. Я не умею притворяться. Мне сейчас очень больно. Но я не хлопну дверью. Но и в клетке не останусь. Простите. Господи, помоги сохранить любовь мою. Помоги не жить лишь во имя себя. Помоги помогать людям. Помоги, когда помощь встречает препятствия...» (Ирина В.)

«Для человечества...» (Сергей С.)

«Какое вообще людям до меня дело? Это у меня к ним дело, это я о них думаю, как обжигает иногда, если увидишь, что человек с собой или с другими сделал... Должен быть разговор с каждым человеком о жизни, люди сами не всегда о ней думают. Мне уже кажется, что они не умеют об этом думать...» (Александр М.)

«Самое страшное в людях — ложь и предательство». (Владимир К.)

Что за этими строчками дневников? За ними особые переживания своей принадлежности к людям, то чувство единения и несоответствия людям, которое осознается в концепции человека. Молодые люди становятся критичны к окружающим и одновременно испытывают острую любовь и жалость ко всем людям. Из этого переживания рождаются высокие жизненные цели, в этом переживании открывается связь с другими людьми, которая не возникает естественно, а представляет собой результат и процесс «Я»-усилий.

Это открытие — открытие зависимости отношений с людьми от собственных «Я»-усилий молодого человека — воплощается в освоение средств и способов построения человеческих отношений. Для этого нужна интеллектуальная работа по осознанию переживаний своих и других людей. Итогом этой работы становится определение

дистанции по отношению к людям. Она возможна потому, что в понятии «человек» молодые люди обобщают проявление в другом человеке не только отношения к себе, но и его индивидуальные качества. Индивидуальные качества другого человека воспринимаются как конкретное проявление человеческих качеств вообще.

Чувство общности с другими людьми и современной независимости от них можно проследить в рисунках молодых людей, изображавших «Я» и «Мы» (см. приложения). Они позволяют увидеть и степень абстрактности — конкретности в понимании молодыми людьми человеческой общности.

Мне представляется интересным классифицировать эти рисунки так: объединяющие одинаковые объекты (1; 2; 4; 5; 6; 7; 12; 17; 19) показывающие разнообразие внутри единства (8; 13; 14; 15; 16) содержащие единый символ без деления его на единицы (3; 9; 10; 11; 18; 20).

Принцип построения образа «Мы» показывает способ обобщения, который использует молодой человек в своей концепции человека. Как можно наблюдать и как показывают рисунки, способов обобщения в основном три.

Первый тип — обобщение по внешнему признаку (люди — одинаковые объекты) — это скорее объединение, где важен тип связи, а не объекты, между которыми устанавливается связь. Как бы не важно, какие люди, а важно, чем они могут быть объединены.

Второй тип обобщения — это сравнение разнообразного и выделение в разнообразном сходства. Здесь важно, что человек обладает каким-то своим качеством, и в то же время у него есть общее с другими людьми. Понятно, что это уже усложняет интеллектуальную процедуру построения концепции человека, она будет содержать больше составляющих.

Третий тип обобщения — это попытка выделить существенное свойство для всех людей и обозначить его в знаке. Знаки — даже то их разнообразие, что вы можете видеть в тексте, — отражают переживание человеком сущностных свойств других людей. Можно рассматривать их аксиологическое содержание. Думаю, что вы сможете это сделать сами и выделить те свойства людей, которые авторы символов считают наиболее ценными в обобщении «Мы». Симпатичная хрюшка и знак вопроса — это разные ценности; кристалл и восклицательный знак — тоже о разном. В принципе, мы все умеем читать символы. Попробуйте сделать это сами.

Я продолжу разговор об отношениях молодых людей с теми, кто их окружает. Выработка концепции человека неизбежно связана с выделением отношений как особой реальности психической жизни, не только своей, но и жизни другого человека. В сознании и переживаниях молодого человека начинают складываться представления о качестве отношений как особом содержании человеческой жизни.

В дневниках об этом можно прочитать следующее:

«Она меня мало интересовала, но я слушала ее — это было надо ей, она тоже не понимала меня и не слушала, только себя слушала. Говорила, говорила.

...Странная А. спрашивает у меня, какие ее качества мне не нравятся, что она должна в себе исправить. Я же не могу ей это сказать — мне одно не нравится, другому — другое, что она и будет для всех «исправляться»? Мне не хочется с ней об этом общаться, хочется держаться от нее подальше. Я не могу так общаться» (Мария А.)

«Спокойствие при них было с настороженностью...

...Хочу научиться прилагать к людям беспредельную мерку...

...Я был спокоен, но по разговору почувствовал, что он хочет быть хозяином ситуации» (Сергей С.)

«Мне так не хватает умения вести себя с незнакомыми людьми...

...Хочу, чтобы меня слушали...» (Андрей Н.)

«Понимаю, что мне помогают и не осуждают меня за мои отрицательные проявления. Осуждения людей, а закон гласит не суди или тем же судом судим будешь. Мне предоставляется выход из замкнутого круга. Не приковывай себя к земле осуждением других». (Сергей С.)

Возможность анализа отношений между людьми появляется благодаря тому, что молодой человек получает переживания силы своего «Я», которые могут воплотиться в организацию его жизни в пространстве и во времени. Идентификация с собой, самообоснование «Я» — это процессы, которые способствуют обозначению своей психической реальности как существующей в ее границах. Она начинает восприниматься как особая семиотическая система, не тождественная другим. Одновременно это и изменяющийся процесс восприятия других людей, который замечается не только самим молодым человеком, но и наблюдателем.

Суть изменения в том, что наметившееся в подростковом возрасте отдаление от взрослых (близких, в первую очередь) сменяется индивидуализированным отношением к ним. Обижающийся и раздражающийся «глупостью родителей» молодой человек постепенно превращается в любящего и понимающего сына или дочь. Это чувствуют обе стороны — родители и дети, переживая изменения в отношениях, которые не всегда удается контролировать. Это замечено давно, и проблему отцов и детей обсуждают разные люди и с разным чувством. Мне хочется сказать о том, что молодой человек, стремясь установить отношения с человечеством, становится на время близоруким и не видит, что человечество находится рядом с ним. На фоне возрастающей собственной силы сила других людей недооценивается, и те жизненные достижения собственных родителей, своей семьи, которые составляют основу жизни молодого человека, воспринимаются как помеха в поисках жизненного простора.

Но жизненная задача понимания природы человеческих отношений не заставляет себя долго ждать. Она возникает, естественно, как прояв-

ление качеств «Я» в усложняющейся структуре психической реальности. Напомню вам, что качество «Родитель», по мнению многих последователей Э.Берна, входит в структуру личности. Оно должно проявиться, оно возникает как и любое качество «Я», только тогда, когда содержание соответствующих переживаний обретает свою форму.

Можно сказать, что становление качеств «Я» в юношеском возрасте помогает человеку стать «Родителем» самому себе. Когда речь шла о возможности самообоснования «Я», о том, что и как человек выбирает в качестве самообоснования, Эго-качества «Родителя» потенциально были гарантией самообоснования, так как они уже существовали в виде поведения реальных родителей. У молодого человека всегда есть возможность быть таким, как его родители, или не быть таким, как они. Труднее найти уникальное, свое проявление качеств «Я». Однако возможность поиска, как я уже сказала, гарантия поиска в том, что присутствие родителей позволяет его начать.

Судя по фактам жизни и по тому, что пишут молодые люди в дневниках, можно выделить несколько важных для понимания природы человеческих отношений обобщений, которые делают молодые люди. Их можно рассматривать как уровни построения отношений с родителями в юношеском возрасте. Картина получается такая:

Уровень первый — мои родители не идеальны. Отдаление, критика.

Уровень второй — мои родители тоже люди. Попытка сближения с обязательным сохранением дистанции.

Уровень третий — мои родители это мои близкие люди. Сближение, стремление к сотрудничеству.

Уровень четвертый — мои родители и я — одна семья. Близость. Помощь. Сотрудничество.

В дневнике Ирины В. вы прочитали ее слова о маме, как о Боге. Это было выражением тех чувств, которые с разной степенью интенсивности переживают все молодые люди, когда осознают, что их родители — люди. Увидеть проявление в близком человеке его сущности — это значит обладать переживаниями, показывающими наличие этой сущности как в другом человеке, так и в самом себе. Это значит переживать необходимость новых отношений, проявляющих в видимых, реальных формах наличие такой сущности.

Позже придет выделение разных качеств «Я» в своих родителях, но они будут восприниматься в свете пережитой общности со всеми людьми и с родителями как с людьми. Тогда и появиться возможность выразить это, так, как, например, сделала в своем дневнике Мария А.:

«Я много думаю о маме, почти никогда не думаю так об отце. Мама такая маленькая, а жизнь ей досталась такая трудная. Она все делает то, что должна, а ей ведь хочется сделать и что-то другое. У нее есть мечты о другой жизни, были такие мечты, но все складывается так, как есть. Она такой чувствительный человек — ей так не хватает

радости и спокойствия души. Она защищает нас всех от зла, а мы так мало для нее делаем. Мы чувствуем друг друга на расстоянии, она меня спасла. Я живу, но я знаю, что живу потому что она есть. Она — главный человек для меня среди всех людей».

Движение к родителям, возможность новых отношений создается у молодых людей противоречивыми переживаниями своей общности и относительной независимости от других людей.

Андрей Н. пишет:

«Сейчас 12.00. Внутри немного устал. И как-то хочется побыть самому, потому что еле держусь, чтобы быть спокойным. Но есть то, что не надо думать о себе. (Господи, Владыка, дай мне понять родителей). Вот остался один. Немного полегче. Только недавно ушли гости. При них мне было тяжело, а под конец стало грустно. При гостях вел себя немного естественно, но немного играл при вопросах. Не хочу открываться. С мамой и папой вел себя хорошо. Но держался настороже — внутрь не пускал. Целый день разговаривали о разном. Хотя я ничего такого не делал, внутри чувство ритма есть. Встреча когда произошла, я был без эмоций. Я сам удивился. Но еще чувствую, я еще буду иметь серьезный разговор. Бабушку встретил хорошо. Но все-таки тепла достаточно я не проявил ко всем. (Мира и Добра, Любви и Радости им.)».

На другой странице он же пишет:

«...В автобусе было вначале какое-то недоумение, но потом я кое-что увидел. Люди постоянно вспоминали прошлое, а настоящее они не понимали. Мама сказала, что это в каждом транспорте. Жить там очень тяжело. Простился с родными. Прощаясь с бабушкой я видел, что она хотела бы что-то подарить, но у нее абсолютно ничего нет. И это была одна из причин ее слез. Были родные, сидели, разговаривали. Собирали вещи. У меня была маленькая напряженная ситуация. Я просто маме сказал, что мне не надо так много напаковывать. А она считала это за обиду. Начала придумывать уловки. На которую я попался, но во время исправил. Она сбила с меня напряжение между мамой и мною».

Двигаясь каждый своим путем, молодые люди приходят к открытию, что отношения с другим человеком можно строить. От реагирования на отношения они переходят к сознательному их построению. Кроме эмоций в отношениях начинает присутствовать разум. Тот разум, который позволяет видеть в родителях структуру их Эго-состояний, видеть, что родители тоже обладают Эго-качествами, которые позволяют им проказничать и хихикать, играть и манипулировать, рассуждать и резонерствовать, быть ответственными и легкомысленными. Тогда отношения становятся другими. Какими? Я уже пыталась их определить: в структуре «Я» молодого человека определяется его «Родитель» как его собственное Эго-состояние, а в жизни его появляются родители как люди со своим «Я».

Молодые люди, которые обнаружили в себе проявившееся состо-

яние «Я» как состояние «Родитель» во внутреннем диалоге начинают обращать внимание на свои положительные качества, стремятся позитивно организовывать свою внутреннюю активность, проявляют заботу о своем здоровье и режиме. Они, можно сказать, готовы стать не только физическими родителями своих детей, но у них уже потенциально есть готовность к реализации этих качеств «Я» и по отношению к другим людям. Они могут дифференцировать качества «Дитя» в своем «Я» и качества «Родитель». Это проявляется прежде всего в том, что они начинают контролировать течение своей психической жизни. «Родитель» проявляет заботу о жизни и здоровье «Дитя», он же прощает ошибки и помогает удержать идеальный образ «Я» в будущем, помогает сохранить будущее как осуществление «Я»-усилий.

Итак, в отношениях с родителями молодые люди конкретизируют те качества своего «Я», то содержание концепции другого человека, которое они освоили на уровне абстрактного мышления о жизни и людях. Отношения с родителями, которые развиваются в юности, оказывают существенное влияние на качества «Я», которые создают его Эго-состояние «Родитель».

Состояние «Взрослого», которое также входит как одна из составляющих в структуру «Я»-состояний человека, тоже является производным от отношений, в которые вступают молодые люди. Реалистичность, направленность на выживание отличают это качество «Я».

«Взрослый» — это ориентация в конкретных отношениях людей, это та деловая сторона жизни, которая требует рационализма, знаний и умений. Об этом молодые люди, наши современники, пишут, когда описывают свои отношения на работе. Они все учатся и работают.

«Сегодня урок удался лучше». (Ирина В.)

«Я не могу делать, не понимая, что я делаю» (Мария А.)

«Мне удалось договориться» (Владимир О.)

«Я мог фиксировать то, что происходит» (Андрей Н.)

«Я знал, как надо сказать» (Сергей С.)

Деловые отношения — это не только умение что-то делать, это общение с людьми, общение с собой по поводу работы. Это проявление в себе тех качеств «Я», которые подчеркивают его зависимость от конкретных обстоятельств (надо торговать, надо рекламировать, надо убеждать и т.п.) и одновременно проявление в этих обстоятельствах цельности своего внутреннего мира, стремления быть собой. Такие отношения надо уметь строить. На страницах дневников много раз встречается в разных формах выраженное желание научиться деловым отношениям. Они, естественно, отличаются от отношений с родителями; отличаются они и от отношения с самим собой. Они требуют понимания другого человека — чужого человека — в конкретных обстоятельствах.

Сегодня существует огромное количество литературы, посвященной различным аспектам деловых отношений. Выбирайте ту, которая соот-

ветствует вашим обстоятельствам. Хочу только сказать, что, вступая в деловые отношения, надо очень четко уяснить себе свои цели, осознать свои возможности (сильные и слабые их стороны), пытаться заранее определять наилучшую стратегию поведения, управлять ситуацией общения, используя для этого физические, эмоциональные и социальные факторы. Знание факторов, оказывающих влияние на общение, — это знание «Взрослого» «Я»-состояния. Я назову их, при желании вы сможете познакомиться с ними в соответствующей литературе.

Физические факторы общения: движение, одежда, территория (своя, чужая или нейтральная), контакт взглядами, половые различия, реквизит (предметы обстановки).

Эмоциональные факторы общения: соотношение «могу— делаю», выбор контакта, воздействие на обстановку.

Социальные факторы: лексика, жаргон, использование имен (эрудиция, широта социально значимых контактов), цитирование (точное знание предмета).

«Взрослый» как качество «Я» переживается молодым человеком как обретение уверенности в деле. «Взрослый» проявляется и в ситуациях, которые из стрессовых превращаются в будничные, потому что «Взрослый» умеет себя вести, знает правила ситуации и ее свойства воздействия на себя. Проявление этого качества молодые люди описывают как изменение своего отношения к экзаменам — неизбежному атрибуту студенческой жизни.

«Я даже не почувствовала, что экзамен. Я была готова, я знаю, как мне надо собираться, чтобы отвечать» (Мария А.)

«Как я себя чувствовал, встретившись с группой (заочное обучение. — А.Г.)? Я изменился, я уже не тот, что был на осенней сессии. Было чувство достоинства...

...Мне хочется спокойно все знать» (Андрей Н.)

Состояние «Взрослого» проявляется не при исправлении ошибок, а при принятии решений, когда взвешиваются все вероятности действия. Качество решений, естественно, будет зависеть от информированности о ситуации и о собственном состоянии, т.е. об особенностях своего «Родителя» и «Дитя» как определяющих целостное внутреннее состояние при принятии решения. Совершив ошибку в принятии решения, «Взрослый» учится на этой ошибке, анализируя ее, не прибегая при этом к мистическим способам анализа, стремясь к предельной реалистичности, не разрушая и не искажая своей собственной целостности.

Таким образом, в природе человеческих отношений можно наблюдать проявление разных качеств «Я». Так как сами отношения людей предполагают разделение в пространстве и во времени того, к чему относятся, и того, кто относится, они, естественно, одновременно предъявляют требования к фиксации целостности предметов отношений. Другими словами, если предметы не будут иметь выра-

женной границы, то ни о каких отношениях не может идти и речи. Только в том случае, если предметы обозначены и существуют автономно, они могут существовать и в отношениях друг к другу. Если «Я» молодого человека приобретает черты автономности и самостоятельности, если для его существования ему достаточно его «Я»-усилий, то он способен на установление отношений, на создание отношений как организацию жизни с другими людьми.

Качественные новообразования в его психической реальности, которые связаны с проявлением «Родителя» и «Взрослого» как осознанных состояний «Я», являются своеобразной гарантией его целостности как целостности границ при организации отношений с другими людьми. Надо сказать, что эти качества у молодых людей проявляются в общении со взрослыми людьми, может быть, поэтому молодые так чувствительны к тем, кто видит в них эти качества и культивирует их в отношениях. Однако у молодого человека постоянно напряженным остается состояние «Я», которое Э.Берн называл «Дитя». Молодому человеку для решения всех его жизненных задач необходимо чувство выраженности в нем этого состояния как проявление его сущности.

Отношение к самому себе как самоотношение зависит от понимания молодыми людьми природы отношений, от осознания самого факта наличия отношения. Можно сказать, что самоотношение возможно потому, что проявляется благодаря в первую очередь интеллектуальному развитию, возможности посмотреть на себя со стороны. Это та трансцендентальная позиция, в которой человек может увидеть и пережить наличие у себя не только отдельных свойств психической реальности, но и ее как особой целостности, как особого предмета, к которому можно проявить отношение «Я». Эта способность, естественно, не возникает только в юности. Предпосылки ее существовали и в детстве как условно-динамическая позиция, типичная для игры в кого-то (маму, папу, доктора и т.п.). В юности она приобретает то особое качество, которое позволяет говорить о ней как о трансцендентальной, так как в осуществлении ее человек использует предельные категории мышления: смысл, «Я», отношение, жизнь и т.п.

Из дневника Ирины В.:

«Сегодня убедилась в том, как я далека от самой себя. Поочередно изложила одну ситуацию с трех совершенно различных точек зрения. И во всех случаях было искренней. А затем заметила и задумалась: как я считаю на самом деле? Где мое мнение? И нашла не сразу. И не сразу это поверила. И как часто я не ишу, а думаю, что нашла? Мысли, образы — однодневки. А чтобы были прочными — должны иметь почву во мне. А ее надо искать. Не так-то просто найти в этом мире себя. Но необходимо. Я все еще выдумываю себя. Я все еще леплю песочные замки и пытаюсь спрятаться в них от невзгоды. Надо расти (иначе не будет ни цветов, ни плодов). А растем, переживая страдание. Значит, надо идти им навстречу. Надо жить. Надо стать хозяином своей жизни. А иначе зачем...?»

Мыслящий человек способен на самоотношение. Это — аксиома дальнейшего рассуждения. Продолжить его позволят факты, с которыми вы можете познакомиться, обратившись к Приложению, где опубликованы рисунки молодых людей, символизирующие их «Я». Их можно разделить на две группы (для удобства описания): реалистические рисунки, где изображен так или иначе человек (1; 4; 8; 16), и символические рисунки, где используются различные знаки и символы материального мира (2; 3; 5; 6; 7; 9-15; 17-23).

Вы легко можете заметить, что преобладают изображения, которые можно назвать абстрактными. Человека как существо на них увидеть нельзя. Каждый из знаков — та или иная форма обобщения, обобщения своего «Я» по наиболее выраженному в момент изображения качеству, задающему целостность «Я». Возможность использования знаков разного уровня обобщения — это и есть проявление трансцендентальной позиции молодого человека.

Самоотношение в юношеском возрасте как построение отношений с самим собой — одна из составляющих жизненной задачи, связанной с познанием природы человеческих отношений. Авторы дневников не раз говорили о себе, что они становятся другими. Это не только слова — это настоящее отношение к себе, когда оно становится осознанным, т.е. когда человек может воспринимать себя как целостность, как уникальность, обладающую относительно законченной формой, т.е. имеющей границы для воздействия других людей, но не имеющей границ для самовоздействия. Когда такое отношение появляется, молодой человек приобретает удивительные черты внешнего облика. За долгие годы работы со студентами я не переставала удивляться этому буквально чудесному превращению: из неопределенности и бесформенности фигуры юноши или девушки возникала та совершенная форма — осанка, походка, жесты, — которую хотелось назвать одухотворенной. Это бывает возможным, если произошло, может быть, главное событие в жизни молодого человека — он нашел свое «Я» как себе принадлежащее, он может с ним вступать в отношения. Он становится сам для себя миром, той своей планетой, о которой писал Антуан де Сент-Экзюпери в «Маленьком принце».

Приходится только с сожалением констатировать, что это бывает не со всеми.

Андрей Н. пишет в дневнике:

«Сейчас мне очень хорошо. Это произошло из-за понятия слова «надо». Что такое надо. Сейчас, когда у меня такое состояние, его нет. Нет слова «надо». Делай то, что хочется. На что интуиция? Зачем чувства, ощущения? Прямо что-то стало внутри хорошо. Не хочется его отпускать. Хочется получше его зафиксировать. Сейчас такая легкость. Нет проблем. Нет ничего, кроме жизни. Иди по жизни, и все придет. Все получится. Так как я не один. Снова родилось чувство радости жизни. За последний месяц я себя вижу как надутый пу-

зырь. Что-то надо, что-то ищущ, что-то доказываю себе. Там, где нет радости, легкости, там нет пути. В этом состоянии легко помочь и другим. Просто сейчас такая свобода, что хочется быть с нею. Я вновь ощутил силы. Но даже не так я сказал. Где радость, там и силы. Радость жизни, радость стремления туда, в непознанное, в служение, в путь помощи близким, дает эту силу. Да среда влияет, но когда человек сильный, что может повлиять на него.

Так пусть же будет Радость... «

Из дневника Марии А.:

«Я понимаю, что люди могут ко мне относиться по-разному, но почему я должна под них подстраиваться... Мне словно не хватало какого-то знания о себе, как будто не разрешала себе жить. Сейчас я так не чувствую, я знаю, что могу говорить с любым человеком, что я не боюсь показаться глупой (что-то все не знают). Мне стало просто после того, как я смогла объяснить людям, что случилось, и знакомые люди меня поняли и помогли мне. Я стала существовать сама для себя. (Ну и фразы у меня получаются)».

Из дневника Ирины В.:

«Главная победа — я к себе относилась доброжелательней. Оказывается, мы можем принимать мир лишь настолько, насколько принимаем себя.

В нас есть все. И не тогда я перестану реагировать на что-то в человеке, когда вычищу это из себя, а когда приму. Все в себе приму. Все во мне есть. И плохое, и хорошее. А ведь нет, ни плохого, ни хорошего. Это мы вешаем ярлыки, а там внутри это во что-то сливается. Я еще не могу объяснить. И не смогу. Потому что объяснение через сравнение. Сознание разделяет, а это глубже.

И еще придут в моей жизни перемены. Что-то совсем новое. Хорошее или плохое? Да ведь и в жизни нет ни хорошего, ни плохого. На все воля Его.

Странные во мне сейчас процессы. Я решила, что все надо принять. И оказалось, что это начало пути. Пути к самопознанию, к самообладанию, постижению мира. Начать этот путь — значит принять. Не отвергать, возмущаясь, не выдирать с корнем, не заптывать, не искоренять. А принять. Просто принять. Просто?..»

Знание о себе не может быть окончательным. Как и любое знание, если стремиться к его получению, оно обладает бесконечностью. Психологи много размышляют над тем, какое знание о себе является главным, базовым для здорового человека. Часто этот вопрос необходимо решить для того, чтобы эффективно помочь человеку справиться с начинающимися психическими расстройствами. Помните, я пыталась сказать, что в юности у молодых людей обостряется предрасположенность к заболеваниям психики. Знание о себе, отношение к себе, возможность построить отношение к себе — этим пронизана современная

психотерапия, стремящаяся помочь больному человеку. Здоровый человек в поисках такого знания тоже может воспользоваться психологией как наукой. Психолог-консультант может помочь вам получить это знание как индивидуализированное психологическое знание о вас. Естественно, что такое знание человек получает из общения с другими людьми, но в большей степени это знание — результат его собственных интеллектуальных усилий по самоанализу, в котором человек реализует... собственную концепцию жизни и собственную же концепцию человека, одновременно формируя их.

Из дневника Марии А.:

«Я хорошо запомнила из детства ситуацию, когда от моих слов могли зависеть отношения людей. Я понимала, что могла сказать правду и могла наврать. Мне надо было выбирать, меня как обожгло, что я могу сказать неправильно и мне поверят. До сих пор осталось это чувство — не хочу быть судьей людям, я сама не знаю по-настоящему, что такое правда. Может быть, еще узнаю, но не сейчас...

Когда мне нужно что-то говорить о других людях, я всегда это проверяю на правдивость, на то, как человек может использовать с пользой для себя то, что ему говорят. Вообще, лучше людям говорить только то, что они понимают сами в себе или новое, но хорошее, тогда они расти будут...»

Когда молодой человек может реализовать самоотношение, он не только становится собственником своего внутреннего мира, он приобретает место и в мире людей, так как уже может быть независим от них. Это чувство своего места в мире как наличие своего мира, организованного, оберегаемого, ценного можно увидеть в рисунках, которые есть в Приложении («Это мой мир»).

Вы можете увидеть, что миры молодых людей строятся на разных основаниях, разные предметы определяют их чувство своего места в мире. Это и космос (1; 10), и природа (9), и предстоящая Олимпиада (3), и собственное сердце, наполненное предметами чувств (13), и конкретный образ знания — книга (2), и мечты (14), и реальность (7; 12), и абстракции (4; 5; 6; 8; 11). Можно рассуждать об их ценности как проявлении ценности жизни вообще, можно анализировать их как проявление абстрактного мышления, можно анализировать проявленность качеств «Я» в каждом знаке... Я не буду этого делать. Важно то, что подобное задание не вызывает сопротивления, «мой мир» существует для молодых людей как качество их жизни.

«Мой мир» — это гарантия того, что отношение к нему будет восприниматься как качество, отличное от качества самого мира. Тогда можно реагировать на отношение, оставляя неприкосновенным свой мир. В семьях хорошо известен симптом закрытой двери в комнату молодого человека. Если этого не позволяют условия жизни, то это выглядит как поиски своей территории, буквально, своего места в

доме ли, в квартире ли... Можно продолжить — в пространстве жизни, в том числе и психической жизни.

Это юность. Это попытка решить жизненную задачу о природе человеческих отношений через экстерииоризацию самой задачи, т.е. через внешнюю демонстрацию ее актуальности. Думаю, что это можно было бы сформулировать так: «Я уже есть не только для вас, но и для себя, мне нужно пространство и время, чтобы быть с собой». Это тот поиск своего места, который сопровождается построением своего мира, где найдут конкретное воплощение все переживания молодого человека.

Конкретизация переживаний по отношению к людям, к себе, к предметам обнаруживается во всем — в уборке квартиры, в соблюдении правил гигиены тела, в выборе предметов чувств, в осознании предельных категорий человеческой жизни. Примером этого могут быть рисунки молодых людей на тему «Символы счастья». Вы с ними также можете познакомиться в Приложении.

Предельная категория находит свое воплощение в разных знаках: предельно конкретных — ящик пива (8) или обобщенных (3; 17); она принимает человеческий облик (5; 13; 14; 15;) и облик зверя (2); она в вечном символе креста (10) и смерти (11)... Важно то, что она может найти свое конкретное воплощение. Это тот необходимый путь, который проходит человек, устанавливая отношения с другими: путь от выделения закономерностей в отношениях к их конкретизации в слове, жесте, движении, в той организации своей психической жизни, где будет место другому человеку, где есть место своему «Я», где отношения — это то качество жизни, которое позволяет людям зафиксировать факт существования уникальности каждого из них. Знание этого равносильно принятию ответственности за себя, за то место, которое в мире будет принадлежать только вам. Оно приходит как следствие размышления над жизнью. Остается еще раз напомнить, что думать самостоятельно никому не запрещено.

Тот внутренний ребенок, который есть в состоянии «Я» как «Дитя», нуждается в юношеском возрасте в особых переживаниях, которые связаны с освоением других качеств «Я», отличных от спонтанности «Дитя» и требующих осознанности и самоконтроля. (Я уже говорила о «Родителе» и «Взрослом» как качествах «Я»). «Дитя» нуждается в подтверждении своей значимости, ценности как естественное свойство «Я». Это дает молодому человеку общение с приятелями и друзьями.

Можно сказать, что в отношениях с этими людьми молодой человек удерживает свою спонтанность, защищая ее от необходимости стать опосредованной знаками. Сохранение естественности, непосредственности, детскости в отношениях с людьми, приобретение новой формы для проявления содержания этих качеств в отношениях между людьми и в самоотношении — это путь развивающегося человека к установлению отношений со всеми качествами своего «Я».

Приятель — это люди, с которыми вместе проводят досуг. Досуг — еда, развлечения, походы в гости — объединяет приятелей, он позволяет им использовать различные качества «Я» друг друга и при этом не устанавливать отношений близости. Можно сказать о приятеле, что он интересен мне как... или он нужен мне как... Вот эта возможность частичного использования в отношениях любых свойств другого человека и делает их приятельскими. Приятелю не важна (как и вам в нем) ваша целостность и уникальность, он может довольствоваться тем, что вы — хороший пловец или замечательно умеете разговаривать с девочками... Вы можете пользоваться его умением решать задачи или... Но приятели делают важное дело — они могут использовать проявление качеств «Дитя» в вашем «Я» и не будут в претензии, если это будет проявлено «чересчур», как могли бы расценить ситуацию родители или настоящие взрослые. В этом — своего рода психологическая безопасность для проявления в приятельских отношениях любых состояний «Я». Приятельские отношения ограничиваются временем и пространством, они не предполагают заботу о целостности «Я» другого человека, заботу о его жизни, о его месте в жизни. Можно сказать, что приятели приходят и уходят из жизни «Я», оставляя «Я» возможность сохранения различных его качеств, относительно независимых друг от друга, объединенных в целостность «Я» его же усилиями.

Друзья — это особые люди в жизни молодого человека. Это о них писал М.М. Рубинштейн (29, с. 215-216): «... неудержимое устремление к дружбе вполне понятно. Огромный поток новых мыслей, чувств рвется наружу, но он вместе с тем большей частью носит личный характер, и юность не решается вынести его на глаза случайных или неблизких людей, опасаясь, что интимное, дорогое, все эти проклятые вопросы, сомнения и колебания юности, как и ее частые моральные соскальзывания и погрешности и крайности, станут предметом пересудов и холодной взрослой оценки, или же будет на все это наложен штамп «обыкновенной истории». И вот юность ищет «понимания» — термин, которым она пользуется в очень широкой степени. Она редко задумывается над тем, представляет ли она собой такую загадочную натуру, чтобы нужно было особое понимание; для нее совершенно ясно наличие такого содержания, потому что она берет не только объективное содержание в своих переживаниях, но и свое субъективное самоощущение и ответственный характер созревания и ставит его в центр. Как раз последнее не поддается простой передаче и описанию, и юность нередко правильно сетует на непонимание. В итоге вырастет потребность найти такого же юного человека не только для понимания в рассудочном логическом смысле, но больше всего для совместного переживания, для сопереживания, для «сочувствия»...

Так вырастает на общей социальной подпочве явление дружбы. Юность жаждет дружбы и ценит ее едва ли не больше, чем любовь, и она ищет на всех путях удовлетворения этой своей потребности, принимая случайные и иногда поверхностные сближения за великое яв-

ление, которое именуется этим словом. Часто юность дает в области заключения тесной дружбы самые диковинные в обычном смысле сочетания, когда друзья сочетаются в пару по признаку крайнего несходства с внешней, а иногда и с внутренней стороны. Такие сочетания тем более возможны, что в дружбе, как и в любви, большую, может быть, даже коренную роль играет не сходство, а, наоборот, различие, такое, которое создает у двух индивидов возможность взаимно дополнять друг друга, меж тем при сходстве люди легко оказываются в положении, когда «коса находит на камень». Таким образом в дружбе юности не редкость встретить тесный союз сильного со слабым — такой союз, про который в жизни иногда говорят в несколько резкой форме: «связался черт с младенцем»...

...В жизни нередко встречаются самые экстравагантные формы доказательства дружбы...

Дружба в юности является великим рычагом, способным сделать то, что окажется не под силу никаким другим мерам и путям. Особенно фанатичными и глубокими в этом отношении могут быть переживания мальчиков. Мы напомним, что истинная дружба, кому посчастливилось в жизни найти ее, — а это действительно великое счастье, — большей частью возникала именно в юности. Взрослые люди труднее сходятся, меньше раскрывают себя, им труднее найти общий язык чувства, уже нет того доверия к людям и жизни, и при том проходит жизнь и увлечение полов друг другом...»

Продолжим разговор о том, что друг, в отличие от всех других людей, это тот человек, который строит свои отношения с вами, с вашим «Я» так, что целью этих отношений является вы как уникальный целостный мир, способный к развитию, как тот мир, который надо оберегать в его неповторимых качествах. Друг — это тот человек, который делит с вами не конкретное пространство и ограниченное время события, а идет с вами по жизни. О нем можно сказать, что он есть всегда, даже если физически не присутствует сейчас. Он есть как одна из форм обоснования уникальности вашей жизни. Дружба кончается, когда кто-то из друзей перестает видеть в другом свою цель, а использует своего друга как средство. Помните, категорический императив И.Канта (13). Мудрейший человек сумел сформулировать то, что переживается как воздействие другого человека.

Когда вас используют как средство и вы это знаете — вы в приятельских отношениях и сами можете относиться к другому человеку аналогично. Но если отношения начинались как дружеские, когда вы были целью и для вас другой человек в его уникальности был целью, а потом произошло изменение... Трагизм ситуации предательства друга, такой частый литературный сюжет, что иногда думаешь о его неизбежной жизненной распространенности...

В юности еще только предстоит встретиться с другом или друзьями и оценить всю сложность этих отношений — отношений с чужи-

ми людьми, которые будут заботиться (?) о сохранении вашего «Я», а вы будете заботиться о их «Я». Говорят, что счастливы те люди, которые находят лучших друзей в лице своих родителей. Такое бывает, но довольно редко. Быть родителем взрослого ребенка, который сам имеет «Родителя» как состояние своего «Я», и при этом быть ему другом... Такое возможно, если родитель (родители) сохранили в себе и «Дитя», и «Взрослого», которые не растворились в многолетнем родительском труде. Психологи называют это еще собственной жизнью «Я» или автономностью, или способностью передавать ответственность за свою жизнь подрастающим детям... Суть одна — взрослые имеют шанс стать друзьями своих выросших детей, если они сохранили (имеют) свой уникальный мир, с которым их детям надо устанавливать отношения, а не просто пребывать в нем как в атмосфере...

Я попыталась сказать то, что Э.Берн описывал как взаимодействие принимающих друг друга людей. Само понятие «принятие другого человека» или понимание настолько неопределенно, что его трудно формулировать. Думаю, что я воспользуюсь детским определением друга, которое мне кажется близким по смыслу к тому, что хотят сказать взрослые, используя слова «принятие» и «понимание». Ребенок сказал так: «Друг — это, когда вместе интересно и не страшно».

Можно говорить о том, что дружба дает и требует. Дает чувство самого себя — ту полноту переживания своей уникальности, которая позволяет «Я» ощутить основание самого себя. Дружба требует полноты проявления своей уникальности, без этого не может быть и подобного переживания у другого человека. Дружба требует быть собой. Как писали молодые люди в дневниках — не играть в себя, а быть собой.

Поиск друга — это и задача анализа отношений, которые предлагают вам люди и на которые вы способны сами. Это работа «Взрослого» состояния «Я», способного оценить отношение, потому что знает критерии оценки.

Предательство друга молодые люди чаще всего называют самым большим злом.

Друг и доверие, друг и вера в человека вообще — эти явления находятся рядом. Выбор друга — конкретизация представления о человеке, о себе и другом как людях, это обоснование существования своей индивидуальности для других. Можно сказать, это — экстериоризация своей концепции жизни в реальных отношениях с реальным человеком, воплощение идеи жизни в реальные, бытовые отношения.

Вступая в дружеские отношения, люди создают друг другу ситуацию сохранения и развития всех качеств «Я» в бесконечном разнообразии их проявления. Это возможно, в частности, потому, что нет ориентации на проявление какого-то одного или группы качеств как другого человека, так и самого себя. Нет ранжированных ценностей в другом человеке — он важен как уникальная целостность.

Не каждому человеку в жизни выпадает опыт дружбы, но в юности каждый стремится к этому опыту как к поиску собственной целостности. Это и заставляет исследователей юности говорить о том, что влияние чужих людей — друзей — может быть значимее влияния семьи — отца и матери. Для сильной природы, для сильного «Я» дружеские отношения становятся широким полем деятельности по созданию и проявлению новых качеств своего «Я» и «Я» друга.

Поиск друга приводит к созданию группировок, где молодые люди получают возможность реализации качеств своих «Я», которые не находят места для проявления в отношениях с другими людьми в других обстоятельствах. Прежде всего это потребность в одобрении других людей (в принятии), которая заставляет молодых «курлесить», чтобы их существование могли увидеть другие. Необходимость в восприятии самого себя как уникального существа толкает молодых людей на самопожертвование и альтруизм, которые сопровождаются ожиданием признания их действий со стороны других людей. «Я» во всей полноте его качеств в юности обладает огромным потенциалом для демонстрации своей возрастающей силы. Проба сил при нормальном развитии молодого человека осуществляется в настоящей, не искусственной среде. Именно там, среди чужих людей, он обретает умение строить отношения, основываясь на переживании своего «Я» как основания для этого.

Я уже отмечала, что все авторы дневников, которые я цитирую, работают и живут вне семьи. Они только приезжают домой, навещают своих родителей или принимают их у себя. Эти молодые люди уже имеют опыт построения деловых отношений, где их не просто принимают, а соответствующим образом к ним относятся. Они должны также иметь свое отношение, а не ждать от других признания собственных качеств. Этот опыт они привносят и в организацию своих отношений. Можно сказать, что они уже имеют тот бесценный социальный опыт, который позволяет им ориентироваться в отношениях дружбы со сверстниками. Это проявляется, в частности, в том, что они могут сохранять свое «Я» от прямого воздействия, могут ему противостоять, не разрушая свою уникальность и свою целостность. Помните, в дневниках было написано: «отказался от выпивки»; «не стал осуждать»; «не стала критиковать и злиться»... Преодолели, сохранили для дружбы и любви свое целостное «Я» в себе, не растратили силы на отношения ситуативной зависимости... Они пытались делать другое — понимать, выражать себя, пытались строить отношения... Это уже шаг к решению жизненной задачи понимания природы человеческих отношений... Делать его самостоятельно так же непросто, как непросто научиться самому ходить, но возможно.

Итак, дружеские отношения в юношеском возрасте — это путь открытия в другом человеке и в самом себе уникальности, это принятие (добровольное и искреннее) ответственности за сохранение этой

уникальности. Готовность к таким отношениям можно, думаю, описать как готовность быть «Дитя» самому себе, как готовность к естественному творчеству своей жизни, к проявлению своих жизненных сил в отношениях с людьми, которая персонифицируется, приобретает конкретное выражение в лице друга.

Ошибка в выборе друга, когда тот совершает предательство, может очень дорого стоить тому, кого предали. Это может быть цена несостоявшейся жизни «Я», которое через предательство друга лишилось такого основания жизни как веры в людей. Вера в людей, вера в себя, уверенность в жизни, уверенность в себе, оптимизм, человеколюбие — эти качества «Я» цементируют дружбу и эти же качества «Я» обесцениваются, когда друг предает.

Нравственные переживания, которые связаны с дружескими отношениями, очень сильны. Как любые нравственные переживания, они существенно влияют на структуру психической реальности человека, на самообоснование им активности «Я», непосредственно соприкасаясь с его границами.

Дружба молодых людей — это вариант интимных отношений, когда творчество жизни каждого «Я» становится содержанием близости. Понимание и переживание этих отношений в юности — путь к мудрости, путь к глубинному постижению своего мира и мира людей.

Есть и другой путь глубинного постижения человеческих отношений — это любовь. Я не буду писать о том, что ее надо ждать, что она, как всякое чувство, должна возникнуть, что ее нельзя создать искусственно, так как это проявление природного, естественного свойства «Я» человека. Современному молодому человеку нет смысла говорить о том, что любовь и секс — это разное и о разном. Как отличаются душа и тело, так отличаются любовь и секс, как могут соединяться душа и тело, так могут соединяться любовь и секс.

Быть молодым — это значит быть влюбленным, нет, еще не любить, но быть влюбленным, т.е. идеализировать, восхищаться, видеть как целостность другого человека. Видеть так потому, что есть уже переживание собственной целостности и уникальности. Оно еще требует выражения, требует формы, но ее создание идет во взрослеющем, зреющем теле и во взрослеющей, созревающей психической реальности, где сила «Я» обретает различные, соответствующие ее качествам, формы переживаний.

О любви написано все, что написано людьми, даже если они писали о железобетонных конструкциях или о строении крыла стрекозы. Именно она движет светила. Поэтому мне не остается ничего другого, как представить свое видение любви, что мне подарила моя жизнь среди людей.

Влюбленность как ожидание любви — это естественное переживание юности. Любовью как чувством окрашен весь мир, в котором живут

люди, можно сказать, что именно им он и создан, поэтому юность — это только время приобщения еще к одной форме любви.

Как всякое человеческое чувство любовь двойственна по своей природе, и от нее до ненависти — один шаг. Этот шаг и делают люди, когда любовь уходит. Поэтому точнее было бы сказать, что мир людей создан их любовью и ненавистью.

Как всякое чувство, любовь вызывается в человеке предметом. (Этот же предмет может вызвать и обратное чувство.)

Предметов любви, как видов любви, — множество:

любовь к Богу

любовь к Родине

любовь к матери, отцу, брату, сестре

любовь к себе

любовь к женщине

любовь к мужчине

любовь к ребенку

любовь к природе

любовь к искусству

любовь к истине

любовь к науке

любовь к морю

любовь к лошадям и т.п.

Употребляя эти слова, мы понимаем, что речь идет об отношениях, одинаковых только по названию, но разных по своим проявлениям, действиям, которые будет совершать человек, проявляя отношение. Тогда и появляется необходимость уточнения, например, это — «истинная любовь к лошадям» или «лошади — его страсть» и т.п. Слово «истинная» чаще всего употребляется для уточнения содержания отношений; оно необходимо для того, чтобы уточнить те действия, которые человек может совершить в отношении предмета своей любви. Так, истинная любовь к матери не предполагает... Вы сами можете продолжить это предложение. Истинная любовь к науке предполагает... И вы тоже знаете сами, что она может предполагать.

Получается, что любовь как отношение обладает некоторой универсальной характеристикой, проявляющейся во множестве конкретных форм. Мне думается, что это можно сформулировать так: при любовных отношениях предмет любви воспринимается как уникальный, единственный, неповторимый, обладающий свойствами, которых нет и просто не может быть у других. Ни о каких интеллектуальных операциях сравнения, анализа и обобщения не может быть и речи. Отношение возникает как видение, где целое присутствует раньше его частей, а части не могут составить целого, так как целостность предмета чувства — не его временные и пространственные характеристики, а целостность переживания этого предмета.

Переживание — это не акт мышления и не акт ощущения. Переживание — это акт жизни во всей ее полноте; способность к переживаниям — это способность к осуществлению жизни, своей жизни. Это то чувство силы жизни, которое создает готовность любить, и та сила жизни, которая вырастает, возрастает в человеке, когда он любит.

В принципе можно говорить, что существует столько видов любви, сколько есть форм осуществления жизни, но это уже будет не только о человеке. Если ограничиться рассмотрением только человеческой любви, то ее видов будет столько, сколько есть форм человеческой жизни. Не буду повторяться, что человек, физически живой, может попасть в ситуацию не-жизни.

Формы человеческой жизни, создающие, задающие своей целостностью возможность целостного видения Другого, складываются в молодые годы. Освоение своей формы жизни происходит в юности. Так, юность готовится к любви как к проявлению существующей у нее целостной формы собственной жизни, которая будет порождать и другие целостные формы.

Мудрые люди, долгие годы изучавшие человека, практически работающие с человеческими чувствами, пишут о существовании зрелой и незрелой любви, подчеркивая этим различие в способах построения целостности предмета любви. Так, у Э.Фромма можно прочесть: «Зрелая любовь следует принципу: «Я любим, потому что я люблю». Незрелая любовь говорит: «Я люблю тебя, потому что я нуждаюсь в тебе». Зрелая любовь говорит: «Я нуждаюсь в тебе, потому что я люблю тебя» (35, с. 26).

Можно попробовать описать это различие как проявление способов построения целостного предмета — ДРУГОГО ЧЕЛОВЕКА, МИРА ДРУГОГО ЧЕЛОВЕКА. Незрелая любовь — это проекция себя на другого, это видение в другом того, что стало содержанием своих переживаний по поводу существования своего «Я». Зрелая любовь находит в предмете любви именно этот предмет, обосновывая его существование им самим. Такая возможность есть, потому что человек сам имеет переживания, связанные с самообоснованием. Он видит это в другом человеке и переживает их как проявление уникальности, завершенности, целостности другого человека.

Эта целостность объекта зрелой любви находит свое отражение в признании за ним свободы. Зрелой любви чужда претензия иметь другого человека как собственность, она не стремится занять собой его мир, она признает его целостность и своим существованием поддерживает и сохраняет эту целостность. Способность к такому видению другого человека, как проявление зрелости любви, естественно развивается из любви к миру, к людям, к себе, которые для способного любить человека требуют того же отношения, что и любимый человек. Это — отношение, направленное на выявление, поддержание и сохранение в Другом его уникальности, отношение, которое возможно благодаря «Я»-усилиям любящего человека, направленным на объект любви.

Мне кажется, что Э.Фромм, как никто другой, описал динамику человеческой любви к другому человеку — ее путь от незрелости к зрелости. Это тот путь, который проходят юные люди: от влюбленности — к любви.

Влюбленность как способность пристального видения, как способность выделять уникальные качества в Другом (человеке, идее, предмете, явлении) возможна у того юного человека, который уже переживает присутствие своего «Я» как целостности, как становящегося основания и обоснования его активности. Влюбленность позволяет выделять в Другом его своеобразие, заботиться о сохранении этого своеобразия как ценного качества объекта влюбленности. Влюбленность молодых людей (во что угодно) сопровождается напряжением силы их «Я», так как требуются усилия по сохранению как собственных границ «Я», так и границ — целостности — Другого.

Вся культура, в которой живут молодые люди, пропитана разными формами любви, что естественно, так как она дает все формы жизни. Как бы ни отождествлялись любовь и секс, любой нормально развивающийся молодой человек, еще не любя, ждет этого чувства как чего-то большого, заполняющего всю жизнь совместным делом, общими интересами, отношениями верности, самопожертвования, товарищества, дружбы.

Исследователи юношеской любви отмечают, что заслуживает внимания факт, который наблюдается только в юности, — стремление избегать общества объекта любви. Молодой человек может довольствоваться своими переживаниями, раскрывая этим главный их смысл. Можно утверждать, что смысл юной любви в выявлении себя и своих внутренних сил. Это подтверждается многими фактами юной любви, такими, как: проявление чувства к близкому (любовь к кузену или кузине) или, наоборот, к дальнему (кумиры из всех областей жизни); стремление к уходу в себя со своими переживаниями, создание воображаемого объекта любви.

М.М. Рубинштейн пишет: «Этому нисколько не мешает то, что одновременно разлука и отдаление как будто причиняют боль и страдание: юность очень часто — это встречается и у взрослых — умеет из страдания почерпнуть наслаждение, почувствовать в себе много пережившего и, следовательно, углубленного человека. Кто не знает, что в грусти и особенно в жалости к самому себе есть своя большая утешающая сила, — она тем более доступна юности по всей ее структуре, что ключ жизни даже под таким давлением бьет достаточно сильно, чтобы орошать даже боль радостью. Это, так сказать, сладкое страдание.

...Переживания юности в этой сфере требуют бережного отношения и уважения с тем большим правом, что юная любовь в ее неиспорченной форме... представляет большой и положительный фактор; она, когда ее не раздевают и не оголяют, является в существе своем не половым устремлением, а на почве сублимации, главным образом мечтой о расцвете своей личности, о раскрытии ее творческих и дей-

ственных возможностей, о совместном делании жизни... Можно с уверенностью сказать, что только вмешательство взрослых, прямое или косвенное, или тяжелая неудача создает из этих переживаний преграду к развитию и созреванию...» (29, с. 113-114).

Это прозвучал голос человека, который на каждой странице своей работы пишет о бережном отношении к переживаниям молодых, юных людей, о сохранении в них того гармонического отношения к жизни, которое только и возможно как любовь к ней во всех формах, в том числе и в форме себя и в форме другого конкретного человека.

Прошли годы, и о любви современного человека пишутся другие слова. Цитирую Э.Фромма: «Объективное наблюдение за нашей западной жизнью не вызывает сомнения, что любовь — братская любовь, материнская любовь и эротическая любовь, это относительно редкое явление, и их место занято неким количеством разных форм псевдолюбви, которые на деле являются многочисленными формами разложения любви...

В «любви» отыскивается, наконец, спасение от одиночества. Создается союз двоих против мира, и этот эгоизм вдвоем ошибочно принимается за любовь и близость...

Любовь не является результатом адекватного сексуального удовлетворения, сексуальное счастье — даже знание так называемой сексуальной техники — это результат любви...Если человек с сексуальными торможениями сможет избавиться от страха или ненависти и обретет способность любить, исчезнут и ее или его сексуальные проблемы. Если нет, не поможет и знание сексуальной техники...

Любовь возможна, только если два человека связаны друг с другом центрами существования, а значит каждый из них воспринимает себя из глубины своего существования. Только в таком «центральном переживании» состоит человеческая реальность, только здесь жизненность, только здесь основа любви. Любовь так переживаемая, это постоянный риск, это состояние не отдыха, а движения, роста, работы сообща; наличие гармонии или конфликта, радости или печали является вторичным по отношению к основному факту, что два человека чувствуют полноту своего существования, в единстве друг с другом каждый из них обретает себя, а не теряет. Есть только одно доказательство наличия любви: глубина отношений, жизненность и сила каждого из любящих: это плод, по которому узнается любовь...» (35, с.50 — 62)

К любви, как к любому проявлению жизни, взрослый и юный человек выстраивают отношение. Любовь — это и непосредственные переживания человеком жизни другого человека и его идеи любви и его опыт любовных отношений с миром.

Можно не любить любовь и бояться ее, можно не любить жизнь и бояться ее... Вариантов человеческих жизней и не-жизней множество. Я пытаюсь говорить о развивающейся жизни «Я» молодых людей, о том пути к себе, который проходит человек, решая свои жиз-

ненные задачи. Любовь становится тем всеобъемлющим чувством, отношение к которому не менее важно, чем отношение к предмету любви. С любовью надо учиться жить, как надо учиться жить своей жизнью. Это важнейшее открытие юности.

Ирина В. пишет в своих дневниках:

«Мне впервые очень не хочется, чтобы это кто-либо прочитал. Хотя, что за секрет? Эти секреты все одинаковы. Так почему же мы прячемся? Почему я именно об этом не хочу писать? Я люблю. Но... Я не могу сказать об этом открыто. Почему? Разве в этом есть что-то стыдное?

— Ты уверена, что это то самое?

— Да.

— И что больше чем...?

— Да.

— И что это не страх одиночества?

— Да.

— Что и в горе, и в радости, навсегда?

— Да.

— Почему? Почему именно он Единственный, а не один из...? Может, это просто ответная реакция? Может, это просто привычка? Или чувство вины? Страсть? Увлеченность? Мимолетное, преходящее? Ведь так хочется в 21 год сказать это самое «люблю», почувствовать себя нужной, опереться на чью-то сильную руку. Может, в этом дело, а все остальное сказка, оправдание?

...Просто, просто теперь это чувство можно только убить. Да и можно ли? Замучить, затоптать, задавить. И все время бояться, что оно прорастет, что именно он будет стоять на пороге. Что он будет сниться по ночам. И не он, я, я буду бегать за ним, забыв обо всем на свете. Я просто не смогу забыть его. А еще... Еще меня никогда не обманывали мои стихи.

Но я не скажу. Ничего не скажу вслух. Ты тоже должен дойти до этой дверцы, и тебе осталось сделать только шаг. Сделай же! Это ты должен сам. И не ахи, вздохи, а непоколебимая уверенность, и во имя Его в путь, до конца, вместе. В строю нам выпало идти рядом.

Прости меня за то, что я все понимаю и молчу. Мы еще не на одной волне. Но остался последний шаг. Что будет дальше? Работа. Работа. Работа.

И в этот день? Да. Я живу. Я живу сегодня. Я живу...

...Опять накатывает боль, жалость к себе, неуверенность, оставленность, одиночество... Жизнь творит? Сложное это творчество. А почему: чем сильнее боль, тем выше радость? Как они уживаются?

Я старалась. Я перестала сопротивляться чувству, отпустила себя.

И оказалось, что это Любовь. И еще оказалось, что нечего бояться. Потому что Она выше всех страхов. Но осталась неуверенность. Не могу поверить, довериться до конца. Почему? Боюсь обязать? Навязаться? Оказывается, дарить не просто. Ничего. Жизнь все покажет. Если сложно творить одному, то вдвоем — еще сложнее. Или проще? Проще будет не сразу. Я знаю. И за болью — радость. Только бы выдержать, выстоять. Я не его боялась. Я боялась силы своего чувства. Знала, что будет, если отпустить. Ураган. Но... Можно думать, что ты спокоен, а на самом деле ты не знаешь себя, прячешься. А настоящее спокойствие куется жизненными бурями. Спокойствие силы. Я выдержу. Только бы глаза не подвели. На все Воля Его. Я выдержу. Опять Я? Вот когда я научусь думать «мы» — все образуется.

Опять словно себя потеряла. Нет, просто потерялась в том новом, что нашла в себе. Переосмысление мамы. Нелегкое. Я всю жизнь придумывала друзей и видела мир так, как хотела видеть. Станный способ преодолевать внутреннее одиночество. И не преодолела. Только построила призрачный картонный мирок, а теперь испуганно держусь за него. И мама — часть этого мирка, придуманного мною. Она другая. И не хорошо это, не плохо. Другая. И я не могу мыслить о ней в категориях вечности. А заставляю себя. Зачем? Именно, во многом из-за нее я не была собой. Я не виню. Может, так надо. Но не сейчас. Я не похожа на героиню ее сценария. Странно, от этой мысли одиночество не нарастает, а становится меньше...

— День рождения С. Пошла позвонить, поздравила, а голос его в трубке совсем чужой. Что же мы все время опасаемся друг друга, словно боимся удара. Что это за стена стоит все время между нами?

Затем разговаривала с В. Что же это судьба нас сводит? Словно братья-близнецы. Такое внутреннее взаимопонимание! И в словах и без слов. и все равно, кто с нами рядом. И пропадает чувство одиночества. И не надо подстраиваться: не тянуться на цыпочках, не опускаться вниз. Вот это и есть чувство братской любви. И связывает что-то намного сильнее, чем кровь. Абсолютно чистое чувство. Нет ревности к О., а он помогает мне с С. И я принимаю его таким, какой есть. Не могу не обвинять, не осуждать. И он меня принимает. Я с ним бываю собой. Я знаю это. Хотела бы я быть с ним в жизни вместе? Нет. Это целостность, завершенность, успокоенность. Это все равно, что сам с собой. Не о чем разговаривать, нечего преодолевать, не к чему стремиться... Просто сидеть у окна? Мне достаточно знать, что он где-то есть. И не так важно где. В чем смысл этой встречи? В О. В его пробуждении. Обезболивающее от непосильного одиночества для меня. Внутреннее духовное родство уже было создано. Эти встречи — подарок, праздник, но не будни жизни. Это то, что уже есть.

Он говорил о маленьком домике с камином, а я вижу этот дом. Вижу нас. Одежду, обстановку, все, кроме лиц. Ощущение покоя. Словно спектакль. Это уже было.

Сложно расставаться с этим покоем завершенности и идти в жизнь. Сложно их сравнивать. А зачем? Ведь я знаю — кто моя жизнь и мое будущее. Он пришел, а я не могу ему ничего сказать. Словно опять передо мною не он, словно кого-то еще ждала я сегодня. А становится тем, кого ждала — теряюсь я. И долго это будет продолжаться? Так и не поговорили. Ушел, а мне опять захотелось бегать, двигаться. Захотелось стать другой, легкой, женственной. А иначе не постичь мне его мужественности. Захотелось быть красивой. Побежала на рынок, купила блузку. Нарядилась и пошла в гости. Как славно у Н.М. Теряюсь, стесняюсь... Но хорошо...

Приехала, и совсем другой мир. То же вечеринка. Как я одновременно живу в столь разных мирах. Но мир общаги перестал меня угнетать, раздражать. И это жизнь. И я это знаю, но меня тянет мир другой и другие взаимоотношения. И я хочу нести тот мир в себе этому потерянному и несчастному. Но иначе, как в себе, не донесешь...

...Я все больше устремляюсь в будущее, все больше любви к миру способна вместить, все больше начинаю жить этим новым миром. Уже не только слова и размышление. Уже стремление быть им.

И еще началось осознание женского начала в себе. Его величие, его миссия, его сущности. Только теперь уходит подростковый период, и я становлюсь чем-то определенным — Женщиной. Только теперь. И словно весь мир помогает мне в этом: благословляющие руки Матери Мира, глаза Учителя, С...Я становлюсь женщиной, и огромен смысл этого. И огромна задача.

В общении с мамой часто теряю внутреннюю свободу. Срабатывает то ли мой стереотип, то ли наш общий стереотип общения. Но это не я. Это игра. Но я уже становлюсь самостоятельнее. Я уже преодолеваю многое. Вот как хорошо съездить домой — сразу видно, как много во мне неотработанного: грубость, пустословие, нетерпение, эгоизм...

...С., а с тобою рядом одиноко. В тебе перелом. Я уже пережила его и теперь встречаю тебя нового. Я верю в тебя. Именно таким ты мне и нужен. Сегодня мы впервые были собою друг с другом. И ты, и я. И так будет (затем все сбилось на игру, но она мешает). Нам легче идти и расти вместе. Это радость. Это опора. Это вдохновение. Да будет так.

...Я так давно уже не живу, а сомневаюсь. Нужно ли мне это? Вчера была пауза в сознании. А сегодня он пришел, и нет сомнений. Хотя вновь пришел чужой и потерянный. И я опять не думаю о себе. Что будет дальше — жизнь покажет, а пока мы нужны друг другу. Сейчас необходимы. Мы можем быть собой только друг с другом. Он помог

в этом мне. Я теперь ему. Иногда мне кажется, что я его шанс, что во многом я рождена для него. Я принимаю его таким, какой он есть. Нет ни нетерпения, ни раздражения. Я понимаю, что все зависит от него. Но я буду верить, ждать и помогать. Зачем мне это надо? Просто я могу жизнь за него отдать. Не задумываясь. Просто больше всего на свете мне надо, чтобы он стал собой. Не для меня. Даже если будет суждено расстаться. Как-то все это становится очень просто, и проходит боль. Рядом с ним проходит. А малейшее сомнение физически непереносимо. Найди себя, солнышко. Обязательно найди. Для мира. Это твой выбор. А я могу быть и временна. Я уже поняла, что приходится выступать в роли олицетворения новой жизни. Но ты выбираешь не меня, а свое будущее. Я верю, что ты справишься. А будущее будет, если я его почувствую. Я не умею себе лгать. Я реагирую на внешнее. И сильно. Но оно не имеет надо мной власти.

Я живу. И ты сейчас моя жизнь. И на коне это не объедешь. Иногда мне кажется, что в том, что с тобой происходит, я когда-то давно была виновата. словно когда-то ты обидел меня. И я виновата тем, что обиделась. Я твой шанс, а ты мой. Я прощаю до доньшка, а ты помогаешь преодолеть боль. Много тут неизбежности, и я уже не прошла мимо.

...Стала независимей. Уже не жду сию минуту от всех братских отношений. Уже не считаю, что все люди уже готовы к общинным отношениям. Сама только готовлюсь. Периодами (такими) в общезитии бывает очень нелегко. Потому что это «обще» совсем не обще. Я разучилась жить в их мире. А нести в себе свой не так просто. И разговаривать не хочется, и хорошо мне, когда одна. Но и раздражения нет. словно фильм смотрю. Но очень уж длинный сериал — утомительно.

Тяготит нерешенный вопрос. Впускаю в себя сомнения. Зачем? Жить надо просто, по голосу сердца. Это мой путь, моя сегодняшняя жизнь, и сердце это знает. А все говорят: посмотри, какой он? И к тебе он не испытывает того, что ты ждешь. А что я жду? Какой он? А я какая? Он — мои сегодняшние встречи, значит, я рождена и для него. Я хочу любить, я хочу дарить. Опять рассчитывать и обдумывать? Зачем? Я хочу жить. Зависеть от человека? Но это жизнь. В жизни нельзя лететь «над». Жизнь надо жить. Или не надо? Не буду решать. Я хочу помочь. Мне надоело спать и порхать....

Вечером разговаривали с О. И ничего я не хочу, кроме света и радости, ясности внутри. Дарить свет и радость. Пока как умею. Чтобы научиться еще лучше.

Я тебе подарю чистоту небес.
Я тебе подарю белизну снегов.
И весенний тебе подарю я лес.
И родник, под окном тишину шагов.

Я тебе подарю радость зорь и дней.
Я тебе подарю теплоту дождей
И один подарю я из тех огней,
Что в сердцах расцветают у всех людей.
Подарю тебе свободу морей
И зажгу в пути для тебя свечу.
Только ты приходи, забери скорей
Все дары, что тебе подарить хочу.

И чувство, что эта боль дала возможность справиться со стихией, в какой-то мере овладеть огнем. И уже не ожоги, не пожар. Уже явное пламя, устремленное вверх....

...Не влезай в чужую личную жизнь. Спасибо за напоминание. Моя беда, что я не признаю, что может быть жизнь чужая и тем более личная. Существует ли на свете дружба? Дружба, к которой стремлюсь я? Родство душ, полное доверие друг к другу. Жизнь друг для друга? Чтобы никто ни разу не почувствовал себя лишним? Нет? Тогда почему я так к ней стремлюсь? Если бы не было такого стремления, такого бы одиночества тоже не было. Словно была когда-то такая дружба — единение. И я ищу ее снова. И не успокоюсь, пока не найду. Ведь я знала эту радость. А меня ставят на место: чужая, личная жизнь. Это не обида. Это какая-то горечь. Все мы рядом и все по одному. И все думаем о себе, вымещая на других свои ошибки. Все боимся загубить себе жизнь. Словно знаем мы, что в ней радость. А все во благо. Просто мы не умеем быть счастливыми и не стремимся к единению. А радости без него не бывает.

Опять появилась жажда жить. И не потому, что боль отпустила. А ведь она именно сейчас меня отпустила не случайно. Я отдаю себе отчет, почему вновь радостно жить. Просто я прогнала сомнение и с утра повторяю: «Я люблю тебя». И читаю вчерашнее стихотворение. И жить хочется. Потому что это и есть жизнь...

...Просто хорошо на душе от искренности, бескорыстности, верности... смеются. Говорят, что такого в жизни не бывает. Не верю. Это злость на самих себя за утраченный рай. А «цинизм» — заглушение душевной боли.

Пишу наивные детские стихи. И рада тому, что способна это делать.

Знаешь, жить — ведь это несложно.
Просто я о тебе тоскую.
Просто мне иногда тревожно —
не полюбишь меня такую.
Или я не умею «просто»?
Все ищу под водой течения.
Или мне не хватает роста?

Или жажду я отречения?
Знаешь, жить — ведь оно не сложно.
Наступает весна. И будет.
Постучит к тебе осторожно
Солнца луч. И тебя разбудит.

...Писать не хочу. Опасная растрата сил, может не хватить для самого важного шага. Это не шутки. А как я устала от этих болей и состояния, поняла только вечером. Старалась держаться бодро, а пришел С. и разревелась. И сама не пойму, почему. Хотелось побыть слабой. Сегодня мучает солнечное сплетение и вновь горел позвоночник. Тошнота, слабость, головокружение. Снова ем и сплю, и снова не чувствую будущего.

...Я ведь искренне любила, верила, пыталась дарить. А теперь — все, брат. Что это? Что во мне выболело? Почему не сбылось? Но мне хорошо. Мне светло, радостно и легко без этого груза. И нет чувства вины. Я вздохнула свободно. Я перестала быть флейтой в чужих руках. Я сама учусь играть. Что будет, увидим, а пока... Болит сердце. Это уже было: оно тянулось, любило, дарило, а самые дорогие руки ударили. Непониманием, упреками, обидами... Вновь в протянутой для поддержки руке увидели камень. Я не виню. Я знаю, что бил не он, но как объяснить не ему, что я могу быть только с ним? Что я не умею лгать? А он ждет «доброй» лжи. Ох уж, эта моя искренность! Правда показалась жестокой? Но это я. Я не могу быть другой. Я не привязываю и не прогоняю. Я просто устала от полуправд. Спасибо, С. за все. А этого всего очень много. Я всегда буду тебе благодарна. Я всегда буду тебе другом и сестрою. Но только другом. И я уже не верю, что ты можешь что-то в этом изменить. Что ты хочешь изменить. Время ушло. И уже думаю: а был ли шанс?

...Я учусь гармонизировать земное и вечное, мне не нужно земного без вечного. Брат — наше общее, но любимым может быть только один. Навсегда...

...Просто я ищу любовь и хочу любить. Но я понимаю любовь по-своему. А люди не ждут от нее очень многого. Я знаю, что жить можно только любовью, лишь во имя нее все имеет смысл. Она едина, но здесь делится на материнскую, братскую, семейную. Что дурного в том, что я хочу ребенка? Что хочу всех людей считать братьями? Что ищу Единственного? Да, любовь к Учителю и миру вмещает в себя все. Но я живу. Я живу сегодня. Я живу, чтобы дарить людям. Если бы вы были единственными друг для друга, моя любовь была бы братской и чистой. Я лукавлю, я бы первая радовалась вашему счастью. Вы обвиняете меня в недостатке собственного чувства. Если бы ты увидел во мне Единственную, ты не стал бы братом. Но... или это все равно во мне? Зависть, недоверие, себялю-

бие, корысть... Как много врагов у любви. Как целенаправленно убивают ее люди. А я хочу любить и жить любовью. Даже если вы мне не верите, даже если это вам в тягость. Я обещаю вырастить любовь дочернюю, детям материнскую, людям братскую, а, может быть, найдется мой единственный. Я ищу и познаю. И кто кем для меня станет, зависит не только от возраста, и, конечно же, никогда — от общепринятых норм и стереотипов. У меня есть сердце. И я буду слушать его. Вы заглушаете голос вашего? Это не повод для того, чтобы я отказалась от своего.

Что поделаешь, юность. Пора познания любви. Пора ошибок и побед. Всеу свое время. Мудрость. Придет потом. Только вот рассчитывать и выгадывать я не буду. Воля Твоя, Учитель, на все в моей жизни. Я буду любить всех. Кто сможет, станет другом, кто сможет — братом, кто сможет — Единственным. Не все зависит от меня. Но я так ищу ее, любовь. Так ее жду.

Он прискачет на белом коне,
Просияет лицо светло.
Через все он придет ко мне
И посадит в свое седло.
На Восход понесется вскачь,
Целый мир положит к ногам.
— Ты теперь никогда не плачь,
Никому тебя не отдам.
Я теперь никуда не уйду.
Как же долго тебя искал,
Свято веря в то, что найду,
Ни боясь ни людей, ни скал.
Я душой к нему прикоснусь
И вложу ему сердце в ладонь.
Неужели опять проснусь?
Неужели не скачет конь?
— Это сказки, а жизнь проста
Ничего само не придет.
— Я не бегаю от креста,
Только сердце все ждет и ждет.

...Я иду от любви к любви. Встретишь человека и думаешь — он. Но проходит время, и уже не хочется его ждать. Он становится другом, братом. А я иду дальше. Почему они уходят в прошлое? Вот и С. Прости. Это не потому, что обвинила. Не потому, что надеюсь еще на что-то. Не потому, что обиделась. Как у Цветаевой:

Нет, любимый, это проще,
Это проще, чем досада.

Мне тебя не надо больше,
От того что, оттого что
Мне тебя уже не надо.

И не ищущу этому объяснения. Я с тобою становлюсь такой, какой быть не хочу. Не могу. А ты ждешь и принимаешь такую. Я не хочу ругаться, оставлять обиды и тягостный след в душе. Все хорошо. В жизни можно все, кроме одного — предавать любовь. У меня нет любви, значит, я ее не предаю... Я знаю, что женщина любит мужчину соответственно глубине его чувства. Иногда глубины не хватает ей, иногда она разбивается о мель. Прости, я сделала все, что могла. Но я не умею жить во лжи.

И ты, В., прости. Ты выбрал свой путь. Выбрал сам. Иди. А я? Я не знаю, что будет впереди, но будет что-то новое...

...Проснулась, и пришел С. А я понимаю, что уже не боюсь разговора с ним. И я сказала правду. Все, что было, было, конечно, не зря. Но прошло. И никто в этом не виноват. Просто прошло. Мы не несем друг другу радости, а без этого ничего не построить. Но мне важно не столько, что я говорила, сколько как. Спокойно. Пришлось ему передать этот покой. Это не старое рушится. Это вырастает новое. Он ушел. И нет чувства потери, оставленности, одиночества... И что-то греет душу. Что?..

...И В. совсем другой. Словно времена соединились, словно я сплю. Думала, что это произошло только со мной, а он говорит: «Что ты сделала? Как я теперь буду жить? Словно голодному показали хлеб и отняли...» «А если бы дали выбор, ты бы согласился, чтобы этой минуты в твоей жизни не было?» Он сказал: «Нет». А может все прежнее было ради этой минуты?.. Для него, а для меня все прежнее было ради минуты вчерашней. Вчера мне дали возможность испытать это. Я на мгновение приблизилась к себе — была свободной и сильной...

Мы встретились слишком рано.
Мы встретились слишком поздно.
На сердце сплошная рана,
И это, увы, серьезно.
Так просто. По-детски. Лепет.

....

Но, мучаясь, помогаем
и белые наши крылья
мы жизнью не растерзаем.
На самом краю бессилья
Друг друга мы вновь узнаем.
И вспомним, и рассмеемся.
Наступит заря другая.

— Ты думаешь, мы дождемся?

— Я думаю — дошагаем...

...Пропадаю. Живу только встречами...

...Мне говорят, что я очень сильная, что рядом со мной тоже надо быть сильным, что я задаю такую высоту, которую не каждый выдержит... Люди от этого устают...

...Опять приходил С. Опять жаловался. Не хочу открываться... И не могу прогнать. Брат. Должна суметь помочь. Найти бы как. Я его не виню. Я его соломинка. Выдержу. Должна выдержать. Я ему благодарна. Благодаря ему я столько поняла и узнала...

...я все время хочу победить, втайне надеюсь, что встречу равного по силам... Странная любовь. + и —. Как только война закончится, будет ничто...

...Мы выдержали испытание на прочность. Испытание на верность...

...Но я уже знаю, что не могу остаться ни с С., ни с В. А ведь вполне реален был любой из этих шагов...

...Я для него не Наташа для Андрея, а Асоль для Грея. Для Грея, сделавшего себя капитаном, но стремящегося к сказке. Но мало просто любить. Надо уметь быть княжной. Он капитан. Как же я могла забыть, что всегда ждала капитана. Капитана своей судьбы. Я умею лишь дарить сказки и вдохновлять. А кто-то должен творить и править кораблем. Творить жизнь.

Опять жизнь сложилась сама. Одно радует наверняка — мы можем судить о себе по людям, которых привлекаем....»

У каждого из этих отрывков есть дата, точная дата молодой жизни. У каждого из этих отрывков может быть любая дата из прошлого, настоящего и будущего. Ожидание любви и любовь — это юность человечества (я не боюсь этого обобщения, каким бы высокопарным оно не показалось читателям). Пока есть человечество, в нем будут жить молодые люди, будут задавать вопросы о любви — себе и другим, будут отвечать на них, ошибаясь и заблуждаясь, разочаровываясь и снова обретая силы для новой веры, надежды, любви.

Мне остается только поблагодарить судьбу за встречу с Ириной В. Мы встретились в то время, когда, казалось, все должны были переживать очередные указы президента и обсуждать очередное повышение курса доллара по отношению к рублю, должны были жаловаться на дороговизну и тя-

жесть жизни... Юность видит жизнь иначе, хочется сказать, что по-настоящему юные люди видят жизнь иначе. В этом видении есть переживания, отражающие так называемую прозу жизни. «Общага» с частыми пьянками соседей, грязь, которую никто не убирает за собой, полуголодное состояние почти ежедневно, необходимость думать о «пропитании» и т. п. Это мелькает на страницах дневников, но этому можно сопротивляться (в этом сопротивлении «Я» обретает себя), можно преобразовывать ситуацию (взять тряпку и убрать грязь и т.п.), можно искать путь к себе без уничтожения в себе «Я». Для этого жизнь дает Встречи с людьми, книгами, искусством, наукой, религией. Чтобы они состоялись, «Я» требуется только одно усилие — усилие, направленное на сохранение своих границ, чтобы потом можно было устанавливать, строить отношения с кем-то другим, в том числе и с собой как возможным другим, с собой из своего будущего. Тогда «Я» становится свободным, тогда оно обретает творческую жизнь, созданную своими усилиями. Тогда любовь осуществляется как созидание в себе — себя, а в другом человеке — того другого человека, созидание в себе себя лучшего, и в другом человеке — его лучшего. Такая суть любви — это выражение ее сущности как способности человека любить.

Я уже говорила, что человек может стать сам себе «Родителем», может стать для себя «Взрослым» — это Эго-состояние проявится как необходимость, как закономерность становления человеческой жизни по законам логики жизни. Так же неумолимо, в соответствии с этими законами, «Я» должно стать для себя «Я». В этом проявляется и способность человека любить — уважать, заботиться, оберегать, познавать, быть ответственным за свое «Я». Если человек не любит себя, он не может любить и других. Если человек любит только других, он не обладает способностью любить.

Когда человек обладает способностью любить, он любит весь мир и себя как неотъемлемую часть мира. Он так же заботится о творчестве мира, как и самого себя. Таким образом в нем проявляется то качество, которое давно получило название богочеловека. Человек творит подобно Богу, проявляя в себе свое назначение. Недаром образы, связанные с творчеством жизни, пронизывают многие сны молодых людей. В дневниках много упоминаний о снах, и молодые люди придают им большое значение, в них отражается становление способности любить.

Покажу только несколько символов, которые возникали в сновидениях молодых людей, чьи дневники я цитирую. Это — символы:

лифт
полет
море
поиски
Христос
чайка
чтение

Все эти символы так или иначе отражают поиски человеком своего «Я» как поиски формы для становящихся новых качеств, для проявляющейся способности любить. Образы говорят как об удачных поисках формы «Я» в реализации его способности любить, так и неудачных, которые могут привести к потере «Я». С интерпретацией символов снов, говорящих о становлении способности молодых людей любить, я знакомлю вас по «Словарю образов» Антонио Менегетти (19).

Лифт — движение в нем вверх связано со стремлением человека изменить свою жизненную ситуацию, со стремлением объединить свои усилия с возможностями изменений, которые есть в ситуации.

Полет (летать) — попытка решить проблемы, используя свое творческое воображение, стремление преодолеть препятствия, опираясь на свои силы.

Море — возможность бесконечного действия.

Поиски (искать) — желание найти решение проблемы, найти самого себя, понять самого себя, свой жизненный путь, который может привести к счастью.

Христос — этот образ говорит о неудаче в идентификации, о неправильном выборе формы для своего «Я». Это механическое следование авторитету или идеологии, подчинение себя другим. Потеря самого себя.

Чайка — символ действия и свободы. Символ великолепного потенциала, который может привести к необыкновенным результатам.

Чтение — получение информации, необходимой человеку для осознания ситуации.

Это важное занятие — анализ образов сновидений. Это не гадание, а та работа сознания для формулировки новых задач познания, без которой, как необходимой составляющей способности любить, невозможно построение отношений с собой и с другими людьми, так как в психической реальности человека нет ничего случайного.

Образы, которые рождаются у молодых людей во всех продуктах их умственной деятельности — стихах, графике, живописи, сновидениях, — это образы, проявляющие становление (успешное или затрудненное) способности любить как способности творить жизнь.

В Приложении вы можете познакомиться с рисунками молодых людей, изображавших дом и дерево, человека. Это — «вечные» символы.

Дом — это воспоминание о наиболее эффективных переживаниях. Только у двух домов (см. Приложение) есть ступеньки, что можно рассматривать как готовность молодых людей к взаимодействию с другими людьми (1; 6). У остальных домов их нет, что свидетельствует о большем или меньшем стремлении у молодых людей к автономности. Это — ориентация на свое «Я», которая важна в юности как развитие способности любить. Детали рисунков много могут рассказать о качествах переживания автономности. Думаю, что вы можете

дать волю своей фантазии и представить себе, как чувствует свое «Я» человек, нарисовавший тот или иной дом.

Символ **Дерево** обозначает индивидуализацию человека, содержание его индивидуальной жизни. Форма дерева символизирует ситуацию, которая есть в жизни у человека. Думаю, что у вас имеется возможность представить самим ситуацию жизни молодых людей, нарисовавших эти великолепные разнообразные деревья. Я хотела бы обратить ваше внимание на то, что среди этих деревьев нет бессильных — они все полны силы жизни. И хотя в них (не в каждом) может и не быть твердой уверенности (почвы под ногами) в своих силах, но переживание жизненной силы присутствует везде. Это тоже важная черта способности любить — наличие силы «Я». Наличие готовности быть собой. У кого-то она выражена слабее, у кого-то сильнее, но у всех она присутствует. Вы тоже можете представить себя в виде любого из этих деревьев и пережить то ощущение силы, которое несет каждое из них.

Человек — рисунки красноречиво говорят сами о себе, о том, какие переживания есть у их авторов, каково их отношение к человеку. Это именно то отношение, которое существует у них и к самому себе: уверенность в своих силах, принятие себя как источника своей жизни или отказ от этого, реалистичность в восприятии человека или страх реальности, отчуждение от жизни и творчество ее. Вы можете сформулировать свое впечатление от рисунков, найти те, которые вам больше всего нравятся или не нравятся и таким образом — через выбор рисунка и формулировку своего впечатления от него — сумеете прочесть символ. Увидите в нем то отношение к себе и людям, которое есть у его автора. Мне не надо вам подсказывать, что это — основное содержание способности любить. У авторов рисунков 9 и 15, так же, как и у авторов других рисунков, мало общего..., но... они юные люди, и у них все впереди. Они только решают свою жизненную задачу понимания природы отношений с другими людьми, с собой как с человеком, только приобретают знания, без которых не проявятся способности любить.

Таких знаний требуется много, так много, что кажется порой не хватит ни сил, ни жизни, чтобы получить их. И тогда наступают «пассивность», «застой», «инертность», как пишут авторы дневников, которые пугают их самих как невозможность быть собой.

В юности, особенно юноши, склонны к депрессии, так как обладают меньшей гибкостью психических процессов и труднее справляются с изменением жизненных задач и возрастающим фоном новых переживаний. Владение собственным «Я» требует знаний, которые далеко не лежат на поверхности жизни и требуют специальной аналитической работы — работы по анализу отношений, где «Я» проявляется. Молодые люди часто склонны заменять такую работу («философствование») подростковыми достижениями — демонстрацией своей силы, нигилизмом, цинизмом, критикой и другими уже суще-

ствующими в их сознании формами проявления «Я». Они избегают аналитической работы по созданию форм «Я», так как, к сожалению, в нашей культуре мало практики духовной деятельности, адекватной их особенностям, а та, которая начинает создаваться, воспринимается молодыми людьми не всегда адекватно.

Необходимость обсуждения вопроса о видах любви связана с тем, что это разговор о самых основных человеческих отношениях, которые определяют все остальные. Такое утверждение возможно, если принять за исходное положение в ее понимании представление о сущности человека. Я уже не раз пыталась сформулировать это представление. Сущность человека как идея, как теория о человеческой жизни всегда сложна для выражения. Она раскрывается в его переживаниях себя как сотворенного и творящего, т.е. обладающего даром жизни и могущего этот дар создавать. Человеку дана его жизнь, и он может дать жизнь. В этом его сущность. Как распорядится он этим даром и что он сам будет создавать — это уже вопросы к конкретному человеку о его судьбе. Создание жизни невозможно без любви к ней, так как она и есть суть созидания, творения. Получается, что любовь — это ответ человека, обладающего даром жизни, чтобы создавать ее. Можно увидеть и услышать, можно почувствовать, как отвечает человек миру, давшему ему дар его жизни. Дар — это то, что нам дали не потому, что мы просили, а потому, что мы есть. Дар жизни в каждом из нас именно такой. Он — возможность, риск, выбор, неопределенность, потенциал, данность — все в нас. И мы можем стать собой как конкретным воплощением этого дара, создавая свою жизнь. Ощущая в себе этот дар жизни, человек творит, создает ее, т.е. любит.

Творчество жизни невозможно без других людей, поэтому единение с ними, форма этого единения и есть та человеческая общность жизни, которая сохраняет саму жизнь. Поэтому можно говорить, что без стремления к единению с другими людьми человек теряет возможность жизни, теряет свой дар жизни, теряет любовь как ответ на существование этого дара. Этот путь движения в единению с другими людьми для создания жизни человек проходит, открывая свой дар жизни. Это путь возникновения и существования зрелой любви — воплощения дара человеческой жизни.

В юности молодые люди еще только встают на этот путь, где открывается существование любви как всепоглощающего чувства утверждения жизни, как переживание уникальности дара жизни, которым владеет сам человек. Это переживание вызывается разными объектами любви и, как любое человеческое переживание, вызванное тем или иным предметом, оно может быть относительно независимо от других переживаний.

Самым универсальным предметом, который может вызывать переживание любви, является Другой человек — любой. Сострадание и помощь Другому человеку как проявление силы — творческой силы собственной жизни, знание о Другом человеке как о том, кто обладает да-

ром жизни и стремится к его проявлению, возможность способствовать этому проявлению через единение с этим человеком — это путь к братской любви. Путь — труднейший для человеческого существа, переживающего качественное своеобразие своего «Я», его уникальность.

Можно возмутиться всей душой: какое может быть братское единение с мошенниками и ворами, убийцами и террористами, предателями и насильниками, алкоголиками и шизофрениками... Как их можно любить!? Какое может быть «равенство» с этими людьми? Психологи редко обсуждают проблему братской любви людей, она требует ответа на подобные вопросы, эти ответы надо давать определенно. Дать их трудно и очень ответственно.

Есть разные позиции по отношению к другим людям, которые занимают те, кто сам — человек и изучает других — тоже людей. В проявлении своей позиции надо говорить от «Я» — другого нет. Надо отвечать за свою позицию. Выбираю этот путь и отвечаю.

«Равенство» между людьми — это только способ человеческого мышления о самих себе. «Равенство» — это понятие, это форма мышления людей о том, что у них есть нечто сущностно общее. Сегодня немало других понятий, которые пытаются описать это общее. Все, например, понятия психологии, которые используются в этом тексте, тоже созданы с этой целью. Можно искать общее, сущностно общее в людях, не обязательно в понятиях. Есть другие способы познания, возможно, они будут не самым коротким путем к истине, но они есть. Один из таких известных путей — интуиция, видение общности.

Важна, по-моему, в становлении, в созревании человека сама ориентация на переживание общности с другими людьми. Даже если эта общность отвергается, она — ориентация — присутствует в ее отрицательной форме. Но все равно присутствует...

Человек, осваивая свой дар жизни, не может не переживать присутствие других людей в его жизни, не может не определять себя по отношению к ним.

История человечества показывает, что высшей формой проявления дара жизни является сострадание к чужому по крови человеку, помощь чужому человеку, который оказался беспомощным в реализации своего дара жизни. Быть беспомощным, бессильным — это временное состояние человека, можно сказать, что оно не типично для данности его жизни. Быть сильным и способным обходиться в своей жизни своими силами — это актуальное человеческое состояние.

Братская любовь — это проявление реализуемого дара человеческой жизни, как силы жизни. Мне думается, что именно это ощущение силы жизни, как проявляющейся возможности быть человеком, способствует переживаниям единства с другими людьми. Слабый человек не способен отвечать за другого, он не может отвечать и за себя. Сильный может, сила его — от реализации творческого дара жизни.

У молодых, становящихся людьми, созидаящая сила жизни позволяет переживать чувство единения со всеми людьми, то чувство братской любви, которое делает человека ответственным за жизнь в космическом ее проявлении. У взрослых это чувство тоже сохраняется, продолжает жить как чувство единения со всеми. Оно — основа творчества. Оно — само творчество. Я приведу вам только один пример — Стихи Татьяны Теневой*:

Россия, встань с колен, кончай истерику!
И хватит горе водкой заливать.
Ведь вышла из депрессии Америка.
Сожмись в кулак! Пора, пора вставать!
Стряхни с себя все лишнее, ненужное,
Умой слезами ясные глаза:
Мы стали безразличными, недружными
И слабыми мы стали донельзя...
(«Набат», 1996 г.)
Уже не верю в мудрость провидения
И равенства красивые мечты...
Познала страх свободного падения
И стала опасаться высоты.

Ветрам не верю, пастырям бездумным —
Они летят неведомо куда,
Бессмысленно по пастбищам лазурным
Гоня тонкорунные стада.

И терпит крах доверие во мраке
Жестоко разворванной страны,
Где старики да встречные собаки
Еще, пожалуй, искренне честны.
.....
Не верится, что ни во что не верю
(Конечно, кроме Божьего перста)...
Двуликий Янус прячется за дверью
До нового Пришествия Христа.
(«Не верю», 1999 г.)

Чувство единения с людьми, которое выражено в приведенных стихах, — это только одно из проявлений братской любви к людям, которую Э.Фромм называл «наиболее фундаментальным видом любви». Думаю, не ошибусь, если назову ее и наиболее сложным видом

* Т. Тенева. Сб. стихов. «Кредо». — Белогорск, 1999.

любви, так как она требует той зрелости «Я», когда оно обладает созидательной силой и может этой силой самообосновывать самого себя. Это чувство единения с даром жизни, который должен (!) быть воплощен в общую жизнь с другими людьми, воспринимается как своя миссия, естественное видение жизни, жизнь среди людей.

Обычно об этом мало говорят обыденным языком. Он для этого беден. Чувство братской любви воплощается в помощь другим, в творчество — литературное, философское, художественное, бытовое — жизнеутверждающее творчество.

Хочется вспомнить еще один разговор со взрослым человеком, тоже Татьяной, о жизни и людях и ее слова, сказанные будничным языком уставшей после рыночной суеты, многое понявшей и пережившей, такой мгновенно близкой женщины, слова о том, что она любит людей, поэтому ничего не боится. Не боится мальчиков с бицепсами, когда торгует, не боится быть обманутой, не боится начинать сначала, когда было потеряно все — профессия, Родина, деньги... «Я верю в людей», — эти слова были так просты и сразу обо всем: о нашей общей ситуации, когда мы не знали, что нас ждет через секунду; о нашей общей жизни среди людей; о каждой из нас... Она была так красива в этой своей уверенности, спокойствии, доброте, силе жизни — одна из множества людей, встреченных в жизни, которые и есть сама жизнь. Так хочется написать это слово с большой буквы.

Можно ли научиться братской любви? В какой «школе» этому учат? Пока я оставляю эти вопросы без ответа. В Заключении я скажу об этом. Но, если вы читали то, что было написано чуть выше, то вы сами уже знаете мое мнение по этому поводу, а свое у вас есть.

Материнская любовь — это тоже вид любви, который имеет свой объект любви. Это — беспомощный, маленький, но становящийся все сильнее и больше, человек. Другой человек.

Материнская любовь — это утверждение жизни этого человека, утверждение жизни как ее сохранение, утверждение жизни как утверждение любви к ней. Э. Фромм наиболее точно отражает суть этих человеческих отношений: «Материнская любовь к растущему ребенку, любовь, которая ничего не желает для себя, это, возможно, наиболее трудная форма любви из всех достижимых, и наиболее обманчивая из-за легкости, с которой мать может любить своего младенца. Но именно потому, что это трудно, женщина может стать действительно любящей матерью, только если она способна любить вообще; если она способна любить своего мужа, других детей, чужих людей, всех людей. Женщина, которая не в состоянии любить в этом смысле, может стать нежной матерью, пока ребенок мал, но она не может перенести отделение ребенка — и даже после отделения продолжать любить его» (35, с. 32 — 33).

Любя маленького ребенка, женщина переживает то творчество

жизни, которое есть проявление ее естественного дара жизни как творчества. Мне кажется очень точным замечание Э.Фромма о том, что, так как у мужчин нет этого естественного дара создания жизни — акта рождения ребенка, они проявляют огромную активность в творении идей и предметов. Хорошо бы — для развития и сохранения жизни, а не против нее.

Самое большое испытание материнской любви начинается уже тогда, когда ребенок «не слушается», когда он проявляет свою волю, проявляет себя. Возможность видеть в нем Другого Человека, а не часть себя, не только свое творение, но и творение им самого себя — это работа по созданию отношений. Мамой надо уметь быть. Назидательность этого предложения попробую смягчить вопросом: сколько способов организовать досуг малыша вы знаете? Вы можете иметь своего малыша или мечтаете о нем, или готовитесь стать мамой или папой? Что вы умеете — сумеете — вместе с ним делать? Считайте, что это начало того теста, на который вы будете отвечать каждый день, общаясь с вашим ребенком.

Маме, как и папе, надо уметь многое. Азбучность этой истины не так очевидна, как кажется. Учиться быть мамой или папой — это труд по получению знаний об отношениях людей, об отношениях с ребенком. Как он будет вами организован? Случайно, по образу и подобию кого-то, с умом? Это решите вы сами, а пока только одно можно сказать — в материнской любви сила и слабость самой жизни, которая возникает из другой жизни, но может осуществиться только, становясь независимой от нее — породившей и вырастившей... Зависимость и свобода, единение и отделение, общность и граница — это все отношения матери и дитя, давшей жизнь и дарующей жизнь.

Давать и дарить — разные отношения. Давущий рассчитывает на взаимность, дарующий не рассчитывает ни на что. Мне кажется, что в этом существенное отличие материнских позиций. Когда только дается, возникает разочарование от несостоявшейся взаимности (как часто приходится слышать о неблагодарных детях). Когда даруется, даруется и свобода обращения с даром. Такая дарующая позиция матери встречается как позиция заботы о развитии ответственности, самостоятельности, жизнестойкости ребенка. Каждая позиция матери, сама материнская любовь отражают ту идею человека, которую несет женщина. Эта идея отношения к людям, естественно, включает и отношение к себе как к человеку. Без этого просто не бывает такой идеи, так же как не бывает идеи человека без идеи о его жизни — концепция человека и концепция жизни составляют обоснование для проявления материнских чувств в конкретных бытовых отношениях с ребенком: режим дня, стратегия кормления, обучение и развлечения, человеческое окружение и т.п.

Материнская любовь — единственный мир для человека, где он уже имеет все — время и пространство для своего «Я» и само свое «Я»

как существующее, где отношения не опосредованы, не должны быть опосредованы ничем, кроме ценности жизни. Это идеальное описание. Практика жизни показывает, что в тех отношениях, где такой мир создается, рождаются новые качества в каждом из участников отношений: в матери и ребенке. Они творят, создают эти отношения, создавая друг друга взаимно. Одна учится быть мамой, другой учится быть самим собой.

Эротическая любовь — это тоже вид любви. Она отличается от описанных выше видов любви тем, что направлена на полное слияние с другим человеком, ждет этого слияния как единения с единственным. Она по своей природе уникальна, а не всеобща. Как пишет Э.Фромм, это самая обманчивая форма любви. Обманчивость ее состоит в том, что она сопровождается крушением барьеров, бывших между людьми, прежде всего барьеров физической близости. Возникает чувство общности, которое не бывает долговременным, так как чужой человек познан так же плохо, как плохо познал человек и сам себя. Мне кажется, что Э.Фромм сумел выразить очень важную мысль: внешнее преодоление отчуждения — установление физической близости — принимается за преодоление отчужденности от жизни. Естественно, что отчуждение от жизни — явление более сложное, и преодоление его связано с обретением силы «Я» не только в его физическом воплощении, но в полноте творчества жизни. Это общее место в психологии развивающегося человека. Однако мир человеческих чувств и отношений построен так, что в них достаточно места для иллюзий — продуктов воображения, для фантомов — пустых форм жизни, для превращенных форм сознания, где истинное содержание психического искажено неадекватной ему формой.

Можно выделить несколько феноменов, которые в отношениях между людьми воспринимаются ими как преодоление отчуждения в эротической любви, как создание близости. Это возможность продемонстрировать свое Эго-состояние «Дитя», свою ребячливость и непосредственность, это возможность говорить о себе и несдержанно проявлять все свои чувства во время физической близости. Исследователи любви говорят о том, что в таких случаях близость имеет тенденцию исчезать, умирать. Как итог ее смерти — поиски другого чужого человека, превращение его в близкого и т.п. Все это сопровождается иллюзией, что новая любовь будет отличаться от прежней.

Эта иллюзия может быть следствием полового желания, которое может быть вызвано не только чувством любви. Оно может быть вызвано и страхом одиночества, тревогой, стремлением к власти или подчинению, тщеславием, потребностью причинять боль или унижать другого человека. Половое желание сливается с любой из сильных эмоций человека. Как пишет Э.Фромм, в сознании людей оно часто соединено только с идеей любви и, когда людей влечет друг к другу физически, они прини-

мают это влечение за любовь. При любви физическая близость исполнена нежности, а не жадности покорять или желания покориться.

Я приведу слова самого Э.Фромма, которые мне кажутся важными для понимания этих человеческих отношений: «Мы все единство, однако каждый из нас уникальное неповторимое существо. В наших отношениях с другими повторяется тот же парадокс. Так, все мы — одно, мы можем любить каждого человека братской любовью. Но ввиду того, что все мы еще и различны, эротическая любовь требует определенных, особенных, в высшей степени индивидуальных элементов, которые наличествуют у отдельных людей, но не у всех.

Обе точки зрения — одна, что эротическая любовь это от начала до конца уникальное индивидуальное влечение двух определенных людей, а другая, что эротическая любовь не что иное, как акт воли, — верны. Или, если выразиться более точно, — неверна ни та, ни другая. Так, идея, что отношения могут быть легко расторгнуты, если они безуспешны, ошибочна в той же мере, как и идея, что отношения не должны быть расторгнутыми ни при каких обстоятельствах» (35, с. 34-35).

Половое влечение дает людям на мгновение переживание единства, однако, если оно не сопровождается любовью, то оно их оставляет такими же чужими, как и прежде. Молодые люди писали с удивлением об этом в дневниках (можно было бы еще целую главу посвятить высказываниям на эту тему), но их объединяет главная мысль — сексуальность человека важна, но нужно еще что-то... Это «что-то» они называют по-разному, выражая свой опыт переживания отношений с людьми.

Современная сексуальная мораль обезличивает эротическую любовь, заменяя ее набором сексуальных техник и правил борьбы за обладание ими. За этим стоит изменение людьми концепции человеческой жизни и концепции человека. Хорошо это или нет, можно ли это рассматривать с этой (оценочной) точки зрения, нужно ли это рассматривать, это вы будете решать сами, так как ежесекундно каждый из нас несет в себе и концепцию жизни (в том числе своей), и концепцию человека как основание для построения отношений с другими людьми, как обоснование этих отношений.

Самый частый вопрос, который задают мне «как психологу», это вопрос о любви. Сюжет сложился почти как в плохом сценарии. Сегодня этот вопрос задавали опять. И опять не слушали ответа, потому что это чужой ответ, потому что это вопрос к самому себе, а своего ответа еще нет. Когда будет свой ответ, возможно, тогда окажется неслучайной и сегодняшняя встреча, и разговор о любви. Если понимать, что в жизни ничего не проходит бесследно, то наш разговор, каждого о своем, был только еще одной — из множества бывших и будущих — попыткой выразить невыразимое. Моему собеседнику было целых 13 лет.

Любовь к себе. Рассуждениями на эту тему полны все психологичес-

кие издания. Мне хочется сказать только несколько слов об особенностях отношения к себе, которое можно, как думается, назвать этим словом. Я поступлю так: разделю любовь к себе и эгоизм, тогда, чувствуя разницу, можно будет увидеть и содержание этих отношений.

Эгоизм:

желает всего для себя;
радость от того, что берет;
нет интереса к другим;
использует других как средство;
оценивает с позиции полезности

Любовь к себе:

заботиться о других;
отдает, радуясь;
интерес к другим;
интерес к себе;
«Я» и Другие люди как цель

Это — основа для рассуждения о различии эгоизма и любви к себе. В принципе каждый человек дополняет ее своими знаниями о жизни и людях, выстраивает критерии любви к себе и эгоизма. Я только хочу заметить, что один из самых мало распространенных бытовых подходов к необходимости любви к себе состоит в том, что она обосновывается правом человека быть собой как правом на частную жизнь. В такой частной жизни семья может отказывать матери, отцу или детям, потому что они «должны» семье и это «должны» тождественно всей их жизни. Однако особенность человеческих отношений состоит в том, что они строятся не только на чувствах, они наполнены разумом обещаний, выборов и решений, приведенных в действие.

Жизнь чувств так же не соответствует всей полноте жизни, как и жизнь разума. Только вместе они создают и сохраняют целостность психической реальности, целостность «Я» человека. Так возникает идея разумного эгоизма или идеи эгоистического альтруизма, которые говорят о том, что если у человека нет «Я», то ему просто нечем обосновывать отношения, он — пуст, к нему нельзя проявить отношение, потому что его нет и ему нельзя проявить отношение, потому что его нет. «Я» в равной мере существует для себя и для других, способность любить проявляется в этом как переживание полноты жизни, где долженствование — это долг перед жизнью как необходимостью ее осуществления.

Рассуждение о любви к себе, о необходимости заботы о себе, о своем человеческом развитии — это обращение к разуму человечества и каждого человека. Иногда кажется, что это последняя возможность спасти мир от безумного самоуничтожения.

Любовь к Богу. Психологи немного пишут об этом. Молодые люди, развиваясь, много думают об этом. Многие из них переживают глубокие религиозные чувства, даже не зная их названия. Вы читали дневники, там много обращений к Богу.

Отношение к Богу как любовь к нему — это тоже путь преодоления человеком того чувства одиночества, которое становится ему доступ-

но при росте самоотношения. Единение с ним позволяет чувствовать свое «Я» сильным и существующим, позволяет воспринимать свои переживания как неслучайные, а свою жизнь как имеющую смысл.

История современного общества показывает, что люди (молодые особенно) разделяют свое отношение к Богу и к церкви. Об этом есть записи в дневниках, об этом говорят их стихи, желание защитить себя молитвой, желание молиться за ближних и дальних. Они используют слова известных молив и создают собственные, выстраивая отношения с Богом, создавая его образ и сохраняя его в ситуациях, требующих напряжения всех сил «Я».

Любовь к Богу как отношение к нему человек создает из опыта своих отношений с людьми, из опыта понимания своей жизни среди людей, из опыта, в котором структурируется его концепция жизни, где будет Бог или его не будет. В этой концепции жизни Бог будет таким, каким его увидит человек, каким сумеет увидеть, каким научиться видеть.

Вернусь к Э.Фромму: «Если человек не освобождается от кровной привязанности к матери, клану, народу, если он сохраняет детскую зависимость от карающего и вознаграждающего отца или какого-либо иного авторитета, он не может развить в себе зрелую любовь к Богу; следовательно, его религия является такой, какой она была на ранних стадиях развития, когда Бог воспринимался как опекающая всех мать или карающий — вознаграждающий отец» (35, с. 48).

Тема человеческих отношений бесконечна. Я хотела сказать, что они не тайна за семью печатями. Они познаваемы, и в этом познании активность человека — его ошибки, удачи, его победы и поражения, все, что составляет бесценный опыт его жизни среди людей, — может стать его любовью к жизни, о которой не надо специально говорить как о виде любви, потому что она — сама любовь.

Другое дело, человек создал столько видов псевдо-жизней, столько видов псевдо-любви, что можно говорить о них, как о тени, которая сопровождает любой предмет и саму жизнь как целостный предмет, когда человек мыслит о ней. Невротическая любовь — один из видов псевдо-любви, суть которой составляет поиск в другом человеке образов родителей, к которым был привязан человек и от зависимости от которых не освободился. Тогда человек переносит все свои ожидания и страхи на другого человека, вступая с ним в отношения детской зависимости.

Любовь — поклонение или «великая любовь». Суть ее в том, что человек отказывается от своего «Я» (причины для этого могут быть самые разные) и теряет себя в другом человеке. Обычно ни один человек не может жить долго в соответствии с идеями о нем другого человека. Тогда наступает разочарование и начинается поиск нового объекта поклонения.

Сентиментальная любовь — это любовь-фантазия, когда человек живет своим воображением, не участвуя в реальных отношениях. Она может заменять усилия по построению реальных повседневных отношений, часто позволяет человеку смягчить боль реального одиночества вдвоем с другим человеком, отношения с которым он не умеет строить.

Любовь ради детей — человек не может найти смысла своей жизни и пытается заменить его смыслом жизни ребенка. «Ради детей» люди переносят тяжесть несостоявшихся отношений, разрушая этим себя и детей, — такие семьи представляют особенно тягостное явление в психологическом консультировании.

Фантомная любовь — основана на существовании идей о закономерностях человеческой жизни, о необходимости любви, как качества человеческих отношений, которые должны приходить в определенное время. Фантомы возраста, фантомы нормы, фантомы социальных ожиданий — это основные факторы, которые порождают псевдо-любовь этого типа. Они проявляются как требование к себе соответствовать содержанию фантомов, т. е. форм, содержания которых во внутреннем мире человека просто нет. Нет чувств, которые бы наполнили отношения, отношения строятся на пустой форме, вызывают чувство оглушенности от несоответствия интеллектуализированной формы и отсутствующего содержания.

Любовь-самообман — человек создает свой образ другого человека и строит отношения в соответствии с этим образом. Этот образ другого человека может включать разное содержание — проективное и рационализированное, но оно неадекватно или мало адекватно реальности. Человек может заниматься построением такого образа сознательно, т. е. специально обманывать себя в содержании отношений.

Человек вступает в те отношения с другими людьми, к каким он оказывается готов. Он начинает строить отношения, когда понимает их природу. Тогда он создает новое, творит себя и жизнь, творит себя в жизни, разочаровываясь в ней и снова любя все больше и больше — это путь к мудрости, когда о любви не гадают по ромашке, а любят, потому что живут, и живут, потому что любят и знают об этом.

Заключение

Оно написано для тех, кто дочитал до конца этот текст. Написано для того, чтобы обобщить, чтобы подвести итоги. Итоги чего?

Итоги введения в проблему существования «Я» как особого качества психической реальности. Именно это было главной темой, вокруг которой строился весь учебный предмет — психология для студентов.

Какие это итоги?

1. «Я» — данность психической жизни человека. Оно есть, как есть у каждого из нас наши внутренние органы и системы органов.

2. «Я» не однородно по структуре, т. е. оно обладает качествами, которые организованы.

3. Организация качеств «Я» осуществляется «Я»-усилиями, направленными как на внешнюю форму активности человека, так и на свои собственные качества «Я».

4. В юности человек открывает для себя существование «Я»-усилий и возможность регулирования их.

5. Открытие «Я»-усилий сопровождается переживанием своей независимости от других людей, от архетипов коллективного бессознательного.

6. Появляется возможность новой формы объединения с другими людьми — осознанного единения, основанного на реализации концепции жизни и концепции человека.

7. Появляется возможность нового отношения к «Я», которое опосредуется этими концепциями.

8. Жизненные задачи юности становятся задачами построения, сохранения и развития границ «Я», на которых рождаются новые качества жизни и благодаря которым возможно построение отношений с другими людьми.

9.»Я»-усилия, направленные на самого себя, позволяют дифференцировать свои качества и использовать их как относительно независимые друг от друга.

10. «Я»-усилия, направленные на жизнь «Я», позволяют сохранять

его целостность и делать жизнь предметом отношения, мышления предметом чувств и действий.

11. «Я», существуя как данность, способно на проявление любви как отношения к жизни.

12. Проявление любви как построение отношений с миром требует знаний о мире.

Любовь — это глубоко личное переживание человека, которое каждый может пережить только сам и для себя. Сегодня известно, что любовь не возникает сама по себе, она требует активности «Я», чтобы осуществиться как искусство построения отношений с миром.

Современного человека часто характеризуют как человека со спящим сознанием. Это не случайная характеристика. Исследователи отмечают, что это следствие иллюзии о возможности разделения жизни на разные сферы, в которых можно жить по-разному. Это следствие той раздробленности «Я», отчужденности от собственной жизни, которая возникает как проявление искусственного, опосредованного характера психической жизни в целом.

Жизнь едина, как едино здоровое «Я», озабоченное собственной целостностью как проявлением любви к себе и не менее озабоченное целостностью жизни как проявлением любви к ней. Это требует от человека активности как созидательности, творчества, состояния напряжения, бодрствования, жизнеспособности. Это требует действенной мысли и чувства, способности видеть и слышать мир, быть единым с ним в своей любви к себе.

Это значит уметь сосредотачиваться и уметь организовывать себя, обладать терпением и быть заинтересованным в существовании жизни, в том числе жизни своего «Я».

Для этого надо знать, что самодисциплина и организованность — это путь к проявлению любви к жизни, к себе как носителю жизни. Сосредоточенность как умение быть наедине с собой — это тоже проявление способности любить. Сосредоточенность как качество любого дела человека — это тоже проявление способности любить. Как тягостно бывает увидеть отсутствие этой сосредоточенности, когда наблюдаешь, что перед тобой только тело человека — его глаза пусты, а мысли далеко от того места, где он находится. Общаться с таким человеком нельзя. Он не видит и не слышит собеседника, он глух и к самому себе, так как, не ощущая единства себя, он не может переживать, переживаниям негде возникнуть, так как психическая реальность не проявлена, не обозначена сосредоточенностью на ней.

За сосредоточенностью стоит способность чувствовать себя. Чтобы чувствовать себя, надо существовать для себя не только как тело, но и во всей полноте проявления своей жизни. Для этого надо искать ее, создавать и сохранять. Развитие способности чувствовать себя — путь к любви, к проявлению способности любить.

Сосредоточенность, внимательность — это путь к открытому сознанию, это путь к живости чувств, к умному восприятию в жизни, в настоящем. Быть сосредоточенным — это значит хорошо делать то дело, которое вы делаете сейчас, а не отвлекаться на прошлое и будущее. Это терпение, которое является одной из главных человеческих добродетелей и позволяет человеку проникать в суть явлений.

Не менее важным является объективный взгляд на мир, умный взгляд, разумный взгляд любящего человека, который не заблуждается в возможностях разума. Это проявление важнейшего человеческого качества — смирения, которое позволяет человеку быть реалистичным и рассчитывать собственные силы как самообоснование своей активности.

Способность любить — это способность верить, идти на риск, быть готовым принимать разочарования и ошибки, страдания и боль, которые неизбежны в жизни как ее уроки. Мудрость, которую человек может извлечь из этих уроков, — это мудрость приобретения большей жизненной силы. Ее приобретение тоже требует веры в жизнь и отваги жить среди людей и любить их.

Вера в возможность любви как специфического явления только человеческой жизни — индивидуальной и общественной — это вера, основанная на знании, что человек способен понять свою собственную природу. Именно об этом пытается говорить современная психология, анализируя и обобщая, находя сходное и различное, описывая типы и закономерности, выстраивая теории и опровергая их.

Человек может освоить то знание, к которому он готов.

Мне думается, что сегодня, как никогда востребуется знание о нормальной жизни, о той жизни, которая приносит радость. Жизнь многообразна, и, естественно, никакая книга не опишет, как устроена нормальная, правильная жизнь или как создать такую жизнь. Всегда будет простор для личного творчества, для создания новой формы жизни.

Современные люди уже хорошо знают, что можно попасть в ситуацию не-жизни, если отказаться от своего «Я», если отдать его кому-то, обосновав это для себя любой иллюзией личной безопасности. Законы жизни нарушать нельзя.

Может быть, один из самых главных ее законов, известный сегодня психологам, состоит в том, что физически живой человек может отказаться от своей психической жизни, от своего «Я» и сделает это сам. У нас есть выбор.

Думать самостоятельно никому не запрещено.

Литература

1. *Адлер Г.* Лекции по аналитической психологии. — Киев: Ваклер, 1996.
2. *Алман Б.М., Ламбру П.Т.* Самогипноз. — М.: Класс, 1995.
3. *Альтшуллер Г.С., Ветркин И.М.* Как стать гением. — Минск: Беларусь, 1944.
4. *Боно Э.* Развитие мышления: три пятидневных курса. — Минск: Попурри, 1997.
5. *Булгаков М.А.* Мастер и Маргарита. — Минск: Беларусь, 1998.
6. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений. Т.2. — М.: Педагогика, 1982.
7. *Голубева Э.А.* Способность и индивидуальность. — М.: Прометей, 1993.
8. *Декарт Р.* Правила для руководства ума. — М.-Л.: 1936.
9. *Джеймс М., Джонсгард Д.* Рожденные выигрывать. — М.: Универс, 1993.
10. *Дилтс Р.* Изменение убеждений с помощью НЛП. — М.: Класс, 1997.
11. *Зинченко В.П.* Миры сознания // Вопросы психологии, 1991, № 2.
12. *Ивин А.А.* Теория аргументации. — М.: Владос, 1977.
13. *Кант И.* Собрание сочинений. Т.4. Часть 1.
14. *Коул М.* Культурно-историческая психология. — М.: Когито-Центр, 1997.
15. *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. — М.: Язык русской культуры, 1996.
16. *Лоуэн А.* Язык тела. — СПб.: 1997.
17. *Мамардашвили М.К.* Психологическая топология пути. — СПб.: 1997.
18. *Маслоу А.* Психология бытия. — Киев: Ваклер, 1997.
19. *Менегетти А.* Словарь образов. — Л.: 1991.
20. *Ошо.* Корни и крылья. — М.: 1992.
21. *Пиаже Ж.* Психология интеллекта. В кн.: Избранные психологические труды. — М.: Просвещение, 1969.
22. *Пирожков В.Ф.* Криминальная психология. — М.: Ось-80, 1998.
23. Проблемы научного творчества в современной психологии. — М.: 1971.
24. *Пропт В.Я.* Проблемы комизма и смеха. — М.: Искусство, 1976.
25. Психологические и психофизиологические особенности студентов. Под ред. *Н.М. Пейсахова.* — Казань: 1977.
26. *Рассел Б.* Человеческое познание. — Киев: 1997.
27. *Рибо Т.* Опыт исследования творческого воображения. — СПб.: 1991.
28. *Роджерс К.* Взгляд на психотерапию. Становление человека. — М.: Универс, 1994.
29. *Рубинштейн М.М., Игнатъев В.Е.* Психология, педагогика и гигиена юности. — М.: Мир, 1926.
30. *Саймонт К., Саймонт С.* Возвращение к здоровью. Новый взгляд на тяжелые болезни. — СПб.: Питер, 1995.
31. Современная философия науки (хрестоматия). — М.: 1996.
32. *Тулмин Ст.* Человеческое понимание. — М.: 1984.
33. *Франк С.Л.* Предмет знания. Душа человека. — СПб.: 1995.
34. *Фрейд З.* «Я» и «Оно». Т. 1-2. — Тбилиси: Мерани, 1991.
35. *Фромм Э.* Искусство любви. — Минск: 1990.
36. *Юм Д.* Собрание сочинений. Т.1. — М.: 1996.
37. *Юнг К.* О жизни после смерти. В сб.: Тайна смерти. — М.: Рипол, 1995.

Приложение

Дневники

Пять дней Ирины В.

День первый. Дата.

Много разглагольствовала. Философ доморошенный. Рассуждаю, рассуждаю... А с делами похуже. Проспала. Опять ритм медленный, день ненасыщенный. И на болезнь уже не свалишь. Расслабилась. Весь день: чтение, немецкий, бытовые дела, телевизор... День ушел в никуда. У меня дома все время чувство, что дни уходят в никуда. Не годится так долго вырабатывать ритм в новых обстоятельствах. Ритм должен быть постоянным. Опять говорю, что должно быть, и не делаю, будто что-нибудь будет само. Завтра более четкий и насыщенный режим. Опять пустословие. Прямо прорвало. Вот что значит — не отработано. Я говорю заведомо пустые вещи, чтобы раскрыть человека? Не только. Я пробую слова на вкус, осматриваю, пытаюсь понять, что на самом деле думаю. Нет, какие из всех моих мыслей мои? Как бред. Слова — мысль несколько отчужденная, со стороны. С помощью слов мысль можно извлечь, раскритиковать и отравить. Я так пытаюсь навести порядок в своих мыслях, а получается еще больший сумбур. Как радиоприемник: только включи и болтает без умолку. Тут уж ничего своего. Да и сейчас я что-то забурвилась. Пишу, чтобы писать. В голове каша. Безобразие.

Сегодня смотрела ужастик: проверяла, есть ли страх. Пошевеливается. Хотя нельзя бояться того, что можно объяснить. А объяснить можно все. Чуть не поставила знак вопроса. Нет чуда, есть только та или иная степень знания.

Промелькивали раздражительность, придирчивость, требовательность к людям, а не к себе, лень. И главное: не работаю шаг за шагом над собой, а рассуждаю. Пустословлю, пустословлю. От этого даже физически неприятное ощущение. Это нечистота.

Чистота, доброжелательность. Труд. Я опускаюсь и вязну. Взять себя в руки и вытянуть.

День второй. Дата.

Никогда бы не подумала, что писать каждый день так трудно. внутри прямо битва разыгралась. Это потому, что я не сделала того, что себе приказала, и опять веду купоршный образ жизни. А потом вдруг подумала: что же я все время от себя требую, приказываю, давлю на себя. Вот и сейчас я усилием воли пытаюсь заставить организм мобилизоваться. А ведь он действительно надорван и физически не в состоянии этого сделать. Вместо того чтобы благодарить судьбу за прекрасную возможность собрать и укрепить силы, я фактически издеваюсь над собой. Не готовлю статью? Мало занимаюсь языком? Но я еще недостаточно здорова для активной деятельности. Почему мне так трудно принимать реальность? Все время конфликты между возможным и желаемым. Я сама себя мучаю. Я требую от себя невозможного, а потом мучаюсь от того, что такая слабовольная. Случай для психотерапевта. С чего это я взяла, что теряю время? Мне нужен внешний покой для внутренней работы.

Опять оправдываюсь. Почему я не могу просто жить? Требую, оправдываюсь. Во мне существуют руководитель и подчиненный одновременно, причем первый уже основательно замучил второго и не дает ему самораскрыться. Зачем бунт против себя же. Как я так раздвоилась? Руководит мною зачастую отнюдь не высшее, по придуманным мною инструкциям. Почему я себе позволяю портить свою же жизнь? Странный вывод: главная моя несвобода — я сама. И язык уже не повернется сказать, что я зря провожу это время.

Эта тетрадь — как судья. В подсознании все время сидит мысль о том, что ее будут читать. Я все время смотрю на себя как бы со стороны: слишком напыщенно, слишком общо, надумано... Я оцениваю себя. Это мучает, но если не замыкаешься на самооценке — я себя познаю. Я фиксирую то, что вытаскиваю из себя, и на это уже нельзя закрывать глаза. Оказывается «ты сам» — самая интересная тема в мире. Потому что написанное мною вчера — уже не я. Неисчерпаемая тема.

У меня меняется отношение к своей внешности. Появилось желание быть дома красивой, чтобы... радовать маму. Год это в голову мне не приходило, лишь бы удобно было. Я стала себе нравиться. Наконец-то тело перестает быть мне чужим. Странная проблема для девушки. Я смирилась с собою. Даже не смирилась. Я начинаю себя... любить. Есть еще зажатость, неловкость, стремление спрятаться, изогнуться... Но это уже больше привычка. Я начинаю себя признавать. Появилось стремление танцевать. Раньше я этого просто боялась.

Столько во мне раздвоенностей. Словно все из кусочков. Внутреннее и внешнее. Внутри руководитель и подчиненный и еще что-то выше. Временная разделенность. Часть себя ассоциирует с прошлым, множество частичек устремилось в придуманные картины будущего. Но прошлого уже нет, будущего еще нет. Что же остается от Я настоящего? Какой кусочек? Надо искать целостность. Надо? Хочется.

Внутренняя свобода
Чистота
Доброжелательность
Труд

День третий. Дата.

Пишу лишь на следующий день, так что уже не все помню. Проснулась поздно, и весь день преследовали приступы слабости, сонливости. Прямо падаю и засыпаю, причем не могу контролировать это состояние и справляться с ним. Иногда это связано с чтением «Двух Жизней», иногда нет. К тому же напали странные провалы в памяти. По-моему, это просто мой организм выходит на свободу. Я раньше постоянно держала под контролем свою память, мысли, тело, чувства. Конечно, только самые грубые их проявления. Мало того, что я себя угнетала, я еще боялась «глубин» себя, ограничиваясь жесткой сферой. Я управляла той частью себя, которую могла познать или придумать. Такое ограничение! А теперь организм бунтует. Память вычеркивает ненужное и второстепенное. Зато теперь я могу вспомнить то, что видела, читала, слышала лишь однажды, или вообще никогда. Не фиксировала сознанием. Я говорю теперь то, что хотела сказать, а не зубрила для этого наизусть (раньше я постоянно проговаривала речь заранее в уме, чтобы все было выверено). А сегодня вечером память просто заблокировалось. Не смогла вспомнить ни одного своего стихотворения. Даже если бы расстрелом пригрозили, не вспомнила бы. Обстановка было комфортная, но читать не хотелось, попыталась на чувстве дома, но эти номера уже не проходят. Интересные процессы.

Приходила мамина коллега с дочкой. Я их раньше терпеть не могла, а теперь ровное, доброжелательное отношение. Иногда бывает, что мне все одинаково родные, а иногда — одинаково чужие. И откуда взялось это «одинаково»? Бросилась по их просьбе все примерять. Это я то! И не в просьбе дело. Тело хочет покрасоваться. Надо же! Это мое-то!? Я создала много стереотипов себя же, а помимо их во мне, оказывается, много чего есть. Сама себя придумала, а теперь сама себя не узнаю. Несколько рисовалась, но в доме стала такая теплая и уютная атмосфера. Ну, может, и играю. Может и лягну не то. А что, лучше забиться в угол как раньше и всю жизнь быть в роли наблюдателя? Опять оправдываюсь. И как я сегодня любила. И А. и Т.Н. Как мы хорошо посидели. Правда, все немного играем, но мы еще не способны быть сами собой. Но играем немного, и это уже хорошо. Но сквозит, сквозит во мне осуждение! Я не буду давить волей. Само сторит в любви к людям.

А то я больше трачу времени на борьбу с плохими качествами, чем рашу хорошию. Что же это за установка такая — бороться с самой собой. Во мне столько хорошего. Во мне Бог. А я своими железными латами, масками, щитами не даю пробиваться свету. Я дрожу: как бы не сделать что-нибудь плохое, вместо того, чтобы идти и делать! Делать! Делать хорошее. Не исключены ошибки? Но сколько можно дрожать. Я придумала, что я такая и должна вести себя так-то. А почему, собственно? А мне хочется не так. Как хочу, так и буду. Почему не сказать человеку, что он красив, что хорош его поступок? Почему не броситься на шею в порыве благодарности? Почему не спеть? Почему не засмеяться? Как же я нагородила себе столько запретов? Я еще не раскована. Во мне столько привычек, но все-таки я перестаю узнавать себя. И это радует.

А заснула в личных мыслях и мечтах, но они скоро стали какими-то неконкретными, бесформенными, превратились просто в тихую радость. Это любовь. Великая любовь личная. Даже ко всей Вселенной. Я люблю, но здесь главное слово «люблю», а не «я». Ведь я еще не там. Так почему же я заставляла себя любить звезды в небе небесною же любовью. Ведь эти же звезды на Земле. А любовь не делится на земную и небесную. Я все время делю.

День четвертый. Дата.

День уже начался очень хорошо. Посмотрела две замечательных сказки. Как же я люблю сказки! Состояние возвышенности удалось донести до вечера.

Опять чуть не начала себя ругать. Очень уж мне просто приезжать, уезжать. Я люблю уезжать, становлюсь радостной, оживленной. А маме очень трудно прощаться. Если при разлуке не режет по живому — это не любовь? Я уезжаю, как отрезаю: в душе тепло при воспоминании, но другая жизнь, другие люди. А потом приезжаю, и как не было разлуки, только я изменилась. Я не могу писать писем. Мне кажется, что я шлю их в никуда, а душевное единение чувствую, но для меня жизнь существует там, где я сейчас. Люди появляются из ниоткуда и пропадают в никуда. Обижаются, почему не пишу, не звоню. Я ведь их очень люблю, но дарю эту любовь, лишь когда вижу. И ругаю себя за это. Словно, Фома родства и друзей не помнящий. Переплакала видно в санаториях и лагерях.

С братом встретимся — роднее нет, а годами письма не напишем. И не пойму, хорошо это или плохо. И с детства не было скорби об умерших. То ли я как оторванный лист, то ли как капля в море.

В поезде было молитвенное состояние. Это от «Двух Жизней». Я не могу читать про Ананду без слез. И не пойму откуда это чувство именно к нему? Он сливается с образом Учителя, стоит произнести внутри его имя, как я

преображаюсь и начинаю понимать, что такое нести в себе свет Учителя, жить его именем. Оказывается, внешне очень видно.

Приехала в К., и как не уезжала. Дом опять отрезало, как перед этим отрезало К. Обстоятельства моей жизни. Ведь это счастье. Ведь это радость — жить. И опять всех любила и благословляла судьбу за такую Науку. Только вновь приступ неловкости, неуверенности, детскости.

А затем заговорили с С. о С. и во мне что-то начало нарастать. Появилось чувство, что я очень долго от чего-то прячусь, ухожу, сознательно избегаю. Но я осознаю! Обязательно осознаю!

А еще странное чувство: пишу эту тетрадь как перед смертью. Может, и правда я умираю? Я прежняя? Вечная птица Феникс. А еще, когда я себя анализирую, все получается в прошедшем времени. А назад возвращаться не хочу. Я ведь и из прошлого ухожу, как отрезаю: там уже не я. Я только в те пять лет возвращаюсь. К той огромной любви. Но ведь она тоже не там. Она во мне.

День пятый. Дата.

Устала, но усталость приятная. Есть чувство удовлетворенности собой. Не самоуспокоенности, а самореализации в чем-то, не бесполезно прожитого дня. Но опять дает это чувство не общение, не практическая деятельность, а напряженная внутренняя работа. Не интеллектуальная, а именно внутренняя, когда удается соединить работу ума и чувства. Я писала статью с такой легкостью, радостностью. Я не знаю, каков будет результат, как меня оценят, и мне это совершенно не важно. Мне хотелось написать, сказать это, потому что это очень важное. И сегодня мне казалось, что я работала не одна, не от себя. Я не самоутверждалась, доказывая себе свои возможности. (Эти мысли скользнули, но уже при переписывании). Я просто несла существующие уже идеи. Как бы достичь полного самоотрешения и не портить чистоту идей, пропуская их через призму своей самости? У меня появилось стремление к этому. «Я сама» стало тесновато.

Заго с работой над качествами хуже. Дети шумели, но странно, это не вызвало во мне ни раздражения, ни злости, ни осуждения, ни беспокойства. «+» развитию доброжелательности, но «—» волевому началу. Надо уметь твердо ставить рамки дисциплины, не давя при этом на людей, не теряя доброжелательности. Затем весь день писала статью и готовилась к завтрашним урокам. И читала «Две Жизни», как бы мало не было времени, эти дни я уже не могу без этой книги. И не то, чтобы много размышляла. Почитаю, и хорошо на душе, и сил прибавляется, и радости.

Приступы сонливости еще не оставляют, и очень плохо у меня с контролем тела и мыслей. То упадет аппетит, то вылезет не очень чистая мысль. Встретила С. Не могу чувствовать себя с ним спокойно, хочется отвести глаза, поскорее уйти. Может, это чувство вины? Мне ничего нельзя желать. Каждое мое сильное желание обязательно сбудется, даже если я уже этого не хочу. Вот и опять жизнь учит: откуда тебе знать, что тебе надо? Не от себя желай. Пусть будет все по воле Учителя. Прости меня С. Света тебе и радости. Пусть тебе станет хорошо, пусть успокоится твое сердце — самое важное в мире лежит поверх лично-го. Хороший урок: не привязывайся сама и не привязывай других.

Сегодня опять было ощущение одиночества на Земле. А я ведь сама в этом виновата. Столько людей желают мне добра, думают обо не. А я о них не думаю, я сама замыкаюсь в одиночестве. Люди стучат, зовут, а я не отзываюсь. Нужны привязанности? Нет, но есть уже существующие связи. Никто не изолирован в мире. Все со всем связано, и лекарство от чувства одиночества

одно — любви людей. Люби, Сама. А не жди, что кто-то будет бегать за тобой и доказывать, как ты ему нужна.

А еще меня тяготит то, что я как-то отдалилась от мамы. Самое близкое и дорогое для меня не здесь. Но я не права, когда делю близкое на самое дорогое и менее дорогое. Когда в моем сердце проснется близость ко всему миру? Да, я уже не могу любить маму только за то, что она любит меня. Но я люблю ее как часть мира, за то, что она есть, за то, что она — Бог, за счастье встречи со звездой. В мире для встречи миров придуманы родственные связи. И я благословляю эти встречи. Я люблю тебя, мама!

А еще живет в душе память вчерашней встречи. Она слилась с обликом Учителя, и он сегодня особенно близок. И больше всего я хочу удержать его руку.

Завтра: единение с Учителем

ответственность

доброжелательность

благодарительность

внутренняя свобода

правдивость...

Пять дней Марии А.

День первый. Дата.

Хочется записывать, кажется, что так я быстрее пойму что-то важное в себе.

Я не буду писать о людях, помню то, что запомнится.

Вот хочется записать, как выглядела ворона на асфальте, когда ветер ей раздувал крылья, а она взлетала. Как она выглядела? Бесстрашно — она все равно взлетела. Я же знаю, почему мы с ней поняли друг друга. Мне тоже надо делать то, что хочу, пусть для других это выглядит как-то не так... Я же никого не принуждаю — я хочу учиться, а не спать до обеда, я хочу читать и видеть многое, я так мало знаю..

День второй. Дата.

Прочитала у Ф. Саган о том, что можно погибнуть от непривычки к теплу, и подумала, что это относится ко многим людям — многие только и живут, когда кричат или ссорятся. Добрых людей очень мало. Равнодушные или просто любопытные, но не добрые.

Тогда бабушка в деревне готова была меня расцеловать за то, что я с ней поговорила. Здесь в большом городе я сама готова благодарить того, кто бы со мной поговорил о моей жизни здесь, хотя я все могу сама. Поговорить иногда хочется. Это уж дома — с мамой можно обо всем говорить, она все понимает. Я только теперь понимаю, какой она необыкновенный человек — душевный и благородный, и детски беззащитный. Как это люди могут не видеть и обижать ее. Не понимаю, я готова драться с ними за нее.

Я знаю, что мы чувствуем с ней друг друга на расстоянии.

Мы разговариваем с девчонками, но как на разных языках — каждый говорит свое.

День третий. Дата.

Пишутся стихи, много стихов. Везде их слышу, не успеваю записывать, они приходят и уходят. У меня температура, какой-то бред, но я слышу слова в рифму. Они как бы удерживают меня от ухода куда-то далеко-далеко... Я не боюсь смерти, я не хочу боли.

День четвертый. Дата.

К вечеру мне стало лучше. Никто не приходил меня навестить. Надо это обдумать, ведь знали, что температура, может, заразиться боялись или еще что-то... А так хотелось лимона или капусты. Выздоровлю, обязательно куплю. Думалось много разного о людях, но они не воспринимались как друзья. Все какое-то напряжение, как будто я хуже других. Надо больше заниматься зарядкой и закаляться, а то все болею и болею. От этого кашля можно сойти с ума. Я смогу с ним справиться сама.

День пятый. Дата.

Давно ничего не записывала. Пишутся только стихи. Много. Читаю везде, прочитала за неделю десять художественных книг. Почему так трудно пишут о науке. Я почти ничего не понимаю — одни слова, слова. Я же знаю, что слово может не только родить мысль, но и скрыть ее или даже разрушить: слово может быть ложью... Слова — еще не истина. Я не знаю, как она существует или ее придумали люди, но во мне самой есть что-то, что мешает верить словам... Я чувствую, когда человек говорит их не от души.

В метро было столько красивых лиц. О каждом человеке можно было сказать, что он необыкновенный.

Утром на морозе город был такой тихий, загадочный. Но я знаю, что это не мой город, я здесь чужая, как и везде. Где-то будет мой дом? Будет ли у меня дом? Я даже не мечтаю об этом...

Пять дней Владимира О.

День первый. Дата.

По пути на работу в троллейбусе вспомнил наш разговор с сестрой И. и я задался вопросом, почему наш разговор повис в воздухе и не получил продолжение. Сама тема разговора была интересной, и, казалось бы, уже при нашем понимании мы должны были к чему-то или в чем-то сойтись. Это было сочетание небесного и земного, области высоких абстракций и красоты понятия самой жизни. Матери Мира. Где-то здесь в глубине мерцало величественное понятие двух великих начал космоса. Возможно, глубина этих понятий, незрелость наших сознаний для этого понимания помешали разговору. Но ведь был и другой вариант развития разговора, и мне кажется, доступный для нас. И Учитель предупреждает нас, что человеческие сознания никогда не могут быть тождественны и кратчайший путь для взаимного понимания — это совместный труд, когда понимание друг друга переходит в область духа, вырабатывая при этом субстанцию общей энергии. При обмене же на ментальном уровне здесь должен выступать канон Господом твоим.

День второй. Дата.

На работе обычная ситуация, надо отлучиться на некоторое время. После удачного, как мне тогда казалось, оборота событий. Моя мысль касается понятия устремления. Посмотрим на такой пример. Человек спешит куда-то, люди не знают, куда он стремится, но инстинктивно чувствуют это и сами, не отдавая себе отчета, содействуют этому стремлению (исключая, конечно, патологические моменты) — уступают ему дорогу. Отвечают лаконично на вопросы и т.п., почти все бывают свидетелями таких моментов. Но если это происходит на подсознательном уровне, когда человек помогает спешащему, даже если за минуту до этого он

был самого плохого мнения о нем, то какие горизонты открываются перед человеком, развивающим внутренние устремления, и кто может определить величину и качество этого устремления, если оно в духе и связано с Иерархией. Поэтому такими легкими становятся задачи во имя общего блага, пусть даже небольшой группы, хотя иногда и кажется препятствие непреодолимым.

День третий. Дата.

Еду в автомобиле в город К. Обычно такие моменты я использую для общения с Учителем, просто чувствуя его, пытаюсь создать Присутствие наиболее ощутимым. Перед внутренним взором встают мои отношения с группой вообще и с каждым в частности. В данный момент передо мной образ брата С. Непростые отношения, сложившиеся у нас в последнее время, заставят поработать, я думаю, нас обоих. Вероятно, мало кто заметил эту напряженность в наших отношениях, что выражается в складе наших характеров, и это был наш внутренний диалог, в общем-то ничем внешне не выраженный. Здесь я не знаю, как это преподнести, если С. скажет, что ничего не было. Тогда мне просто останется объявить все это моей фантазией. И все же я помню и, вероятно, понимаю некоторые свои оплошности, которыми заслужил неприязнь С., один раз он сумел даже вывести меня из равновесия. Но при всем этом отношение мое на всем протяжении этого времени было доброжелательным, хотя нет-нет и проскальзывала на сердце тяжесть наших отношений, опять же замечу — внешне это ни в чем не проявлялось. В принципе, зная, что с С. можно поговорить один раз об этом, чтобы все разрешить мирным путем, но здесь мне показалось, что этого недостаточно, что здесь что-то должно созреть в нем, чтобы подойти к нему. И вот во время конференции и после нее, кажется, это произошло, и я почувствовал ток его сердца в мою сторону, и можно поговорить о наших отношениях.

Главное — не заразиться от человека его временным состоянием и тем усугубить положение. Не уподобиться снежному кому. В каждом из нас живет Учитель, и во время повседневной жизни сколько мы встречаем несовершенства, и если полагая это и направляя все в башню Чунг на огненную трансмутацию и при этом мы сами не завибрируем на эту частоту, то мы уже достигли некоторого совершенства. В первый же день передо мной хорошая ступень совершенствования.

День четвертый. Дата.

Как сложно поднять в сознание мысли и переживания, отделенные ночью и сном, даже если основной смысл зафиксирован, но другой день, это совершенно другие энергии, другие задачи духа, поставленные Учителем. Но все же события, проходившие в этом дне, заслуживают того, чтобы их зафиксировать. 8.00. В начале утра меня интересовал вопрос Иерархии. Почему-то сложился образ сияющей, величественной силы, могущей повергнуть в трепет и вызвать благоговение. Эти сознательные Строители Космоса есть биение Сердца Космоса или являющиеся сами этим Сердцем. Но когда перед сознанием встают лики Учеников этой Иерархии, открывается аспект, который для сознания трудно поддается измерению. Как сказать о милосердии и сострадании наших Учителей и как определить эти качества Их Учителей и что будет, если это продолжить в Беспредельность, это и есть Иерархия Света. И поэтому не стоит ожидать касаний этих Существ с последствием потрясений и ошеломление. Исключая, конечно, те моменты, редкие вообще, в жизни человечества, когда Иерархия лично посещает избранных и возлюбленных их. Но в основном это мысли и тонкие чувствования, приходящие из Мира Огненного через все слои, чтобы воспринять что-то, в основном неосознанное.

Вечер, проходивший у Н.М. когда мои друзья читали свои мысли вслух, надолго останется в моей памяти. Такие отношения между людьми, когда открывается внутренний мир человека, когда-нибудь будут общеприняты, и мы вводим такие отношения в повседневность. (Заканчиваю, нет сил все вычитывать, да это и не надо). Переключаемся на сегодня.

День пятый. Дата.

7.00. Уже долгое время после сна я не чувствую отдыха сознания, хотя физическое тело отдыхает хорошо. Интуиция подсказывает, что и сознание получает нужный отдых. Но пока я отхожу от сна, я успеваю включиться во все то, чем я был полон вчера. И может быть, мне стоит уделять больше внимания перед отходом ко сну, когда в общем конструируется, закладывается поведение сознания и духа на весь следующий день. Конечно, этот день является прямым следствием дня вчерашнего, но причины вчерашнего дня ушли и следствия этого должны легко ложиться в дне. Груз вчерашних причин ставит преграду проникновения высших энергий в меня, и в частности радости. Бывают такие моменты, когда вдруг становится очень легко и радость просыпается. Вот в такие моменты, наверное, начинает звучать голос Учителя.

Пять дней Андрея Н.

День первый. Дата.

Сейчас 11.20. Болит сердце, но не сильно. Дорога. Выйдя от Н.М., я даже не дрогнул от резкого щелчка, прозвучавшего сзади. Интересно, что сразу упал сзади занавес, отгородивший меня от вибраций испуга или вздрагиваний. У Н.М. беседы о дальнейшем развитии и перспективах. Во время разговора Н.М. по телефону с Андреем о бизнесменах, которых у нас нет, меня взволновало, захотелось быть таким бизнесменом. Появилось чувство, которое нельзя определить. Может, самости типа вот я бизнесмен. Пишу и самому тяжело признать это. Сразу невозможно что-то достичь. До ужина грустно. Центр. Ужин с С. Были моменты недовольства по отношению к С. Но я не должен ему мешать действовать, как он может и хочет. Посещение А. Беседа с В. Рассказывал о литературе Р. Штайнера. Она немного заинтересовалась. Хотел дать послушать кассету Ж., но он был не в настроении. Сам А. многих вещей и не знает. Выставка картин книг прошла неорганизованно. Я видел эту показуху культуры. Пришли, но потому, что этого требует этикет. На выставке почувствовал неприязнь к себе других некоторых людей. Поискал и не нашел почему-то. Может, из-за того, что иногда вхожу в себя и поэтому вызываю недовольство по отношению к себе, так как они являются неслышанными. Каждый хочет быть услышан. Но что он для этого делает? До выставки был в Центре. Когда моешь пол, убираешь, получаешь удовольствие. Это работа. Так и прошло утро. Снился сон о сказках. Видел сказки для детей наподобие Монвантара. Но не было названий. Когда пришел в Центр, было недовольство собой С. Надо научить себя управлять собой самим. А не эмоциям мной. Сейчас готовлюсь ко сну. Вл., очисти меня от невежества, от проблем в этом дне. Возьми мой дух к себе. Не дай ко мне проникнуть всему плохому и злему. Защити меня.

День второй.

Сел писать. Внутри непонятное состояние. Неуютно находиться в комна-

те. Столько уже прожил, не боялся. Есть ощущение холода за спиной. Как будто кто-то есть. (Владыка защити меня. Помогите очистить все вокруг). Закончил расчеты. Внутри есть немного неудовлетворения к себе, так как не могу начать заниматься математикой. Был у Ю.Б. Немного рассказал о ходе торговли в том плане, чтобы Ю.Б. подсказал кого-нибудь в школах. Сказалось мое неумение дослушать — Ю.Б. был внутри недоволен беседой. Отсюда я любитель пустословить. Дорога с В. Проявилось в один из моментов недовольство, но убрал. Очень не хотелось заходить к Н.В., поэтому было закрыто. Разговор с Н.М. Меня внутри трясло. У меня было состояние двойственности, одно состояние, очень не хочет выглянуть, т.е. открыть дверь и увидеть солнце. Солнце свободы и радости. Поэтому я постоянно находился в напряжении. В разговоре с Н.М. я понял, что Н.М. на меня надеется. А я задавал вопросы наивные. Не понравилось, что я сказал о искренности. На эту тему уже говорили, а я повторяюсь, и внутри была маска во время этого высказывания. Торговля прошла нормально. Что я могу отметить? Это тот факт, что еще во время торговли мне немного сложно фиксировать. Контролировать еще могу, но четко зафиксировать еще нет. Когда пришел торговать, меня очень трясло, я себя еле сдерживал, т.е. сдерживало одно тело, понимающее, что этот урок, этот день мне нужен; от другого, которое хотело закрыться, уйти, спрятаться. Доехал спокойно. В дороге было желание обратиться на себя внимание. Но по большей части я молился, так как это состояние внутри меня минуло. В Центре все было неплохо. Было состояние пассивности и в тоже время понимание необходимости. Когда слушал нравящуюся музыку меня охватывало желание быть с Владыкою. Было тепло внутри, и в то же время что-то мешало. Утро было не из приятных, разбитое. Хотя вчера было великолепное состояние. Поговорил с С. Старался ему помочь. Чувствовал себя перед сном очень хорошо. Ничего не снилось. Готовлюсь ко сну. Вл., защити и сохрани. Возьми мой дух к себе. Учи его. Пусть будет мир и свет небесам. Мир добро миру.

День третий. Дата.

12 часов дня. Закончил уборку. Начал ее, так как внутри все давило, не давало активности. Опять где-то расстроилось. Полная энергия не выходит. Не находит выхода до такой степени, что утром проснулся разбитым, есть до сих пор не хочется. Стал заниматься зарядкой. Затем все переменял, чтобы выпустить все из себя. Но когда облился водой, стало еще легче. Болит немного солнечное сплетение. Но голова как-то не чиста, что мешает. Чем же она забита. Сегодня 12-е число, до сессии остался 1 месяц, я еще ничего не делал. Может, это. Еще я хочу помощь, лучше торговать книгами, распространять педагогическую литературу. Чувствую, что еще есть нотки сдать эту торговлю. Но я сильнее этого, я тоже чувствую. Но нет у меня активности. Я и это вижу. Мне не тяжело, но какое-то состояние сейчас преодоления. Да, я боюсь жизни. Боюсь любого нового, еще не умею во все это входить, понимать. Поэтому идет процесс пересиливания. По кусочку отрываю куски невежества своего, и постепенно это место занимает новое. Надо это преодолеть. Я ведь это могу. Со мной мой дух, дух сотрудничества и Учителей. Я просто не могу иначе. Только вперед, вот это и есть саморазвитие и самоусовершенствование. Умение стать на свое «Я» личное. Поэтому сейчас выдохну и вперед. Только не сидеть на месте и не замыкаться на себе, еще внутри мешает то, что вдруг кто-то поможет. Но нет. Вся надежда только на самого себя. Поэтому сидеть и ждать кого-то? Захотелось есть, но надо довести все до конца.

11 часов вечера. С. дома, когда проходил увидел свет. Не очень мне хотелось его видеть. Надо учиться быть естественным. Дорога. По дороге было неприятное

отношение. Раньше я ходил, не замечал пьяных, разбой. А сегодня остерегался. Постоянное ощущение опасности. Провел И. Поведение мое не ахти. Мне не понравилось — было ощущение, сравнение мужского и женского начала. Я внутри почувствовал силу И. и хотел себя поднять в ее глазах на внешнем плане «типа весь на показ». Т.е. давить на И. Она все это видела, и я, как маленький ребенок.

У Н.М. Беседы. Главное не привязанность, теперь мне необходимо отслеживать все на счет продаж и распространения. Господи Вл., помоги мне во всем, что касается нашей помощи обществу. Забери все мое невежество и помоги с устремлением, с правильным контролем, с простотой поведения. Была неловкость немного во время ужина. А так вел себя естественно. Встречал И., вел себя так же, как и в общежитии. Старался на подсознательном уровне давить на И. Я чувствую, что ей видно, что ее не понимают до конца. Ей тяжело. Дорога от Ю.Б. к Н.М. Все как-то сразу транспорт приходил. Ю.Б. поработал с тел. Разговор с Л.Г. получился неплохой, но неумение, скорее незнание дает о себе знать. Ничего, получится. У Ю.Б. чувствовал себя не очень. Неумение выслушать. Хочу слушать только себя. И думаю только о себе. До этого был у П. Было нормально. До этого был в Центре. Это два раза ходил сюда. 1 раз просто вышел и понял, что необходимо работать, пришлось возвратиться за бумагами. Сейчас ложусь спать.

Пусть будет Мир и Свет Небесам. Спасибо, Вл., за Твою Помощь и Помощь Твоих Помощников. Очисти меня за этот день. Прости за мои ошибки. Защити меня на ночь. Возьми мой дух к себе. Учи его. Дай мне сознательный сон. Научи контролировать себя во сне. Пусть будет Мир, Радость, Любовь. Да будет так!

День четвертый. Дата.

23.00. Сейчас чувствую усталость. Разбирался в том, как и что привезти. Составил небольшой план на два дня в Москве. До этого ходил звонить. Какой-то пьяный что-то говорил насчет того, чтобы я ему дал сигарет, а если нет, то деньги, я так понял его, на сигареты. Внутри было чувство чего-то непонятого. Его я не боялся, но увидел, что он человек взрывчатый. Просто ответил, что не курю и нет денег. Потом он что-то разнервничался и сказал, что я не виноват. Хорошо. С. чувствую к нему закрытость от себя. Существует и необходимость прикрываться. И. Были у Ю.Б. Чувствую к ней тепло, ее женственность, ее понимание окружающего мира. Но она закрывается от всех. Были у Ю.Б., побеседовали. Состояние нормальное было. Затем в общежитии продавал. Получилось ничего. Нормально. Главное, не стеснялся, не боялся сказать. Но можно сказать, что не до конца на внешнем плане проявляюсь. Еще не все вышло, оно боится выйти. (Точно так же, как и к И., хочется сказать что-то доброе. Это я чувствую глубоко, но еще не могу.)

Интересно было в Доме книги, 3 этаж с О.В. Вел себя много увереннее. Но к концу немного ослабил контроль и сразу недослышал слова О.В. Поэтому появилось чувство неловкости. И постеснялся спросить еще раз. Центр. Пединститут. Л.И. Деканат М. 9 эт. 6 эт. Беседы. Новые знакомства. Мне не хватает такого качества, как полная вера, безоговорочная, в себя. (Я должен, поэтому я могу.)

44-я школа. Беседа с завучем. Немного вел себя заметно. Но было приятно, что заинтересовались литературой. В 26-й много наговорил и ничего. Даже попросили выйти. Это директору не понравилось, то, чем я занимался. В 6-й тоже не увидели. Поэтому до 44-й было грустно.

Утро было тяжелым, опять осевая энергия жизни, которую пришлось

снимать зарядкой и обливанием. Тогда стало легче. Утром страшно не хотелось вставать. Но заставил себя.

Сейчас немного грусть прошла. Причина? Непонимание той литературы, что я предлагаю людям. Потом у К. появился З., т.е. конкуренция. Будет все нелегко. И я понимаю, чувствую свою всю взятую на себя ответственность. Любое мое сомнение бьет в первую очередь по нашему общему делу, поэтому только с Помощью Вл. и уверенностью в себе можно это преодолеть.

На этом заканчиваю.

Пусть будет Мир и Свет Небесам. Спасибо, Вл., за день, Мир тебе. Я люблю Тебя. Возьми мой дух к себе. Отмети от меня невежество.

Да будет так!

День пятый. Дата.

10 часов утра. Состояние спокойное. Не пойму, почему кушать не хочется. Не хочу и все. Облился, сделал зарядку (слушал музыку). После зарядки и обливания почувствовал себя легче. (Но к С. стоит стена, и сильная стена. Он ее создал, а зачем?) С утра не хотелось вставать, поднял себя, снился сон, но не буду со стороны. На меня он не произвел впечатления. Единственное, жаль человека. Снится. Приехал парень в команду гонщиков по пустыням. Там была девушка. Он в нее влюбляется. Они вместе живут, танцуют. Разные их любовные сцены. А затем он рвет с ней отношения. Говорит, что она гуляет со всеми, и я как бы это чувствую, что она гуляет со всеми, хоть с ним живет. Вот она рыдает, ей больно, тяжело. Она просто иначе не может. Она очень красивая, обаятельная. Ее мне жаль. А он рассказывает другу, что хочет любви большой. На этом сон заканчивается. Вот что я заметил. Когда ей тяжело, она плачет, она нуждается в поддержке. И эта поддержка в ее представлении — опять утешить себя в других руках. Вот это и хотело меня словить. Во мне это осталось по отношению к девчонкам. Так что надо уметь утешить, помочь человеку. А не переходить в пол. контакт, думая что таким образом утешаем друг друга. Это просто безобразно.

Сейчас готовлюсь в город. Настроение хорошее....

Юношеские стихи

Автор Ирина В.

Ради Бога!
Не дайте мне сжечь
этот мостик!
Я уже не могу без мостов.
Мне постыл этот остров!
Ради Бога!
Не дайте мне сжечь
этот мостик!
Среди всех островов
мой безжизненный
каменный остов.
Я нужна.
Убедите меня — я нужна.
Молодой генерал,

Я седая цыганка,
я не верю, что ты не играл
Я устала,
коснусь мимоходом
и снова уйду.
Перед каждым Восходом
я теряю Звезду,
я устаю.
Этот остров, как
каменный гроб.
Жить мечтала.
Почему же стою, словно столб?
Это он.
Этот чайный
радостный смерч.
Я стою,
я все время боюсь
не сберечь.
Я мечтала бежать
по воде
и прижаться к груди.
Разрываюсь в мольбе.
Разбуди!

Я опять заигралась
и опять не успела измерить.
Видит Бог, не старалась
виртуозно я так лицемерить.
Видит Бог,
Только он мою книгу читает.
Миллионы дорог,
каждый тысячу раз выбирает.
И в любое мгновенье
мы что-то решаем.
Иногда за движение
мы себя не прощаем.
Иногда за улыбку,
иногда за поступок,
за чужую ошибку,
за котомку уступок...
Неужели мы Боги?
Мы не видим дороги.
Мы не знаем задачи,
Отчего же мы плачем?
Я опять заигралась,
Но себя обвинять не сумею.
Я так сильно смеялась над людскими «боюсь» и «не смею».

Спасибо тебе, родной,
за страшную боль в груди.
За то, что пришлось одной

себя искать впереди.
За то, что пришлось нести
почти непосильный груз,
за то, что пришлось брести
под.....обуз.
За то, что смогла поднять,
за то, что смогла простить.
Что мне не суметь отнять,
что мне не суметь убить.
Спасибо, тебе, родной,
за то, что ты просто есть.
Что мне не пришлось одной
страдать и смеяться здесь.

Автор Мария А.

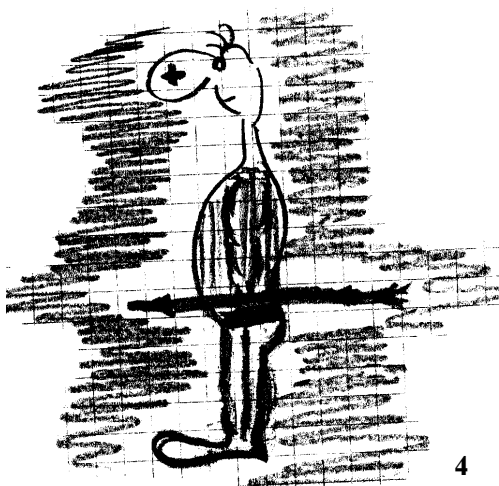
Ничему не вижу предела —
только строгое, тонкое тело,
лишь оно как черта, как граница.
Лишь ему я могу помолиться,
лишь ему...
Бесконечность, беспечность...
все о том же:
туманы и вечность...

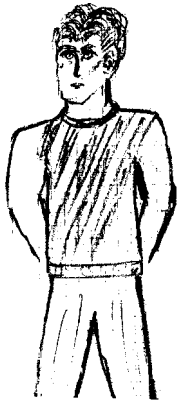
Я тоже могу быть сильной —
пройти и не оглянуться...
я тоже могу быть сильной
и никогда не вернуться.
Все выдумать — все до жеста,
а флюгер, он тоже из жести,
но он по ветру, а я по воле,
по своей, только женской доле,
никогда, никогда не заплачу,
разве что-то я в жизни значу?
Все придумано, все как случай,
только правдой меня не мучай —
это нынче, сегодня, рядом...
Я — лишь завтра, мне в завтра надо...

Разве такое бывает? Бывает!
Боль, и ее человек забывает.
радость — и снова забыта,
забыта...
Солнце, ручьи, луна и открытие —
все забывается...
Помнится то же, то, что забыто!
Как это похоже на шорох
листьев осенних,
летающих
во власти Вселенной...

Рисунки молодых людей

Рисунки человека

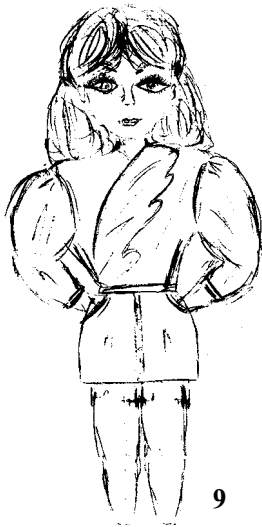

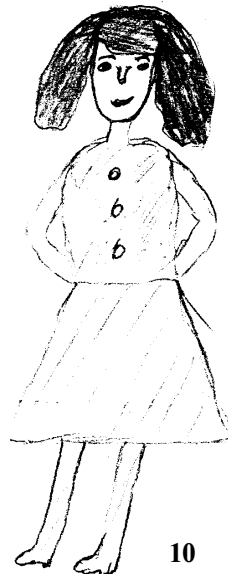
6

8

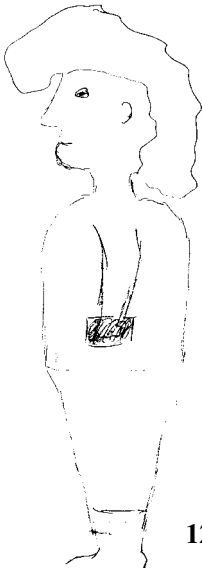
9

10

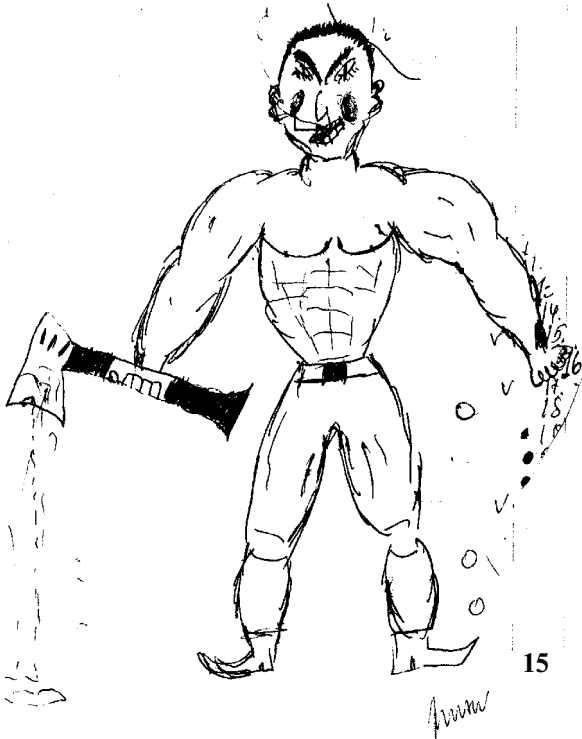
11

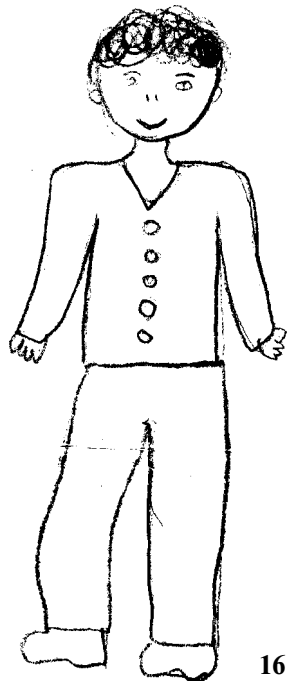
12

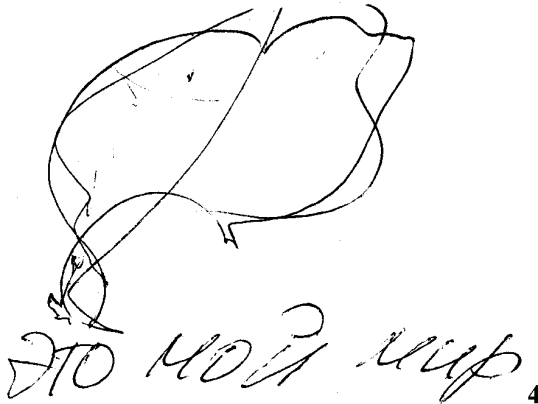
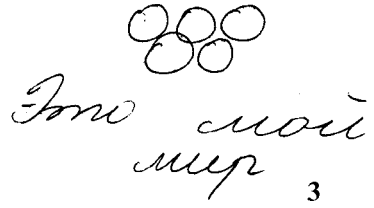
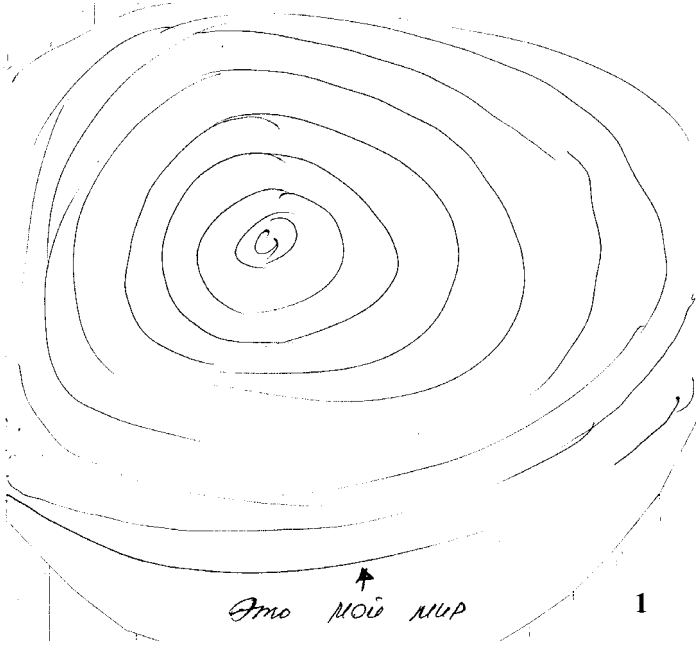
14

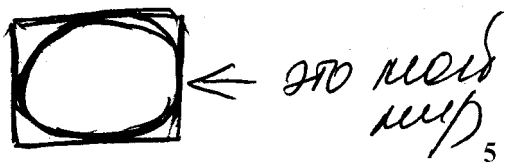

15

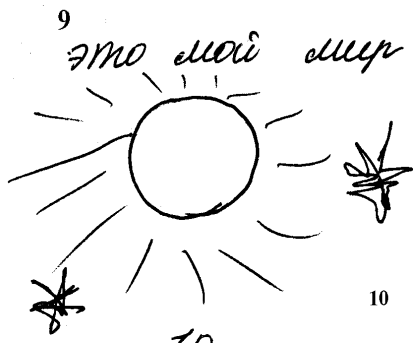
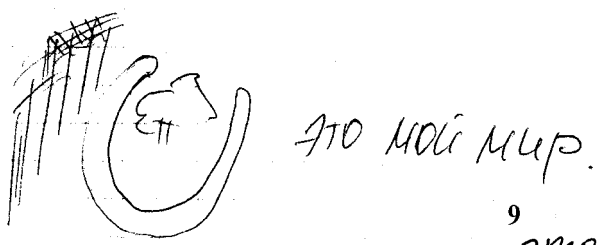
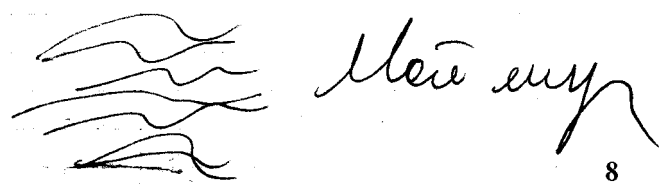
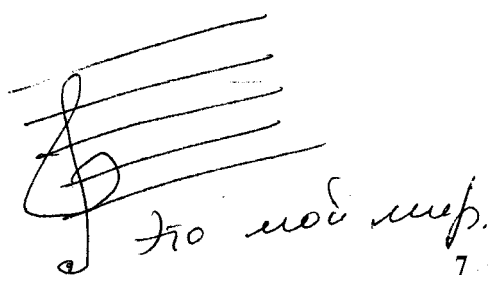

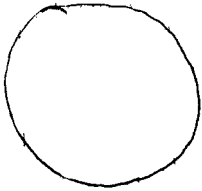
16

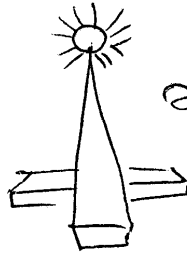
Я - это мой мир. ⁶

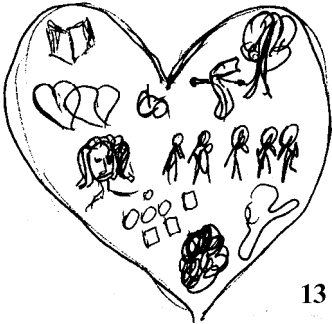
это мой
Мой мир

МИР
11

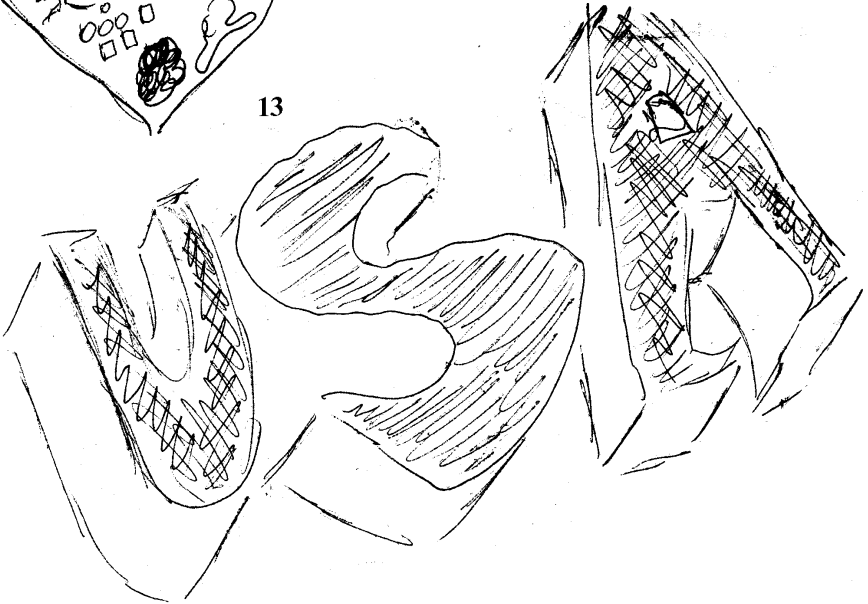

это мой
мир

12

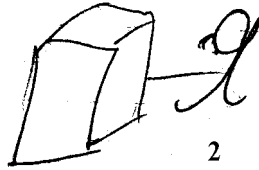
13

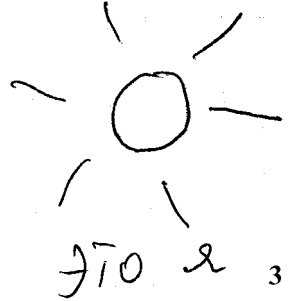
music

14

ЭМО Я

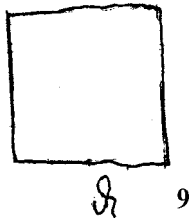

ЭТО Я

Я

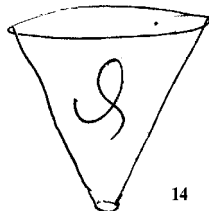
ЭМО Я

ЭМО Я

ЭМО Я

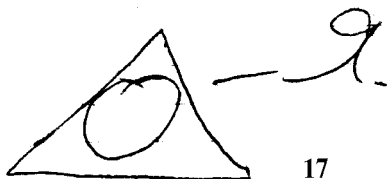

Я - 370 Я (Е ОН)

15

ЯМД Я 16

17

Я

19

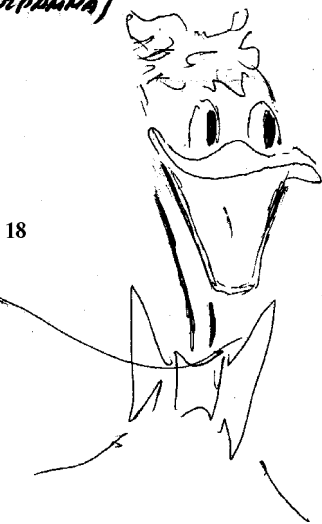
Я

20

- 40 Rem. Disk
- 50 Print. Plot
- 30 If 3=1 90
- 40 Go to 30
- 50 Random
- 60 USA 25
- 30 Print 5
- 80 Run. Co.
- 90 Com 25
- 100 If 6=1 90
- 110 Print 2
- 112 Print 25
- 120 Print 5
- 125 Print 2
- 130 Print 5
- 135 Print

(КОМПЬЮТЕРНАЯ ПРОГРАММА)

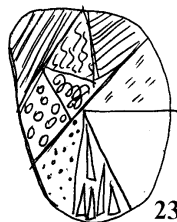

18

21

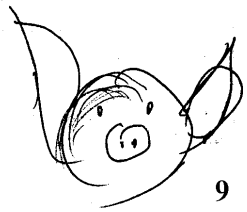
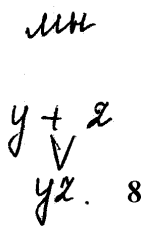
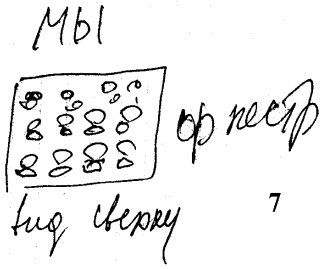
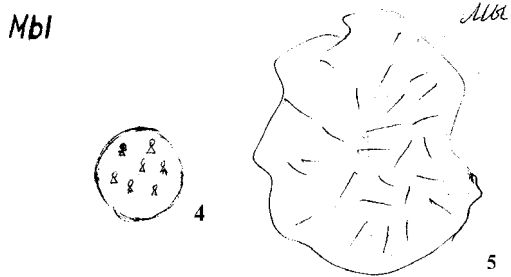
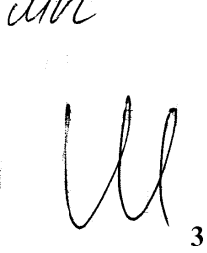
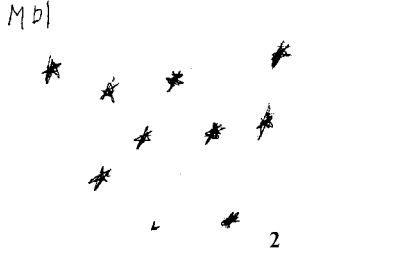
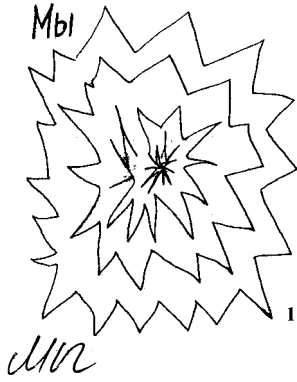
Я

23

22

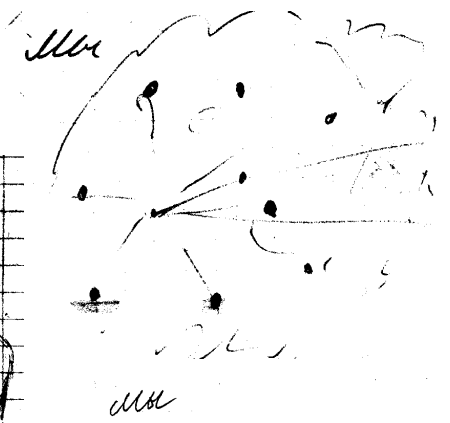
СИМВОЛЫ «МЫ»

МЫ

10

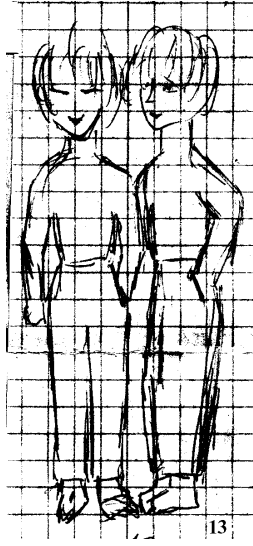

?

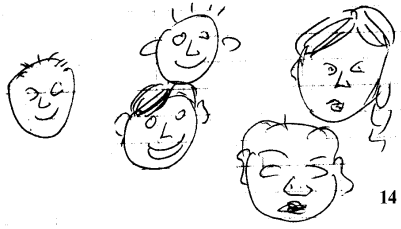
11

12

13

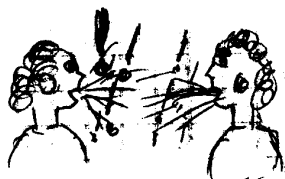

14

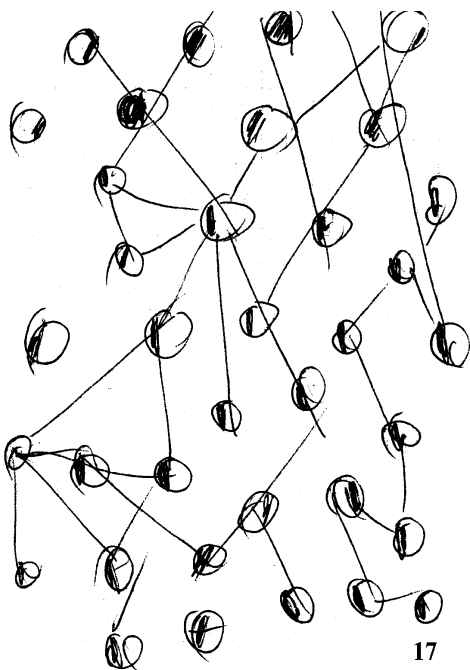

15

Мир

16

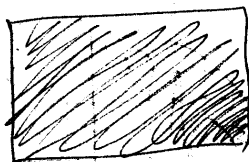
17

Мир

18

Мир

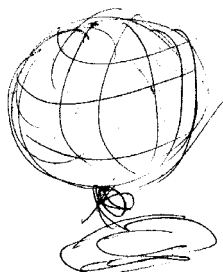

сфера

объединяет

масса.

19 резко ограниченная

Мир

20

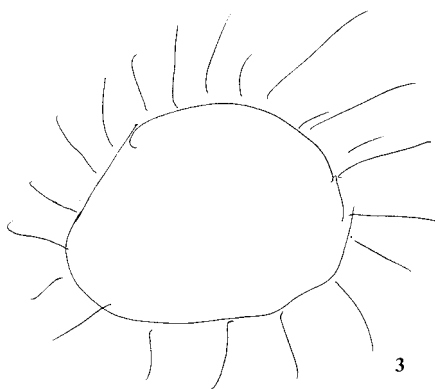
СИМВОЛЫ СЧАСТЬЯ

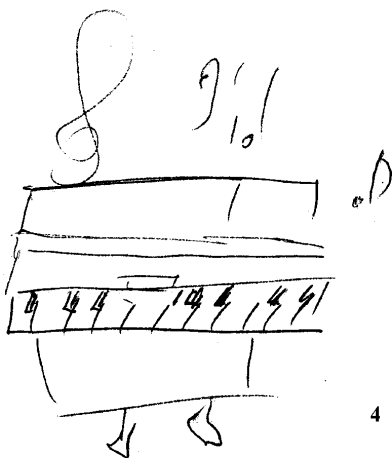
→ мое счастье 1

это мое счастье 2

3

4

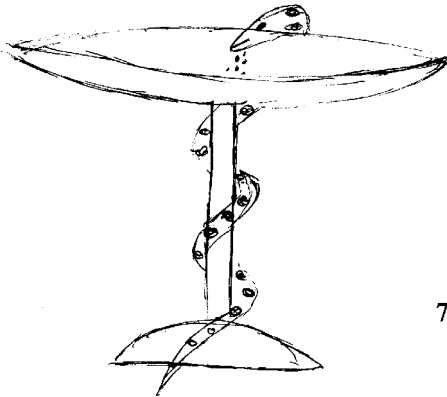
5

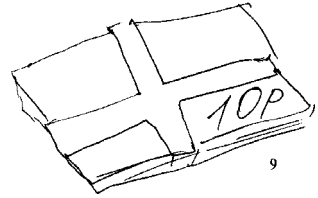
6

это мое счастье

Счастье - спрыскае.

7

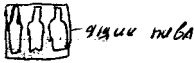

9

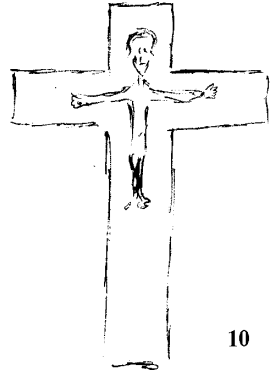
счастье.

счастье

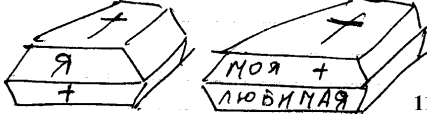

8

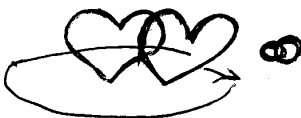
10

Это мое счастье

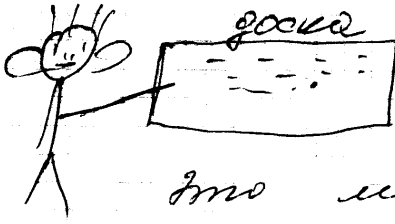

11

Это мое счастье

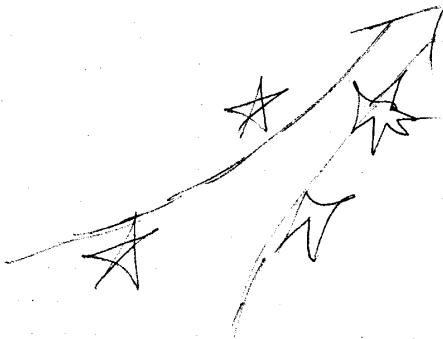
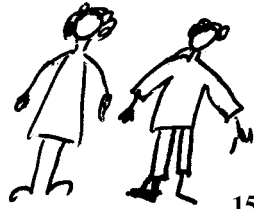
12

Это мое счастье

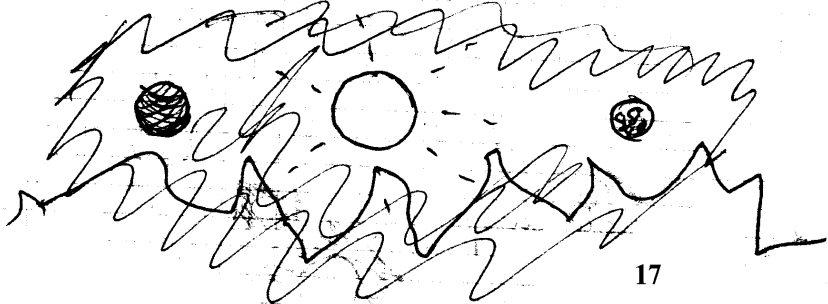

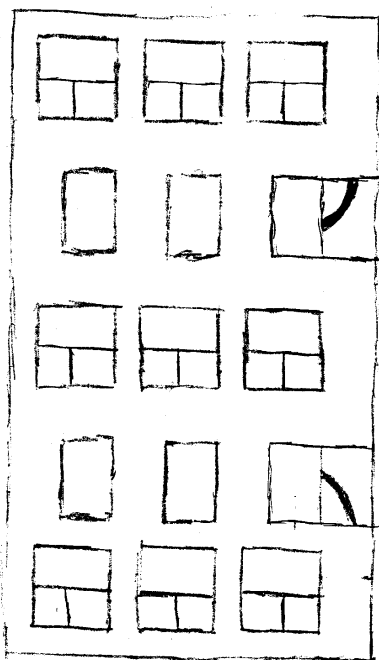
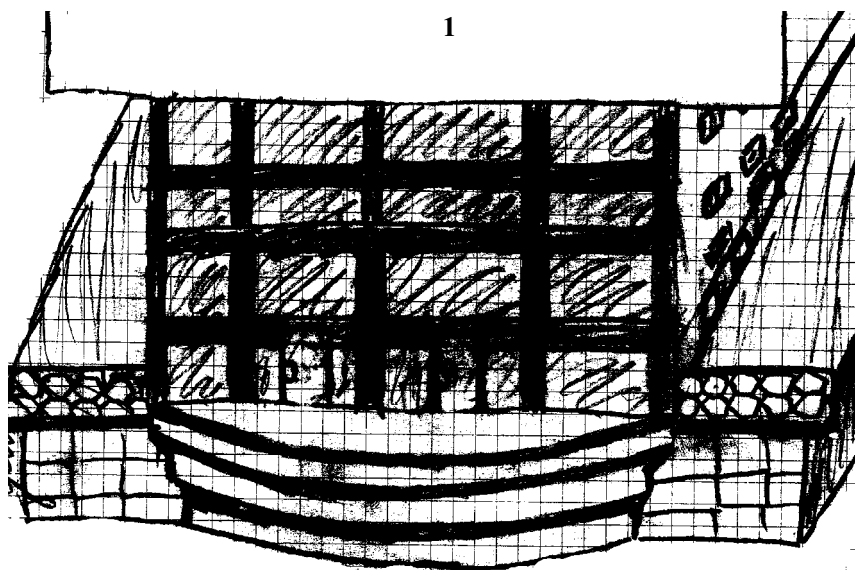
Это мое счастье

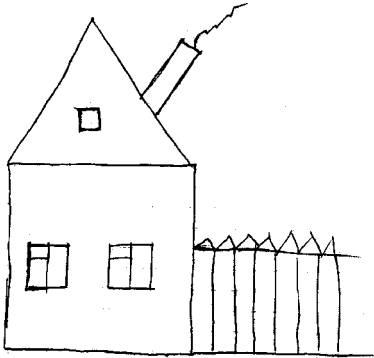
Это мое счастье

Это мое счастье:

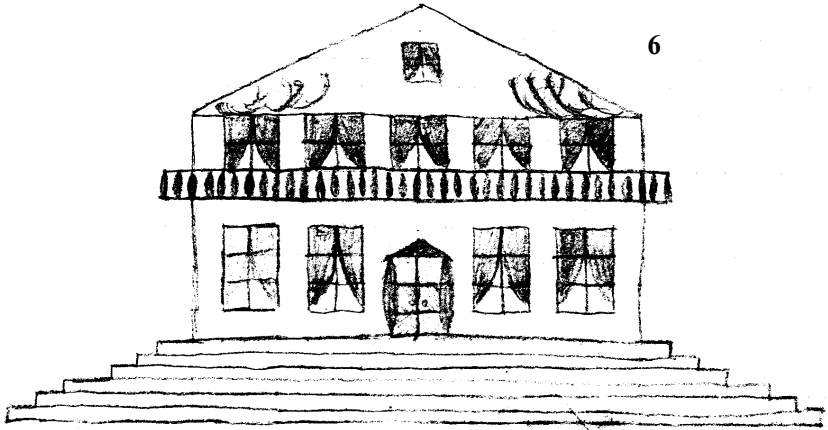

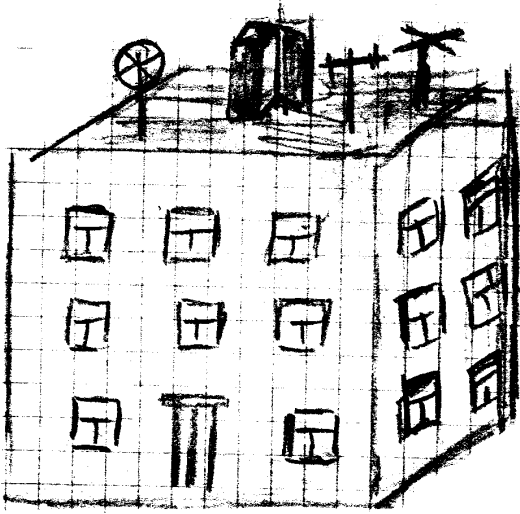
3

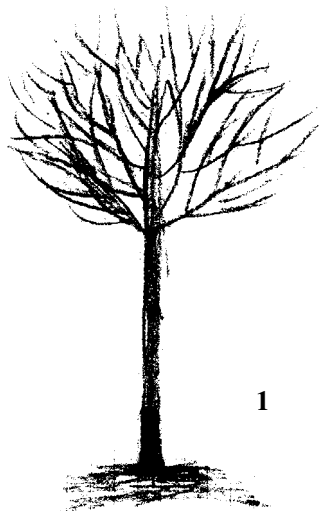
4

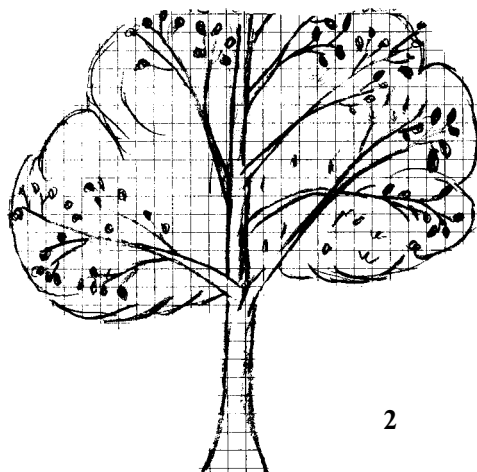
6

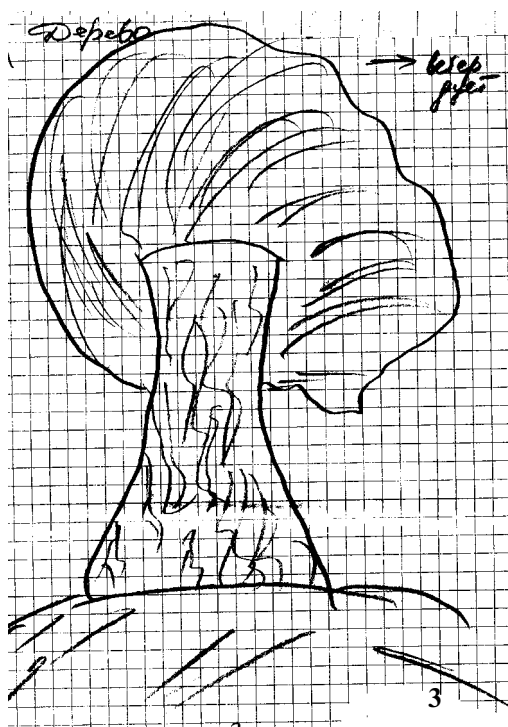
7

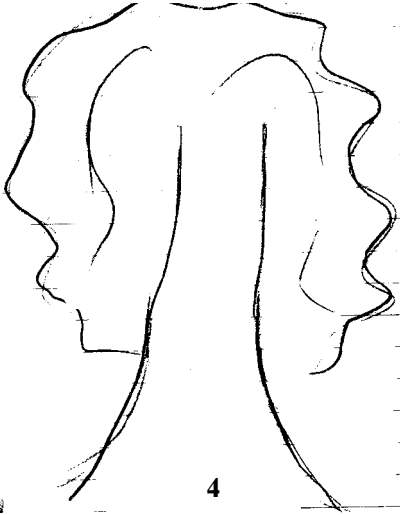
1

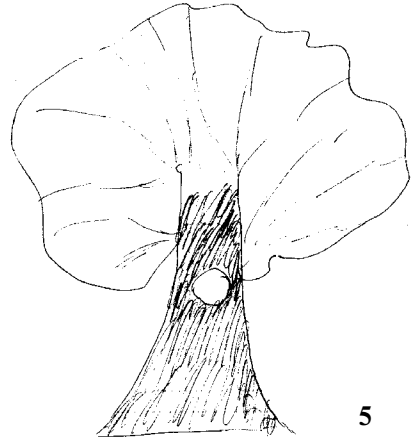
2

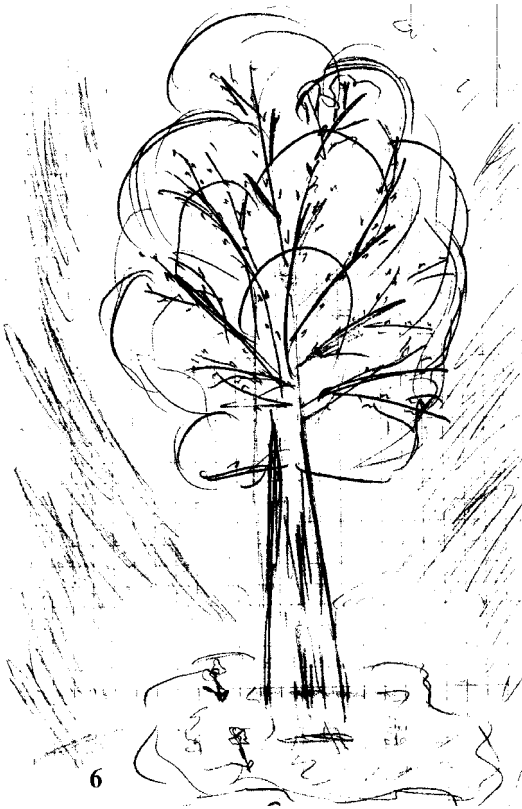
3

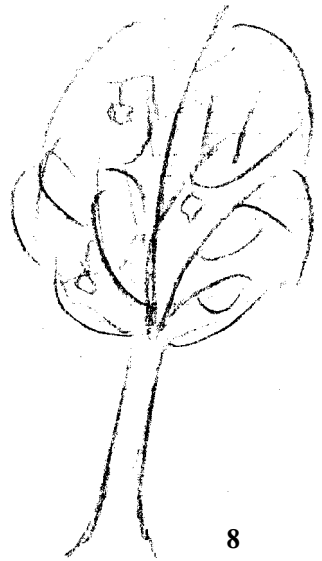
4

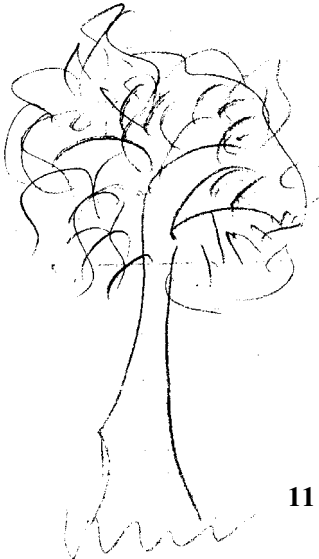
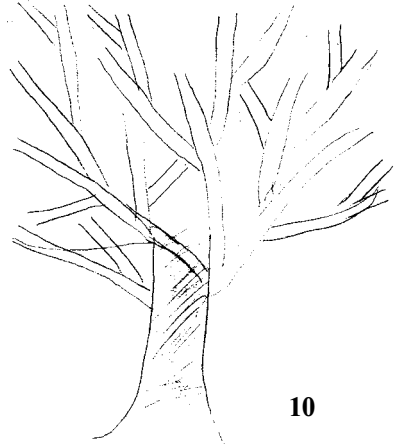
5

6

8

Содержание

Предисловие	3
Глава 1. Что такое психология	5
Глава 2. Почему психология может быть чьей-то	10
Глава 3. Что такое жизненные задачи и как их решают люди?	26
Глава 4. Как думают психологи	36
Глава 5. Тело как жизненная задача	74
Глава 6. Абстрактное мышление как жизненная задача	87
Глава 7. Принадлежность к группе как жизненная задача	102
Глава 8. Независимое существование как жизненная задача	123
Глава 9. Принятие решения о карьере как жизненная задача	142
Глава 10. Жизненная задача интериоризации морали	167
Глава 11. Человек — это... ..	190
Заключение	235
Приложение	239

Учебное издание

Абрамова Галина Сергеевна

Психология только для студентов

Компьютерная верстка Ю.В. Балабанов

Редактор Г.А. Хахаева

Корректор Л.Н. Гагулина

Лицензия ИД №01018 от 21 февраля 2000 г.

Издательство «ПЕР СЭ»

129366, Москва, ул. Ярославская, 13, к.120

тел/факс: (095) 282-74-03

e-mail: perse@psychol.ras.ru

Налоговая льгота — общероссийский классификатор
продукции ОК-005-093, том 2; 953000 — книги, брошюры

Подписано в печать 31.11.2000 Формат 60х90/16
Печать офсетная. Гарнитура Таймс. Бумага офсетная
Усл.печ.л. 17,0 Тираж Заказ №